

Марьяна Сурикова

СЕРДЦЕ СТУЖИ

Призовешь его, раскаешься, Жизнь спасешь, а жить захочешь ли? Стужа зимняя в глазах
плескается, Воем волки во снегу заходятся. Есть хозяин у земель заснеженных, Сердцем
ледяной богини прозванный, В белых волосах венец серебряный, По плечам снежинками плащ
стелется. И заноша платой за спасение В сердце попадет и там останется, А чужой лед
растопить сумеешь ли, И огня души двоим достанет ли?

Глава 1

О НЕПРАВИЛЬНЫХ ЖЕРТВАХ

Руки затекли, пальцы онемели, не двигались, а веревка не ослабла ни на полстолечко. Я и ужом извивалась, и узлы подцепить пыталась — все без толку. Держала меня веревка крепче некуда. Так даже братья ручищами своими не сжимали, а они крепко сдавить могли, синяки после неделю сходили. На совесть меня привязали.

В отчаянии запрокинула голову и посмотрела в синее-пресинее небо, изо рта вырвалось облачко пара и полетело высоко-высоко в прозрачную лазурь. А окрасится небосвод золотистыми предзакатными сумерками, и потянет из леса, что за спиной, стылым и жутким. Скользнет неслышно снежной поземкой, укроет ноги, устремится вверх по стволу, чтобы коснуться губ, вытянуть через них саму жизнь. Сколько тогда продержжусь? Против духа льда свой слабенький дар поставить смогу ли? Пожалуй, снежная сущность только порадует, будет ей тут пир и десерт заодно.

Вот же сглупила! Раньше следовало догадаться, что родня удумала. И в хмурых взглядах отца не углядела приговора себе, и в хмыканьях братьев не распознала. А все потому, что редко когда они ласково в мою сторону смотрели, а к чему привыкла, того почти не замечаешь. Стоило, стоило к жалобам охотников прислушаться, возможно, раньше бы угадала, какую мне долю уготовили.

Отец да братья лучшими звероловами в округе считались, никогда в силках дичь не переводилась, всегда нам мехов на продажу доставало и мяса к столу. Которое солили, вялили, а после в город отвозили. И птицы много было, словно и вправду держалось на моем роду благословение богини Стужи.

В Северных землях только от ее милости все и зависело. Кого невзлюбит, тому жить да бояться, как бы в заснеженном лесу не показался из-за деревьев беловолосый мужчина — любимец богини, над всеми нашими землями хозяин. Ближе всех он был ей по сердцу, и много лет уж так повелось. Его теперь тоже за божество почитали, хотя по легенде был он когда-то человеком. Только имя родное давно позабылось, а называли его Сердце Стужи, не иначе. Всегда шепотом и с оглядкой: не дай мать богиня, призовешь ненароком. Говорят, страшен он был лицом, а вместо сердца у него осколок льда. И только от его желания зависело, поможет он человеку или насмерть заморозит. Вот и боялись его пуще лютого зверя.

У нас же в последнее время такое приключилось: дичь в лесу точно перевелась, ловушки поутру все пустыми находили. А люди поговаривали, будто по ночам в чаще вой раздавался. Не иначе дух ледяной там поселился. Его сперва дарами умиловить пытались, чтобы зверей не пугал, но, верно, не по нраву пришлось ему каша наваристая да поросенок молочный. Не та сущность оказалась, которую обычными подношениями умаслить можно. Тут жертва побольше требовалась. И стал отец хмуро в мою сторону посматривать. Только и тогда я не догадалась, какая мысль его посетила. Ну не могла взять в толк, что дочь родную в лес потащит. Да только это я его отцом считала, а в семье меня иначе как подкидышем и не называли. Было дело, набрел молодой охотник в лесу на человека. Лежал тот без движения, а снег уже и тело замел наполовину. Осторожно подкрался охотник к сугробу, пригляделся, а оказалось, что то девушка, сознание потерявшая, в лесу замерзала. Одна-одинешенька, ни вещей при ней никаких, ни одежды теплой. Еле-еле дышала к тому времени.

Вот он ее домой и забрал, а дальше отогрел, приютил. Через годик у Найдены той ребенок родился. Охотник, конечно, жениться не думал, кто же на безродной женится. Девушка-то не помнила, откуда она, где дом родной и люди близкие. А у парня невеста была на примете, и поскольку благоволила ему Стужа, то обещал охотник в будущем очень состоятельным мужем сделаться. Только и Найдену он свою никуда не отпускал.

Слышала я однажды, что не раз и не два она пыталась от доли такой убежать и в лесу укрыться, но разве спрячешься, когда тому, кто ее держал, в округе каждый кустик, каждое дерево знакомо. Возвращал он ее, а еще думал, будто ребенок непокорную удержит. Не угадал. Сбежала — и от него, и от меня. Туда сбежала, где никто не отыщет, откуда никто не вернет — в светлые небесные чертоги. И жилось ей там, думаю, слаще, чем мне у родни неприветливой.

Стоит ли упоминать, что отец меня не очень жаловал. Редко я от него доброе слово слышала, все больше попреки и фразу любимую: «Благодарна будь, что в лес не гоню». И сыновья, от законной жены рожденные, когда подрастать начали, эту манеру быстро переняли. Вот тогда я наловчилась от них, норовивших ручищами за косу дернуть или синяков наставить,

ускользнуть и прятаться, чтобы не сыскали. Пригодилось бы мое умение и в этот раз, кабы сообразительней оказалась.

Из леса вдруг потянуло холодом, и я вздрогнула, но не от ледяного дыхания, больше от ужаса. Мороз пока не страшен был, хотя кто другой продрог бы до костей. Из одежды на мне только платье тонкое, золотистое на лямочках держалось. Так и сверкало в лучах заходящего солнца. Жертву ведь нужно красиво приодеть, показать духу — вот оно, твое подношение, прими и не гневайся на нас больше.

Мачеха когда в комнату завела, наряд, на кровати разложенный, показала, признаться, кольнуло в сердце, пробрало до нутра. Отец его когда-то из города привез не для меня, для дочки младшей на приданое, хотя той пока лишь девять зим минуло. Но красивое оно оказалось, глаз не отвести. Сперва золотое платье на тонких лямочках надевалось, все сверкающее, переливающееся, а поверх него пышное, из тонких кружев сплетенное. И довелось же мне такое чудо примерить в последний день жизни. Родня для монстра не поскупилась.

В общем, когда я в те кружева вцепилась, насилу оттащили, да только верхний невесомый наряд уже в лохмотья превратился. Решили тогда в нижнее платье нарядить, и его натягивали чуть ли не всем скопом — сопротивляться и изворачиваться я гораздо была.

Наверное, не вырасти подкидыш такой колючкой, и пожалеть бы могли, поплакали бы напоследок, а так привязали в тонюсеньком платье к дереву и побыстрее из леса убрались, на прощальные слова время не тратя. Отец только посмотрел и сказал: «Вся в мать, такая же неблагодарная. А ведь я ей жизнь спас. Вот и ты за родню не переломишься». Сплюнул в сердцах и ушел.

И снова дохнуло по коже морозом, даже тонким ледком плечи взялись, правда, мигом растаяло. Меня дар грел, тот самый, что от матери достался. Больше во всем нашем роду чародеев огня не было. Жаль только, очень слабо магия проявлялась. Люди сказывали, чародей далеко-далеко жили, в теплых краях, где настоящей северной зимы никогда не знали. Огонь их внутренний был столь силен, что не только духа ледяного на месте мог истребить, но и веревки, тело связавшие, вмиг бы пережег. А у меня выходило лишь стоять возле дерева и не мерзнуть. Да еще маму вспоминать, точнее, представлять: ведь не видела ее никогда. Когда сделала свой первый вздох, она в последний раз выдохнула. Зато именем успела наградить, больно редким для наших мест, а потому чужим. Весной нарекла, или Вессой, как все вокруг называли.

— Ш-ш-ш, — прошуршало по ногам, и я вздрогнула.

Пушистый белый снег пришел в движение, потянулся тонким ручейком, укрыл ступни в матерчатых туфлях. Веревка обледенела, воздух словно застыл. Мое дыхание раскалывалось теперь на крошечные сосульки, со звоном опадая вниз. Солнышко скрылось за деревьями и больше не грело и не берегло меня от страшного духа. Тот же мигом учуял в лесу живую душу и устремился к ней, желая поглотить поскорее. Я не видела его, но чувствовала, как там, позади меня установилась мертвая тишина, даже ветерок стих.

И хотя сила текла и текла по телу, а все же губы побелели от холода, кожа мурашками взялась, и озноб прокатился вдоль позвоночника. Я глаза закрыла, дар призывая, а когда согрелась и открыла вновь, то едва не заledenела от страха. Покачивался в сумрачном воздухе чуть прозрачный белесый силуэт. Космы спутанные, серые почти земли касались, фигура точно куль бесформенный, четко лишь лицо с глазами светящимися да широко раскрытым ртом обозначалось. С жадностью дух ко мне потянулся в поцелуе прильнуть.

Я отшатнулась, вдавилась всем телом в холодное дерево, и спина начала к стволу примерзать. Закричала бы, но воздуха не хватало для крика, и смысла не было в мольбе. Кого могла попросить о помощи, кому свой стон адресовала бы? Не находилось для меня спасителей в этом заснеженном лесу, в такой миг лишь богам об избавлении молиться, но и те вряд ли услышат.

— Сердце... — выдохнула я, а в следующий миг потекла по жилам ледяная вода вместо крови, грудь сковало холодом, а волосы, пушистой шапкой укрывавшие голову и плечи, покрылись корочкой льда. — Стужи...

Казалось, и разум затянуло беспросветной холодной мглой. А огонь внутренний тихонько угасал, все тепло сосредоточив вокруг сердца, которое пока билось.

Слова... Следовало произнести правильные слова, ведь если зов будет услышан, Он может

прийти. Говорили люди, не со всеми и не всегда бывал Он жесток.

Надежда, поборовшая давний детский страх, словно тонконогая лань, что в последнем отчаянном броске пытается ускользнуть от охотников, воскресила в памяти слова... Но в уме лишь одно прозвучало:

Стынь-травы, стынь-земля, Лес под ветром склонись, Сердце Стужи, на зов мой явись.

И оборвался призыв, запнулся, потерялся отчаянный в снежных просторах, а тело почти уснуло в ледяных объятиях. Холод. Холод кругом царил, и никогда прежде мне не было столь холодно.

Дух давно так не радовался вкусной жертве. И хотя почти уже насытился, но не хотелось отрываться от посиневших губ. Он бы, пожалуй, и не прервался, пока жертва еще дышала, но взвыл внутри инстинктивный страх. Задрожало бесформенное тело, и взметнулись под резко подувшим северным ветром спутанные космы. Резкий бросок духа в сторону оборвался истошным воем, когда из снежного мерцания, из прозрачного воздуха шагнул навстречу беловолосый мужчина. В расслабленной, опущенной к земле руке из льда в мгновение ока сплелся синий клинок. Он сиял и переливался холодным огнем, но страшнее блеска прозрачных глаз для духа не было ничего. Перепуганная сущность рванулась в другом направлении, но чужая сила не позволила сбежать. Крепко держал его на месте прозрачный воздух, не давал уйти от короткого замаха. Клинок, сверкнув, прошел наискосок, разрубил пополам полупрозрачное тело, и оно истаяло без следа.

— Вот еще одно порождение Стужи убил, — промолвил высокий гибкий человек с волосами цвета платины, скользнув на заснеженную поляну следом за первым мужчиной. За его спиной вприпрыжку шел мальчишка не старше двенадцати зим и сверкающими от любопытства глазами смотрел вокруг, широко раскрыв рот. — За что их так не любишь, Бренн?

— Бестолковые существа эти духи, — ответил ему тот, что был четвертый по счету. Мягко вышагнул он из мигмом успокоившегося снежного вихря. По росту равный первому, но с сизым оттенком густых прядей и синими-пресиними глазами. — Без разбору на всех кидаются.

Беловолосый человек тем временем подошел к дереву, к коре которого примерзла девичья фигурка в обледеневшем платье. Синий лед покрыл тело и волосы тонкой полупрозрачной коркой.

— Гляди, — добавил последний, откинув со лба сизую прядь, — никак духу жертву принесли?

— А ничего так жертва, — ответил второй, проведя широкой ладонью по платиновым кудрям, — жаль, спасти не успели.

Шедший первым мужчина приблизился к девушке вплотную и протянул ладонь. Коснулся застывшего лица, а лед вдруг со звоном осыпался с тела. Веревки, повинаясь легкому взмаху, опали на землю раздробленными сосульками, но та, кого привязали на потеху ледяному духу, даже не шелохнулась.

— Эх, опоздали. Человек против такой твари долго не продержится. Поздно позвала, — вздохнул сизоволосый.

— Жива, — наконец произнес тот, кто стоял сейчас возле дерева. Прозрачные глаза, похожие на чистый студеной родник, внимательно оглядывали точеные черты застывшего личика, а после быстро окинули взглядом всю тоненькую фигурку. — Не человек она. Чародейка.

— Да брось! — присвистнул второй, от изумления больно дернув себя за платиновую прядь. — Каким ветром огненную девчонку в наши земли занесло?

— То-то дух медлил, — вставил свое слово синеглазый, — оторваться не мог.

— Ох и вкусные эти чародейки, — толкнул его плечом платиновокудрых. — Поцелуешь такую, и вмиг весь лед в груди растает. Сила по жилам потечет, в крови заиграет.

— А тебе бы только о поцелуях думать! Жалко ведь девку. В лесу одну привязали духу на растерзание. Темный народ здесь обитает, все в старые предания верит, дедовскими методами проблемы решает. Нет бы самим вооружиться, выследить, а после огоньком прижечь. Спасти-то сумеем, Бренн?

Их предводитель склонил голову набок, отчего белые, мерцающие, точно снег на солнце, волосы коснулись плеча. А после он поднял ко рту ладонь и слегка подул.

Фигурку девушки окутало слабое сияние, отчего вся кожа ее покрылась тонким слоем белого инея. Мужчина отступил на шаг, а подле него вдруг сплелись из снега настоящие ледяные сани, такие длинные, что на них вполне мог лежать человек. Подойдя ближе к побелевшей фигурке, он легко поднял ее на руки и уложил поверх саней.

— Чего он ее заморозил-то? — спросил одного из взрослых мальчишка. — Она же и так не дышала.

— Не заморозил, дурень, — дернул его за ухо красавец с платиновыми кудрями. — Морозом укутал, точно одеялом. В этом коконе она отогреется, а к огненному жару пока нельзя. Сперва пусть кровь ток свой восстановит, к каждой клеточке пробьется, жизнь в теле снова зажжет. А иначе очнется и ни ногой ни рукой двинуть не сможет.

— Это ж больно, когда после мороза тело отходит.

— А то! — хмыкнул мужчина, наблюдая, как их предводитель взмахом руки заставляет снег вокруг саней скрутиться в тугую спираль. — Но лучше разок перетерпеть, чем всю жизнь мучиться. Коли она чародейка, огонь внутренний быстрее жизнь восстановит. Сейчас главное — укрыть.

Сани исчезли в снежном вихре, а беловолосый мужчина оглянулся на своих спутников и снова махнул рукой. Вокруг четверых взметнулся снежный буран, завертелся воронкой и осыпался снежинками, явив взору лишь заметенную поляну.

Мальчишка бочком протиснулся к заиндеветавшей лавке, посмотрел еще разок на настоящую чародейку, всю укрытую снежным коконом, и тихонько тронул пальцем белоснежную корочку. Она неожиданно хрустнула под рукой и вдруг мигом слетела с девичьего тела инеистой шелухой, а мальчишка перепугался и хотел уж удрать. У самой двери словили его за ухо крепкие пальцы.

— Куда подался? Трогать кто велел?

Ай, санами, я нечаянно, не буду больше!

— Конечно, не будешь. Сейчас ухо оторву в назидание, такую науку точно не позабудешь.

Мальчишка старательно зажмурился, представил себя без уха и сумел выдавить две крупные слезинки, отчего хватка наставника тут же ослабла, а после и вовсе исчезла.

Щелкнув любопытного и шмыгающего носом ученика по лбу, мужчина прошел к лавке и посмотрел на девушку. Склонился чуть ниже проверить, дышит ли, и удовлетворенно хмыкнул, пригладив ладонью упавшие на глаза платиновые кудри.

— Отогрелась. Скоро очнется.

— Санами, — любопытный воспитанник уже маячил за спиной, — а если Стужа разгневется? Наказание какое придумает?

— На что разгневется? Пусть он чародейку спас, но ведь на зов откликнулся. А с братцем у Стужи перемирие временное. Важно, чтобы она здесь не появилась, пока девчонка у нас.

— Так я не о том. Богиня страсть как не любит, когда ее созданий убивают. Не оттого ли на огненных злятся?

— А, ты о духе. Стужа их создала больше из вредности.

— Ой. — Мальчишка не удержался и испуганно прикрыл ладонью рот. Чтобы так о богине говорить! Такое себе только его наставник и позволял.

— Брату насолить хотела. Думаешь, она сама их бережет? Другим трогать не велит, потому что в эти клочки стужи жизнь вдохнула, но они ей толком послужить не могут. Приказов сложных не понимают, какой прок от таких? Бренну богиня слова не скажет, будь уверен. Ему все прощается.

— Вот бы и мне так!

— Так — это как? — Мужчина с улыбкой посмотрел на воодушевленного мальчишку. Хотя тому минуло лишь десять зим, но снежный дар уже всю проявлял себя, а кончики светлых волос тронуло серебром.

— Так ей служить, чтобы она меня из всех выделяла.

— Эх, глупый! — потрепал его по голове наставник. — Мы все ей служим, каждого из нас она милостью одаряет, но чтобы так, как Бренн, ей близким стать, тут, парень, одного дара мало. Сперва попробуй свое сердце на кусок льда обменять. Иной раз поколдуешь, и сразу все тело смерзается, мышцы колом встают, в груди холод давит, только сердца жар его и растопит. А как с постоянной болью мириться, если там осколок ледяной? Жить, когда в груди всегда колет мороз, из-за которого само дыхание сосульками обращается. Нет! Даже дар, по силе безграничный, того не стоит.

— А чародеи огня как же колдуют?

— У них иначе, у них жар все нутро опалает. Магия, она легко никому не дается, а чем больше сила, тем сложнее. За все свою цену платишь, потому проще человеком остаться и учиться даром правильно владеть.

— Вот стану я, как вы, санями... Ой! Вздохнула, кажется.

Тук-тук-тук...

Ходики так тикают? Звук больно странный, будто сломалось в них что.

Я разомкнула веки глянуть на стену, где висел деревянный домик с двумя медными стрелками, но нашла лишь толстые заиндевевшие бревна. Хотела протереть глаза, а руки оказались тяжелыми и такими неподъемными, что я не на шутку испугалась. Не иначе как связана!

Дернулась и чуть с лавки не кувыркнулась. Поймали у самого пола чьи-то руки и обратно уложили.

— Тише! Куда, пряткая, собралась?

На меня смотрели светло-серые глаза необычного мужчины. Странен он был тем, что на щеке серебрился морозный узор, а волосы, кудрявыми волнами падавшие на лоб, сияли точно браслет платиновый. Необычный, чуточку чужой облик, в котором хоть и проскальзывало человеческое, но словно подернулось оно снежной мерцающей пеленой. Однако явно он не был ледяным духом.

— Спросить хочешь, где оказалась?

Я кивнула.

— А если отвечу, что мне за это будет?

— Коней притормози! — Низкий рокочущий голос заставил первого мужчину поморщиться. Я хотела повернуть голову, рассмотреть, но не вышло. — Никак с чародейки награду спросить вздумал. Не ты спасал, не тебе и спрашивать.

— А вдруг сама бы пожелала наградить? Чего мешаешься, Севрен?

— Скажи, ты колдовать умеешь? — Передо мной вдруг возникла взлохмаченная мальчишечья голова. Большие детские глаза смотрели с любопытством. Пока те двое препирались, ребенок подобрался к самой лавке. — Можешь огнем в стену запустить?

Я снова зажмурилась. Видимо, не пришла еще в себя, видения мучают. Вдруг все разговоры разом стихли, и словно бы скрипнула дверь.

— Очнулась? — спросили, и от звучания этого голоса я всем телом вздрогнула. Взметнулся такой жар из самого сердца, что, подступивши к горлу, закружил голову. То не я, сила вдруг взбунтовалась. Я пока лишь слабость ощущала, зато дар взметнулся, как никогда прежде, всю грудь обжег, заставил со стоном выгнуться.

Мальчишка от меня мигом отшатнулся, и тот, второй мужчина резко назад отступил.

— Ишь как огонь лед чувствует, кабы избу не пожгла, — произнес рокочущий голос.

А мне все хуже и хуже делалось, и совладать неумоготу, жгло изнутри, грудь раздирало, точно когтями по нежной коже. Тут и оторопь сошла, тело мигом задвигалось, и, не помня себя, я с лавки соскочила.

— Отходи! — крикнул, кажется, тот, что с кудрявыми волосами.

Люди, кто в избе оказался — те двое да мальчишка, — мигом в углы вжались, а я к двери рванулась. На воздух, к холоду, туда, где остудить этот пожар смогу.

Но дорогу человек преграждал, стоял ровно на середине моего пути и не двигался. Я же в то состояние вошла, когда ничего толком не замечала. Метнулась к двери, желая оттолкнуть прочь с дороги, да расшиблась об него, точно волна о скалу разбивается. Руки чужие крепче веревок, у дерева державших, поперек спины обхватили. И мой рывок на пределе сил, против которого и братья не устояли бы, его даже с места не сдвинул. Отразились в морозных прозрачных глазах пламенеющие пушистые волосы и кожа, будто солнце, светящаяся. Я же, не понимая, что творю, взметнула выше ладони.

Марево огненное рванулось от пальцев и заколебало воздух между нами. Я не знала, но чувствовала, было оно жарче самого жаркого пламени. От такого даже металл оплавится, истечет восковыми каплями. Но столкнулось вдруг мое пламя с ледяным промозглым дуновением. Воздух, дрожавший жаркой волной, застыл и пошел морозными узорами, которые трескались и ломались. Так накатывают одна на другую две волны, сталкиваются с разбега: одна, что отходит от берега, и другая, которая приливает. Врезаются с гулом и обе рушатся, исходя бурной пеной. Вот и теперь обе силы будто сшиблись друг с дружкой, а кругом заволокло все белесым паром, укрыв пространство на расстоянии в несколько шагов.

За плечами мужчины взметнулся прозрачный плащ, сотканный из тысячи снежинок, и окутал мои руки и спину, обволок ледяным холодом, который я лишь по морозному облачку пара угадала, телом же не ощутила. Сила внутри плеснула один раз, другой. Она рвалась и рвалась наружу, как рвется с цепи преданный хозяйский пес, ощутив поблизости чужого. Она скрутилась внутри жаркой пламенной бурей и плеснула в последнем броске на застывший между нами прозрачной корочкой воздух, захрустела тающим инеем, растопила ледяную преграду. Но укрывший меня плащ сжался плотнее, и мощь, проявившая себя так щедро, вдруг перестала давить. Отпустило в груди, огонь поутих, и сделалось мне легко. Я воздуха жадно глотнула и дух смогла перевести. Только руки тряслись мелкой дрожью, вцепившись в плечи державшего меня человека.

— Погасил, неужто погасил? — позади пораженный возглас раздался. — Бренн, ты как это... С огненным выбросом сами чародеи не совладают.

— Вот это сила! Мне бы такую! — протянул восторженный мальчишечий голосок, а мужчина напротив меня усмехнулся. Одно только странно: усмешка глаз его не коснулась ни капельки. Как разлился в их глубине холод, так и не оттаял нисколечко.

Человек пальцы разжал, меня от хватки железной освобождая, и заметила я в тот момент красные длинные ожоги на его руках. Тянулись они от самых ладоней, а рубашка прожжена оказалась и оголяла белую кожу с красными отметинами. Затягивала пугающие раны тонкая инистая корочка, и стоило мне назад отступить, как увидела такие же свежие шрамы на широкой груди.

Я ли это сотворила?

— В другой раз задумаюсь, прежде чем чародейку спасать, — тряхнул головой человек, и цвет его волос показался мне необычнее всех виденных. Белоснежный, и в прядках искры сверкают, точно белый снег в лунном свете искрится. Но даже не поморщился мужчина при этом движении, не скривился от боли, словно вопреки муке собственного тела чуть ли не каждый день чужой огонь гасил.

Однако, услышав его слова про чародейку, я догадалась наконец оглядеться.

Изба незнакомая, по форме квадратная, из бревен сложенная, а у дальней стены на всю длину лавка. Одно окно, дверь и ничего больше, да и комната одна, по размеру не больно большая. Но удивительней избы, конечно, люди оказались: трое мужчин да мальчишка. Двое рослых плечистых вроде разнились друг от друга, однако и схожесть была. Не в движениях, не в

выражении глаз, больше в ощущениях. Роднило их что-то. Ведь бывает, людей, одним делом связанных, это дело крепче прочих уз объединяет. Мальчишка же и вовсе привычным казался, любопытный, как всякий ребенок, только волосы на концах тронуты серебром.

И кто же такие?

— А ты кого звала? — Тот, кто меня поймал, наблюдал, как я оглядываюсь, а потому на вопрос, который неожиданно вслух задала, мигом ответил. И если тех двоих я бы еще приняла за путников, которые в лесу на мое дерево случайно набрели, то этого назвать человеком язык не поворачивался. Не было в нем того, что людей отличает. Ведь у живого существа чувства в глазах, от него теплом веет, и все тело жизнью дышит, а здесь я человека не чуяла совсем, вот ни капельки.

Потому окинула пристально взглядом да заметила, как прежде красные раны обратились белесыми полосками, покрытыми мелкими кристалликами льда. Идет такая полоса по груди, извивается, а на ней изморозь иголочками топорщится, и так захотелось растопить. Снова сила взыграла. Кололи мне глаз эти иголочки острые, длинные, ощерились сотнями наверх, и пальцы зудели от желания смахнуть. Словно на себе их холод почувствовала. Даже ладошкой потянулась, а тот, кто не иначе как маг снежный, вдруг бросил:

— Не прикасайся.

И позади раздалось насмешливое:

— Думаешь, у тебя одной дар на ледяную силу реагирует?

Я не сразу поняла, да мужчина со снежными волосами пояснил:

— Ты лед ощущаешь, а я огонь чувствую. На твоём месте не рисковал бы. Свой дар я хорошо контролирую, но после выброса огненного мне и собственную силу усмирить нужно.

Поняла. Вот сразу осознала, что сказать хотел, и отступила. Помолчала, с мыслями собралась и на вопрос его ответила:

— Я Сердце Стужи звала.

— И? — изломил брови тот, кто мой огонь усмирил.

— И не похож ты на него.

— Отчего же? — Не он спросил, снова позади уточнили. Скорее даже удивились, да так, что не сдержалась и принялась объяснять:

— Сердце Стужи обликом настолько ужасен, что каждый, кто взглянет, от страха разум теряет. Еще, говорят, глаза у него чернее ночи, и бездонная бездна в них плещется.

— Это с чего у повелителя льда глаза черные? — уточнил кудрявый.

— От горя.

Те двое и мальчишка на лавку даже присели и с таким любопытством на меня уставились, что я продолжила. Повела рассказ, который не раз и не два сама слышала.

— Жил на свете человек один, была у него семья, дом крепкий, родители и друзья. В те времена люди вечно норовили друг с другом поссориться, а потому княжества отдельно стояли, и нередко нападали соседи друг на друга. Воинов тогда ценили на вес золота, а этот человек был истинным воином. Вот и звал его правитель княжества на службу, да так часто, что дома реже бывать доводилось, чем на поле ратном.

Замолчала дух перевести, а сизоволосый отметил:

— Как рассказывает, заслушаешься.

Ободренная такими словами, я дальше продолжила:

— Хорошо он бился, долго правителю верой и правдой служил, а когда домой возвращался, радовалось сердце, что подрастают смышленные и бойкие сыновья, а любимая жена ждет из похода. По вот однажды вернулся в свой край и нашел одно пепелище. Говорят, враги отыскиали и никого не пощадили.

Мальчишка на лавке громко вздохнул, вроде как всхлипнул.

— Ни правитель не уберег родных своего воина, ни за самим воином никого не послали. Еще и задержали в походе. А вернись он на день раньше, непременно успел бы дом отстоять и семью спасти. Вот, говорят, с тех пор почернели его глаза. Врагам он отомстил жестоко, но близких вернуть это не могло. Зато слава о деяниях воина дошла до самой богини Стужи, и она лично к нему явилась. Предложила себе послужить, обещала от вечной боли, которую никакой мстостью не заглушить, избавить и взамен человеческого сердца предложила кусок синего льда. Говорят, он согласился и действительно позабыл боль, как и все прочие чувства. Зато вернее его не было у Стужи воина, и стал он ей ближе и дороже всех прочих.

Закончила рассказ, и царила кругом какое-то время тишина. Я поглядела на тех, кто на лавке расположился. Они грустно смотрели, словно ждали продолжения, а история взяла да слишком быстро закончилась. После повернула голову к тому, кто позади меня стоял, и вот у него никаких эмоций на лице не обнаружила. Даже бровью не повел. Сложив на груди руки стоял, прислонившись к бревенчатой стене, а на губах едва заметная улыбка играла.

— Потому, значит, и не похож? — уточнил. — Глаза не черные оказались?

Я кивнула.

— А еще ты обликом не ужасен, видишь, дева разум от страха не потеряла, — со смехом заявил тот, что с платиновыми кудрями. — Бренн, ну что тебе стоит, прими разок боевую ипостась, не разочаровывай девушку.

— Я затем ее спасал, чтобы насмерть напугать?

— Привыкать все равно надо, — басовито добавил мужчина с сизыми волосами. — Если с нами останется, и не такое увидеть доведется.

Однако же странно это. Я одна в избе с незнакомцами, по виду которых сразу понятно: в бараний рог не то что меня, обоих братьев вмиг скрутят. А этот, кого Бренном называли, еще и настоящий снежный маг. Про них я тоже истории разные слышала. Немудрено даже, что именно такие вот маги ледяного духа уничтожить смогли, а меня в лесу отыскивали. Однако же я их не боялась, ну вон тех двоих точно. Возможно, все дело было в мальчишке, так безмятежно сидевшем между взрослыми и наравне с ними задававшим вопросы. Он даже не испугался к Бренну обратиться:

— А можно ее оставить? Так сказки хорошо рассказывает.

Истории я любые могла поведать, это правда. А какие не знала, те легко придумывались. Для сестренки младшей чего только не сочиняла. Вот и мальчишку проняло. Видимо, здесь некому было ребенку сказки рассказывать. Где они вообще живут? В чаще лесной, подальше от людей? У нас считали, что снежные маги в крепости селятся, куда хода простому человеку нет. Только обладающий особенным даром отыскать и увидеть сможет.

— Оставить? Чтобы сказки рассказывала? — И столько насмешки в словах прозвучало. Прозрачные глаза прищурились, окинули меня сверху донизу. — Жива осталась, и ладно. Пускай к своим возвращается.

И такой грустный вздох в ответ на его решение раздался, причем все вздохнули: мальчишка да те двое. Только их тоске до моей далеко было. Ведь как туда вернуться, откуда меня напрямую в лапы ледяного духа отдали?

— Не хочу назад идти, — не удержалась от протеста. Понимала, что за спасение поблагодарить нужно, а требовать чего-то права не имею, но не сдержалась.

Ледяной взгляд в ответ холодом окатил.

— А мне какая печаль, чего ты хочешь?

— Так если нет печали, зачем спасал?

Двое позади вдруг закашлялись, будто воздухом поперхнулись, мальчишка затаился тише мышки, и тишина повисла — ножом режь. В такой момент любому, не только мне, понятно бы стало, что с ответом я поспешила, явно не то сказала.

— Вернешься, — негромко произнес тот, у двери, — расскажешь, что сама с духом справилась. В другой раз не рискнут у дерева вязать. Ну а насчет «зачем спасал» сперва разузнать

следовало, чем тебе магический договор грозит, а после между мной и духом выбирала бы. Кто знает, взялась бы тогда звать.

Это как так? Между смертью и спасением выбирая, могла бы смерть принять? И о каком договоре речь?

Бренн вдруг кивнул в мою сторону и велел:

— Ловите, сейчас откат начнется. Как в себя придет, позовете. Верну обратно.

И хлопнула дверь, только метнулся в избу снаружи вихрь снежинок. Даже разглядеть, что за ней, не удалось.

А потом повело. Ох как повело! Закачались пол и стены, перепутались местами, бревна заскрипели, вжимаясь друг в друга, потолок вниз подался прямо мне на голову. Четыре руки и правда поймали, вновь на лавку потащили. И я в такое полубеспамятство впала, душное, тошнотворное, тяжелое. Голоса надо мной гудели, точно рой рассерженных пчел, и никак смолкнуть не хотели. Тянулись фразы одна за другой без остановки, цеплялись кончиками друг за дружку, одна в другую перетекала, и никак они мне покоя не давали. Вдобавок к скорби телесной еще и на сердце давили.

— Ведь и правда не знает, на что подписалась.

— Кто ж ее заставлял слова магические произносить?

— Кто, кто? Жить захочется, не только с Сердцем Стужи договор заключишь. Вот чего он с нее потребует?

— Что с девки потребовать можно?

— Ты по себе всех не меряй.

— А вы о чем?

— Малец, кыш во двор! Засиделся без дела.

Вновь скрипнула и хлопнула дверь, а голоса продолжили жужжать.

— Сдается мне, Сизар, она нас не узнала.

— Откуда им в глуши уметь снежных магов с ходу определять и меж собой различать? Они там до сих пор жертв к деревьям вяжут.

— Не верит, что Бренн действительно хозяин льда. Вот глупая!

— Чего сразу глупая?

— Сам посуди, если огненные чародеи с подобными первыми выбросами силы совладать не в состоянии, кто бы из снежных мог их погасить? А еще, подумай, она с ледяным духом не справилась, а здесь едва избу не сожгла. Огонь силу, все прочие силы намного превосходящую, ощутил, вот и рванул наружу. Такое если сопоставить, как можно усомниться, кого перед собой видишь?

— Ты ее сказку о Сердце Стужи слушал? Предания да легенды, где вымысла больше, чем правды. Не удивлюсь, что она простых вещей не знает. Огонь свой призывать не умеет. Ее бы оставить, обучить. Вдруг пригодится.

— Слышал его? Не оставит он чародейку. Хоть обучить бы и мог.

— Вот если бы она сама к нам пришла...

— Ты это брось! Коли ее надоумишь, сам знаешь, что за то будет.

— И не собирался. Но вдруг сама сообразит. Вот выйдет как-то ночью во двор, а там луна полная в небе висит прямо над горизонтом и над ней звезда светится. Тут чародейке в голову и придет: а почему бы по направлению той звезды в заснеженный лес не податься? И потом...

Голос вдруг перестал жужжать, оборвался коротким и гневным:

— Ох, доиграешься, Сизар!

— А что? Она в беспамятстве, слышать нас не может. Я же просто так рассуждаю. Вот если бы ей рассказал, иное дело.

— Стужа с тобой! Тот еще упрямец. Положил на девчонку глаз, а теперь ждешь, что она жизнь человеческую вот на это променяет.

— При нормальной-то жизни, как говоришь, человеческой, в жертву не приносят.

— Кабы и так. Чародейка она. Здесь чем крыть будешь? Ты снежный, она огненная.

— И чем плохо?

— Всем хорошо! То-то тебя в другой угол отнесло, когда в ней огонь проснулся.

— Сам будто рядом задержался.

— Я мальчика защищал. А не умея с пламенем сладить, не лез бы на рожон. Чародейку ему подавай, целовать ему их сладко. Слышишь хоть меня?

— А то! Орешь ведь громко, даже в ушах гудит.

— Толку с тобой говорить! Я ему про одно, а он с девчонки глаз не сводит. Ну и сиди, присматривай!

Снова хлопнула дверь, и наступила чудесная тишина.

Глава 2

ОБ ОДНОМ ВЫБОРЕ ИЗ ТРЕХ

В себя меня привела рука, наглая такая ручища, которая платье поглаживала. И ведь точно не замечательную сверкающую материю на ощупь пробовала, а скорее меня ощупывала. Глаза как-то мигом распахнулись, и я возмущенно на эту лапищу уставилась.

— Очнулась? — улыбнулся кудрявый, а пальцем знай ведет себе по рисунку на груди.

— Пробудилась, — пробурчала в ответ. Вот от такой наглости непомерной и пробудилась.

— Стало быть, расстанемся вот-вот? А я еще не налюбовался.

Улыбнулся широко и снова глаза на грудь скосил.

Бывают же такие счастливые наглецы, которых хоть хмурым взглядом одаривай, хоть прямо говори, а улыбка не померкнет, еще шире делается.

— Нечем там любоваться, платье как платье.

— А я и не на платье смотрю. — И головы не отворачивает, и смотрит, разве что не раздевает. — Не холодно тебе?

Да под таким взором, даже если холодно, мигом согреешься. А у меня еще и магия.

— Тепло, — снова пробурчала, повела плечами и уселась на лавке. — Где остальные?

— А кого тебе еще надо, когда я здесь?

Вот же!

— Того, кто меня обещал домой отнести. Если он не передумал.

— Как же, передумает, — искренне вздохнул блондин и даже улыбаться перестал. Посерьезнел вмиг и вдруг чуть ближе ко мне наклонился и совсем тихо сказал: — Ты только зеленую не бери, когда предложит.

— Что?

Вот совсем смысла не уловила. Правда, и пояснений дождаться не успела. Дверь бухнула о стену, и появился тот, с сизыми волосами. Пора бы и самой их имена узнать. А с другой стороны, коли не называются и обратно отсылают, на что их выпрашивать?

— О, очнулась, — заметил вновь прибывший и, обернувшись, закричал: — Бренн!

— Ну чего ты появился, Севрен? — поморщился тот, кто рядом со мной сидел. — Только очнулась, а ты уже призываешь. За дверью, что ли, дежурил?

— Знаю я тебя, Сизар. И пяти минут достанет голову вскружить, пускай лучше ступает, да сердце девичье после ни о чем не болит.

Необычные они здесь какие. Не спросят, от какой жизни меня к дереву привязали и в лесу оставили, ни об остальном. Вот звала, пришли. Спасли, значит, будь тому рада. С остальным не обещались. И не буду упрашивать. Еще не хватало себя здесь большей приживалкой чувствовать, чем в доме отца. Нет так нет. Даже отвернулась от них. И честно, не ощутила приближения, а потому вздрогнула, когда над головой прозвучало:

— Ну, идем.

Стоял передо мной тот великан со снежными волосами и ладонь протягивал. Высокий какой, особенно когда вот так нависает. Двое других, как оказалось, уже у двери топтались. Один с грустью поглядывал, другой вроде с состраданием, только этот третий равнодушно смотрел. Но о его глазах ледяных я уж рассказывала.

Протянула руку, что делать. Думала, на улицу выведет, ан нет. Взметнулась снежная поземка, потекла по ногам, добралась до плеч, дохнула в лицо и глаза запорошила. Когда проморгалась я, мигом узнала снежную поляну и дерево, у которого прошлый закат повстречала.

Удивительно, но теплилась теперь за высокими елями румяная заря, и солнце лениво вползало

на небосвод. Только-только пробудилось и не хотелось ему выбираться из пуховой постели, вот и взбиралось на небесную обледенелую гору неохотно.

Как бы ни ощущалась на душе тяжесть, а все же обязана я была отблагодарить. Вот глянула на дерево и сразу вспомнила весь ужас и беспомощность, даже дух ледяной едва не пригрезился.

Обняла себя, поежилась, вскинула голову и на провожатого прямо посмотрела.

— Спасибо.

Он плечами повел равнодушно.

— Мне благодарности не нужно. Ты, призвав, слова магические произнесла. А любой, кто Сердце Стужи зовет, за то отплатить должен.

— За помощь?

— Кому помочь, я сам выбираю. — Он усмехнулся. — Не каждый, как ты, в минуту смертельной опасности зовет. Разные призывы бывают.

Нехорошей мне усмешка показалась, опасной. Сразу понятно, что если на пустом месте магическую клятву произнести баловства ради, то после еще как за это поплатишься. А ведь у нас слова эти передавали в сказаниях да упреждали, что призывать Сердце Стужи не следует. Не зря, видать, повторяли, что какая бы нужда ни прижала, а звать хозяина льда не смей.

— Теперь выбирай.

И ладонь ко мне протянул. А на ней три снежинки. Красивые, точно хрустальные, ровненькие, сверкают на широкой ладони и не тают. Одна сиреневая, другая бирюзовая, а третья зеленая. Зеленая? Не о том ли кудрявый предупреждал? Сизаром, кажется, звали.

— Снежинку выбирать?

— Свою плату за спасение. Сиреневая — дар свой отдашь.

Меня даже в жар бросило.

— Как дар отдам?

— Так и отдашь, как другие отдавали. Расплатишься им и позабудешь все случившееся. Будешь себе спокойно дальше жить.

Опять вслух спросила? Но ведь от матери, кроме дара, ничего не осталось. А сколько он меня выручал, согревал! Родня не шибко заботилась, тепло ли ночью на лавке под рваным одеялом. Или в дырявых сапогах в снегу по колено утопать.

— Бирюзовая — отдашь самое дорогое, что больше всего любишь.

Самое дорогое? Кроме дара и нет ничего дорогого у меня.

— Мне посветишь то, чем сердце согревается, чему улыбаешься, что радость вызывает.

— Да не было в жизни радости!

— Не было? Никакой? — вроде как удивился. — И не любил никто, и не жалел?

К собаке дворовой и то лучше относились.

— И не заплакал никто, когда тебя в лес вели?

— Да кто бы...

Начала и запнулась. Губу закусила, пряча от него глаза. Перепугалась насмерть, а вдруг прочтает и сам возьмет не спросив. Вдруг захочется ему мою радость прибрать? Ведь я, на всех обиду затаив, почти позабыла, как сестренка сводная отцу в ноги бросалась, как висла на мохнатых штанах, кричала. Слезки на круглых детских щечках на морозе застывали. Ведь в комнате заперли, она из окна в одной рубашке выскочила. Сердце тот крик на части разрывал.

— Любят, выходит. — И даже как улыбка в голосе прозвучала, отчего я вновь решила глаза

поднять.

— Зеленая, — дал взглянуть на последнюю снежинку. — Лишь силу отдашь добровольно. Теплом поделишься, чародейка?

И голову набок склонил, и снова улыбка на губах и в глазах холод.

— Как поделюсь?

— Поцелуешь. Сама. Только если зеленую выберешь, позабыть ничего не сможешь. Поселится ледяная заноза в сердце, и покоя себе не найдешь. Выбирай.

— А если... если ничего не хочу выбирать?

— Ледяная сила сама плату возьмет.

И вроде спокойно ответил, но закружился вокруг вихрь, и пробрало холодом до костей. Огонь взметнулся внутри, растапливая, борясь с чужой силой, но гас, отступал под натиском. А в голове стучало: «Выбрала жизнь, выбирай теперь, как жить».

А как тут выбрать? Дар отдать или, может, любовью сестры с ним расплатиться? Вернусь домой, а она, как и остальные, отворачиваться начнет, не подбежит больше, не обнимет, на коленки не заберется. Ведь тогда хоть волком вой от тоски. У человека, которого совсем никто не любит, сердце рано или поздно изморозью возьмется, а после превратится он вот в такого исполина ледяного.

Потянулась к его ладони, пальцы замерли, не коснувшись.

— Зачем тебе тепло? Разве холод ощущать можешь?

Дух ледяной из меня почти всю жизнь с теплом вытянул, и хозяин льда той же монетой расплатиться требовал.

— Почти никогда, — слегка головой качнул, — а вот тепло человеческое взять могу.

Поднял свободную руку, и пальцы холодные по моему горлу пробежались, легонько так, но озноб охватил. Сдавило, закололо аккуратно там, где солнечное сплетение, и не вдохнуть полной грудью, не выдохнуть. Давит и давит до темноты в глазах. И вроде, когда не сопротивляешься, даже дыхание выровнять можно, но как же тягостно. Он не морозил, он просто давил, давил и колол... Убрал пальцы, и мигом тепло хлынуло, смыло душащий холод, согрело, дало вдохнуть.

— Почувствовала?

Еще как почувствовала. Мигом захотелось от ледяного этого поскорее подальше убраться.

— Что же, больше некому теплом поделиться? Никто целовать не рискует?

Засмеялся. И удивил меня этим больше некуда. Не ожидала, что такой, как он, про смех хотя бы слышал.

— Меня не рискуют, — ответил. — Мигом в лед обратятся.

Вот после этих слов я все же попятилась.

— Чего испугалась, чародейка? Или ты человек, чтобы от прикосновения моих губ заледенеть?

— И вовсе я тебя не боюсь.

А глаза отвела, потому что врала безбожно. Еще как боялась. И целовать его страшно было. Понятно, что тепло свое желанное он при любом моем выборе получал, но при таком-то куске льда вместо сердца надолго ему вряд ли хватало. Только очень жаль было дара, еще жальче сестру. Вот и стала себя подбадривать как могла. Невелика беда, что позабыть не смогу. Разве прежде ни с кем поцелуи на вкус не пробовала? Было ведь и не по принуждению вовсе. Вот и сравню, как хозяин льда поцеловать может. Такой глыбе ледяной меня уж точно удивить нечем. Зачем ему только добровольное согласие нужно? Дух, не спрашивая, тепло через губы вытягивал. Или в таком случае у тепла вкус иной? Или действует дольше? А может, насильно отнятое в груди не согреет, тяжесть не снимет?

Зажмуриться хотелось — страсть! Но я решилась, протянула руку и взяла зеленую снежинку. Сжала пальцы, а она растаяла, прочие же и вовсе исчезли.

— Как тебя целовать-то? — пробурчала ему, так спокойно наблюдавшему мой выбор. — На пенек забраться или...

Еще вопрос закончить не успела, а он подхватил меня за талию, поднял выше, и под ногами точно пенек из снега соткался ровно той высоты, чтобы мне не приходилось на носочки вставать и изо всех сил вверх тянуться.

Сердце в груди бухало от беспокойства, и я внутренне на себя прикрикнула. Вот же развела страхи! Поцеловать его быстренько и не встречаться никогда больше. В иной раз точно не позову.

— А ты много тепла заберешь?

И все же не могла с собой ничего поделаться, тянула время.

— Сколько отдашь.

— Могу совсем чуть-чуть?

Улыбка в ответ.

— Когда прервешь поцелуй, тогда и я закончу силу брать.

Еще и от меня все зависело. Уж больно выбор простой. Удивительно, как он его в один ряд с теми двумя поставил. Странно и немного подозрительно. Ведь в первом случае говорил, что позабуду, нормальной жизнью заживу, может, стоило... А впрочем, выбор я уже сделала. Довольно метаться.

Взять себя в руки и... точнее, лицо его в руки взять и чуточку приблизиться. И не так страшно. Истинная правда. Честное слово.

И все ж я зажмурилась, когда, обхватив ладонями его скулы, потянулась к губам. Главное, в холод прозрачных глаз не вглядываться, чтобы совсем не напугаться, а проще представить себе, будто кого иного целую. Нравился мне один парень по соседству.

Коснулась. Коснувшись, вдруг поняла, что вовсе не холодные его губы, не ледяные и даже не твердые. Мягкие, теплые. Они дрогнули под моими. Не сразу, чуть помедлив, но отозвались. Я, признаться, хотела быстро со всем покончить, ощутив, что тепло уходит, поцелуй разорвать, но замешкалась. Не поняла почему. Больно удивилась, видимо, ответу. Нахлынуло что-то, как будто чувства чужие, словно тоска по тому, чего не дано изведать и даже вспомнить. По теплу, не силой вырванному, а дарованному. По простому и настоящему.

Мне представлялось, его волосы должны и на ощупь точно снег быть, а оказалось, вовсе не хрустели они под пальцами, стелились в ладонях мягкими прядями. И постепенно подобно ветерку над ржаным полем, который один за другим клонит к земле солнечные колосья, рождая из них плавную волну, так в груди моей сперва коснулось ласковым теплом, поднялось к горлу, перекатилось по языку и выпито оказалось. Прошло горячим мазком по его губам, дотянулось до широкой груди, растапливая лед, снимая тяжесть. И ощутила я, как подался он ближе и руки крепче вокруг меня сжались.

А потом тот ветерок ласковый, который сперва лишь легонько касался, мощь набрал. Закружил, завертел, и снег вокруг нас свил в тугой вихрь, и смешалась сила: моя огненная, внезапно рванувшая вперед, точно в отчаянном броске, и его ледяная, не сдерживаемая крепкой рукой, неподвластная больше контролю. Схлестнулись они и вдруг сошлись в безумном поцелуе. Зажгли огонь ледяной. Разгорелся он, взметнулся высоко-высоко, выше вековых сосен. И нас обоих жег, оплавливал.

Холод может обжечь, как и пламя, в этом похожи они. А потому не отпрянули силы, сплелись воедино, еще крепче притянув друг к другу тела.

Это я должна была оттолкнуть. Мне следовало расплатиться за спасение. Нужно было только отдать толику тепла...

Я смеяться пыталась, сравнить думала с тем, что прежде поцелуями называла, а теперь вовсе понять не могла, целовал ли кто по-настоящему хоть когда-нибудь. Казалось, прежде ничего подобного не знала, раньше вовсе чувствовать не умела. Как разорвать, если не вспомнила даже, что должна это сделать?

Не покачнись я на своем пеньке, так бы и умерла от этого поцелуя. Но подвели ноги, ослабли.

Я бы и удержалась, конечно, за такие широкие плечи грех не удержаться, но стоило покачнуться, как хозяин льда мигом почувствовал и отклонился. Снег под ногами такой твердый и надежный вдруг рыхлым стал, и опустил меня Сердце Стужи на землю, вот так разом и опустил, только ладони мои горячие по его груди скользнули. И ведь не желала я силу призывать и не помышляла даже. Что говорить, если толком ей не владела, не знала, как умеет дар против воли выплескиваться. Но когда очутились ладони мои напротив холодного сердца, весь огонь к рукам прихлынул, одним мощным рывком точно ударил, как будто в отличие от меня ощущал, что вот сюда ему проникнуть нужно, разбить, расплавить средоточие чужой магии. Вспыхнули ладони ярко сине-красным пламенем, и Бренн покачнулся, на шаг отступил. А я на снег стекла, как вода талая. Вовсе сил не осталось. Я тепло отдала с поцелуем, а после весь огонь, что внутри был, от ответа Сердца Стужи взметнулся в душе, в тело напротив перетек.

— Чародейка, — негромко хозяин льда произнес. Негромко, но отчетливо так, точно изо всех сил сдерживался и цедил потому сквозь зубы. Словно я враг, и не было только что волшебства, и сосны кругом в ледяном огне не горели.

Думала, бросит в снег, чтобы наверняка замерзла. Но присел на корточки, голову мою поднял, заставил на себя посмотреть. И взгляделся пристально так: не знала уж, куда от его взгляда деваться. Не сразу сообразила, что глаза потемневшие не холодом, гневом пылают.

— Знаю, силу не контролируешь и сдерживать не умеешь. Не нарочно огнем ударила, а иначе бы этот миг твоим последним стал.

Откуда мне что-то уметь, если прежде так много огня в себе не замечала.

— Сила лишь рядом с тобой и просыпается, — сказала и отвернулась. Хотелось мне с головой в снег окунуться, потому как лицо теперь огнем горело, а руки и ноги, напротив, ледяными казались. Еще и тело стал холод жечь, жег и жег, пока не начала кожа все слабее его воспринимать. Зубы застучали, а потом вовсе тяжело говорить стало.

— Чт-то не уходишь? Расплатилась я с тоб-бой. Отпускай теп-перь.

Качнул головой, а после взял за плечи, поднял из снега и вдруг плащ свой снежный, прозрачный, который за спиной его стелился, на меня накинул. Закутал и на руки поднял.

Затаилась я тогда, а мысли в голове совсем смешались. Не могла понять, что сейчас и думать. По всем легендам, которые о Сердце Стужи слышала, была я не жилец на этом свете. Как пить дать должен был насмерть заморозить за удар огненный, которого не ждал, который иного точно на месте бы положил, ведь в сердце оказался нацелен. Но стало в плаще из снежинок тепло, а он не спешил морозить, даже на землю не опускал, шел куда-то, по-прежнему держа меня на руках. А потом голоса послышались. Сперва издали, после все ближе и ближе, и вдруг увидела я сани запряженные, а на них оба брата ехали, лошадь понукали и разговор вели. От удивления ахнуть хотелось, а удержаться смогла, потому что дошло, не видят они нас. Между санями и Сердцем Стужи тонкая перегородка взялась прозрачная, чистая, лишь по ледяным узорам отличимая от воздуха. Мы все видели по эту сторону, а по ту — нас не замечали.

— В лесу, что ли, закопаем?

— Отец велел похоронить как положено. Ежели просто прикопать, не по правилам, начнет дух ее по лесу метаться. Самим покоя не будет.

— Для чего нас отправил? Мог бы и сам поехать.

— Сказал, он ее мертвой видеть не хочет. И всю ночь глаз не сомкнул, я знаю. У окна сидел, слушал.

— А ночью дух в лесу больше не выл.

— То-то и оно. Принял, значит, жертву. Все же у Вески дар бесполезный был. Окажись она посильней, убила бы духа и выбралась. Зря мы, что ли, чародейку выбрали? А ты нож взял веревку пилить? Ее, поди, сейчас не разрежешь, обледенела вся.

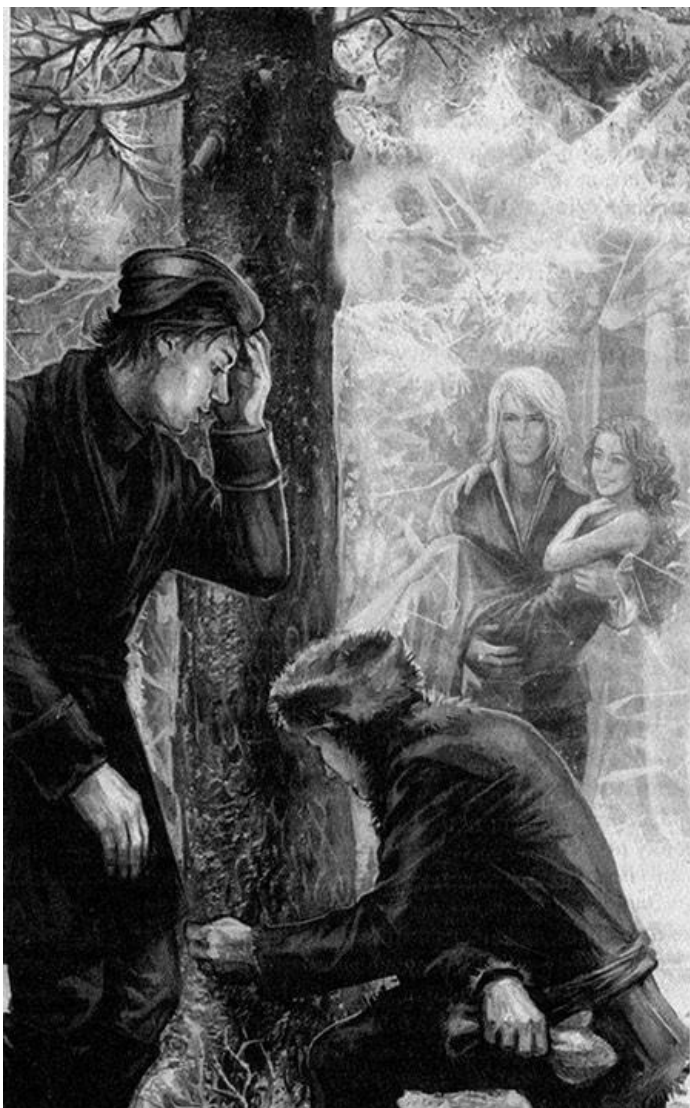
— Взять-то взял, вот только у дерева я никого не вижу.

Затормозили сани на полянке, а братья спрыгнули в снег и пошли аккуратно к тому месту, где меня прошлым днем вязали. Остановились, заозирались.

— Не унес же он ее в самом деле?

Я отогревшаяся, довольная смотрела на их вытянутые лица, на то, как принялись вокруг дерева бегать, потом снег надумали рыть. Смотрела и едва от смеха удерживалась.

— Повеселилась? — тихонько так на ухо шепнули, даже дернулась от неожиданности. Больно увлеклась зрелищем, чуть не забыла, с кем я за ними наблюдаю, отчего сама для людского глаза незаметной остаюсь. — Теперь пора.

Сказал и прошелся вдруг ветер между деревьями, снег заворошил, смахнул верхний слой, бросил ледяную колючую горсть братьям в глаза. Закружил вокруг них, замел. В тихом, спокойном прежде лесу внезапно метель поднялась.

— Ну, ступай.

Как? Уже?

— Или здесь решила остаться? — Холодная усмешка уголки губ изогнула и меня мигом отрезвила. Я же так расположилась удобно и расслабилась, что даже руки вокруг его шеи обвила. А это «здесь» могло означать то ли в лесу, то ли на руках у него.

Недаром меня дома колючкой прозвали, а еще репейницей. Если намек какой был на чувства, которые привыкла глубоко в душе прятать, я всегда колкостью отвечала. Вот и сейчас.

— Никто не просил на руки поднимать, — сказала, но с рук слезть попытку не сделала. Пусть сам опускает, еще не хватало в снег сверзиться. Я же только согрелась.

— А ты без тепла приезда братьев дождалась бы?

Тепла привычного я сейчас не ощущала. Обычно подумать стоило, как оно мигом отзывалось.

Теперь молчало, и было без него внутри пусто.

— Совсем чуть-чуть отдала, — поддел меня хозяин льда.

Сразу не нашлась, что на это ответить. В голове стало пусто, как и в груди. Поцелуй наш в этот миг вспомнился. Однако вскрикнул громко один из братьев: «Сани, сани где? Не видать ничего». И я отвлеклась. А после обнаружила себя уже на ногах, лишь вьюга тихо на ухо шепнула: «Прощай, чародейка. Дар береги, впустую не трать».

И улеглось. Как будто враз стих ветер, и там, где секунду назад заметало, успокоилось. Я же словно из самого вихря шагнула, очутилась как раз напротив братьев, едва они от налипших снежинок глаза продрали. И вот за всю жизнь ни разу не видала, чтобы они так бледнели и белее снега становились. Думаю, коленки точно дрогнули, а на ногах удержаться оба смогли лишь потому, что бывалыми охотниками были.

— Веска, — старшему достало сил хрипло прошептать, — ты ли это? Если дух, то, — он дрожащей рукой нож, приготовленный веревку пилить, поднял, — у меня здесь сталь, в огне заговоренная.

— П-прочь поди. — Младший трясся не меньше. Наверное, будь у него живой огонь, точно бы ткнул сперва, а после разобрался, живая — неживая.

Я промолчала. Не удержалась. Минут пять, но помучила, полюбовалась губами дрожащими, лицами белыми. Потом только сжалилась:

— Я это. Не признали?

Не сразу их отпустило, однако видя, что не спешу в неупокоенку обращаться и на них кидаться, решились вперед шагнуть. Старший рискнул волосы ощупать, все так же сжимая в руке нож, а младший чуток позади, за его плечом держался.

— Живая и правда! Ты как это... — и на дерево оглянулся.

— Огонь проснулся, — я туда же посмотрела, так как врать не любила, а пришлось, — духа испепелил. Сама не поняла, как вышло.

— Огонь! — Младший восторженно вздохнул. — Так ты у нас настоящая чародейка? А думали, дар бесполезный.

— Слышал? Ты слышал? Пробудился огонь! — Старшего вроде гордость взяла, будто не во мне, а в нем дар проснулся.

— Ты прыгай, прыгай в сани поскорей. Домой поедem! А то неладно в лесу, метель ни с того ни сего приключается.

А руки не подали. Смешно сказать, снова меня испугались. Никак подумалось им, что едва дотронутся, я мигom огонь призову. Пришлось самой на сани забираться. Влезла и сжала коленки ладонями.

— Верно говоришь, — младший кругом настороженно огляделся, — как бы Сердце Стужи в такую пору неподалеку не бродил. Приметит нас, живыми из леса не выпустит.

И только мне послышался в присмиревшем лесу далекий, почти неразличимый смех. Сама заозиралась по сторонам, но мужчины со снежными волосами не увидала.

— Веска, ты это, на. — Старший овечий полушубок протянул. Вот точно отец отдал, чтобы тело завернули. Раз велел по правилам обряд совершить, то и облачения путевого не пожалел.

Потянулась, приняла из его рук щедрый дар отца, хотела на плечи накинуть и тогда лишь поняла, что по-прежнему укрывал их снежный невидимый плащ. Морозный снаружи, но гревший меня все это время. Однако стоило к нему прикоснуться, как исчез, и тогда мигom холодно стало. Пришлось быстро в полушубок кутаться. Тепло внутри так и не почувствовала пока. Может, время ему требовалось восстановиться?

Братья тронули хлыстом лошадь и погнали сани в обратную сторону. Я же еще долго оглядывалась, но пустой оставалась поляна, и тихо было в снежном лесу.

Когда въехали в ворота и покатали по дороге между домов, на улицу высыпали почти все. Смотрели и глазам поверить не могли, шепотом передавали друг другу: «Весса! Живая!»

Братья приосанились, а я в полушубок молча куталась. Не улыбалась, не гордилась и еле сдерживалась, чтобы не отвернуться. А потом, когда уже к избе подъезжали, увидела, как из дома по соседству выскочил на улицу рослый черноволосый красавец. Меня приметил и сперва опешил, а после улыбнулся широко и громко радостно крикнул: «Весса! Живая!»

Прежде от той улыбки коленки подгибались, сердечко таяло, а сейчас... Я даже самой себе удивиться успела и еще разок прислушалась, но не сжалось сладко в груди. Сердце не дрогнуло, билось ровно, равнодушно.

Как же так? Не чувствую ничего? Да неужто? Назад оглядываясь, лес поодаль заснеженный видя, тоску осязала, а здесь и сейчас среди лиц, с детства знакомых, впервые глядящих на меня не с укоризной, а едва ли не с восторгом, лишь равнодушие испытывала. Взметнула испуганно руку к сердцу, словно могла так невидимую занозу в нем нащупать, а сани уже во двор вкатились. На крыльцо вышли мачеха да отец, она рот руками прикрывала, он сцепил ладони за спиной и смотрел, будто глазам поверить боялся. И снова не дрогнуло ничего. Всю жизнь-то я мечтала хоть разочек от него ласкового взгляда дожидаться или в голосе гордость за меня услышать, а сейчас, когда позади вся деревня стояла и шепталась о настоящей чародейке огненной, об избавительнице, я холодно скользнула взглядом по родным лицам и вновь самой себе поразились: да неужто не чувствую больше? Неужели и не смогу почувствовать? Что он за один поцелуй со мной сотворил?

— Веснуша!

Вздрагнула, обернулась.

Из окна, которое на огород выходило, высунулась наружу лохматая голова.

— Веснуша!

Перевалилось через подоконник и кубарем скатилось прямо в рыхлый снег растрепанное чудо. Наглоталась, закашлялась, а я, не помня себя, уже навстречу летела. Полушубок где-то в саях остался, сама в снег провалилась, но рвалась вперед, пока не вытащила из сугроба дрожащее маленькое существо, прижала крепко к себе. Позабыв, какой наказ о даре был дан, тепло, робко очнувшееся, еще не окрепшее, в тельце продрогшее послала. Грела ее в руках, а сердце в груди заходило от нежности.

— Ну что, княже, хмур и невесел? С таким лицом только заставы придорожные сугробами заметать. Если дальше так дело пойдет, все твои владения снегом занесет, люди не обрадуются.

— Довольно, Севрен! — Сизар тряхнул головой и вытянул из ножен на поясе ледяной клинок. — Разболтался ты, делом не хочешь заняться?

— А ты никак тоску в поединке излить надумал.

— Какую еще тоску?

— По огоньку, которого изведать не довелось.

Сизар упер клинок в пол и ладони на рукояти скрестил. Окинул друга тяжелым взглядом.

— И чем тебя эта девчонка приманила? Мало, что ли, княжества? Каждая вторая красавица по снежному владыке убивается, каждая третья в его постели побывала, а он хмурится.

— Говорю же, больно болтлив ты стал. Меч доставай. Разомнемся. Скоро, кроме как языком чесать, ни на что не годеи будешь. Тогда я, пожалуй, к своему твое княжество присоединю да посмотрю, на что способны девки в твоих владениях.

Громкий смех друга стал ему ответом.

— А что, Сизар, Бренн-то ответил?

Тряхнув платиновыми кудрями, мужчина досадливо поморщился.

— Нет. И не намекнул даже, какую плату с нее взял. Но нутром чувствую, Севрен, зеленую она приняла. А раз так, значит, он с нее ночь требовал.

— Ладно тебе. Зеленая — это сила, а ее не только телом отдают.

— Смеешься? Она же чародейка, а потому с нее такую плату запросто спросить можно.

— А тебе первому чародейку попробовать хотелось, вот и хмуришься?

— Хотел, чтобы она к нам по собственной воле пришла. А так ради него явится, заноза покоя не даст.

— Не стал бы Бренн девицу к подобному склонять, ты не хуже меня знаешь. Он силой ни одну не потащит, пусть ему Стужа выбор невеликий оставила.

— То-то и оно. Богиня, как могла, озаботилась. Больно ревнива. Только сама, кроме холода, что предложить может? Без женщины любой мужик волком взвоят, пусть сердце обледенело, тело тепла требует. Ласки женской ни сражения, ни долг не заменят.

— Ты если о Стуже подобного мнения, чего здесь промышляешь? В княжество редко наведываешься?

— Будто сам не знаешь. Пока сердце любовью иной не согреется, не оттает, не выйдет заноза из него. Пусть я богиню видеть не могу, но и позабыть тоже. Вдали от нее тоска накатывает и сил нет бороться. Здесь я ей служу, тем и успокаиваюсь. А эта чародейка и правда мне понравилась, если кто и мог исцелить, то она. Теперь же...

— Да не брал он девчонку, я больше чем уверен.

— У него дар, как у Стужи, и сила практически та же. Если пальцем коснулся, если хоть немного, но ответил, ее от него никакой ворожкой не отвадишь.

— Вот заладил. Так, погоди.

Севрен огляделся и приметил неподалеку спешащую куда-то молодую женщину со свертком в руках. Светлые волосы покрывал ярко-синий платок, а теплая шуба надежно укрывала от холода и нескромных глаз ладную и стройную фигурку.

— Северина!

Женщина затормозила, оглянулась и тут же поспешила в их сторону, после чего поклонилась и замерла, ожидая вопроса.

— У нас с другом спор вышел, а потому ответь-ка по чести. Отчего ты в снежной крепости остаешься, а в родной город возвращаться не спешишь?

— Знаешь ведь, князь, мою историю. Меня Сердце Стужи тогда от такой участи избавил...

— Знаем, знаем, лучше вот что скажи. Ты к магии снежной устойчива, тебя прикосновение хозяина льда не заморозит, он когда плату брал, о ночи просил?

Северина покраснела ярко-ярко и глаза опустила.

— Не просил, хотя я бы...

— Ты бы что?

— Не отказала.

— Вот видишь! — Севрен улыбнулся и слегка качнул головой в сторону смущенной женщины.

— Ну и что, — заупрямился Сизар, — она же не чародейка. И половины того огня нет.

— Ты ступай, Северина.

Женщина снова поклонилась и поспешила дальше, а снежные маги проводили ее взглядом.

— Бренн возьмет ровно столько, сколько сила потребует, Сизар. Чем больше помощь, тем плата выше. Он ей жизнь спас, выходит, должен самое дорогое взамен спросить. Если не спросит, сила без выбора возьмет, но он всегда людям выбор дает.

Глава 3

О СЕСТРИНСКОЙ ПРИВЯЗАННОСТИ

Как-то прежде не приходилось задумываться, насколько человеку в жизни покой дорог. Дар казался очень важным и нужным, о любви сестренки и говорить нечего. Искренняя и чистая, только она у меня и осталась, отношение всех прочих теперь вовсе беспокоить перестало. Не было мне больше горя, что не по сердцу я им, а их мнение, напротив, переменилось.

Вот только покой я дорогой монетой не мерила. Даже не думала, как хорошо каждый вечер спокойно на лавке голову преклонять, всю ночь сны мирные видеть, а утром легко подниматься. Не было мне горя, не сжимала тоска сердце, не пыталась всю душу вынуть. А сны... О снах и говорить невозможно.

И всегда они разные были, но яркие, словно наяву. И каждый раз я в них Сердце Стужи видела, только звала его иначе. Нежно и ласково Бренном величала. И молила его, и плакала, а порой даже кричала, а все потому, что коснуться не могла. Каждый раз ускользал. Во сне твердо знала, стоит дотронуться, и уйдет тоска, перестанет меня и днем и ночью мучить, а вот дотянуться не выходило.

В одну из ночей вот такое пригрезилось: шла по заснеженному лесу и холод ощущала. Было и одиноко и тягостно среди высоких под самое небо сосен. Так муторно на душе лишь в худшие моменты жизни становилось, когда наказывали без вины, когда за то корили, что отец мать в жены не взял, отворачивались и отталкивали, а душу, что к ним тянулась, в грязь втоптывали. И во сне точно такое же чувство. Ноет и ноет, сердце рвет, но куда-то упорно бреду, иду, утопая в снегу. Надсаживаясь, рвусь вперед, порой и по горло проваливаюсь, а попыток выйти из леса не оставляю. И когда там, во сне, точно вечность минула, когда уже и в мыслях одно лишь желание билось — не идти больше, здесь остаться, — мелькнула полянка среди ветвей. И к ней, точно к спасению, рванулась из последних сил. Как только не надорвалась?

Выползла, загребая горстями снег, упала на твердую землю, стараясь отдышаться, ощутила на лице горячие слезы, но тут же почувствовала, как сдувает их ласковый ветер. Иссохнув, проходится легким прохладным прикосновением по щеке, и тогда я вскинула глаза и увидела, что неподалеку стоит Он и улыбается. Такой родной, такой желанный, самый лучший, самый нужный на свете.

— Добралась? — спрашивает.

И улыбка, и голос — все как наяву.

И подскочила я тут же, позабыв про усталость, что к земле склонила. Побежала к нему, чтобы преодолеть всего несколько шагов, и вдруг развернулась поляна между нами непроходимым бесконечным полем. Вьюга начала кружить и стонать, и снова холод, снова тоска, но я знала, если только доберусь, если подхватит, прижмет к груди, то закончится эта мука.

Но никогда, ни единого раза не могла я дойти.

Сколько раз просыпалась в слезах, часто до восхода солнца, когда лишь темень во дворе, но снова уснуть не выходило. Поднималась с лавки, которую теперь из холодной и узкой комнатки без окна, что больше на чулан походила, к Снежинке моей перенесли, и принималась из угла в угол ходить. На цыпочках, стараясь, чтобы половица не скрипнула, сон детский не потревожила. А иногда и вовсе во двор выбиралась и там же, на крыльце сидя, кутаясь в отданный насовсем полушубок, встречала рассвет.

Мне казалось, я хорошо эту тоску скрываю, умело притворяюсь, что вот теперь, когда меня не иначе как чародейкой огненной величать стали, когда косые взгляды улыбками приветливыми сменились, а я будто и правда позабыла о прежнем отношении, точно никто не догадается о занозе, поселившейся в сердце. Но тот, кто искренне любит, без лишних догадок способен почувствовать. Ведь о спасении своем, о Сердце Стужи лишь одному человеку я поведала — сестренке. Точно знала, она никому и слова не скажет. А самой на сердце эту тайну таить, никому о Нем не рассказывать, совсем не под силу оказалось. Хоть иногда, хоть парой фраз, но нужно было снежного мага коснуться, иначе чувства будто с ума сходили.

Вот и в одну из ночей поднялась с лавки, принялась из угла в угол тихонько ходить, когда Снежа моя привстала вдруг с подушки, сонно потерла кулачками глаза и заметила меня, замершую в уголке. Луна яркая в окошко светила, оттого сестренка сразу углядела.

— Веснуша, а что ты не спишь? — Сама уселась, одеяло пушистое на плечи натянула.

— Пробудилась что-то, ты ложись, Снежа, ложись. Отдыхай. Если хочешь, сказку тебе расскажу.

— Про него Расскажи, — попросила сестренка, укладывая темноволосую голову на подушку.

— Про него... — Я губу закусил, но спорить не стала и вида не подала, как самой в этот миг хотелось хоть немного о Нем поговорить.

— Расскажи, какой он.

— А я ведь рассказывала. Точно ледяной великан.

— А еще его снег слушается.

— И снег, и ветер, и каждая льдинка.

— Весса, — сестренка вдруг снова привстала на локотке и обратилась ко мне, не назвав привычно ласковым прозвищем, — если он тебя спас, почему ты из-за него плачешь?

Сердце сжалось в груди от прямого вопроса, слишком взрослого для ребенка.

— Разве плачу, Снежинка?

— Я раньше думала — он плохой, не зря ведь никто по имени не зовет, и все его боятся. А он тебя спас.

— Он вовсе не плохой, просто не такой, как мы — люди. Силой великой обладает, а ведь с ней нужно управляться. Пожалуй, суждено меняться всем, кто подобной наделен, а иначе и быть не может.

Я вот собственной магией не овладела пока, кроме как согреваться, ничему не научилась. Не могла столько огня призывать, сколько в присутствии Бренна выходило. Сейчас по его совету копила силу. Ведь нынче отказа в одежде и иных просьбах не было, а потому не приходилось саму себя отогревать.

— Если он неплохой, можно мне его позвать?

Ох, как напугала сестра меня в тот миг.

— Что ты! Не смей! — выпалила, прежде чем подумать успела. Еще и сорвалась к ней, обняла крепко, к себе прижала, чтобы и правда ненароком не услышал, не пришел, не забрал. — Не нужно, слышишь, никогда не нужно его звать. Обещай мне!

— Я для тебя позвать хотела, — сестренка уткнулась в мое плечо, — чтобы ты больше не плакала.

Удивительно, как жизнь переменялась. Ко мне теперь не то что братья, мачеха ласковой сделалась. Все Вессочка да Весенка. Прежде указания раздавала, а теперь просила с улыбкой: «Не сможешь ли по хозяйству?» А один раз я их разговор с отцом услышала, и обсуждали не что иное, как женихов будущих.

— Теперь и к Вессе придут. Думали, младшую выдадим, а, не ровен час, старшую вперед сведут.

— Только если поторопятся. О младшей уже уговор существует еще с лета. Купец-то наш как раз к зиме прибыть обещался.

— Так скоро будут гости?

Меня тогда, помню, даже не то поразило, что теперь вдруг старшей величать вздумали. Ведь, как и прежде, оставалась непризнанной дочерью. Поздно было имя отца давать, раз при рождении перед богами от подкидыша отрекся. Оглушило, что Снежку мою сговорили. Это какой такой купец? Откуда взялся? Ведь не из наших, коли прибыть обещался. И с момента, как узнала, очень беспокойно на душе сделалось.

То, что девочек с ранних лет за жениха сговаривали, о большом почете свидетельствовало. Так

ценили отца и род, что дочку еще маленькой к себе забирали. Она в той семье росла и воспитывалась, к порядкам постепенно привыкала, ну а после, как достигала возраста брачного, так и играли свадьбу.

Замаячила на горизонте разлука, но не она сильнее беспокоила, а тревога, чтобы попался человек добрый и понимающий. Моя Снежинка только в надежной и заботливой руке не растает, но таким ли окажется ее будущий муж?

К тоске моей нескончаемой еще и это беспокойство привязалось. В итоге даже мачеха заметила: «Похудела ты больно, Весенка. Печаль какая тревожит? А может, на сердце кто поселился?» И улыбка понимающая на лице. Она ведь на днях видела, как я через забор с соседом нашим переговаривалась.

— Адриан недавно на дороге попался, спрашивал, отпущу ли на солнечные гулянья.

День Зимнего солнца у нас традиционно, начиная с полудня и до следующей зари, на очищенной от снега поляне проводился. После этого праздника день уже прирастал, а люди тепла ожидали. Бывало, на самой заре парни с девушками обеты друг другу давали, а после приходили будущие мужья в дом невесты предложение делать.

Прежде Адриан не раз меня красивой называл, он же и был тем, кто поцеловал впервые, только раньше на этот праздник ни разу не звал. И не сказать, чтобы словам мачехи я очень обрадовалась. Просто был недавно случай один.

Столкнулась я с Адрианом поутру, как раз после ночи бессонной и тоскливой. Парень в лес с отцом собирался, а я как раз оделась потеплее, чтобы на опушке хвороста набрать на растопку, тесто на хлеб завести, пока все еще спят. Вот и поехала с охотниками на сани.

Довезли меня до опушки, парень еще вызвался с хворостом помочь, пока отец его вперед направился ловушки проверить. Быстро домчал обратно до дома с крепко обвязанной охапкой. Хоть и торопился поскорее в лес вернуться, но прежде этого с саней меня снял, вязанку сам к крыльцу оттащил, а после склонился и глаза даже прикрыл. Поцелуя за помощь ждал, не иначе. Да и почему бы не ждать, коли случались уже поцелуи, и точно ведал, как сильно нравился мне в прежнюю пору. Это ведь я знала, что не он теперь по ночам снится. Но из протеста, из желания хоть силком, но вытащить проклятую занозу, поцеловала его.

Здесь мне ни пенька не требовалось, ни на носочки вставать, только голову запрокинуть и руками плечи, пусть не столь широкие, но сильные и крепкие обвить.

Поцеловались.

Он раскраснелся, разулыбался, когда отстранилась, шапку даже стянул, видимо, очень уж жарко стало. А я... Что я? Когда Сердцу Стужи тепло отдавала, думала Адриана представить и вообразить, будто не белоснежные волосы в ладонях сжимаю, а черные кудри пропускаю меж пальцами. Однако не вышло у меня в ту пору ни о ком другом помечтать, зато сейчас безо всякого желания иные губы представила. Потому, видимо, и воодушевился парень. Вот только, несмотря на обман, не вознесся вокруг меня огонь ледяной. Обман он обман и есть, другого проведешь, а про себя всегда правду знать будешь.

Адриан уехал счастливый, будто что ему пообещала, а теперь вон и к мачехе с вопросом подошел. Показать хотел, у него серьезно все. Только почему он прежде не показывал? Отчего не вышел тогда на крыльцо, когда меня на сани в лес увозили? Почему не он, другой, от духа защитил и почти насмерть замерзшую отогрел? Все по той же причине, по которой и отец мою мать замуж не взял.

До леса, до духа не было у меня семьи, за человека вовсе не считали, а за невесту тем более.

— Веснуша! — Непоседливая моя Снежка забралась на колени, смахнула с них ненароком рубашку, которую я только зашить приготовилась. — Ты слышала?

Схватила меня за волосы, в пушистые косы заплетенные, и склонила ниже голову, я только успела руку с острой иглой отвести, чтобы ее не кольнуть ненароком, а сестренка на ухо громко прошептала:

— Меня скоро от тебя увезут.

Я молча на нее во все глаза глядела. Продолжения ждала. Если мачеха рассказала, значит, и

правда со дня на день ожидают.

— Как думаешь, какой он? Похож на твоего Бренна?

Я шикнула на непоседу, хоть и произнесла она имя, от которого сердце вздрагивало, вполголоса.

— Если похож, я тогда даже плакать не буду, что уезжаю. А еще его попрошу тебя к нам забрать.

Ледяной дворец опустел. Просторные и светлые комнаты, наполненные кристальным морозным воздухом, светились сине-зелеными бликами прозрачного льда. Свет играл на ровных гранях гладких стен, преломлялся в роскошных люстрах и плясал на ледяной кладке каминов, никогда не знавших настоящего печного огня.

Высокий мужчина с волосами цвета красного золота миновал одну комнату за другой, оглядывая снежную роскошь и белые морозные украшения, узорчато вившиеся на всех окружающих предметах и превращавшие их в изумительно красивые, но неизменно холодные образцы тончайшего искусства.

Вот он прошел все комнаты, так и не встретив ни одной души, и достиг главного и самого роскошного зала с огромным ледяным троном в центре. Равнодушно окинув взглядом невероятной работы царское кресло, мужчина повернулся к ледяному кругу, на котором светились и играли алыми красками сотни кристаллов. Он подошел ближе, негромко пробормотав: «А их стало больше», — и после внимательно присмотрелся к одному, самому крупному, находившемуся точно в середине удивительной кристальной композиции.

Свет скользил по граням, разбивался на осколки и вновь собирался в центре, распадался, раскалывался, а затем опять сползался в общий алый сноп, бывший из сердцевины безусловно красивого, как и все во дворце, но будто собранного из разрозненных частей кристалла. Словно алая кровь капала и застывала, оплавляясь неправильной формой, после чего эту самую форму обточили с краев, придав вид строгий и красивый. Мужчина качнул головой и уже хотел отвернуться, как вдруг опять взгляделся в кристалл и слегка нахмурился.

— Ах ты, негодник! — шепнули за спиной, и, резко обернувшись, он успел ухватить за белоснежную прядь невысокую стройную девушку в ярко-голубом наряде.

— Стужа!

— Яр!

Она выдернула из его ладони тугую, перевитую голубыми лентами косу и уперла руки в бока.

— Я-то недоумеваю, куда подевались все ледяные сущности. А они от тебя попрятались. Просила ведь, не являйся вот так во дворец, что стоило предупредить?

Яр прищурил глаза и прямо взглянул на сестру, не обманываясь этой скромной внешностью беспечной девушки, наделенной пусть идеальной, но, без сомнения, холодной красотой.

— На сколько моих запросов ты не ответила?

— Я разве не ответила? — Девушка напротив задумчиво перекинула на грудь снежные искрящиеся волосы, ее тонкие брови изогнулись, и она улыбнулась обезоруживающе наивной улыбкой. — Не донесли, Яр! Ух, я им покажу! — Сжала изящную ладошку в кулачок и погрозила пространству.

— Духов своих от границы отзови, Стужа, иначе я церемониться не стану. Люди в панике дома бросают, чародеи мои все дела спешные оставлять вынуждены, чтобы с нашествием ледяных прихвостней справиться. А твои же снежные маги грозят за нарушение черты водоемы заморозить и питьевую воду в лед превратить. Или ты новой битвы хочешь? Заскучала во дворце, развлечений в снежном царстве не хватает?

— Что ты, Яр? Довольно у меня трудов и забот! Да так много, что сам видишь, не углядела. Ледяные мои ведь точно птенцы несмышленные, слетелись к границам, гнева Бренна боятся. Он их на дух не переносит, не позволяет пропитание добывать.

— Мне они в южной стороне и подавно не нужны! А с Бренном сама договорись.

— Не могу! Вот поверишь, наотрез отказывается гнев на милость сменить.

— За что же он твоих созданий ненавидит?

— Ох, да было дело, мелочь по сути. Ты ведь знаешь, я его главным над обучением снежных магов сделала, а он согласился. И такие славные воины выходят, тебе впору позавидовать.

Яр насмешливо изогнул бровь, но промолчал.

— Ну и был среди снежных мальчик один. Одаренный, но не такой уж и сильный, даже сложно понять, отчего Бренн к нему привязался и лично за обучением следил.

— Понять, говоришь, сложно? — Яр проницательно взглянул на сестру.

— Ах, ну ладно. Было у меня подозрение, будто мальчишка ему сыновей напоминал. Хотя, по мне, так мало сходства.

— И что же там случилось? — Несмотря на обманчиво-невинный вид сестры, Яр уже предполагал, что ничего хорошего.

— Досадная случайность! Отправила как-то Бренна одно важное дело выполнить, а в ту пору духи в крепость пробрались. Случайно так вышло. Просто оголодали совсем. Маги отбились, конечно, но вот несколько необученных пострадали, ну и мальчик тот.

Стужа виновато пожала плечами и даже опустила в пол светлые ясные очи, демонстрируя такую печаль и раскаяние, что любой другой поверил бы, но не Яр. Уж он-то слишком хорошо знал богиню, чтобы понять, не позволяла она своему любимцу слабостей, обрубала их на корню.

— Стало быть, — Яр вновь обернулся к алому кругу, решив, что все же почудилось ему и главный кристалл совершенно невредим, — Бренна не отпустишь?

— Бренна? — Голос Стужи зазвенел, а в ледяном дворце будто разом похолодало. — А с чего отпускать? Ему и со мной хорошо. Все для него: и сила, и власть, и все, чего ни попросит.

— Не просто так ведь одариваешь, вернее и лучше воина у тебя нет.

Яр рассматривал кристалл, понимая, не показалось. Шла в центре невидимая полоска, трещина, заметная лишь тому, кому сам свет служит. А свет, он от любых граней отразится способен, под любым углом озарить. Вот и высветил сейчас для Яра ту самую трещину. Впервые заметив, ошибочно решил огненный бог, будто надумала сестра наградить избранника за верную службу, отпустить из холодного плена. Ведь нельзя сразу жар в замершее сердце впускать, сперва лишь чуть-чуть приоткрыть следует, лишь с маленькой трещины начать, чтобы доходило тепло, отогревало медленно и постепенно, а после уж снять ледяные оковы. Но услышав протест Стужи, осознал Яр, что ошибся. Не намерена она отпускать.

— Завидуешь? — Богиня с улыбкой любовно погладила кристаллы. — Это лучшие мои воины, самые-самые, у тебя таких нет.

— Да, выбирать ты умеешь, а вот беречь их... Отпускаешь ведь порой в награду, что же Бренна так долго держишь? Не поняла еще, не ответит он тебе. Служить будет, слово не нарушит, но ничего больше не дождешься. Хоть любого уничтожь, к кому душа человеческая потянется, над душой ведь власти у тебя нет.

— Не отпущу! — Стужа яростно топнула ногой, и слетел вмиг образ наивной добродушной девочки, глаза яростным льдом сверкнули, волосы на плечи покрывалом снежным легли, а стены ледяные затрещали, задвигались. — Мой он, никому не отдам!

Хоть и ожидали мы гостей, а все же явились они слишком быстро. Еще до праздника. Собаки разлаялись, а братья побежали ворота отворять, и заехали во двор широкие расписные сани. Мы со Снежкой к одному окну прилипли, а мачеха к другому, смотрели во все глаза, жениха угадать пытались, поскольку не один пожаловал. Правда, разобраться мы смогли, когда уже стол накрыли и всех к нему пригласили.

Я пока все гостям подносила, присматривалась, прислушивалась и угадала наконец усатого крепкого мужика, старше меня зим на пятнадцать. Удивилась в тот миг? Нет, конечно, но

сердце кольнуло. Ведь среди приезжих были два парня помоложе. Очень я надеялась, что один из них жених. Понятное дело, муж опорой быть должен, а жену в дом богатый привезти все же лучше, чем в избу покосившуюся. В молодости много ли нажить успеешь? К зрелым летам в самый раз богатства скопить. Но все же надеялась я...

— Хороший муж, — мачеха, пока мы на кухню блюда грязные относили, все разговаривала, — надежный, зажиточный. Дочке хорошо за таким будет. Да еще привыкнет за несколько годков, привяжется, а он не допустит, конечно, чтобы к кому другому сердце привязалось. Станет для нее единственным и самым лучшим на свете.

И то ли себя, то ли меня убеждала, поди разберись.

А позже вечером Снежка перебралась ко мне на кровать, прижалась.

— Веснуша, недобрый он.

— Что ты говоришь, Снежинка?

— Я весь вечер за занавеской пряталась, смотрела. Ты мне как-то сказку рассказывала, помнишь, про двух женихов, которым на свадьбе испытание приготовили. Щеночка голодного под стол втолкнули, а когда стал еду выпрашивать, то один из женихов оттолкнул, а второй накормил. А мой вот жених нашу старую Кудряшу ногой пнул.

— Ты ее нарочно под стол заманила?

— Мяса кусочек положила, проверить хотела.

Вот когда я пожалела, что так много басен и сказок сестренке с детства сказывала. Сама думала, добрым и хорошим вещам учу, а не мыслила в то время, что ребенку в душу вкладываю. Мечты собственные о сильном, смелом, о таком, за чьей спиной всю жизнь в довольстве и счастье проживешь, кто никогда слова дурного не скажет, не обидит. Бедная Снежа моя всему поверила, еще и за руководство приняла, проверять мужа будущего надумала. А в жизни ведь совсем не так, как в сказке.

— А если он и меня обижать станет? — А глаза грустные и слезы в них. — Веснуша, я не стану его просить тебя к нам везти.

После этих слов заплакала и уснула лишь далеко за полночь. Так на моей лавке, крепко прижавшись ко мне, и заснула. А я до утра глаз сомкнуть не могла.

— Люди говорят, ты настоящая чародейка?

Я остановилась, прижавшись к стене, держа в руках вязанку хвороста, которую со двора несла печь растопить, и глядя во все глаза на крепкого усатого мужика. Он же с улыбкой меня разглядывал, а после ближе подошел, подцепил пальцами выбившийся из косы локон.

— А я и не знал, что у охотника Аларда еще одна дочка имеется. Хотя, говорят, не признана ты отцом. Правду ли молвят?

— Правду. — Я тряхнула головой, освободив из захвата медовую прядку. — Приблудилась со стороны да так и осталась.

— И про дар верно говорят?

Тут я отвечать не стала, просто кивнула.

— А я чародеев встречал, когда завело торговое дело в Южные земли. Повидать довелось, как их огонь слушается, ну точно ручной пес. А ты, слышал, ледяного духа таким вот огнем спалила. Не только себя, всех жителей деревни от напасти избавила.

Здесь я вовсе не стала кивать, молча стояла и смотрела на него.

— Порасспрашивал знающих людей, — он с ухмылкой пригладил усы, — убеждали, несладко тебе в семье живется. Да и что в этой деревне хорошего? То ли дело город! Там бы давно чародейку замуж позвали да со двора свели. Здесь же предрассудки одни.

Все еще молчу, жду продолжения. С чего-то завел он длинную речь, поджидал меня здесь,

вдали от посторонних глаз.

— К сестре ты крепко привязана? Не хочешь ли с нами поехать? Я тебя в дом возьму.

На каких правах в дом возьмет, мне интересно, коли Снежка еще не подросла?

— О страсти чародейской тоже правду молвят?

И шагнул ну совсем близко, хворост из рук вытянул и в сторону откинул, а меня вплотную к стене прижал. И это он о предрассудках вещал? О том, что в деревне вот такое отношение, а в городе лучше? Совсем за глупую держал? Будто на слова и обещания поведусь, радостно кинусь постель с ним делить? Однако не шелохнулась, не стала отталкивать и на помощь звать. Потому что не для Снежки такой жених, слишком сестренка моя для него чуткая и мудрая не по годам. Не сможет с ним жизнь провести, увянет раньше времени.

Себя я хорошо согреть могла, еще Снежу мою. А ну как теперь взять и это сердце черствое, холодное быстрее биться заставить? Вдохнуть тепла, поглядеть, что из этого выйдет. Доводилось слышать, будто чародеи и любовь навевать могли, но прежде за выдумку считала. Сейчас же решила, была не была, стоит попробовать, а результат после оценю.

Положила ладонь на грудь купца прямо напротив сердца и представила, будто саму себя согреть хочу. Этим умением за долгие годы неплохо овладела, потому и трудностей никаких не возникло. Перетекло тепло в сердце, обволокло себялюбивое и черствое, растопило. Не был ведь купец ледяным магом, чтобы от удара самого сильного лишь покачнуться и против огня устоять, а потому он не пошатнулся, наземь осел. После голову обхватил ладонями, я же наблюдала спокойно, что выйдет. Отстранение, словно со стороны, смотрела и ждала. Слышала, таким вот образом жар сердечный всколыхнуть можно было, а насколько его хватит, не знала, зато сестру спасти я могла успеть.

— Как Весну замуж? А Снежа что же?

Мачеха, отец, братья — все собрались в комнате и смотрели на купца, не веря, будто и правда того просит, о чем они слышали. Не младшую дочь в законные жены взять желает, а старшую, безродную и бесприданницу.

— На Весне женюсь, и точка! А не отдадите по-хорошему, в город с собой увезу, и там уже свадьбу сыграем.

Тут, конечно, на меня посмотрели, может, слов каких ждали, только что им скажу? Не отдавайте Снежку за состоятельного, за уважаемого. Не будет ей счастья за таким, не будет знать радости, живя в довольстве, в богатом доме. А может, и вовсе недолго проживет. Хоть когда они меня слушали? Начну про приставания говорить, так точно посчитают, будто сама на чужие сокровища позарилась, от сестры жениха увести надумала.

Снежка моя тоже тут, в уголке, жалась, но не на купца, вдруг страстью необоримой восплавленного, глядела, на меня. Не осуждала, нет, переживала она и все храбрилась вмешаться, что-то сказать. Однако гомон и изумленное неверие родных мешали ей слово произнести.

Тут до мачехи наконец дошло, что бесполезно с купцом разговоры вести, она с другого бока зайти надумала.

— Весса, ты разве согласна? Насчет тебя уговора не было, неволить не станем.

Тут и остальные сообразили замолчать и на меня уставились.

— Не пойдет за него Веснуша, он плохой, — получив шанс, выкрикнула Снежинка. Я только вздохнула, глядя на этого несмышленика. Наивная, не понимает еще, что люди порой из-за выгоды на многое готовы. Как я, например. Правда, не о своей пеклась, о ее.

Потупила глаза в пол, изобразила из себя деву скромную и робкую и тихонько ответила:

— Да разве я откажу?

Собственно, все. Дальше сами судите, как хотите. Согласна замуж пойти, а почему, это вам решать. Мужа ли захотела богатого, а может, жизнь иная поманила вдали от деревни этой — без разницы. После моих слов снова шум поднялся, только мачеха, чуть прищурясь, на меня

смотрела, но если и заподозрила в корысти, в дурном деянии, крыть было нечем.

Пир свадебный шумел, гости во хмельном угаре меры пенной браге не знали. Все поднимали и поднимали чарки за меня, за мужа, за семью новую. Детишек желали, дома богатого и надежного.

Я сидела спокойно рядом с крепким усатым мужиком, которого и про себя никак не могла назвать мужем. Купец да купец, нежеланный жених младшей сестренки.

Он улыбался, больше всех пил, но хмель его мало брал. Стойким купец оказался. А ближе к полуночи, ко времени, когда провожают молодых в опочивальню, начал нетерпеливо усы оглаживать, а другую ладонь на мое колено положил. Я ее жар сквозь платье богатое свадебное ощущала, не сбрасывала, терпела, давно приготовившись к тому, какой монетой за выбор придется расплатиться.

Вот подняли жениха из-за стола, мужчины его в свой круг поставили, принялись советами одаривать, а он лишь ухмылялся. По традиции это было, так-то понятно, и сам он отыскать сумеет, где у жены на брачной рубашке завязки, которые распустить надобно. Уж точно не впервой было деву брать. Мне же жены опытные иные советы давали: потерпеть и мужу позволить все самому сделать. А после мачеха ко мне в центр вышла и поднесла чашу брачную, серебряную. Мужчине такую подносили, чтобы в первую ночь сила не подвела, а невесте, если девкой была, в ней иной напиток смешивали. Ощущения и боль притупить.

Я выпила разом, не поморщившись, не обращая внимания на горечь. Пусть и было сердце ко всему равнодушно, а тело оставалось подвластно испугу, и больше, чем придется ему испытать, брать на себя не хотело.

Только выпила, голова кругом пошла, женщины под руки подхватили, повели меня в спальню, раздеться помогли и брачную белоснежную рубашку одели. На кровать уложили, поскольку у меня стены с потолком такой хоровод перед глазами устроили, а тело тяжестью налилось, что сама бы точно мимо ложа промахнулась. Задули свечи, оставив лишь одну на столе, и вышли за дверь, чтобы тут же запустить на смену целую ватагу мужчин, приведших в покои супруга. Того переодевать не стали, по спине и плечам похлопали, еще советов дали и вышли. Оставили нас вдвоем.

— Думал, не дождусь, — заявил мой теперь муж, — еле весь этот пир высидел.

Пальцы его ловко с пуговицами на кафтане праздничном расправлялись, у меня же перед глазами туман встал. Только распознала, что кровать под весом прогнулась.

— Весенка моя, иди ко мне. Так люблю, что жизни без тебя не представляю. Не бойся, уж я ласковым буду.

Глава 4

О РАЗНЫХ ДОРОГАХ

Утро принесло горечь во рту и непонимание, где нахожусь. Я не сразу и узнала комнату, что нам под брачные покои выделили. Пошевелилась, присела в кровати, глянула в окно и поморщилась. Голова после вчерашнего зелья гудела. Браги я почти не пила за столом, а вот напиток жен опытных такое дело со мной сотворил, что я свою брачную ночь едва вспомнить могла. В деталях не припоминалось, только в общих чертах и урывками, словно проваливалась в небытие. В теле шевельнулась неприятная тяжесть, и пришлось оглядеться по сторонам, поискать то, что обычно наутро в покоях оставляли.

Нашла, прямо с моей стороны на столе поднос со стаканом стоял. Ухватила его, жадно выпила, и прояснилось в голове, а тело будто послушнее стало и так уже не ломило. И хорошо. Если ночь проводить с тем, от кого ни сердце не дрогнет, ни душа не запоет, то лучше и правда меньше воспоминаний оставить. Я оглянулась на мужа своего. Будить или нет, чтобы оделся? Скоро ведь придут проверять, все ли свершилось как надобно?

А пускай себе спит. И только подумала, как по ту сторону двери шорохи раздались, голоса слышались, а после растворились створки, и вошли в покои мачеха, за ней отец, следом еще муж постарше со стороны купца и повитуха деревенская, которая, говорят, уж полдеревни на руки приняла.

Зашли и остановились, меня углядели возле стола и быстрым взглядом рубашку окинули.

— Добро. — Отец сказал, а повитуха мигом к кровати направилась и подняла прежде белый отрез ткани.

— Свершилось, как положено, женой теперь Весса стала, законной и признанной.

Стала. А малышка моя свободна будет, и подари, мать-богиня, ей свою милость, чтобы в ночь брачную от поцелуев любимого хмелела, а не от напитка особого.

Купец, прежде громко храпевший, как люди вошли, зашевелился. С бока на бок в постели заворочался. Мутные глаза раскрыл и следил, как постель проверяют. Мачеха мне накидку поднесла, укрыла ей до самых пят, а муж в кровати сел. Видимо, все же разобрал его хмель, казался купец осоловевшим и чем-то очень недовольным. Пока мачеха меня в накидку укутывала, он без посторонней помощи штаны полотняные натянул и встал во весь рост. Выпрямился и оглядел гостей грозным взглядом. Те поклонились, как положено, отец рот открыл поздравить со свершением брака, но сказать ничего не успел.

— Вы кого мне подсунули? — грозно и гневно прозвучало на всю комнату.

Я быстро взглянула на налившееся малиновым цветом лицо купца и поняла, после этой ночи погас наведенный жар в сердце, и вернулось все, что было, только еще хуже стало.

— Кого подсунули, я спрашиваю? Надурить задумали? Вот эту девку мне отдали? Самим не нужна безродная, так вы ее со двора спровадить решили, а меня вовсе за простофилю держите?

— Сам ведь просил, — отец сперва растерян, а после, все больше гневаясь, купцу отвечал, — говорил, в город увезешь, там без родительского благословения замуж возьмешь.

— А ты ей родитель? За дочь считаешь? Нет у нее родни! Безродная! Ничего у нее нет! Только тем и привлекла, что чародейка, но и здесь пустышкой оказалась. Не огонь, рыба примороженная. Хуже только с бревном в постели ночь коротать.

Я слушала молча. Губы не кусала, ладони не сжимала, стояла и смотрела на красного от гнева мужика и думала про сестру, про то, что все-таки уберегла солнышко снежное от жестокого и черствого человека. Такому все одно, что ни говори, а только со своими желаниями считаться будет.

Отец совсем разозлился, а спутник купца, который с ним приехал, того образумить пытался.

— Что ты, Медин, от девки хочешь? Вот научишь ее всему, будет тебе угодная жена. Первая ночь как-никак. Не ярись!

— Будет? — Купец вдруг рванул к краю кровати, возле которого мы с мачехой замерли, и

ухватил меня больно за руку, дернул вперед, а широкой лапищей затылок зафиксировал.

— Да ты посмотри, на что тут польститься? Ни рожи ни кожи. Не нужна мне такая жена! Я человек уважаемый, от богатства дом городской ломится, и что же, теперь эту моль тщедушную в него привести? Позора не оберешься! Обратно берите свою чародейку, даром не нужна.

Пока отец, побелевший от гнева, воздуха в грудь набирал, пока мачеха ахала, рот ладонью прикрывала, я руку вырвала и, размахнувшись, такую пощечину купцу залепила, что на мгновение точно белый свет для него красной пеленой заволокло. Ударила от души, со всей своей «тщедушной» силы, и отшатнуться успела от узловатых пальцев, целящих ухватить за горло. Уворачиваться я хорошо умела, споро убежать от тумачков и побоев тоже. Вот и сейчас поднырнула под крепкой, способной одним ударом дух вышибить рукой и к двери бросилась. Как была босиком, пролетела по всему дому до входной двери, на крыльцо выскочила и по ступенькам вниз, а сзади уже громыхало. Летел следом разъяренный купец, а за ним остальные, пытаюсь образумить, уговорить, не дать прибить меня на месте.

— Убью, убью, гадина! — Рев такой, что спешащие поутру куда-то соседи возле забора притормозили, а на соседнее крыльцо Адриан выскочил, расширившимися глазами смотрел, как я слетаю на снежную дорожку и бегу к калитке.

— Не уйдешь, тварь такая! — выкрикнул вслед купец, а дальше грохот и шум.

Обернувшись на бегу, увидела, что поскользнулся он на крыльце и кубарем скатился на снег. Скатился и затих. Я резко затормозила, почудилось, головой ударился, пока падал. Не глядя на колющий ступни снег, стояла и не шевелилась, ожидая, пока отец спустится, встанет возле купца на колени и наклонится, проверяя.

— Дух отошел, — вымолвил целую вечность спустя. — Под ноги же смотреть надо... — И замолчал.

Мачеха ладони к щекам прижала, а спутник купца осторожно по обледеневшим ступеням сошел (когда только такой корочкой гладкой взяться успели, ведь я, сбегаю, льда даже не заметила) и тоже присел возле тела. Глянул и вздохнул: «Вот же как глупо вышло».

— Люди все разговоры разговаривают, Алард, ведь теперь Весса у нас богатая вдова.

— Замужем побыть не успела, а уже вдова.

— То-то и оно, вот и болтают. Говорят, не зря ведь чародейка, а еще слышали, как муж ее кричал, какие бранные слова говорил, видели, что убегала. Теперь мыслят, будто неспроста упал.

— Так на крыльце скользко оказалось. При чем тут чародейка не чародейка? И похоронили по правилам, и справили все, что положено. Всей родне его весточки, опять же, выслали, никто ничего не замалчивал.

— Разговорам не важно, с чего начаться, главное, что так удачно и замуж вышла, и овдоветь успела. Того и гляди в сторону всего рода косо поглядывать начнут, еще и младшей достанется. Вечно у нас из-за Вески недоброе приключается. Я уж думала, с духом справилась, в деревне ее зауважали, как тут нате, опять новый случай! Не будет дому с ней удачи. Я тебе еще тогда говорила, когда ты подкидыша оставить надумал.

— Что мне ее, новорожденную, за порог в сугроб кинуть следовало?

— Зачем грех на душу брать? Да много ли добрых людей, которые и вырастить могли? Только ты уперся тогда, а теперь расхлебывай. Мать-то ее не больно на нормальную походила, вот у Вески это врожденное.

— Ты про Найдену уж довольно мне за жизнь наговорила, нет ее, успокойся теперь. А насчет Вессы подумаем, сгоряча не стоит рубить.

— Подумай, подумай! Только в этот раз хорошо подумай, не как девятнадцать лет назад, когда ребенка оставить решил.

Мачеха сердито загремела горшками, а после громко хлопнула дверь, никак отец вышел во двор. Еще какое-то время раздавался шум и стук, а после скрипнула крышка люка, видимо, за

соленьями к обеду хозяйка отправилась. Я тогда и вышла из-за занавески и сразу в комнату, что со Снежкой делила, побежала.

Там у меня между стеной и кроватью хранилась тряпица, а в нее завернуты бумаги. Мы с купцом их перед свадьбой подписали. Он тогда щедрый был, вместо меня приданое внес, на мое имя содержание положил. Еще дом отписал по уговору. Не тот особняк, что в городе, в котором все его торговые дела свершались, а иной, небольшой домик за городской чертой. Мне бы очень хотелось сейчас туда уехать, но пришло в голову другое решение. А потому собрала все и отправилась к старичку, который наши с купцом бумаги оформлял. Он на деревню один такой был, в законах разбирался, печати имел, нужной силой обладавшие. К нему вся округа ходила. Прежде в городе жил, а после на покой сюда перебрался, потому что там и молодых дельцов хватало, а в деревне пусть нет того дохода, но всегда дело прокормит.

Хорошо, что застала на месте, хоть и редко он куда выходил, но, считай, повезло. Ведь хотела все поскорее свершить.

Посмотрел он на мои бумаги, послушал, что придумала, и кивнул.

— Можно. Только точно решила? Не лучше ли на вас с сестрой сумму разделить?

— Я хочу между ней и опекунами поровну поделить. Ведь мачеха и отец пока за нее все решают, вот пускай им регулярно половина идет, а вторая для Снежи копится. Но условие обязательное, если вздумают замуж отдать против воли, то всех денег лишатся. А дом на ее имя пусть остается, чтобы при случае было куда уйти.

— Ну а сама-то как?

— С даром не пропаду.

— До южных границ далече, одна не доберешься. И слышал я, строго у чародеев все. На происхождение шибко смотрят.

Не знала я этих подробностей, однако и без предупреждения понимала, не добраться одной. Да и чужие земли, порядки, еще и тоска не делась никуда, точила и точила изнутри. Уйду далеко, наверное, вовсе съест. Мне бы к нему поближе, хотя бы знать, что не разделяют пространства бескрайние и черта, которая многие годы назад была между Северными и Южными землями проведена. В город подамся, работу поищу, а старичку ни к чему подробности знать.

Заснула моя Снежинка. Я ей сегодня самую красивую сказку из всех рассказала, чтобы осталась память о сестре. А на кухонном столе записку оставила, уж мачеха ее отыщет и быстро выгоду сообразит. Сама же решила ночью уходить не оттого, что объяснений не хотела или боялась, будто остановить вздумают, просто сестренка бы плакала, просила остаться. Кому-кому, а вот ей могло и повезти меня уговорить, потому тайком уйду, и дело с концом. Не будет больше семье от подкидыша несчастий, не стану на дом собственную тень наводить. Если же доведется вернуться, то только не с повинной головой.

Тихо-тихо было и в избе, и во дворе. Снег под луной серебрился, и таким покоем веяло, что захотелось присесть на ступеньку, посидеть, вдохнуть морозный воздух, а после развернуться и вновь в теплую избу войти. Лечь на лавку, а поутру быть разбуженной непоседливой Снежкой. Так ли я стремилась убежать?

Желание не оставаться пересилило, иначе точно задержалась бы.

Запахнула полушубок плотнее, взглянула на месяц, косо висевший над снежной горой, и прикинула, как лучше до города добираться. Через лес оно короче, но и страшно. Звери ведь водятся, и не все белки, волков тоже хватает. Правда, была охотниками тропа проторена, и вот подальше от нее хищники держались. Значит, пройти-то, вероятно, можно. В обход дольше будет.

Прищурилась, раздумывая, и обнаружила, что глаз от далекой и яркой звезды отвести не могу. Ее Северной у нас называли и говорили, будто светит она ровно над ледяными чертогами Стужи. Нередко охотники ее за ориентир держали, когда далеко от дома уходили, только для меня дорога была в иной стороне, как раз в противоположной. А я все стояла и думала, а зачем мне в тот город, почему бы по направлению этой звезды не податься? Вон светит как ярко, манит, подмигивает, точно и вправду верную дорогу указывает. Так и ступила с крыльца, один шаг сделала и второй...

Огляделась кругом, сосны вековые возносятся в самое небо, снежно и холодно в лесу, хоть я и не замерзла пока, ведь шла все это время. Теперь остановилась дух перевести и понять не могла, почему я посереде чащи, а не на дороге, в город ведущей. Развернуться бы.

Только подумала о другой стороне, как сердце сдавило. Рукой ухватила за грудь, утешить пытаюсь, но не слушалось оно уговоров. Не желало туда, где город, поворачивать. Звезда его тянула, влекла необоримо. Только сейчас на ум пришло, что кабы не сестренка, не любовь моя к Снежинке, давно бы не выдержала, вот так побежала ночью туда, куда всей душой тянулась, куда заноза проклятая влекла.

— Пропади ты пропадом! — прошептала, вытирая колючей рукавицей слезы. — Знала бы, какая это мука, лучше бы у того дерева осталась. Не пойду к тебе, ни за что не пойду.

А перед глазами купец привороженный и понимание, что дар мой не только для тепла годится. И если не знать, как владеть, то проклятием взаправду стать может. Ради Снежки нелегкий выбор сделала и повторила бы, коли пришлось, но сила эта непонятная теперь и саму меня пугала. Слухи слухами, а сработала она и жар в сердце сумела зажечь. Научил бы кто, помог. Ведь Он может.

И откуда такое знание в душе, откуда уверенность? Почему среди всех звезд на свет одной лишь пошла? Никак не могла объяснить, только чувствовала.

— Красавец! До чего же хорош! Ну, подари хотя бы этого, Бренн. У тебя снежных волков в услужении столько, сколько не у каждого конника лошадей в конюшнях.

— Подарить? — Сидевший на спине мощного зверя мужчина усмехнулся и мягко спрыгнул на землю. Ростом волк был по грудь взрослому человеку и скалился просто жутко, но мигом склонил голову, когда Бренн потянулся потрепать его между ушами. — Разве они вещи, чтобы я их дарил? Сперва укроти.

— И рад бы, но они, кроме тебя, никому не даются!

Раздосадованный Сизар наблюдал, как его войд проводит широкой ладонью по искрящейся серебристой шкуре, густой и пушистой. Очень уж хотел князь заполучить себе вместо коня такого зверя, а Бренн заладил: «Приручи». Как их подчинить, если сама Стужа с опаской поглядывала на любимцев своего фаворита. Говорила, будто они намного хуже ледяных духов, дикие, и не предсказать, что у зверей на уме. Так и норовят то новое платье когтями порвать, то в роскошный богатый плащ зубами вцепиться.

— Вот не зря тебе чародеи прозвище дали, когда ты в последний раз к ним на своем Эрхане выехал, — произнес Сизар.

— Что за прозвище? — Севрен подошел ближе, держа снежное копьё наперевес под мышкой. Оно было учебное и потому не слишком длинное, в самый раз для мальчишек, маленьких магов. — Как еще одарили?

— Снежным волком прозвали.

— А подходит. Слышишь, Бренн, у вас по цвету даже шкура схожа.

— Шкура? — Войд рассмеялся. — Вас послушать, так у меня скоро вместо рук лапы вырастут с когтями.

— Если и дальше будешь на девок равнодушно смотреть, вконец оволчишься, — поддел его Сизар.

— А ты мне на что? — вернул насмешку Бренн. — За двоих справляешься.

— А где и за троих, — со смехом вторил ему Севрен.

— Справляться-то дело нехитрое, хуже, когда девка весь разум выедает. Мне вон Северина уже прохода не дает. И если бы по мою душу, так из-за тебя она мучается, Бренн. К магии устойчива, в крепости прижилась, что тебе стоит ее поближе держать? Девка не против.

Войд сложил на груди руки, окинул нахально улыбающегося князя насмешливым взглядом и ответил:

— Не против, говоришь?

— А то! Будто сам не знаешь, из-за тебя в крепости остается.

— Смотрю, советчик из тебя больно хороший, а свечку в другой раз не поддержишь?

Севрен покатился от хохота, а Сизар еще шире ухмыльнулся.

— Я и там не удержусь, советы начну давать, а оно тебе надо?

— Надо мне, чтобы нос везде не совал, больше времени воспитаннику своему уделял, не все на девок тратил.

— Неужто не справляюсь? Малец уже научился вихри закручивать.

— Вихри твои только Стуже на потеху, а вот севереновский крепыш твоего пару дней назад на обе лопатки уложил. Ты в ту пору как раз отлучился, красу одну заплутавшую отправился из зачарованного леса выводить.

Князь неожиданно смутился и опустил голову, а Бренн хлопнул по боку снежного волка, отпуская. Тот мигом взрыл мощными лапами снег и умчался в лес.

— Эх! — досадливо молвил расстроенный Сизар. — Ловкости, стало быть, не хватает. Прослежу, войд. Он у меня снежную науку крепко освоит, после будет от зубов отскакивать, и схватке поучим.

— Поучи, но без бахвальства. А то больно он твою манеру перенимает.

— Исправлюсь. — Сизар с покаянным видом пригладил растрепавшиеся кудри и повторил: — Прослежу, войд.

Бренн посмотрел на князя, который и правда расстроился из-за воспитанника, хотел добавить, что за собой бы еще последил, но неслышный иным вой снежных волков в самой чаще отвлек его внимание.

Повернув голову к лесу, мужчина всмотрелся в мерцание лунного снега, серебристого и волшебного, который подобно утолщенному стеклу играл изменчивым расстоянием, приближая, удаляя его по воле хозяина.

А в следующий миг Сизара морозным дуновением до костей пробрало. Только и успел ладони выставить, от льдистого гнева закрываясь.

— Ты приманил? — хоть и спокойно, но очень уж жутко прозвучал вопрос предводителя.

— Кого приманил? — В первый миг князь растерялся.

— Дурень ты, Сизар! Огню путь в ледяную крепость указал? — От особой интонации в словах войда стало князю совсем не по себе. Еще и стыд в душе заворочался.

— Так я ничего не говорил... — А столкнувшись с прямым проницательным взглядом, добавил: — Напрямик. Разве только услышала ненароком.

— Волки ее почуяли, — разволновался Севрен, — не будет вреда?

— Без моего слова не тронут, — негромко ответил Бренн, — и на глаза не покажутся. Увести попробуют.

— Как увести? Путь неблизкий выдержала, неужто... — Сизар проглотил оставшиеся слова и принялся внимательно разглядывать снег под ногами.

— А ты здесь стоять будешь. Если на уловки не поддастся и мимо не пройдет, встретишь.

Снежный вихрь опал на лицо холодными снежинками, Севрен и Бренн исчезли, а Сизар попробовал было двинуться к чаще поближе, но ноги словно к земле приросли.

— Вот же бездна огня! Приморозил! Да и ладно. Тут так тут встречать, не замерзну. А вообще, я и не думал помогать и путь указывать. Так ведь не засчитается.

Лес темный, холодный, неприветливый. Свет месяца сквозь ветви уже не пробивается, и даже звезда из виду скрылась, а потому вовсе сумрачно в чаще. Казалось, будто впереди и позади мерцают злые зеленые огни, точно глаза невиданных чудовищ. И не передать, какой страх они на меня наводили, как сердце в пятки уходило, и, затаив дыхание, я сперва кралась вперед, а затем и вовсе побежала. Огни повсюду были, оттого и помчалась, ведь либо на месте замри и замерзни, либо двигайся куда-то. Вот и сорвалась, продираясь сквозь ветви, тут уж все равно стало, на звезду путь держу или еще куда, главное, умчаться подальше от чащи, от зеленых огней. Когда их впереди замечала, то мигом сворачивала и петляла, точно заяц по снегу, но после такое чувство возникло, словно по кругу бегу. Вот врезалась в веточку, а она уже сломана. Поняла, что так вовсе сгину в незнакомом лесу, и как бы не боялась странных глаз, а напрямик следовать нужно. Вот тогда я зажмурилась и устремилась, куда влекло, чутью внутреннему, теплу родному доверилась, оно, бывало, и в родных лесах меня выручало, неизменно чувствуя отклик избяного огня, жилья человеческого. Страх же кое-как в себе пригасила.

Времени сколько минуло, сама не помню, осознала лишь, что сил больше нет. Хотелось прислониться спиной хоть к какому-то дереву и не двигаться больше, заснуть — что замерзнуть. И, еле передвигая непослушные ноги, я выползла все ж на поле. Ровное, снежное, оно далеко раскинулось, а в конце высился холм и на нем крепость. Настоящая такая крепость, даже при свете месяца хорошо различимая. А совсем от меня недалеко человек стоял.

Я потерла глаза рукавицами — стоит. Шаг сделала, два — стоит. Не пригрезился? А человек ли? Вон точно статуя замер и не шевелится. Я тихонечко к нему стала подходить, а когда совсем дошла, глазам не поверила.

— Что же ты медлила? — спросил снежный маг и вдруг встряхнулся. — Поспешить следовало, я уж устал столбом стоять. Что по лесу долго бродила? Звезда же вон она.

И на небосвод кивнул, а звезда там ровно над крепостью светит.

И чувство было, точно сплю. Все ощущаю, но никак не проснусь. Снились ведь прежде похожие сны, только в них другого человека встречала.

— Там огни светились, — стала видению объяснять, — гнали по кругу.

— Это волки снежные, — он рукой махнул, будто само собой разумеется, — охранники наши. И не по кругу, а в обратную сторону теснили, а ты, видишь, упорная какая, все вперед стремилась, вот и вышло, что круг за кругом проходила. Молодец! Другая бы сразу обратно умчалась, а ты чувствам доверилась.

— Где это я?

— Возле крепости ледяной, здесь снежные маги обучаются, не знала разве?

Пожала плечами.

— Идем, провожу, раз дошла. Я тебя здесь бездну времени дожидаюсь, сразу с дозора ночного да на утренний попал, а Северен явно даже отоспаться успел.

И улыбнулся широко, радостно. А я ведь еще до конца поверить не могла, что не свалилась в снег где-то по дороге и не уснула. В общем, он рукой махнул, за собой зазывая, и я пошла. И так мы вместе все поле пересекли, а когда очутились у подножия холма, то из-за него уже край солнца показался. Быстро светало кругом, а в предрассветных сумерках снег засверкал, даже глазам больно стало. И снова я их потерла, а когда раскрыла, стояли у подножия люди. Но не так, словно они только что спустились на меня поглядеть, а будто это я вдруг среди них очутилась и застала за разными делами. Вон неподалеку девица стройная со светлой косой ведра несла, тут же мальчишка зим двенадцати тащил на спине какой-то тюк, а чуть поодаль бородатый дядька на настоящих санях поднимался в гору, где ворота крепости виднелись.

Я в удивлении на провожатого оглянулась, а он опять широко улыбнулся.

— Увидала? И снова молодец. А все потому, что дар у тебя есть. Неодаренным только поле да холм заметны будут. Крепость вряд ли углядят, а уж людей тем более. — И потом вдруг, приложив ладони ко рту, громко крикнул: — Бренн! Она сама нашла, я только следом ступал, ты видел?

— Видел, — ровно сбоку прозвучало, а я так взметнулась от неожиданности, что едва не

свалилась в сугроб. Сердце-то как зашлось от радости, голос узнав, и так легко мигом стало, так свободно дышать, как если бы с моей спины сняли целый тюк муки, тяжелый и к земле клонящийся. Вот несла я его, несла, а после скинула и освободилась.

Повернула голову, увидала Его.

— Отыскала? — спросил. — И зачем?

Спрашивает еще! Да хотя бы затем, что теперь занозы в груди не ощущала, что в его присутствии тоска исчезла, и стало мне бесконечно легко и радостно. Только говорить того я не решилась, смутилась от всех этих чувств, а народ кругом уж прибывал. Выходили из крепости, ниже спускались, вокруг нас вставали послушать и на меня поглядеть. Я сразу себя среди них диковинкой почувствовала. Были кругом лица с ясными глазами, белокожие, светловолосые, со всеми снежными оттенками кудрей, я ж со своей медовой копной точно огоньком гляделась, даже глаза холодной прозрачной красотой не блистали, а на кончиках темных ресниц не сверкали снежинки, и не вились морозные узоры ни по рукам, ни по щекам. На меня здесь не было похожих, хоть женщины и присутствовали. Их оказалось меньше, чем мужчин, и они тоже смотрели с большим любопытством.

— Так учиться же! — весело ответил за оробевшую меня провожатый. Я до сих пор его имя помнила, Сизаром звали.

Оттого что были среди всех знакомые лица, чуточку менее страшно становилось. Вон там за спинами прятался любопытный мальчишка, который хотел, чтобы я осталась сказки рассказывать, а рядом с тем, на кого во второй раз глаза поднять боялась, стоял сизоволосый Севрен.

— Подсказки свои заканчивай, иначе обратно пойдешь, — не зло, скорее с насмешкой ответил Сизару снежноволосый великан.

— Куда обратно? — возмутился тот.

— На опушку следующего ученика ждать.

— Я лучше здесь тихонько постою, — очень быстро ответил Сизар, от волнения вздохматив платиновые кудри, и мигом притворился такой же ледяной статуей, какую я на поляне встретила.

— Так зачем? — Это уже снова меня спросили.

— Я... — откашлялась, попутно храбрости набираясь, — из дома пошла за звездой. Даром владеть не умею.

Люди кругом вдруг загомонили, принялись что-то обсуждать. В речи их я слышала фразы о том, что только одаренным крепость видна, а затем тут же протест шел, мол, снежной магией наделенным, а не огненной. Кто-то, опять же, возражал, будто чарам защитным разница неведома, и если будущий ученик сам дорогу нашел и о звезде догадался, то нельзя не взять. И вдруг громче всех прозвучало басовитое: «В этом случае только войду решать. Огненных чародеев среди нас отродясь не бывало».

И опять стало тихо кругом, а я на молчаливого Бренна посмотрела. Он стоял и слушал, как все вокруг волнуются и спорят, а теперь, когда на него взгляды обратились, поглядел на меня.

— Чтобы снежная сила иную приняла, и не в качестве недруга, а обучения ради, спрошу плату с тебя. согласишься, возьмусь учить, нет, так ступай обратно.

Обратно?

Это первое, что в голову пришло. Нет у меня обратной дороги. Разве что в город податься, только в какой он теперь стороне? Сама не знала, куда забрела. Дорогу из памяти словно стерло. Шла, шла на звезду, после по темному лесу бежала, петляла, а затем с закрытыми глазами куда-то рвалась, пока к полю не выбралась. И если по чести, не было у меня пути назад, ведь я только дышать начала.

— Какую же плату в этот раз спросишь?

Люди кругом загалдели, кто-то одобрительно, мол, смелая девка, кто-то с ехидцей, ишь какая выискалась, ведь чародейку не звали, не ждали, а ведет себя нагло. После опять утихомирились. Во всех разговорах ни разу не слышала я, чтобы кто-то решение предложил,

видимо, только одно слово при входе в крепость вес имело. Вот и посмотрели они снова на Бренна, а он все это время пристально меня разглядывал, и в глазах ледяных таилось что-то непонятное такое, но не сулящее добра. Не знала, как это объяснить, но чувала, он меня пускать в ледяные владения свои не желал. Уж какой была причина, неведомо. То ли что чародейка, то ли иное что. Ведь ни в какие времена лед с огнем не дружил, против природы то было, потому и разделялись всегда. Однако принял наконец Сердце Стужи решение, и сделалось чувство, что не понравится оно мне, вот настолько выбор непростой поставит, сама решусь обратно идти, да хотя бы и к нелюбимой родне.

— В оплату ночь с тебя спрошу, — вымолвил он.

Меня после этих слов сперва холодом, потом жаром окатило. И не меня одну. Неподалеку грохот раздался. Та девица стройная, что ведра несла, а после к толпе присоединилась незваную гостью рассмотреть, оба ведра разом и уронила. Сизар нахмурился, руки на груди сложил и, кажется, хотел что-то произнести, но, думаю, и у него язык отнялся. Мне казалось, люди сейчас должны зароптать возмущенно, мол, кто же такую плату спрашивает, а ничего подобного. Они не ценой поражены были, а тем, кто ее вздумал спросить. Я услышала, об этом шептались: «Как это Бренн — и вдруг ночь, да с кого, с чародейки!» Кабы в нашей деревне дело было, там в первую очередь внимание на само требование обратили бы, после косо на девку глядели бы: ишь какая, не зря, видать, именно ей предложили, никак расстаралась, совратила. А вот здесь восприняли как в порядке вещей, будто огнем и теплом платить ледяному истукану в самый раз.

А он и был истукан! Потому что не шелохнулся от ответного моего взгляда, а должно было кипятком ошпарить, сразу все мысли подобные из головы выветрить. Я б еще на поцелуй согласилась, могла бы даже каждый урок тем оплачивать, но чтобы так сразу собой...

А потом дошло. Нарочно при всех разговор завел. Не оскорбить собирался, нет, напрочь охоту в сторону крепости глядеть из моей головы выветрить надумал. Он считал, что не приму такую цену, не соглашусь. Ради себя через собственные же представления о чести девичьей не перешагну. Ради Снежинки смогла бы, ради единственного человечка на белом свете, кто меня любил, я ничего не пожалела бы, все отдать была готова, а вот для собственной выгоды — нет.

— Отчего молчишь? Сразу скажи: идти мне в крепость, перину взбивать?

Издевался! Ух, издевался же! На все больные мозоли разом давил, а народ отошел, мужчины посмеиваться начали, между собой поговаривать, что без перины бы обойтись, девка-огонь ведь и поджечь может. Ты там, Бренн, поосторожнее, не лучше ли все снегом выстелить?

И взяла меня злость.

— Рановато взбивать, утро едва забрезжило. Или и утра достанет?

Усмехнулся.

— Перину взбить, чтоб отлежалась. Ведь всю ночь прошу, чародейка, — спокойно произнес, но с таким выражением, что кровь к щекам прилила.

Я сказывала, что всегда колючкой была? А сейчас от смущения слов никак подобрать не могла. Провела ладонью по волосам, пригладила их, растрепанные, с духом собираясь. Там позади лес высился, сейчас шаг назад сделаю, и исчезнет для меня крепость. Думаю, навсегда исчезнет, такой, как Он, больше шанса отыскать ее не даст. А мне куда-то пойти следует, но как же решиться на это? Дошла, отыскала и теперь: «Простите, побеспокоила, я лучше обратно пойду». И хуже всего не отступить, а проиграть в этой битве с ним, всю душу мне вымотавшим, сдаться раз и навсегда, даже не поборовшись за себя.

Он увидел мои глаза и прищурился, теперь вовсе без смеха и совсем негромко спросил:

— Приняла решение?

И я ответила, сперва тоже тихо, а потом громче, чтобы все услышали:

— Оплачу! Оплачу ту цену, что за науку назначил. Но прежде научи, потому как знать хочу, с чего непомерную стоимость требуешь.

Вот так пускай и будет. Как дальше пойдет, кому ведомо? Может, вовсе не придется платить, посмотрим еще, чему научит.

Народ в моем ответе все услышал, о чем сказать хотела. Снова загалдели, зашумели, смешки и подначки посыпались с рассуждениями вперемешку.

— Артачится девка, думает, будто плата непомерная.

— Другие и рады мечтать, а ей сперва обучение подавай.

— Высоко себя ценит.

— А дар-то позволит всему научиться или даже до середины не дотянет?

А потом стихло все. Резко так. Просто Бренн руку поднял.

— Условие озвучено, решение принято.

Опустил ладонь, и не стало крепости, исчезли люди. Позади все так же высился лес, впереди — холм. Остались только я да Он.

Посмотрела удивленно, а маг головой качнул, отчего волосы снежные заискрились точно так, как снег под ногами. Солнышко как раз на нужную высоту взобралось, мир раскрасило радостным теплом и даже снег заставило играть всеми цветами.

— И снова неверный выбор делаешь, но в этот раз только тебе за него платить. Никто более не поможет.

Я рот раскрыла, опровергнуть, мол, когда я неверно поступала? Когда защиты от духа просила или сердечное тепло на занозу меняла? А потом вдруг вспомнилось о купце, о том, как дар применила и к чему привело. Но разве мог он об этом узнать? Уж Сердце Стужи в то утро за забором не стоял, не видел, как я неслась через весь двор, чтобы купец на месте не прибил. А он мог, в тот момент точно мог. Ведь при всех посмела руку поднять, по лицу ударила. Ведь сама понимала — нельзя, но обида тогда задушила. Люди бы после сказали «заслужила». Муж на то и муж, чтобы судьбу жены решать. Не угодила и сама виновата. Не зря ведь хоть следом бежали и образумить пытались, но задержать никто попытки не сделал, даже Адриан, и тот на крыльце своим замер, глядя на меня будто с отчаянием. Если бы не ступеньки... А боги с ними, со ступеньками! Говорят, в городе иначе дела обстояли, а у нас в деревне далекой, среди лесов укрытой, в которой каждый второй охотником рождался, старые порядки буйным цветом цвели.

В общем, так и не спросила ничего. Едва надумала заговорить, обнаружила, что нет хозяина льда рядом. Ветерок легкий гонит поземку по полю, солнышко еще радостней светит, а тихо кругом.

Заволновалась, огляделась в растерянности, но всерьез испугаться не успела, снежный ветерок тут же на ухо шепнул: «Вход сама ищи, теперь провожатых не будет».

Ведь чем сильнее и непривычнее навеванные чувства, тем хуже ощущается то, что Сердце Стужи откатом называл. Если бы не ступеньки... А боги с ними, со ступеньками! Говорят, в городе иначе дела обстояли, а у нас в деревне далекой, среди лесов укрытой, в которой каждый второй охотником рождался, старые порядки буйным цветом цвели. С осознанием нежеланного брака в купце ненависть проснулась.

Глава 5

О ЛЕДЯНОЙ КРЕПОСТИ

— Как думаешь, найдет вход или нет? — Оба снежных князя прилипли к забору и все высматривали что-то по ту его сторону.

— Найти проще, крепость она увидела, едва ли теперь от пригорка снова к лесу повернет. Зато войти сложнее. А ну как не пропустит ее наша ледяная сила?

— И что ему стоило провести? Он здесь хозяин, ему сила, как верный пес, повинуется.

— Единожды проведу, а дальше как быть? — Голос за спиной заставил обоих врезаться от неожиданности лбами в забор. — Каждый раз потом выводить, заводить?

— Бренн, — Сизар потер ушибленный лоб, — что тебе стоило иную плату спросить?

Войд изломил насмешливо бровь.

— А не я ли, того гляди, в волка обращусь без женской ласки?

— Какая же ласка от девчонки? Видать по ней — неопытная совсем, неумелая.

— Умение и опыт с наукой приходят. Каждая ли сразу искусна?

Севрен стоял и с трудом сдерживал смех, но Сизара ничто не могло унять.

— Она от простых слов смутилась, язык проглотила, а на ложе совсем устыдится и растеряется.

— Стыд — дело нажитое, любовь же вовсе иное, желание любой стыд растворит.

— Но ведь плату когда спросишь! Обучение не день и не два длится. Глядишь, и влюбится девчонка в кого-то здесь, в крепости. Неужто силой возьмешь? Не возьмешь ведь. Вот так и выйдет, что впустую оплата пропадет, сила взбунтуется.

— А ты чего предлагаешь-то в оплату? — не выдержал этих разглагольствований Севрен, и уже обращаясь к Бренну: — Ведь так вдохновенно вещает, что скоро даже лед убедит.

— Я бы ее завел, обогрел, не пугал, сразу бы к испытаниям не вынуждал. Пусть освоится здесь, приглядится, успокоится, ну а после к остальному можно приступать. За это время и плату хорошенько обдумать. Таковую, чтобы соразмерно, чтобы после не пришлось всем худо.

— Вот был бы ты в крепости хозяин, Сизар, — с усмешкой ответил ему войд, — одни бы девки по двору ходили. Все обогреты и успокоенные. Но пока здесь я решаю, испытания каждый маг, силой наделенный, проходить будет. И награду, как и дань, мне принимать и мне вносить. Потому не чеши языком понапрасну. А вот если войдет чародейка в крепость, то сам здесь все ей покажешь да расскажешь.

На холм я взошла, а крепости нет. Думала, как заберусь, так и появится, а не тут-то было. Пространство впереди большое, широкое, с высоты хорошо лес и поле видать. Вытянула перед собой руки, но воздух как воздух, холодный и морозом щиплет. Не помни я, как тогда с Сердцем Стужи за братьями наблюдала, может, поверила бы, что нет здесь ничего, а крепость в ином месте теперь находится. Только раз сказал вход отыскать, стало быть, никуда ее не уносил. Здесь стоит и ледяной завесой прикрыта.

И решила тогда вперед пойти, руками пространство ощупывая, чтобы не врезаться. Иду, иду, и какая же там завеса, если снизу крепость огромной казалась, а я почти до середины холма дошла да так в стену и не уперлась?

Как магия его работает? Сжимает она ему пространство, что ли? Ведь через него он шагать умеет. Глупо, стало быть, надеяться вот так запросто отыскать, увидеть надо или поверить, будто вижу. Когда смотришь на что-то, не сомневаешься ведь, что оно существует, а меня сейчас именно сомнения разобрали. И люди здесь есть, только услышать не могу. Опять думать начала, словно привиделось многое.

А ведь как я вышла к полю? Глазам поверив, бежала бы прочь, но я их закрыла и чутью

огненному доверилась. Оно иную магию лучше меня ощущало. Ну, была не была.

Зажмурилась, представила, что вот она, крепость, забором окруженная, как снизу мне виделось, бревна толстые, круглые, одно к одному плотно пригнаны, и все белоснежные, заиндевшие до самой сердцевины. В ладонях даже закололо. Холод, снег, эх, растопить бы! Прислушалась к себе, чувствую ли? Да. Не одна, не в пустоте стою. Здесь оно все. И шагнула я резко вперед, и налетела на холодное дерево, лбом точно в бревно стукнулась.

Ух! Потерла шишку ладонью, но удержалась и глаза не открыла. Раз здесь забор, то теперь ворота отыскать нужно. На вид мощные, крепкие, наверняка не с одним засовом изнутри. Но в эту пору они уже были открыты, надо только вдоль забора идти. Пошла, ведя ладонью по кругу, перескакивая пальцами с бревна на бревно, а потом провалилась рука в пустоту. Точно вход? Не обманулась? Глаза не открыть, тогда все исчезнуть может. Значит, въяве не оценить, что за пустота, но если не ворота, то калитка, не зазор же между бревнами в самом деле.

Раз отыскала хорошо, теперь вперед шагать нужно. А в душе словно протест. И опять бы не поняла, в чем тут дело, не напомни он мне другое чувство, в первый раз испытанное, когда мужской голос спросил: «Очнулась?» Вот тогда в душе жар всколыхнулся. Враг — не враг, а иной. Не такой, как я, совсем противоположный. Будет удар от него или нет, а упредить следует. Как тогда, кинулась, сама не ведая, что творю. И сейчас во мне сила разыгралась. Она ощутила, что воздух висит плотной упругой пеленой, через такую шагать, будто через вязкий и густой туман или через гладь воды проходить. Таким не дышать, сквозь такой продираться, как сквозь кустарник лесной. Еще и холодный он был.

Но я снова шагнула. Чего бояться, чего терять? Охватило меня со всех сторон, поймало в объятия и сдавило. Холодом, льдом, морозом. Щипало, кололо, жалило, и тут бы отступить, вырваться и назад отпрыгнуть, а я ломилась, как сквозь снежный лес, продиралась вперед, склонив голову, закрыв ладонями лицо, слезы ощущая в глазах, точно от стылого ветра, и шанса не имея этот колючий воздух вдохнуть. А чужая сила мою словно собака обнюхивала. Злой сторожевой пес. Стоишь перед таким, замерев, ждешь, оскалится или хвостом махнет. А она тихонько забиралась в тело, плелась, вилась, с теплом моим смешивалась, а потом как толчок, удар по сердцу. И с закрытыми глазами, перед которыми одна темнота, я рывком выдрала тело из густой снежной пелены и упала.

Лежу. А подо мной твердь. Воздух обычный, грудь его, казалось, сама вдохнула, я до сих пор боялась. Еще голоса и свет, солнечный теплый свет, он мне голову грел, потому что шапка отлетела куда-то, а коса на снег упала и пушилась по нему медовой змейкой. Теплое на холодном, ну точно не к месту, зато красиво. Так же красиво, как солнечные лучи на заледеневшем насте, когда искорки разноцветные светиться начинают.

Дышу, уперев лоб в стиснутые кулаки, и вздрагиваю, когда за плечи крепко берут и поднимают. Сперва дрожу, а потом зубы начинают стучать, друг о дружку колотиться, и холод из тела стремительно утекает. Прижалась лбом к чему-то твердому, надежному, и не важно совсем, кто поднял и на ногах удерживал, потому что отогревалась, и это было главное.

— Прошла! — сзади по спине радостно хлопнули.

— Молодец, — сбоку сказали.

Сизар и Севрен. Стало быть, не они подняли.

Руки, меня укрывшие, разжались, выпустили, а я устояла.

— Теперь глаза открывай, — велел Бренн.

Я открыла. Вошла, и правда вошла. Через ворота. Вот они, позади как раз. И калитка рядом. А за воротами и склон, и поле, и лес. Красиво очень, снежно, и небо синее-синее, а в нем золотое солнце сияет. Улыбается, тепло свое дарит. Я ему в ответ улыбнулась, а мне на голову уже шапку водрузили, снова по спине радостно хлопнули.

— Подморозила малость защита, сережки тебе и украшения подарила.

Я взглянула на Севрена, он, смеясь, на полушубок мой указывал, а на нем действительно снежные узоры вились, я за уши взялась, а там льдинки повисли. Сколола хрупкий ледок, стряхнула снежную крошку, а потом додумалась до одной мысли, даже отряхиваться перестала.

— И насмерть могло заморозить?

— Бренн бы не допустил. — Севрен очень решительно ответил. А я в сторону молчаливого Сердца Стужи взгляд кинула. Выразительный такой взгляд, говорящий без слов: «Ну и испытания у тебя!» А он его не заметил. Стоял, отвернувшись, смотрел с пригорка на лес. Будто не было меня здесь, и не я минуту назад целую жизнь через обычные дубовые ворота продиралась, еле прошла.

— Ну что стоять, время терять? — Меня радостно обхватили за плечи, потискали и крепко прижали к боку. — Пошли, зазноба моя, с крепостью познакомлю. Расскажу, что да как. Ты за ночь в лесу не умаялась, хочешь, на руках понесу?

Счастливый Сизар меня едва ли не душил в объятиях.

— И сама дойду, так даже вернее будет. — Потому как задавит ведь хваткой своей медвежьей. — А уроки как же, наука? — Я на Бренна снова поглядела, и он изволил даже ответить. Полуобернулся и рукой махнул равнодушно.

— Обживайся. Завтра наука. Как рассвет на горизонте займется, сюда выходи. — И снова отвлекся, а к нему уже кто-то подошел. Ведь кругом по-прежнему много людей было, и на меня большинство смотрело, но без злобы, скорее одобрительно так. Стало быть, совсем непростое испытание преодолела.

— Вон там жить будешь, — заявил Сизар, показав на дом в отдалении, — там у нас женщины отдельно от мужчин обитают, свое женское царство устроили. Днем внутри прохлаждаются, по ночам в мужских постелях согреваются.

— Пустомеля! — Сизара огрел по макушке метко брошенный снежок, а пока он оборачивался возмущенно, с другой стороны от меня неслышно явился Севрен. — Не слушай его, у нас тут все по желанию и добровольно, а греются больше в мужниных постелях. Много таких, кто жен в крепость привел, иных женщин тут Стужа не терпит, за редким исключением.

— Ты чего увязался?

— Рассказы твои исправлять и к правде сводить. А то как нагородишь глупостей, чародейка и поверит. К своей выгоде развернешь, а ей краснеть.

— Бренн приставил соглядатая?

— Он велел ей основы объяснить, как все у нас да по ту сторону черты налажено, и про законы магические. Наставником по этой части назначил, чтобы доходчиво истолковал я про устройство мира вокруг ее деревни. Так что ты свою работу выполняй, а я со своей попутно справляться буду.

Обитательницы женского дома тем, оказывается, прохлаждались, что день напролет на целую ораву мальчишек да мужей готовили. Едва мы в дверь зашли, как защекотало в носу от сдобного запаха свежего хлеба, еще я учуяла аромат щей и солений каких-то. Сразу заурчало в животе, напоминая, что еда скудная, которую из дома захватила, еще на середине пути закончилась.

Сизар меня за плечи обхватил, вывел вперед и представил отвлекшимся от дел женщинам:

— Это Весса, здесь отныне жить будет.

— Огненная? Слышали уж. — Вперед выступила полноватая, но улыбчивая красавица. Волосы светлые, как у многих здешних, с молочным отливом. Я ведь сказывала уже, солнечного блеска ничьим косам и кудрям в крепости не досталось, кроме моих. Были, правда, и черноволосые с оттенком, точно смоль или с синеватым отливом, даже видела сливово-черный, но эти в меньшинстве встречались.

— Лавку покажете?

— Покажем. Уж коли войд принял, нам ли против идти?

Поскольку говорил Сизар лишь с одной, сразу понятно стало, кто в этом доме за главную. И хорошо, что она в мою сторону хмуро не смотрела, зато достало иных взглядов. Девицы помоложе точно приценивались. Вот в тех глазах читалась если не угроза, так недовольство, и только одна вовсе в мою сторону не повернулась. Хлопотала у печки, а я ее по косе узнала. Та стройная, голубоглазая, что ведра уронила, о плате за науку услышав.

И ладно, привыкать мне, что ли. Обживусь, а после погляжу, с кем общий язык найдем.

— Идем, мы тебе дальше покажем. — Севрен потянул за рукав и вывел вновь на улицу.

После я много чего увидела и решила для себя, что крепость эта больше деревни моей, и пусть многие общими домами жили (те, кто без семьи), а хозяйство крепкое построили. Разводили здесь живность всякую, мясо солили и вялили не хуже охотников наших. В погребах, куда меня свели, окороков и колбас на три деревни достало бы, я уж про молоко, творог и сметану молчу, те в особенных бочках сберегались, покрытых гладкой морозной корочкой изнутри. Овощей и зерна тоже хватало, словно сами все сеяли, хотя огородов я здесь не заметила. Не под снегом же разводили. Может, в теплицах? Такие в городах строили, я слышала, а внутри жар-камнями из Южных земель выкладывали, чтобы тепло было не хуже, чем на юге. Об этом отец как-то рассказывал, из города возвратившись.

В общем, богатая крепость. Меха, украшения — все по сундукам разложено, и все это мне показывали без боязни, значит, воров здесь не водилось. А поглядела бы я на того, кто решится в крепости что-то украсть. Заправлял всем внутри один человек, и его, если честно, все кругом не только уважали, но явно опасались. Я и сама лишнего слова поперек сказать не решилась бы.

— А это, — Севрен развернул передо мной карту, — земли наши и чародейские. Внимательно смотри.

Как и было велено, Сизар мне крепость показал, обо всем рассказал, не забывая лишний раз приобнять, а вот сизоволосый к другой науке приступил. Упомянуть еще следует, что даже накормить не забыли. Сизар утанул со стола дородной красавицы мясной пирог и чуть по пальцам не схлопотал половником, но этот уж на то и уж, что извернулся, а затем как сграбастал девицу в охапку. Она и отбивалась, и визжала, а после сдалась со смехом и к пирогу еще кружку молока для меня выдала.

Я посмотрела на снежные и зеленые просторы, между которыми вела синяя черта — река Зимнелетка. А название такое потому, что наши ее Зимней прозвали, а чародеи Летней, ведь с их стороны голубые воды текли, а с нашей синий лед на холодном солнце сверкал. И когда сменялись сезоны, не снимала речка своих одеяний, хотя ближе к границе с обеих сторон не только зиму с летом, еще весну с осенью повстречать можно было, пусть и царствовали они недолго.

— Не отвлекаешься? — спросил Севрен.

Я головой покачала.

— Вот до этой черты земли Стужи, а за ней владения Яра. Чародеи лишь там живут, а здесь снежные маги. Почти не бывает так, чтобы мы сталкивались в иных местах, кроме границы.

— А что на границе?

— Там патруль следит с обеих сторон, чуть что случается, хозяева земель мигом узнают.

— Стужа и Яр?

— Их доверенные лица. У богов своих забот хватает, а потому между ними и людьми самые сильные маги стоят. В тех местах огненного лорда зовут Зорий. Все города и иные поселения традиционно людьми управляются, но на деле они за деяния свои перед князьями ответственны. Потому шлют им о делах отчеты, а вместе с ними и дары.

— И что, правители на такое согласны?

— А куда им деваться? Разве человеку с магией совладать? И как он без нее? Если, например, источник перемерзнет или пересохнет, сможет ли новый открыть, или от ледяных великанов отбиться, или от тех же духов спастись? А если природа взбунтуется, кто успокоит?

Вспомнив о духе, я вздрогнула.

— Вот и объединяются человеческие земли в княжества, а в них заправляют князья. В нашей стороне — снежные, а в той соответственно — огненные.

— Почему простые люди о том не знают? — Удивительно было рассказы Севрена слушать, ведь у нас в баснях только Стужа и Яр, еще Сердце Стужи, а о князьях не упоминалось. И про огненного лорда здесь никто не слышал.

— От жизни отстали потому что, — хмыкнул Сизар, — духу жертвы приносите.

— А на что вам? — вопросом на вопрос ответил Севрен. — Ведь не к магу идете свои проблемы решать, к правителю местному отправляетесь, а уж он сумеет и с князем связаться, если будет нужда. В маленьких поселениях и вовсе свои порядки. Зато если схватка какая или угроза, то князья и их маги в первый черед головы подставят, так заведено.

А я подумала, что правители на местах могут нарочно о князьях умалчивать, чтобы своей власти перед лицом людей не потерять. И князьям выгодно, возни меньше.

— Ну а выше князей только лорды. На наших территориях, думаю, угадаешь, перед кем все правители снежные отчитываются.

— Пред Сердцем Стужи. — Я вздохнула.

— Ну да, — Севрен усмехнулся, — вы же так его прозываете.

— А что он в крепости живет, а не во дворце ледяном?

Севрен с Сизаром переглянулись и как-то невесело хмыкнули оба.

— Не построил еще.

Я привыкла вставать на рассвете, ведь дел всегда хватало, но в последнее время дома и вовсе до восхода просыпалась. Душа у меня томила, не давала ни сна спокойного, ни мыслей мирных, а это первая ночь оказалась, когда я крепко и сладко уснула. Лавку мне в комнате выделили пусть небольшой, но отдельной, а по соседству еще несколько таких же помещений, в которых спали по двое или по трое. С огненной кров никто делить не пожелал, мало ли что, еще подпалю со сна чьи-то косы, отращивай потом новые. Да только я не жаловалась. В избе места хватало. Большинство женщин и правда на ночь в свои дома отправлялись к мужьям, а здесь немногие оставались.

Рядом жила Северина, а с ней еще одна девушка — Игна. Вот у той косы черные были, а глаза синие-синие, северные, и в отличие от светловолосой соседки она не просто была к снежной магии устойчива, а даром обладала и в крепости оказалась благодаря мужу своему, который погиб во время одной из схваток. Мне пока подробностей о жизни в крепости и ее обитателях выведать не удалось, но решила, что со временем выясню. Пока же новой информации хватало.

Как стемнело, расположилась удобно на лавке и впервые за долгое время крепко уснула. А утром подхватила на ноги с испугом — проспала! Босыми ногами кинулась по холодному полу к окну и еле дух перевела — только-только вползало солнце на небосвод. Сердце Стужи вчера сказал: «Как рассвет на горизонте займется».

Принялась торопливо натягивать оставленную поверх сундука одежду, попутно продираясь гребнем сквозь спутавшиеся кудри, подсакивая на одной ноге, а на другую натягивая сапожок. Накинув в спешке полушубок, я помчалась на крыльцо и на нем застыла. По двору мальчишки бегали, все не младше десяти зим, прыгали через снежные препятствия, на ледяных брусках подтягивались, от обледенелых досок отжимались, и все это в одних лишь штанах домотканых на голое тело. Верх же вовсе без рубашки!

Я рот открыла и к щекам ладони прижала, так холодно за них стало в тот миг. А потом на крыльцо общего дома стали мужчины выходить. Первым Севрен выскочил, и тоже без рубашки, босиком и в штанах, за ним еще один, пока мне незнакомый, затем Сизар и еще человека четыре. Мальчишки мигом по струнке вытянулись, а я поняла, что наставники пришли. Сперва выгнали из кроватей малышню, разминаться отправили, а сейчас, наверное, самая наука начнется. Однако пока я, забыв рот закрыть, одна за всех мерзла и попутно размышляла, не заставят ли так же раздеваться, позади сонно спросили: «На поединки поглядим или сами к занятиям приступим?»

Я аж подпрыгнула и чуть с крыльца не свалилась. Умел он бесшумно за спиной появляться, неслышно и незаметно оказываться там, где не ждали. Резко обернувшись, обнаружила Бренна, сидящего на крыльце с таким видом, с каким только под теплым одеялом нежиться. Быстро пробежалась глазами по широкой груди, обтянутой льняной рубашкой, и, не подумав, спросила:

— А ты что одет?

Он с ленцой запрокинул голову и тоже меня изучил, да так, что решила, будто и мой наряд неподходящий, после только ответил: «Ведь не лето на улице». А уголки губ дрогнули.

И точно не лето. Зато сидеть в рубашке и штанах на холодном крыльце и вид при этом иметь, точно на печке лежишь, в самый раз.

Я еще помолчала немного, ожидая, что скажет, но маг смущать за неловкий вопрос не спешил, раздеваться не заставлял, а весь его облик говорил, что можно не торопиться вовсе, а рядом присесть и тоже расслабиться. Ну я и присела, больше ведь указаний не было.

Вот совсем не тепло так сидеть.

— Волосы подбери. — Сердце Стужи сказал, а я за косу схватилась, которая из-под шапки выпала и с верхней ступеньки на другую свесилась. — Помешают.

И тут же на деле показал, приморозив на моих глазах пушистый кончик к холодному дереву. Я рот раскрыла, объяснить, что лента всего одна, с ней сложной прически не сплетишь, но тут же закрыла. Вот, правда, пришла обучаться, а сама ныть начну, чего мне в жизни не хватает. Можно и с одной наверх косу убрать и под шапку спрятать. Хотя если гонять будут, точно мальчишек тех, косища вывалится и снова к чему-нибудь приморозится.

Сижу, не говорю, лед сколоть пытаюсь, а он не поддается. Тогда вскинула глаза на мага, по-прежнему молча посверлила его взглядом, чуть дырку не высверлила, а он и головы не повернул, зато ответил спокойно, как само собой разумеющееся:

— Ты согрей. — И дальше продолжил на малышню глядеть.

Себя я греть хорошо научилась, еще Снежку могла бы отогреть в объятиях, а лед этот совсем неподдающимся выглядел. Положила на него ладони, попыталась растопить, а он ни в какую. Помучилась какое-то время, а после огляделась с досады, увидела камушек рядом с крыльцом, ногой его к себе подтащила, рукой ухватила и стукнула со всей силы по ледяному куску, тот и скололся.

— Сделала, — пробурчала в широкую спину, подняв косу повыше и любясь ледяной сосулькой на конце. Брэнн снова не повернулся, а кусок прозрачный от моих волос отцепился и упал на крыльцо ледяной заколкой. Я даже глаза потерла и несмело потянулась к ней потрогать.

— Закалывай. — Сердце Стужи велел, пока я это чудо узорчатое и хрустальное в руках вертела и на солнце разглядывала.

— А не растает? — уточнила негромко.

— Если только сама растопишь. — Он хмыкнул.

Я, спрятав лицо, принялась убирать косу наверх, отгоняя прочь мысль, что подарков мне прежде не делали, потому не привыкла их получать. Хоть и не выглядела ледяная диковинка особенным подношением, а нужной вещью была, для урока специально наколдованной, однако все равно я расстроилась. Братья бы сказали «разнюнилась». Они всегда зорко подмечали, когда иное дело до души доставало, а привычные колючки ни в какую щетиниться не желали, хоть режь, и на глаза слезы непрошенные набегали. В такие моменты им особо весело было меня ловить и учить, что поменьше нужно сопли распускать, тем более другим показывать, как проняло. Хорошая наука, крепко в меня вбитая, оттого сейчас самой себе удивилась, что из-за магического чуда едва слезу не пустила, еще и вспоминать принялась, кто и когда мне хоть безделицу подарил. Даже купец в пылу страсти не додумался, он лишь уговору брачному следовал, о родных и вовсе молчу.

Вот так сидела и заодно радовалась, что ледяной хозяин ко мне не поворачивается и не смотрит даже. А когда привела себя в порядок и нахохлилась, готовая к дальнейшей науке, он вдруг ладонь протянул: «Дай мне руку».

Я сперва недоуменно поглядела, поскольку вон там, недалеко от нас, мальчишки сперва сайгаками скакали, а затем схватились друг с другом, и наставники их сразу сшиблись, разминаясь в поединках. Только звон ледяных мечей кругом стоял, играли на холодном солнышке литые мышцы, распрямлялись, сворачивались узлом, и летела вперед ледяная сверкающая кромка, со встречной сталкивалась. Такая сила бушевала, что вихри снежные взметались. И вот она на крыльчке в полушубок куталась под боком у того, кого теперь наставником звать следовало, и в сомнении на руку его, протянутую, глядела. Подвох-то в

чем?

Несмело, с ожиданием, с подозрением положила свою ладонь на его раскрытую, поразиться успела, что ширины она такой, что обе мои в ней скроются, потеряются, а пальцы уж сжались, поймали в капкан. Я не дернулась, но точно знала, из такой хватки не вырвешься, как ни бейся. Вместо того замерла, пристально разглядывая саму руку, пройдясь взглядом от запястья до плеча. Мышцы крепкие даже под рубашкой хорошо видны, а ну как сожмет чуть покрепче, и хрустнут тонкие пальчики, сломается узкая косточка. Ясное дело, не к чему ему меня калечить, но оттого и сворачивается в груди ожидание, трепещет и перехватывает дыхание. Видя силу, зная ее, понимать, что может не только крушить и нагонять страх, но защищать и держать бережно.

— Глаза закрой, отвлекаешься.

Поспешно зажмурилась, не перестав видеть свою ладонь, потерявшуюся в его широкой, и лишь слегка покраснела от осознания, что очень пристально рассматривала, а он негромко продолжил:

— Теперь согревай.

И холод начал подбираться к моему теплу, отеснять его от кончиков пальцев. Шипел холодным парком будто плеснувшей на горячие угольки воды, сперва покалывал, после забрал ощущения. Ладонь онемела, а я дернула ее из захвата.

Не вырваться. Как подумала сперва, так и оказалось. Не вынуть руки, а она вся холодом объята, горит от огня ледяного и теряет чувствительность.

— Грей, — негромко, но так, что испугалась и широко раскрыла глаза. — Согревай, иначе руки лишишься.

Жестко, сурово. И от тона, от мороза в глазах сила всплескивается, катится по телу, что бурная волна, и ударяет в лед его руки. Сносит, ломает хрупкие преграды, и я только по этим ощущениям понимаю, что обманул. Слишком тонок, слишком поддается лед моему теплу, чтобы из-за него могла вовсе руки лишиться, но страх помог.

Он разжимает пальцы, и теплое свечение сплетается с холодным, голубым и морозным, как солнечные прожилки, вдруг пронзающие густой сизый туман. Крохотные бисеринки воды падают на крыльцо и тут же застывают на нем. А я в глаза смотрю холодные-холодные и прозрачные, как синий лед, и тянусь, вновь позабывшись, обеими руками к его груди.

— Не стоит. — Он резко перехватывает мои ладони одной своей, крепко сжимает и морщится слегка. — Держи силу под контролем, чародейка.

Не могу. Раз плеснув, она катится и дальше по телу. Как подрагивающий волчий нос, чувствует рядом чуждую силу, желает схватиться или сплестись, она сама не разбирает. Но плещет и плещет оттуда, из сердца, а кожа моя начинает светиться, и по волосам бегут огненные искры, капая на крыльцо.

Стеной встает кругом снег, резко поднимается с земли, подскакивает в воздух колючими снежинками, набрасывается на нас покрывалом, и вовсе не сидим уже на крыльце, а стоим посреди поля у кромки леса. Ладони по-прежнему крепко сжаты его рукой, а мне совсем невмоготу. Плохо. Больно. Выгибаюсь от пламени, которое сквозь кожу добралось до костей, и теперь вся горю и вижу, как жаром воздух кругом полыхает. И отследить не успеваю его быстрое движение, когда руки вдруг обретают свободу и повисают в воздухе. Не успеваю оступиться и упасть, скорчившись на снегу от огненной муки, потому что его ладони крепко удерживают голову, а губы касаются моих.

«Отдай лишь часть», — звучит в голове голос, и жар резко уходит, сквозь губы перетекает в мужское тело. Я знаю, чувствую, что трескается холод в его груди, снова раскалывается и отступает, позволяя легко вдохнуть. А у меня голова идет кругом, жар схлынул, и я даже понять не успела, когда прервался слишком короткий поцелуй. Но теперь дышу свободно, без боли, а руки дрожат мелко, и пальцы цепляются за рубашку, на которой по всей его груди одни подпалины, и местами даже тлеет плотная ткань.

— Прости! — Я отшатнулась, прижав ладони к щекам, снова видя красные полосы ожогов сквозь истлевшие дыры. Они подергиваются корочкой инея, а он лишь качает головой в ответ.

— Бурно на меня реагируешь, чародейка, придется искать иной способ.

И оборачивается к лесу, пока меня окунает с головой в смущение. Щеки горят, и я кусаю губы, чтобы стереть и забыть новое прикосновение, чтобы суметь так же спокойно, как он, посмотреть в другую сторону и выкинуть из головы новый поцелуй, словно его и не было.

И не могу.

— Всегда так будешь, — спрашиваю широкую спину, — тепло забирать?

В ответ раздается негромкий смех.

— Плащ дома забыл. — И оборачивается ко мне, долго рассматривает, отчего я уже совсем не своя. Вспоминаю, что когда в прошлый раз едва избу не спалила, он меня в плащ укутал и держал крепко, но то было до первого поцелуя.

Еще смотрит какое-то время и говорит:

— Ты против? Тогда запрети. Скажешь нет, и не трону.

Надо нет поцелуям сказать? Стало быть, я после прошлого раза их разрешила? Зарделась мигом, потому что ощутила себя как тот кусочек пирога со сладкой начинкой, последним на широком блюде оставленный. В крепости, полной снежных магов, я им и была, и каждый присматривался и хотел цапнуть, потому что столько тепла, сколько от чуждой магии, неоткуда было среди снега взять. А может, и не каждый мог.

Вот Он умел. Легко, играючи каждый раз обуздывал мою стихию, с которой я никак пока не справлялась. От снежного колдовского плаща не горели тогда щеки, а сила успокаивалась неохотно. От прикосновений губ я совсем терялась и, несмотря на ночь, проведенную с немилым, с противным мне купцом, после которой, казалось, все возможно принять, не смогла растерять этот стыд и смущение. Когда так смотрел, когда так близко стоял и прямо спрашивал, а разрешу ли снова. И в голове насмехался мой внутренний голос: «Ночь обещала, а сама...»

Труднее всего с собой откровенной быть и признавать — иным способом нравилось больше, чем если снежной магией огненные всплески гасить. Когда забирал себе часть быстро, без боли и так, что после истомой все тело покалывало.

— Неприятно? — чуть прищурился, пряча смешливые искры в глазах.

Потешается.

Из-за истомы предательской гнулось тело податливо, как гибкая лоза, клонилось навстречу, всецело послушное его рукам, а губы раскрывались без стога протеста, лоя, смешивая жар нашего дыхания. И отвечали, стремясь заново испытать, как можно иначе воспринять поцелуй. Не с усилием сжимая зубы и зажмуриваясь, отдаваясь действию дурманящего напитка, чтобы после не помнить, а ловить сперва легкое, а после более настойчивое касание, и в коротком слиянии пройти все круги чувств от головокружения до неутолимого настойчивого стеснения в груди и пугающей жажды большего.

Я вздохнула и взяла себя наконец в руки. Я умела прятать эмоции, давно этому научилась. Глупо, точно девчонка, перед ним краснеть, глупо теряться, будто никто раньше не прикасался, и смущаться от прежде неизведанных чувств, но и всю его власть показывать не хотелось.

— Отчего же неприятно? Неплохо, как после бани. Когда сперва распарился, а затем водичкой холодной окатился. Вот совсем похожее чувство. И тепла мне не жалко, если щедро плещет, почему не поделиться?

Он голову уронил, а плечи вздрогнули, как если бы расхохотался беззвучно, в душе, но так громко, что вслух оно было бы даже обидно, и я могла совсем со смущения сгореть. Однако он, видимо, привык так жить. И все ему было насмешкой, потому что до сердца не доставало, потому что не пробирало по живому, как меня, как любого другого человека. Не могло коснуться обледенелой души, разжечь хотя бы смущения огонь. Ведь он все чувства людские хорошо понимал, порой, как сейчас, даже щадил, только сам давно разучился испытывать их.

Сердце Стужи провел ладонью по лицу, убирая веселье, точно стряхивая с себя осыпавшийся с ветвей снег, и махнул рукой в сторону леса: «Хорошо, чародейка, отвлеклись, и ладно. Пора за дело браться».

Глава 6

О СНЕЖНОМ УЧЕНИИ

Послышался тихий свист, и у кромки леса закружился и завертелся снег. Я моргнула от изумления, когда вышли к полю огромные звери с искрящейся шкурой. Боги, что это еще за напасть?!

Отступила в испуге, попятилась и провалилась по щиколотку. Тогда поразиться успела, что стояла поверх снежного покрывала рядом с магом, точно на твердом насте, и на том месте даже следов не осталось. Теперь же, отойдя, утратила опору и поскольку не подумала остановиться, то провалилась и ухнула спиной назад. Приподнявшись поспешно на локтях, я столкнулась нос к носу с оскаленной жуткой мордой, на которой синим огнем горели хищные глаза.

И снова тихий свист, и волчара, в чью пасть я поместилась бы целиком, отступил.

— Знакомься, друзья мои верные, — маг, который стоял себе спокойно неподалеку, скрестив на груди крепкие руки, повел головой в сторону волков, — помогут тебя учить.

Они?

Я еще подальше в снег отползла, было бы глубже, с головой зарылась.

— Эрхан, поможешь? — Бренн поглядел в сторону самого крупного из всех волков, выступившего вперед горделивой походкой вожака. Мягкие лапы по снегу пролетели, не касаясь, и замерли возле моего правого бока. А потом клацнули белоснежные зубы и сомкнулись почти на затылке, я только миг спустя поняла, что за шкуру ухватил и поволок обратно, уложил на наст рядом с магом. Сердце Стужи склонился, протянул мне руку.

— Вставай, чуть побегать придется.

— Куда побегать? — Я отдернула пальцы, не собираясь даже шевелиться, чтобы меня ненароком не съели.

— Размяться в лесу. С разминкой тело разогреется, легче будет силу принимать и передавать. Послушнее станет. Но если им попадешься, не засчитаю, придется заново бежать.

И на этом исчез. Испарился, как не бывало, а вокруг только волки остались. Они разом оскалились и стали ко мне подступать, и это мигом на ноги вздернуло. Зубы клацнули, а коса чуть дыбом на голове не встала, когда на глаза просвет между зверями попался.

Я рванула к нему и вылетела из кольца, помчавшись вперед, а позади завывли. И ведь понимала, что не съедят, но страх гнал не хуже вымоченной в кипятке хворостины. Как с тем же духом, ужас сам накатывал, независимо от того, что голова думала. Он был сильнее всех прочих ощущений и контролю совсем не поддавался. А когда вдруг из-за дерева выступила навстречу белая зверюга, я шарахнулась в сторону и запетляла между деревьями.

Вот точно так я петляла в ночи, когда загорались кругом чьи-то жуткие глаза, и так же тела не чувала от паники, летя и летя вперед, не разбирая дороги. Сердце из груди почти выскочило, ноги крупной дрожью дрожали и едва уже несли, кровь шумела в ушах и раскалывала голову надвое. Умру сейчас от бега этого безумного. Вот точно на месте умру.

Только подумала и тут же запнулась о корягу, упала, покатилась и замерла, распластавшись в снегу. Поняла, что на новый бег воздуха все равно не хватит, схлопнутся легкие, и нет меня.

— Засчитаю, — над головой голос раздался. И оказалось, что я не где-то в чаще лежу, а снова на поляне. На спине, раскинув руки и уставившись в далекое синее небо, лежу и пытаюсь отдышаться. А паника отступает вместе с животным страхом, на смену непонимание приходит, чего я так испугалась. — Хорошо размялась?

Я подняла голову, желая ответить, что лучше некуда, теперь еще полжизни ни вдохнуть, ни выдохнуть и на ноги не встать. Что нам те мальчишки в крепости, когда я по лесу точно спущенная с тетивы стрела летела, под ветви ныряла, над корягами прыгала, от пеньков отталкивалась, чтобы через яму перемахнуть, а волчары все равно в затылок дышали и ниоткуда прямо наперерез бросались.

Чтоб тебе так побегать.

— Теперь можно и за иные тренировки браться, если не передумала вдруг магическую науку постигать.

Я промычала в ответ невразумительно, а он знай себе насмехается.

— Точно не хочешь домой? Могу перенести. Вдруг сил не хватит обучение продолжать?

Уперлась я ладонью в снег, оттолкнулась и села. Потом кое-как на подрагивающие ноги поднялась, лишь на пару минут задержала ладони на коленях, полусогнувшись постояла, совсем дыхание восстановила и смогла ответить:

— Зачем сразу домой? Показывай, что еще интересного придумал.

Усмехнулся, глаза сверкнули искрами морозными, нечеловеческим светом зажглись: «Сама пожелала».

К крепости я подъезжала на спине снежного волка. Того самого, который Сердцу Стужи помогать вызвался. Эрхан. Это имя у меня в груди хрипело, а больше иных звуков из нее вырваться не могло. А еще я не гордо так верхом восседала, а свесилась поперек спины, ноги с одной стороны, а руки с другой болтались. У ворот же меня вовсе наземь стряхнули.

— Допек чародейку. — Я по голосу сразу Сизара узнала, потом ощутила, как снежный князь меня с земли подхватил покрепче и в полущубок, еще в лесу оброненный и ниоткуда вновь взявшийся, укутал и к груди прижал. — Волчара и есть. — Он фыркнул. — Что так сразу с головой в науку погружаешь? Наши мальчишки с месяц одну разминку осваивали, прежде чем научились с брусьев наземь не соскальзывать, на препятствия с размаху не налетать.

Я думала, войд не ответит, конечно. Ему ли перед князьями отчитываться. А Сизар с Севреном вдвоем за ворота вышли, остальные же пока моего плачевного состояния не увидали.

— Она по жизни ученая препятствия обходить, а времени мало. Не хватит его, чтоб науку на части делить, — отозвался вдруг Сердце Стужи. — Сколько успеет, столько возьмет, сколько сможет, столько и усвоит. Если телом своим не владеть, магией научишься ли?

Чем-чем, а телом я сейчас совсем не владела. Не помню, когда его чувствовать перестала. Может, после того, как поднялась на ноги и обнаружила себя не в поле, а на льдине посреди широкой холодной реки. И пришлось скакать зайцем, оскальзываясь, отталкиваясь и прыгая, а все равно не удержалась, соскользнула в реку и снова оказалась на твердом насте.

«Пока до берега не дойдешь, не засчитаю. Снова».

И это «снова» сейчас в моей голове крутилось. Перед глазами ущелья стояли, скалы обледенелые с выступами и выемками, за которые хваталась, стараясь на отвесной стене удержаться, и с которых не раз и не два вниз срывалась, падала в пропасть, а погружалась в снег.

«Снова».

Все то время, пока повторялись испытания, кажется, до бесконечности, я очень удивлялась, сколько мое тело еще выдержать сможет. Но каждый раз забывалось, что это лишь урок. По ощущениям, все вживую было и по-настоящему. А когда бежишь, летишь, прыгаешь, уворачиваешься или расплываешься вплотную к промозглой стене, нащупывая ногой опору, спасая собственную жизнь, думать не успеваешь, правда ли переломаются кости, если сорвешься, правда ли захлебнешься в ледяной реке и камнем на дно пойдешь. Инстинкты несут вперед, ведь выжить любому охота, и это сильнее всех прочих наук, которые можно и по книгам прочесть, и на словах объяснить. Боги знают, почему маг такое обучение мне выбрал — на грани, у самой черты, — но урок больно познавательным вышел, даже волки прониклись. После последнего испытания сам Эрхан подошел и снова за шкурку на наст вытянул.

— Эх, — Севрен вздохнул, — огонь ее не слушается. Тело жжет, а должен податливо по венам вместе с кровью течь подобно нашей морозной силе. Как ты, Весса?

Как я? Не поднимусь завтра для испытаний.

— Позаботьтесь, — услышала я голос войда, а после уже явно мне адресованное, словно мысли подслушал: — Не желая науки, не стоило и приходить.

Стало быть, поднимусь я завтра. Поднимусь и снова с рассветом на крыльцо выйду.

— Больно! Больно же!

— Тише, иначе сейчас весь дом сюда сбежится.

— Севре-ен.

— Не плачь. Позже легче будет. У тебя мышцы окаменели. Сейчас разомнем, завтра хоть с постели поднимешься.

— Я до завтра не доживу.

— Доживешь. У Бренна все доживают. Науку он крепко вгоняет, но дальше предела не гнет. Когда нас с Сизаром взялся обучать, он не в поле миражи создавал, он нас в реальные скалы закидывал. А там если сорвешься, то не в снег упадешь. Тебя, считай, жалеет.

— А-а-а!

— Севрен, дай я.

Снежный князь попытался оттолкнуть друга, который, притиснув меня к лавке, старательно разминал каждую мышцу, заставляя почувствовать, что вовсе не одна голова без тела у меня осталась.

— Да тебя уж пускал.

Сизоволосый оттеснил настойчивого мага и продолжил меня гнуть и до костей проминать. Сизар только хмыкнул. Он и правда первый меня в комнату внес и на лавку уложил, а после начал плечи, спину массировать, но вот его прикосновения от Севреновых очень отличались, они дрожь по телу вызывали, а натяжение мышц не больно ослабляли. В итоге второй маг его в сторону оттолкнул и сам мной занялся.

— Не тот массаж ей сейчас нужен.

— Ай!

Я снова не удержалась и громко вскрикнула, а в ответ строгий голос пышнотелой красавицы услышала, сурово спросившей:

— Вы чего тут с чародейкой творите, бесстыдники? Криком на весь дом кричит. Вот я вас половником сейчас...

Громкий стук и звон, словно кто-то ловкий от удара увернулся, а половник в стену ударился.

— Остынь, Белонег, помогаем ей, не видишь?

В ответ почему-то только тишина раздалась, а Севрен сказал:

— Разморозь, Сизар.

— Ну, князь! — И новый стук.

— Нега, не в настроении я шутки шутить, еще раз замахнешься, тут до вечера прстоишь.

— Еще и грозит! Ты погляди! А ну как вечером поставлю тебе пустую миску на стол, будешь знать!

— А половником махать направо и налево, не разобравшись толком, в самый раз?

— Довольно вам! — Севрен прикрикнул, а после отклонился, позволяя за собой разглядеть на лавке меня. — Погляди, все с чародейкой в порядке... почти. Бренн в ученицы взял, потому и вид такой.

— Что, сам? — ахнула красавица, уронив свой незаменимый половник.

— Сам, — вздохнули оба князя.

— Вот же ты бедная, — присела возле меня женщина, — вот же не повезло тебе, голубушке. Он ведь все соки из тебя вытянет. Князя надо было просить, да хоть того же Сизара, он пусть

непутевый, но тебя бы пожалел. Войд у нас жалости не ведает к ученикам. То-то кричишь. Я еще помню, как муж мой волком выл после собственных учений, говорит, еле выжил тогда.

— А никто другой с ней не справится, потому что огненная. — Мы даже не услышали, как в открытую дверь тихонько просочилась Северина. — На крыльце подпалины черные, а у Бренна в комнате рубашка брошена, и она впереди насквозь прожжена.

— Ну чего ты у войда в комнате забыла, Севушка?

— Прибрать заглянула.

— Точно! — так громко вскрикнул Сизар, что все остальные мигом замолчали. — Надо у Бренна плащ из комнаты позаимствовать. Завернем в него Вессу, и будет как новенькая.

— Он магией лечиться запрещает, или ты забыл? — возмутился Севрен. — Иначе тело не прочувствует, не закалится, не укрепит. Так что плаща он нам не даст.

— А мы тихонько, он и не узнает.

Думаю, не только я удивлялась, но и серьезный Севрен лишь диву давался, как князь нас умудрился уговорить. Сизар утверждал: «Мы совсем чуть-чуть магии возьмем, ровно столько, чтобы завтра на ногах устояла». Понятно, что мне ну очень хотелось не выползти, а гордо выйти утром на крыльцо, вот и дала слабину. Ведь так плохо, кажется, только тогда было, когда огненная магия изнутри выжигала. Севрен следом пошел, качая головой, но все же не бросил, пока мы по двору крались к стоящему отдельно дому.

— А где все? — не решилась громче шепота спросить. Уж очень безлюдной выглядела крепость.

— Бренн ушел, как всегда, дела лордские вершить, а остальные кто куда подались: у кого свои хлопоты, у кого наука, кому в город понадобилось. Днем обязанностей не только в крепости хватает.

— В город? Разве есть близко селение?

— Ближко нет, — улыбнулся Сизар. — Только как думаешь, сколько от крепости до людского жилья?

Я призадумалась, попыталась вспомнить, сколько сама шла. Ночь, кажется, или две? Воспоминания расходились и никак не могли подсказать точное время, прошедшее с момента ухода из дома.

— Сложно ответить, — промолвила обнявшему за плечи князю, — вспомнить не могу. Отчего так?

— Для каждого путь собственное время занимает. Лес наш насквозь тайными тропами пронизан, пойдешь по одной, будешь в городе через час, по иной отправишься, до самой южной границы дойдешь. Не зная таких троп, их не отыщешь, не чувствуя силу, никогда к крепости не выйдешь. Иные искали ее годами, а не дошли, кто-то за месяц добирался, а кто-то точно на звезду шел. Ее луч как путеводная нить ведет по одной из троп. По ней можно почти к самому полю выйти, если не собьешься. А коли сбился, тогда лишь сила подскажет и повести сможет сквозь отверстия во времени и пространстве.

— Чудно. — Я искренне восхитилась. — Удивительно все же крепость ваша устроена.

Не зря чувствовала, что пространство воли снежного лорда слушается, сжимается и растягивается так покорно, как иным рукам теплое тесто повинуется. Лепи из него что хочешь.

— Не то слово, — вновь улыбнулся Сизар. — Думаешь, иначе Бренн с чародейкой бы разговаривал? Коли нашла, обязан впустить, если сила внутрь пропустит.

За разговором мы незаметно дошли до массивной деревянной двери. Снежный князь провел рукой вдоль нее, не касаясь, и довольно кивнул: «Открыто».

— От кого бы он здесь запирался, — буркнул Севрен за спиной.

— Пошли.

Внутри лишь одна комната оказалась, не просторная и не узкая, с двумя окнами, одной широкой лавкой и ларем в углу. Ничего более. Признаться, я еще раз огляделась недоверчиво, но даже перины не углядела нигде, если только не в сундуке она, сложенная, лежала. На лавке вовсе даже одеяла постелено не было, только клубился дымок в изголовье.

— Вот он, нашел. — Сизар кинулся к постели войдя и обеими ладонями осторожно ухватил белоснежный туман, потом взял пальцами, встряхнул — и расстелился ему под ноги тот самый плащ, в который меня Сердце Стужи когда-то закутывал.

— Выносить не будем, — тут же сказал Севрен, — он почувствует. Давай укрой Вессу, только быстро. Я за дверью постою.

Он выскользнул неслышно из комнаты, пока Сизар ко мне подошел. Признаться, с каждой минутой все больше не по себе делалось, а ну как зайдет сейчас хозяин? Но раз решились на такое, не вылетать же тотчас наружу. Как ни крути, а тело продолжало болеть и жаждало облегчения. По всему выходило, что завтра с постели не встану.

Князь рядом остановился, и я ощутила, как опустилось на плечи невесомое покрывало. Сейчас от него тепло не шло, не грел меня плащ, но удивительные чувства вдруг появились. Покой, прохлада и боль постепенно начали отступать, а силы возвращаться. Словно заживались раны как на душе, так и на теле. Правда, и минуты это не длилось, Сизар мигом стянул полупрозрачный покров и тут же спросил: «Ну как?»

— Хорошо. — Я ответила, понимая, что теперь и без поддержки на ногах пройдуся.

— Отлично. Теперь уберем обратно, сделаем как было. Он ничего не заметит.

В кои-то веки не выходило у меня голову оторвать от подушки. Видела, что в комнате все светлее становится, а пошевелиться тяжело было. Проснулась сама, никто не будил, привычка давняя свое взяла. Дома в это время тоже подсакивать приходилось, в хлев бежать, после по воду, а дальше круговерть забот начиналась. Тут же никто не прикрикивал, из-за двери не звал, даже не велел сию минуту из-под одеяла выбираться, но вот зудело внутри понимание — не выйду, и можно с крепостью попрощаться.

Еще вчера Севрен объяснил, насколько непростую сделку войд с силой заключил. Не согласись я тогда на его цену, первого урока не получила бы. Нашла не нашла, а мог придумать, как отправить туда, откуда явилась. Бренну чародейку учить силой огненной пользоваться, что рыбаку охотника натаскивать. Магия моя была здесь чужой, и противоестественным казалось ее принимать. Оттого для усмирения дара и плату спросил такую, какую низкой не назовешь (я не назову, поскольку для каждого свои ценности). Вот и поставил ночь условием, а я согласилась. А затем и урок выдержала, не пожаловалась. И после всего, что довелось испытать, вдруг с постели не подняться? Думаю, тогда встретят меня со словами: «Где выход, не забыла еще?»

Со стоном подкатилась к краю лавки, стуча зубами, выползла из-под теплого одеяла и принялась поживее одежду натягивать. Пока одевалась, то и дело вопрошала мысленно, если сейчас мое самочувствие сносным назвать можно, каково без волшебного плаща пришлось бы?

На крыльцо я не выползла, это правда, но вышла на нетвердых ногах и на ступеньках сразу войдя заметила. Замерла против воли, кое-как выдавила:

— Утра доброго, лорд.

Что меня потянуло так обратиться, сама не ведаю. Сердце Стужи даже оторвался от созерцания чего-то там во дворе и ко мне голову повернул:

— Никак со сна не отошла еще, а ночью дворец приснился?

— Почему дворец? Лес снился со скалами.

Всю ночь-то я по нему мчалась, а после по горам скакала.

Хмыкнул.

— Потому что лордом меня лишь во дворцах зовут.

Я не успела на это ответить.

— Да уж! — раздалось раздраженное, и, удивленно вскинув голову, я разглядела, за чем так внимательно наблюдал снежный маг, а после увиденного на время позабыла об остальном.

— В крепости нашей все равны: хоть лорды, хоть князья, хоть даже простые маги или не маги вовсе. А я, чувствую, загостился здесь, пора в палаты княжеские возвращаться, — пыхтя, от души высказался Сизар.

Оба мага, вооружившись снежными копьями, разбивали лед и разрубали снег, которым был устлан широкий двор. Скинув рубашки, вкалывали лезвие в наст, после сдвигали кусок в сторону, обнажая под ним промерзлую землю, и снова замахивались.

Я даже села. Прямо на крыльцо рядом с войдом.

— А зачем это... К чему тут снег чистить?

— Чтобы никто не поскользнулся, — ответил маг.

В это время в ворота как раз Северина зашла с ведрами, увидела нас рядышком на крыльце и действительно поскользнулась. Взмахнула руками, а за ней тотчас взметнулся снег и обвился вокруг тонкой талии послушной рукой, удержал на ногах, но ведра из девичьих рук выскользнули. Правда, упали они странно, вода из них не выплеснулась, не окатила стеганую юбку и ноги в теплых сапожках. Все до капельки заледенело.

— Спасибо, войд, — поклонилась Северина и выпрямилась, комкая в руках тугую, перевитую лентой косу.

— Ты ступай, после сам принесу, — махнул ей Бренн, будто не видя, как бледная девушка, кусая губы, торопливо устремилась к женскому дому. Он ей вослед и не поглядел, зато я взглядом враз одереvenевшую спину проводила. Маг же вновь вернулся к тому, чем прежде занимался, принялся за князьями наблюдать.

Я, конечно, не знала всего, на что их сила снежная способна, но подумалось, будто снег она сколоть точно в состоянии. Потому не удержалась от вопроса:

— А магией не быстрее ли?

Те же князья могли, мне кажется, минут за пять весь двор вычистить.

— Быстрее, — спокойно согласился войд.

— А зачем тогда так? — на всякий случай даже рукой указала на яростно колотящих наст мужчин.

— Навык хороший развивает, терпением называется.

И взглянул на меня искоса, с усмешкой. Мельком взглянул, но тотчас дошло, за какое такое нетерпение оба князя сейчас расплачивались. Мне сперва жарко стало, затем сердце заколотилось, а после полущубок вдруг очень тяжелым показался.

Поднялась на ноги точно так же, как недавно Северина, хотела косу затеревить, но она крепко заколота давешним подарком оказалась, пришлось опустить руки.

— Мне тоже за копьё братья?

Смерил спокойным взглядом, не спеша отвечать.

— Что до тебя, чародейка... — И замолчал, будто задумался, а я затаилась в ожидании наказания и не рискнула даже оглядеться, когда двор вдруг пропал, а мы оказались в снежном поле на краю леса.

Отважилась посмотреть на лорда, лишь когда молчание совсем затянулось, увидела полыхнувшие синим глаза и улыбку на губах. А после губы шевельнулись, сказав: «Беги».

Я поняла, что для Эрхана давно уже стало забавой меня за шкуру из зыбкого снега

вытаскивать и у ног мага укладывать. Скалилась волчья морда, точно в улыбке, только что хвостом не махал радостно. Я от усталости вовсе разум утрачивала и жила ради момента, когда, как сейчас, войд одной рукой поперек груди перехватит и взвалит меня, точно куль с мукой, на спину мощного зверя, а тот потрусит радостно в горку. Благо не на свое плечо закидывал, и на том спасибо. С плеча вниз головой висеть задом к крепости совсем уж непотребно было.

И в этот раз князья нас встречать вышли. Умаявшиеся, пот со лба утиравшие. Такой широченный двор за утро вычистить — постараться надо. Это без устали махать и махать копьём, лед сбивая. Оно ведь по маленькому кусочку снег откалывало, это я хорошо знала. Доводилось подобным заниматься, после чего ныли часто плечи и руки. Однако явно закаленными маги были, не настолько измаялись, чтобы совсем уставшими казаться, будто подвора всего очистили.

Эрхан еще стряхнуть меня не успел, а Севрен уж подхватил на руки.

— Позаботься, — знакомую фразу ему войд сказал, а после Сизару: — Плохо справился. Плащ ты лучше добывал.

— Тьфу! — насупился князь и пробормотал себе под нос: — Как только узнал?

— Да было подозрение, что попытаетесь, — весело глянул на него лорд.

— В каком же месте худо справился? — Князь обернулся, осмотрел полностью чистый двор. — Ни снежинки не осталось.

— А это что? — повел рукой Бренн, и на глазах изумленного мага половина двора вновь под снегом оказалась.

— Бре-енн, — в голос застонал за нетерпение наказанный.

— Повторенье — мать ученья, — без капли жалости ответил Сердце Стужи, хотя искренняя мука на лице Сизара кого угодно бы тронула. — Мальчишек сегодня на себя беру. — И перевел взгляд на топтавшихся неподалеку мелких, махнул обоим рукой, и те мигом помчались за ворота.

— Вот точно загостился, — хмуро пробурчал Сизар, вновь занося руку с копьём, — пора княжество проводить.

— Проведай, — хмыкнул на это Севрен, перехватив меня поудобнее.

А я ведь даже за шею его взяться не могла, повисли руки безвольно, голова запрокинулась. Любая девчонка из деревни нашей за такого воина уцепилась бы, не преминула положением воспользоваться, по гладким мышцам, рубашкой не закрытым, ладошкой пройтись. Хоть просто полюбоваться. Когда еще вблизи на истинно мужскую красоту поглядишь, когда в сильных руках понежишься? Вот только меня не проняло. Напрочь отбил ледяной лорд охоту к иному, кроме стремления пожелать извергу этому дороги долгой и запутанной, чтобы, в лес зайдя, заблудился и звезда ему путь к крепости не указала. До того довел, что на красивых князей и мельком не посмотрела, могла лишь бесцельно в синее небо глядеть и зубы сжимать, чтобы стоном себя не выдать, пока он рядом был.

— А если Вессу с собой попрошу, отпустит?

Сизар посмотрел вслед ушедшему войду.

— А чего не отпустить? Сам знаешь, как он говорит: «Крепость не клетка».

— Весса, пойдешь со мной? Посмотришь хоть на что иное, кроме деревни своей. Наглядное лучше рассказов будет.

Да все равно, хоть на край света.

— После спросишь, — взглянул на меня Севрен. — На нее от усталости безразличие накатило, вот придет в себя, тогда и решит. Только если уйдете, утром придется снова ее Бренну отдавать.

— Куда я денусь? Не отдам, он сам заберет. А так хоть будет ей развлечение.

— Работай быстрее, — поддел его Севрен. — Чтобы времени на развлечения больше осталось,

а мы пока в избу, мышцы разминать.

После этих слов у меня непроизвольно стон вырвался.

Я смотрела на скрещенные передо мной, державшие поводья руки и думала, как удивительно порой судьба поворачивается. Живешь себе в деревне, во всем подчиняешься законам главы семьи и рода и даже помыслить не можешь о том, что жизнь бывает иной. Ты так привыкла, иного не знаешь, для тебя другая сторона никогда не являлась. Ты лишь слышала рассказы братьев и отца о городских диковинках, иногда умудрялась подсмотреть в чужих ладонях красивые гостинцы, но для себя ничего не просила, потому что знала, не заслуживаешь иной доли. Из милости не позволили когда-то погибнуть, из сострадания приютили подкидыша, не нужного никому, бросавшего тень на род, слабую чародейку с непонятным и бессмысленным даром. Да что ты могла требовать, глупая? О чем просить?

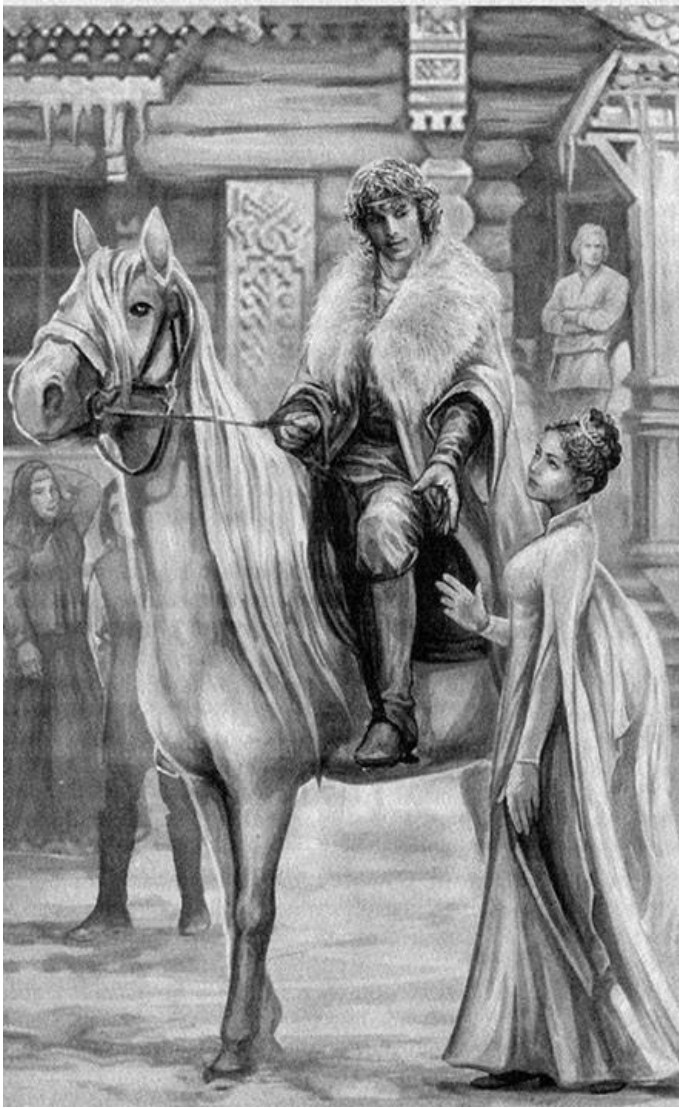
Радуйся тому, что имеешь.

Я отвела взгляд от расслабленных мужских ладоней, повела головой, оглядываясь кругом и представляя, как это выглядит со стороны. Ясно, что точно так же, как и в момент, когда это увидела, но все же захотелось снова представить.

Конь молочной масти с роскошной, отливающей серебром гривой, всадник на нем в богатом плаще, отороченном густым светлым мехом. В таком меховом богатстве рука утонет по самое запястье и потеряется, а еще он, наверное, пахнет трескучим морозом. Иного запаха и быть не может, поскольку лежал плащ на плечах не простого человека, а снежного князя.

Я Сизара не сразу узнала. Статный незнакомец в белоснежных одеяниях на необыкновенном скакуне казался героем из тех историй, что я сочиняла для своей Снежинки. Могучий, уверенный, красивый. Платиновые волосы тугими кудрями падали на лоб, перехваченные поверх сверкающим венцом из белого золота. И этот сказочный герой вдруг приблизился ко мне и протянул руку:

— Поедем?

Я с трудом закрыла рот и огляделась по сторонам, напомнив себе, что не сплю. Однако стоявший неподалеку Севрен, который лишь покачал головой и промолвил: «Позер», — чуточку вселил в меня уверенность. Ведь я не знала, какими они бывают, эти правители снежных земель. И явно у второго мага конь не хуже и одежды не беднее. Взгляд против воли скользнул дальше, к крыльцу, где, прислонившись к резному столбику и сложив на груди руки, в простой рубашке и с притаившейся на губах усмешкой стоял владыка над северной стороной. Наверное, примерь он свой лордский наряд, я бы сейчас вовсе сознания лишилась.

Столкнулась со взглядом прозрачных глаз и покраснела, когда кивнул и сказал весело: «Езжай, чародейка. Ты не хуже выглядишь».

Вот же нашел слова! Едва раскрыла рот что-то ответить, как он добавил: «Но раз во сто красивее». И еще взглядом окинул с головы до ног, отчего я мигом к Сизару повернулась, быстро вдыхая, чтобы согнать с лица пунцовую краску.

Одного такого взгляда достало бы нерешительность отогнать. Поняла тогда, для чего Белонег нарядила меня в белое платье из столь богатого материала, которого страшно коснуться. Еще и волосы умело наверх убрала, закрепив их в форме блестящей короны. И так крепко заплела, что кудри мои, которые в отличие от севреновских крупной волной вились и были страшно непослушными, теперь, казалось, боялись из прически наружу показаться.

Я когда встала и со всех сторон себя в зеркале оглядела, легонько коснулась расшитого серебром ворота.

— Это ведь чье-то. Можно без спроса брать?

Белонег головой покачала.

— Дикарка ты. Точно детеныш лесного кота, недоверчивый и вечно взъерошенный. Боишься лишний раз ласку принять. Богатств в крепости на несколько княжеских дворцов хватит. Это платье мне войд отдай, когда я спросила, могу ли для тебя в сундуки заглянуть.

От таких слов к искусной вышивке прикасаться страшно стало.

— А если запачкаю, если порву ненароком?

Женщина улыбнулась.

— В крепости все войду принадлежит. А шлют сюда много добра. Платье совсем отдай, ему оно без надобности. Хотя, — задумалась, замолчала на миг, — прежде подарками редко кого баловал. На моей памяти только за службу награждал.

Я застыла, переводя взгляд с ледяной заколки в руках Белонегии на отражавшийся в зеркале наряд.

— Я отдам. Как только вернусь, тут же тебе принесу.

— Отказывайся не отказывайся, а все равно приручит, — мудро промолвила красавица, взглянув на меня с затаенной грустью.

— Кого приручит? — не поняла, что она хотела сказать.

— Войда нашего дикие звери слушаются, смиренно с руки еду принимают. Волки снежные, самые непокорные существа, и те, точно ручные, все команды его выполняют. Вот и тебя приручает постепенно, незаметно.

Я отшатнулась, недоверчиво расширив глаза.

— Ночь спросил, но, думаешь, заставить станет? Сама согласишься, и с радостью. Вон, — она головой грустно качнула, — много таких побывало в крепости, кого он в итоге прочь отсылал. Привязывались, хотя с них ничего не спрашивал. Но не думай, Весса, будто войд наш плохой. Человеческими мерками его мерить нельзя, он иной совсем, ни на кого не похож. Любого мужчину понять можно, суть его разглядеть, с любым поладить нетрудно, надо лишь для себя разобраться как. А Бренна ни понять, ни осудить, ни даже пожалеть от души не выходит. Сочувствия не терпит, поступает всегда так, как сам решит, ни от чьего мнения не зависит, ни от чьего желания не отталкивается. Даже Стужа ему не указ, хоть сила богини единственное, что его сдержать может.

— Это ты к чему?

— К тому, чтобы ты сердце свое берегла. Ведь у войда оно хоть и есть, но в лед, точно в броню, заковано. Этого панциря не коснется тепло человеческих эмоций, не потревожит и не растопит. Пока Стужа не отпустит, так и будет. А она не отпустит, поверь. Хоть и богиня, а все же женщина.

— Она его любит?

— Как ледяной деве свойственно. Хоть для людей любовь такая хуже наказания. Потому и учеба твоя здесь лишь до поры, пока Стужа не прознала. Бери сколько можешь, а Бренн постарается больше дать.

— И что потом?

— Придет время уйти, эти навыки тебе пригодятся.

Глава 7

О КНЯЖЕСТВАХ И СЕВЕРНЫХ ЗЕМЛЯХ

Я отвлеклась от воспоминаний, потому что в этот миг деревья зачарованного леса расступились, а дорога повернула, и мы выехали на небольшой пригорок, с которого широкий тракт убегал вниз, а сверху был виден крупный город. Все дома из светлого камня, чаще в два этажа, они напоминали собой привычные избы разве что искусной резьбой. В нашем селении строили из дерева и наверху не достраивали комнат, а сооружали чердак. Здесь же на вторых этажах тянулись балконы, а на крышах были разбиты удивительные сады. Когда выпал шанс рассмотреть их поближе, поняла, что сады цвели за толстыми прозрачными стенами из стекла, потому никакой мороз им был не страшен.

Может, это те самые теплицы, о которых когда-то рассказывал отец?

Дорога в городе была не одна, она делилась на множество улиц и улочек, а главная и самая широкая вела в гору, и вот там, на вершине, стоял настоящий дворец.

— Это мой дом, — склонившись к самому уху (хоть я его и так прекрасно слышала), проговорил Сизар.

Он выпустил из одной руки повод, а второй крепко обхватил меня за талию: «Ну, вперед».

Конь помчал с холма галопом и на полном скаку влетел в город. Не сбавляя скорости, неся он по улицам, а из домов, магазинов и харчевен выбегали люди и склонялись до самой земли, приметив всадника в белом. Я вцепилась ладонями в его крепко державшую меня руку и еще теснее прижалась спиной к груди, опасаясь соскользнуть наземь. Замечал ли кто при такой скорости девичью фигуру впереди снежного правителя, я не знаю, но, судя по провожающим нас долгими взглядами девицам, замечали. Женщины всех возрастов высыпали на балконы и махали вслед белому скакуну, пока он играючи покрывал немалое расстояние до следующего холма, а после так же легко взбирался в гору, пока мы не достигли стен замка.

Нарочно или случайно задумывалось так, или поблизости не было залежей иного материала, но красивый княжеский дом был слеплен из того же светлого камня, что и дома в городе. И оттого создавал он наряду с иными строениями гармоничный и удивительный вид, а прожилками белесого инея плелся по стенам красивый узор. Настоящий северный город, красивый, добротный и снежный.

— Ну как тебе мои владения? — Сизар неслышно подошел со спины и остановился рядом, не протягивая, впрочем, наглых рук, чтобы лишний раз обнять.

Я смотрела из окна круглой просторной комнаты на поля, рощи, скрытые льдом реки, на селения, раскиданные целыми пригоршнями со всех сторон света. Их хорошо было видеть из главной башни замка, куда и привел меня князь.

— А где они кончаются?

— Вон та темная лесная полоса — граница Севереновского княжества. А если взглянуть из другого окна, то те горы — раздел между моим и Лыдыстым княжеством.

Полоски леса и гор были почти незаметны, словно ниточки, вытянутые поверх белого покрывала.

— Большое, — вздохнула я, представив себе размеры собственной деревни. — Это все города?

— Ближе к реке города, а за ними селения поменьше. В лесах живет немного людей, в деревнях вроде твоей.

Он указал рукой на карту, расстеленную поверх круглого стола из гладкого черного камня. Князь и в доме своем предпочитал тона темные и светлые, без мягких переходов, без пастельных оттенков. Красиво, строго, но холодно. Зато каждую вещь видеть, у каждой здесь свое место.

Карта мне больше всего понравилась, потому что когда Сизар махнул рукой, все города и деревни вдруг объемными стали, а лес сразу взметнулся над ровной бумагой и поднялся крохотными деревьями. Я принялась с любопытством рассматривать город, что в центре

княжества находился, самый крупный, над которым высился холм с дворцом.

— Это торговый тракт, — обозначил князь линию, теряющуюся где-то за границей карты, — по нему и ваши охотники из своих лесов в ближайшие города товар возят.

Он вновь повернулся к окну и замер, сложив на груди руки. Высокая его фигура отбрасывала длинную тень, краем задевавшую кончики моих новых, расшитых серебром сапожек. Их Белонегла принесла вслед за платьем, сказала, что у Севрена на дне княжеского сундука завалялись. А шапку и плащ теплый на плечи вместо привычного полушубка из седельной суммы уже Сизар достал. В общем, всем миром меня нарядили, чтобы достойно в княжество въехала.

— А это чей дом? — спросила, указав на большое здание рядом с центральной площадью.

— Градоправителя. Светская власть.

— Какая власть?

— Смотри сюда. — Он вытянул ко мне ладони, на которых закрутились маленькие вихри, потом они вдруг взметнулись вверх облачком и зависли странной раскидистой кроной из полупрозрачных клочков тумана, а на каждом из них покачивались буквы. Я приблизилась и изумленно потрогала среднее облачко, а палец как раз прошел сквозь букву «А».

— Магия! Снежная!

— Какая ж еще?

— А в крепости ты совсем редко колдовал.

Сизар равнодушно махнул рукой.

— Там магия Бренна слишком сильна, нашу перекрывает, потому и колдовать сложнее, да и почти без надобности. Сама видела, — он усмехнулся, — все руками делать приходится. — Снова повел ладонью и указал на верхнее облачко. — Это Стужа. — Повел руку влево. — Это Ледяной лорд, а здесь, — сместил длань пониже, — князя. Всего двенадцать княжеств и двенадцать правителей. Под каждым градоправителем, — он развел в стороны руки, и облачко с именем «Князь Сизаэрсского княжества» расширилось, просыпавшись мелкими снежинками, которые мигом выросли, и на них тоже закачались буквы «Градоправитель Инеистого округа», «Градоправитель Туманного округа», «Градоправитель Ледяного округа»... — всего числом двенадцать. Деление идет по количеству месяцев в году. Все поселения сформированы по округам с самым крупным городом, во главе которого и округа соответственно стоит градоправитель. Под ними дальше свои деления идут на селения поменьше со своими управителями.

— А градоправители — маги?

— Люди, — качнул головой Сизар, — у них на службе находятся снежные маги, это как личная гвардия и наша служба контроля. А то вдруг ухватит градоправитель ненароком, что плохо лежит, или притеснять начнет добропорядочных граждан.

— И все в городах про князей знают?

— В столице, конечно. А дальше собственная власть, как говорят, что родная рубашка ближе к телу. Но все их деяния нам известны. Об устройстве Северных земель преподают в школах. Князей относят к высшей власти, к магической ветви. Мирские вопросы решаются через правителей-людей.

— А что такое школа?

— Хм, ну ты в такую вряд ли ходила. Места у вас совсем дикие, если честно. И люди упертые, за свои предания и верования цепляются, иного не приемлют. Больно новшествам противятся, но со временем и это изменим, уж поверь, Бренн постарается. Не зря ему так долго пришлось порядок в северной стороне наводить. А кто, скажи, учил тебя читать или писать, а счет знаешь?

— Конечно. — Я обиженно скрестила на груди ладони. — В деревне старый мастер нас обучал, по вечерам у него дома собирались, а он и буквы, и счет — все показывал.

— Старый мастер. — Сизар улыбнулся беззлобно, с доброй усмешкой. — Ну вот в каждом

городе таких мастеров несколько, а в их ведении дома, которые школами называют, и там преподают основы, там же, если замечают одаренных магией учеников, выделяют их в отдельный поток. Они учатся обособленно, а по достижении определенного возраста для них находятся наставники или санамы из числа магов. В зависимости от дара он может взять от одного до нескольких учеников. На мой взгляд, это лучше и надежнее для процесса обучения, чем общий учитель для большого числа одаренных, как в академиях южных чародеев. Прежде у меня тоже имелся наставник, но моя сила оказалась выше, чем у него, и после я был отправлен в крепость.

— Ты не всегда был князем?

Сизар вновь улыбнулся:

— Князей Бренн сам ставит, сам обучает и подбирает время, когда им пора сменяться. Во главе княжества только самый одаренный маг может встать, чтобы у него было достаточно сил этим княжеством управлять. В моем ведении тоже есть маги, они стоят выше тех, кого принято относить к личной гвардии градоправителя. Например, муж Белонегии своего рода мой подопечный.

— Подчиняется тебе?

Сизар кивнул и снова махнул рукой, после чего осталось облачко с его именем, а под ним снежинки с другими именами, среди которых был и Адан, супруг Неги.

— Но он же в крепости, не здесь.

— Крепость — наш оплот силы, ее центр и средоточие. И в основном в ней остаются избранники Стужи и маги с самым сильным даром, те, кто в случае опасности сможет пойти в первых рядах. Бренн таких отбирает и князя.

— А мальчишки тоже по силе среди первых? Потому у них даже вы в наставниках?

— Так и есть.

— А избранники Стужи, они кто? И почему дар лорда самый сильный? А вас как-то иначе называют? Ведь не может, чтобы в легендах совсем ничего о князьях не упоминалось!

— Вот ты любопытная! — махнул рукой Сизар, рассеивая туманные облачка. — Я думал, привезу, расскажу пару важных моментов, чтобы после от Бренна отвязаться, а затем уж самое интересное начнется. А у тебя вопросов больше, чем снега в поле.

— А самое интересное — это что?

— Да разве учиться приехали? Учеба она там, в крепости, а у нас здесь развлечения. Увеселения в центре города, гулянья, танцы, угощения, диковинки со всего света. Столица на торговом пути стоит, тут всего хватает. Или мы в замке сидеть будем и с высоты окрестности обозревать?

Князь даже руками взмахнул, а его тень повторила, словно громадная птица.

— Поняла! — Я даже подпрыгнула на месте от мелькнувшей в голове догадки. — Тени, вот как вас называют. По преданиям, у Сердца Стужи двенадцать теней, все они разные, с какой стороны ни посмотришь, а ни одна не повторится.

— Отлично, я ей про гулянья, она мне про тени! Расслабься, Весса. Бренн ругать не будет. Думаешь, он тебя отпустил, чтобы имена князей и всяких градоправителей назвать смогла, когда вернешься?

— Сизар, а кто такие избранники? — воспользовалась тем, что недовольный князь на миг замолчал. Ему развлечения подавай, а меня пониманием о собственной отсталости накрыло. Он показать диковинки хотел, которых я в жизни не видела, а мне боязно становилось в тот город идти. Страшно представить, сколько народа здесь живет, и ведь все смотрят, оценивают.

Мужчина в этот миг прищурился, оглядел меня очень внимательно, после так решил:

— Сперва есть, потом в город, по лавкам и магазинам пройтись, а вечером остальные вопросы. Идет?

Я кивнула и уже хотела последний, самый маленький вопросик задать, как дверь распахнулась без стука, и влетела в комнату девица такой красоты, что я на миг дара речи лишилась.

— Сизарушка! — Не замечая меня, промчалась мимо счастливым вихрем и повисла на шее снежного князя. — Как же долго ждать заставил!

Досаду, проступившую на мужском лице, никакими словами не описать. И пока красавица его расцеловывала, крепко обхватив ладонями лицо, чувство это только крепло.

— А я все смотрю, смотрю, когда над замковой башней флаг вновь взвьется, и дождалась!

Восторга девы никакими словами описать невозможно, и она на секунду не заподозрила, будто он без ответа остался. В упор не замечала нахмуренных бровей, недовольно поджатых губ. До Сизара тоже быстро дошло, что простым молчанием не отделается, а потому живо от ласкания нежного отстранился, крепко за плечи красавицу взял и придержал на вытянутых руках, чтобы не дотянулась. Она же давай вертеться и пытаться его обратно привлечь.

— Адара! — встряхнул ее князь, заставляя хоть на миг прекратить мельтешение. — Что я непонятного при прошлой встрече сказал?

— Сизарушка, так не всерьез ведь?

— Как не всерьез? — опешил князь.

— Не мог о таком взаправду говорить.

— То есть не мог? — прищурился Сизар, оглядывая улыбчивое лицо девушки. — Что же ты подарок прощальный взяла и все вазы в замке расколотила напоследок?

— От неожиданности, княже. После одумалась, поразмыслила и поняла: пошутил тогда. Ведь у самого от тоски по мне сердце изболелось, вот и вернулся.

Я решила, что лучше всего будет за дверью подождать, и двинулась потихоньку к выходу, но, шорох услышав, Адара мигом обернулась.

— Кто это? — уперла руки в бока, зло прищурилась. — Что за девка?

Переход от счастья к гневу очень резким оказался, и я на месте застыла больше от неожиданности, чем от обиды. И заодно заметила облачко тумана, больно на сизую тучу похожее, из таких в ненастную погоду валит крупными хлопьями снег, и возникло оно аккуратно над ладонями Сизара.

— Гостя моя, — проговорил князь, в то время как скулы его побелели, а серые веселые глаза по цвету сравнялись с хмурым ненастным днем. — Выражения подбирай.

— Чтобы я ко всякой девке выражения подбирала! — И развернулась ко мне: — Прочь уходи!

Князь, которого я не узнавала, таким грозным и морозным он стал, вымолвил сквозь зубы:

— Прочь ты иди, и чтобы нога больше за порог не ступала.

Я б на месте девы не спорила. Нюхом чуяла, лучше сейчас слова лишнего поперек не говорить, иначе прилетит так прилетит, мало не покажется. Не смешливый и проказливый муж перед нами стоял, не тот, кто во дворе копьём снег рубил, а настоящий правитель, князь немалого княжества, и в его доме его же гостью посмели обидеть. Незвано пришли, но принялись собственные порядки наводить. Однако дева непонятливой оказалась. Вот точно красота такая за всю жизнь не успела печального опыта набраться, не могла, подобно мне, за версту грозу учуять.

А в воздухе уже клубился сизый туман, расползаясь от ладоней Сизара, стелясь по темной плитке пола, и глаза у князя засветились недобро. Меня мигом по коже мороз пробрал. Посмотришь и сразу смекнешь, изо всех сил пытается рвущуюся наружу магию сдержат.

— Беги отсюда, глупая, — прыгнула я к девице, дернула за рукав, толкая к двери. — Беги, если здоровье дорого.

— Еще указывать будешь, — злобно прошипела она в ответ, — я тебе за Сизарушку все косы повыдергаю.

Выдохнула мне в лицо, а я отшатнулась в недоумении. Повеяло ароматом знакомым, моронькиной настойкой. Крепким питьем, к которому отец в ненастную погоду любил приложиться. Я однажды из интереса лизнула кончик ложечки, смоченной в настойке, после полдня плевалась. Видать, совсем страшно было этой Адаре в княжеский дворец приходить, раз в помощницы дурманную отраву призвала. И только с виду она храбрилась.

— Стой, Сизар! — крикнула, с трудом разглядев неясную фигуру в тумане, которая будто вширь и ввысь раздалась, так причудливо колыхались тени в сизом мареве. — Пьяна она, не соображает, что творит!

И в ответ на мой вскрик громкий всхлип пришел с другой стороны, где девица осталась.

Я точно сквозь ненастную пургу ломанулась к князю, пробилась через туман и врезалась точно в широкую грудь. Уложила руки на плечи, тихонько погладила, а после решила лицо ладонями обхватить и опустила вниз, ловя его взгляд.

— Не злись, не казни, пожалуйста.

Взор будто посветлел, колючие искры, вспыхивавшие в глубине, медленно гасли. Туман отступать начал, а в середине его, обвитая холодными жалящими путами, надрывалась в плаче Адара. То ли додумалась наконец, то ли перепугалась так, что даже хмель отступил, но сообразила, с кем вздумала пререкаться.

Сизар тоже менялся на глазах, перестали искрить платиновые кудри, черты лица сгладились, руки опустились расслабленно вдоль тела, а кругом вовсе светло стало. Посмотрел он в ту сторону, где отпущенная на свободу ревела красавица, тряхнул головой и провел вдоль лица ладонью.

— Бездна пламени, — выдохнул, — вот уж не думал, Весса, как разозлиться могу, если тебя обидеть посмеют. Сам не сообразил с ходу, что она в здравом уме до подобного бы не додумалась. — А после уже незваной гостье своей велел: — Ступай, но не вздумай в будущем сюда являться. Все важное раньше было сказано, и не делай вид, будто тогда не поняла. Я объяснял, что чары не дрогнули, а ты согласилась большего не просить. Поздно теперь рыдать.

Я наблюдала, как в дверь вбежали двое охранников, Сизар указал им на девушку, а после велел до дома проводить. Мне тогда, со стороны на него глядя, понятно стало, он ее тоже жалел. А может, как некоторые мужчины, девичьих слез на дух не переносил. Не из той мужской породы был князь слеплен, чтобы на женщину руку поднять или нарочно боль причинить, ведь из последних сил пытался магию сдержать.

Опустела комната, и повисла в ней тишина, а я перевела взгляд на окно, разглядела за ним гомонящий огромный город и, вздохнув, проговорила: «Пойдем? Веселье ведь обещал и диковинки».

Он вострепнулся, знакомая улыбка изогнула губы, а после хмыкнул по-доброму: «Мало веселья оказалось? Ну, идем. Поесть и в городе можно».

— Давай вот это купим?

— На что мне такое украшение? Его надеть некуда будет.

— Не постоянно ведь в крепости находиться, можно и выбраться куда поинтереснее.

— Если и так, лишний раз наряжаться — внимание к себе привлекать.

— А чем плохо его привлечь?

— Как чем?..

Я задумалась, но ответ не придумывался. Жизнь научила, что лучше в тени держаться, подальше от чужих глаз. Так и порицания, и лишних тумачей избежать можно, а князь же предлагал нарочно перед всеми красоваться.

— Решила? Покупаем?

— Не нужно. — Я отвернулась от раздосадованного продавца, выставившего на лотке золотые

украшения, и посмотрела в другую сторону, где прилавки ломились от богатых тканей и роскошных нарядов.

— Хоть заколку возьми, — протянул Сизар золотую вещицу, но я побоялась к ней прикоснуться.

— У меня есть одна, вот, — склонила голову, показывая ледяное чудо, — красивая.

— Одна есть, — вздохнул князь, — а больше ей и не надо.

Не знаю, как часто Сизар бродил по торговым улочкам с другими девушками, но, думаю, редко они от подарков отказывались. Все продавцы мигом оживлялись, стоило нам на глаза показаться. Явно привыкли, что снежный правитель никогда не скупился. Мне улыбались столь широко и порой так явно подмигивали, словно подсказывали не бояться больше просить. Мол, отказа не будет. Но это они только вначале радовались, а как понимали, что для княжеского кошелька я мало опасности представляю, тут же начинали отбивать поклоны и уговаривать уже Сизара: «Ты только взгляни, княже, ну чем не искусство? Таких украшений в сундуках самой Стужи не сыскать».

— Хоть что-то ты хочешь?

— Правда ничего.

— Боишься, будто обеднею? Позволь хоть безделицу купить, а то все ожидания на корню сгубила.

Я взглянула на расстроенного Сизара, который шел сюда лишь с одной целью, посмотреть, как буду радоваться покупкам, и ткнула наугад:

— Вот это хочу.

Маг посмотрел по направлению моей ладони и изломил удивленно брови:

— Леденец?

— Вон тот, в форме кристалла.

— Что это за мелочь, леденец?

Я пожала плечами.

— Кому как. Я такие прежде не пробовала.

Не стала рассказывать, что если доводилось прогуляться раз в году до кочевой ярмарки, то обычно сладостей не перепадало. Я вкус леденцов совсем взрослой узнала, когда Снежка моя подросла. Помню, в первый раз взяла удивленно в руки веселого яркого петушка на палочке, покрутила, изучила с разных сторон, а все потому, что мелкая заноза из отца всю душу вытрясла: «А Веснуше взять? Ей тоже хочется!» До сестренки никому и в голову не приходило нечто подобное мне покупать.

Улыбнулась, вспомнив о Снежинке, на сердце потеплело, а Сизар, взглянув на меня еще раз, решительно направился к прилавку.

— Куда столько? — ахала я минут пять спустя, глядя, как сыпаются в новенький расписной сундучок сахарные пряники, кренделя, леденцы всех видов и еще какие-то темные фигурки.

— Это пробовала? — не заметил мой испуг Сизар и протянул одну из фигурок, похожую на котенка.

— Что это? — Я удивленно повертела ее в ладонях.

— Не верти, а ешь, иначе растает. Называется шоколад.

Куснув несмело крохотное ушко, я сперва застыла удивленно, позволяя этому чуду растаять на языке, а после зажмурилась. Пыталась с собой совладать, чтобы не накинуться сразу, засунув в рот всю фигурку, и не захрустеть ею так жадно, что князю за меня станет стыдно.

— Вкусно, спасибо, — с трудом (потому что язык от сладости к нёбу прилип, а вовсе не по иной причине) сказала Сизару.

Он улыбнулся в ответ понимающе:

— Я в первый раз, как попробовал, едва язык не проглотил.

— Ой!

Возглас этот раздался именно тогда, когда я позволила себе отвлечься, спрятать колючки и не быть каждый момент настороже. Ведь точно знала, в такие минуты всегда прилетает, откуда не ждешь. А тут забылась, позволила себе радоваться, наслаждаясь такой малостью, как веселый людской гомон кругом и яркое солнышко на голубом небосводе, а еще удивительный вкус на кончике языка, с которым по сладости только желанные поцелуи сравнятся. Душа раскрылась, сердце мирно билось в груди, я перестала замечать ревнивые взгляды. Ведь никто из тех, кто придирчиво рассматривал меня издали, с недовольством отмечая рядом высокую мужскую фигуру, не решился подойти и уж тем более не осмелился вновь оскорбить подобно выгнанной из замка Адаре. Вот я и ощутила себя под защитой, уверовала, что стыдиться нечего. Здесь — не в деревне. Безродную чародейку в моем лице не признают, да и одета не бедно, на бродяжку не похожа.

— Прошу прощения, какая же я неловкая! — Девушка с испуганным лицом и глубоко запрятанным в глубине глаз злорадством смотрела, как стекает по белой ткани и серебряным завиткам редкой вышивки красный клюквенный морс.

Мне шоколад горьким в тот же миг показался. Дыхание перехватило, пока опрокинутый на меня бумажный стаканчик красной жидкости медленно впитывался в мягкий дорогой материал. Плащ, как назло, в этот миг оказался распахнут, ведь я держала в одной руке сундучок со сладостями, а в другой — шоколадную фигурку. И все же прицельно метили, с тем чтобы облить, начиная с груди и заканчивая тканым серебряным поясом и белым подолом.

На Сизара взгляд даже не подняла, а ну как догадается, что сейчас чувствую, и всех вокруг из злости заморозит. И так захолодил суровым тоном:

— Это еще что?

— Ох, случайно! Я сожалею, простите, княже, — затараторила девушка, — ах, ткань какая белая! Ведь от иной могло и отстираться, а здесь...

И прервалась на середине фразы, а я едва шоколадного котенка не упустила из рук.

Как мерцает на лунной дорожке свежевывавший снежок, так и мое платье замерцало, а красные капли клюквы стирались и исчезали, пока не стал наряд вновь девственно-белым.

— Как же... — закусила губу ревнивица, а после развернулась и кинулась наутек, пока никто в себя прийти не успел.

Я подняла счастливые глаза на Сизара.

— Исчезло!

— М-да, — с досадой промолвил князь, — Бренн платье дал?

Кивнула.

— Вот я растяпа, — махнул рукой мужчина, — сам не додумался. И во дворце собственном опростоволохился, и на вещи не догадался чары наложить.

Я снова взглянула на белоснежную ткань и легонько тронула ее пальцем. Подушечку самую малость закололо. Снежная магия.

Заранее догадался войд, что такой поход без приключений не обойдется, вот Сизар и досадовал теперь.

— Ничего, — я погладила по руке нахохлившегося князя, — пустяки ведь. Зато лицо у той девы было такое, что я долго еще не забуду.

И рассмеялась искренне, от души, а Сизар немного погодя присоединился.

— И правда ничего! — Отсмеявшись, он поднял с земли забытый бумажный стаканчик. — Но людей отыскать ее я пошлю, пускай недельку в городской прачечной отработает.

Хороший день вышел. Такого праздника для меня прежде никто не устраивал. Сладостями князь закармлил, по лавочкам вдосталь поводитил, а когда увидел, что не уговорить меня на новые покупки, с грустью достал из кармана холщовый мешочек.

— Держи. Купи хоть обувь на замену, ну и остальное, без чего девушка прожить пускай может, но с меньшим удовольствием.

Как только хотела вновь отказаться, сжал мои ладони, заставляя крепко обхватить мешочек, и добавил:

— Это твое. Каждый, кто в крепость учиться приходит, более себя содержать не обязан. О мальчишках тех же заботимся. Думаешь, одна ты ни гроша за душой не имеешь? Немало одаренных являлось только с тем богатством, которое в руках уместилось. Пока учись, за вас ответственность несем, каждый санями за своего воспитанника. Очень хотел сам тебя порадовать, а это думал позже отдать, но раз от моих даров отказываешься, бери, что по праву принадлежит. Иначе от Бренна в первый черед мне влетит.

Много я не стала покупать, только самое необходимое. В мешочке едва ли вполовину монет убавилось, зато у меня прибыло вещей. Не сравнить с теми, что дома с чужого плеча доставались. А насчет монет Сизар не обманул, ведь и в деревне такое водилось — коли брал мастер ученика, то первое время сам его и кормил.

После покупок князь танцевать повел на замерзшее озеро. Сам меня в ботинки с ледяными лезвиями обул и в центр вытащил.

— Вид оценишь? — неслышно подкрался сзади тот, о ком сейчас думала, и положил ладони на перила, остановившись за моей спиной.

Сперва неловко стало, поскольку очутилась почти в объятиях, но, напомнив себе, что Сизар он Сизар и есть, постаралась стряхнуть неловкость и посмотрела, куда он указывал.

— Пазори, — вполголоса проговорил маг, наклоняясь чуть ближе.

А с высокого балкона дворцовой башни открывался вид на настоящее волшебство. Затаив дыхание, согреваясь теплом стоявшего так близко мужчины, я смотрела, как разливается по темному небу белый свет, как он розовеет и наливается насыщенным багрянцем, раскатывается на млечные полосы, а после играет всеми оттенками красного, быстро сменяясь радужными переливами. Цвета сходятся, расходятся, мерцают, превращают небо в драгоценную шкатулку, у которой нарочно откинули крышку, чтобы выпустить на свободу сияние самых редких в мире самоцветов.

— Откуда? — Я не решалась говорить громче шепота, чтобы не нарушить такой хрупкой и необыкновенной красоты.

— Над дворцом Стужи сияют, — ответил князь и вздохнул.

Мы молча стояли, пока не погасли последние отблески. Мужские руки с перил скользнули на мои ладони, накрыли.

— Не замерзла? — шевельнуло локон на шее горячее дыхание.

Я покачала головой, а руки князя прошлись от запястий вверх, сжали плечи.

— Кто такие избранники Стужи? — чуточку хрипло спросила, ощущая, как дыхание на шее еще жарче становится.

Еще один вздох, и князь отстранился.

— Идем.

— Это кристалл. — Над черным столом возникла картинка, через которую легко проходила моя ладонь, но выглядела она самой реальной и переливалась живым алым пламенем. — В него Стужа заключает пыл страсти тех, кого избрала. Большинство князей ею отмечены.

— Как отмечены?

— Очень просто. Своего избранника она целует, забирая жар человеческого сердца, а после запирает в непроницаемый кристалл.

— Зачем?

— Чтобы самые сильные маги служили только ей, чтобы, не помня себя, бросались исполнять любое повеление и, подобно покорным рабам, являлись на первый зов.

Впервые в голосе Сизара я услышала горечь.

— Неужели заставляет?

— В том-то и дело, что добровольно. — Он невесело усмехнулся. — Согласие даешь сам и целуешь с охотой.

— Как... — у меня быстрее заколотилось сердце, — как заноза?

— Заноза? — печально повторил князь. — Нет. Гораздо хуже. Если не освободишься от навязанной страсти, тоска изведет тебя вдаль от нее так, что жить не захочешь. Да и рядом находясь, видя ее, будешь каждый раз забывать себя, собственные желания и мечты. Богиня все собой затмевает.

Он резко отвернулся, пряча руки, а мне показалось, будто стиснул кулаки.

И правда, заноза лучше. Себя я не забывала, и теперь, оказавшись рядом с ледяным лордом, чувствовала даже больше человеком с собственной волей, чем когда в семье жила.

— И не освободиться? — спросила тихонько, не решаясь подойти и погладить его по напряженной спине.

— Можно. Если полюбишь. — Он вновь вздохнул. — По-настоящему. Тогда сердечное пламя так взметнется, что расколется лед кристалла и выпустит сердце на свободу. Иногда Стужа и сама отпускает, когда наиграется.

— И нет ни одного, не отмеченного ею?

— Среди князей и воинов в крепости отмечено большинство, но есть те, кто освободился. Ты видела жен. Они в свое время смогли от чар избавиться, потому Стужа позволяет им в крепости находиться. А так она женщин не терпит. Мало магичек, снежной магией одаренных. Только если природа сама верх взяла и в крови девочки заиграл снежный дар. У вас, чародеев, с этим проще.

— Значит, Стужа заставляет вас в крепости жить?

— Нет, — князь развернулся ко мне, но смотрел будто мимо, в окно круглой комнаты, на темное небо в россыпи звезд, — сила Бренна схожа с силой Стужи, она позволяет нам жить почти обычной жизнью и почти свободно дышать. Стужа войду, мы забываем об этой муке, а вдаль она вновь возвращается. Но все же иметь надежду лучше. Мы остаемся людьми, это дает веру, что в один прекрасный день каждый из нас избавится от чар. Бренну хуже, у него надежды нет.

— Почему? — выждав какое-то время, но не дождавшись от Сизара продолжения, решила уточнить.

— Мы можем и обычную девушку поцеловать без риска ее насмерть заморозить, а значит, шансов больше. В его же сердце жара не осталось, давно погас, вот магия Стужи и проникла глубоко. Потому сила у лорда такая, какой ни один другой маг не наделен, но и цена за нее заплачена непомерно высокая. Поверь, никто из нас с ним местом не поменялся бы, хотя Бренн единственный, кто при виде богини разума не теряет. Стужа его чувств также затронуть не может, как любая другая женщина.

— В чем же отличие?

— Мы жар отдаем, а он сердце целиком отдал, в этом отличие.

Глава 8

О РАЗНОЙ СИЛЕ

На крыльцо я выползала с такой же охотой, с какой можно теплую постель на холодный сугроб променять. Вот чувствовала, сейчас искупают меня сразу в нескольких таких, и за шиворот немало снега насыплется, и в сапоги набьется. Хотя с одеждой я постаралась, вчера для занятий выбрала себе безрукавку, в которой и легче, и не столь жарко по препятствиям наколдованным скакать. Полушубок вечно расстегивала, а он распахивался и норовил за любой куст зацепиться. Сапожки тоже присмотрела подходящие, Сизар посоветовал. Он в одежде на удивление хорошо понимал, особенно в женской. Еще купила то, что князь костюмом назвал, — штаны удобные и рубашку.

Маг уговаривал на ночь в его дворце остаться, а я в крепость попросилась. Сказала, что иначе к утру не успеем, ведь по лесу еще ехать. Он хоть нахмурился, но согласился, видать, почувствовал, как сильно мне хотелось от заботы такой и внимания поскорее удрать. Что говорить, умел Сизар согреть и утешить, такому только улыбнись в ответ и вместо очередного вопроса на очередное объятие хоть разок промолчи, сама не заметишь, как на огромной княжеской кровати окажешься. Я ее успела увидеть, когда Сизар по дворцу провел. Однако заставлять маг не привык, не его это было, вот и отпустил, точнее, лично вернул. В княжестве он не остался.

Отворив дверь и выпав наружу, где воздух покалывал разомлевшее в тепле лицо, я споткнулась о лежавшее поперек двери мохнатое тело. Ведь вылетела, как обычно, спеша на урок не опоздать, дверь на себя рванула, выскочила, запнулась и полетела головой вниз через ступеньки.

— Еще одна наука, — раздался знакомый голос, когда столкновение моего лба с деревом предотвратила крепкая рука. Подхватил нерадивую чародейку в полете, и я повисла головой вниз, животом через локоть в той удобной позе, когда в самый раз слова хворостиной подкрепить на будущее. Конечно, войд иным способом втолковывать не стал, для него всегда один раз достаточно было сказать, чтобы больше никто ошибок не повторял. Поставил меня Бренн на ноги напротив себя, а я запрокинула голову, в который раз досадуя, что он настолько выше: как ни тянись вверх, ни старайся чуточку больше казаться, а даже до плеча не дотянешься. Блоха мелкая и есть. Правда, эта мысль быстро из головы моей улетучилась, и я вновь уже пристально оглядела непривычно одетого войда. Вместо рубашки и штанов, в которых на тренировке меня гонял, накинутый на плечи мерцающий плащ, а на груди полупрозрачные, плотно пригнанные друг к дружке мелкие звенья ледяной кольчуги. Она была перехвачена в поясе широким ремнем и шла ниже бедер, почти касаясь голенищ высоких сапог.

— Биться, что ли, будем? — ахнула, разглядев это облачение и от страха примерзши к месту.

— С тобой? — приподнял бровь войд, окинув одним из своих говорящих взглядов. Ага, ему на одну ладонь меня посадить, а другой сверху прихлопнуть, больно надо для этого в кольчугу рядиться. — С тобой сегодня Эрхан со стаей займутся. — А после, повернувшись к волку: — Под твою ответственность.

И огромный белоснежный волчара, словно в совершенстве понимая человеческую речь, поднялся, встряхнулся и прыгнул с крыльца, вмиг очутившись рядом с нами и вновь скаля на меня свою морду. Впрочем, к его «улыбкам» я почти привыкла.

— Как он? А ты куда? — ухватила войда за локоть, с трудом подавив желание выставить его между собой и довольным волком, больно радостно светились глаза Эрхана. Без Бренна где-то рядышком совсем не хотелось мне от стаи в лесу убежать.

— Биться, — легко стряхнув мою ладонь, увернулся от перепуганной ученицы лорд. Опустив к земле руку, шевельнул пальцами, и на моих глазах из голубого льда начал сплетаться удивительный меч. Тогда я с изумлением оглядела широкий двор, приметив, как собираются здесь облаченные в похожие наряды князя и лучшие воины крепости. Сердце сдавило на миг.

— С кем биться?

— С великанами ледяными, — спокойно и невозмутимо ответил войд. Так, будто сказал, что на прогулку с друзьями выбраться решил.

— Что же, вот так и отправитесь?

— Как так?

— Ни обряда на удачу, ни оберегов на вас.

— На удачу поцеловать можешь, чародейка.

— Всех поцеловать?

— С меня начни, я им после на словах передам.

Опять шутит и смеется. Ему хоть к великанам, хоть в поле на урок — все одно. Нигде не дрогнет. У нас у всех, с меня начиная и заканчивая крепко обнимавшей мужа Белонемой, дрогнет, а у него нет.

Насмешками своими разозлил не на шутку.

— А вот с Сизара начну, ему нужнее. Он больше переживает. Пускай после вам и расскажет.

Войд задумчиво глянул в сторону непривычно хмурого князя.

— Нет, — качнул головой, — с него если начнешь, к концу битвы только закончите. Ладно, чародейка, ты уж решай, будешь мне удачи желать или нет?

Взглянул, потешаясь, руки, на груди сложенные, и губы поджатые оценил, вздохнул вроде как грустно.

— Нет так нет.

— А вот и да! Чтобы после не говорил, будто я вам удачи пожалела!

Довел издевками своими!

Как запрыгнула на ступеньку, потянула его за плечи вниз и в щеку быстро чмокнула.

— На удачу, войд.

В который раз уже на то расчет не сделала, что и он не лыком шит. Еще скорее, чем я отстраниться успела, за шею обхватил, с крыльца стянул и, держа на весу, поцеловал в губы. Быстро, решительно, но раза в два нежнее, чем мой клевок в щеку. Я даже отвернуться не сообразила.

— Это в благодарность. Спасибо, чародейка.

И прямо на спину Эрхана ссадил, видимо, чувствовал, что от изумления на ногах не устою. Я вцепилась безотчетно в густую шерсть, а войд хлопнул ладонью по покатому боку: «Вези».

Оглянувшись у самых ворот, увидела, как шагают они вместе в мерцающую белую пелену по центру двора, а после разом исчезают.

Горестный вой разорвал тихое снежное утро. Сверкающий иней, укрывший каждую веточку, будто удивленно моргнул, блеснув холодными белыми огоньками, а волшебную тишину разбил веселый смех. Он разом наполнил картину идеальной холодной красоты так недостававшим ей теплом, зазвенел кристалликами льда и отразился от укутавшего подножия высоких деревьев снежного покрывала.

— Эрхан, а Эрхан? Не достанешь? Неужто не достанешь?

Я качнула ногой, дразня печального снежного волка. Его выразительная морда была исполнена такой скорби, что не изучи я наглого предводителя стаи столь хорошо, действительно пожалела бы и решилась слезть. Сейчас же и не подумала поддаться искушению и вновь радостно заболтала ногой.

Честно говоря, на дерево меня именно стая загнала. Увлечлись они без войда, даже о том, чтобы с трудом переводящей дух чародейке минутку дать в себя прийти, позабыли. Развлекались уж развлекались, точно кошачья ватага, изловившая единственную мышку.

В последнем забеге, признаться, самой с трудом вспоминалось, как заметила впереди раскидистое дерево со снежными лапами едва не до земли и кинулась к нему, уже чуя, что

точно покажется из-за толстого ствола белая морда, но не желая вновь сворачивать и бросаться в сторону. А нежелание было столь сильно, что когда ухватила в прыжке за одну из веток, ногой оттолкнулась от той самой морды, в удивлении позабывшей даже обнажить свои острые зубищи, и взлетела выше. Вскрабкалась на самую дальнюю, но надежную ветку, и прильнула к стволу, глядя, как внизу собирается озадаченная стая. И сама подобной прыти от себя не ожидала, однако чувствовала уже, тело стало иным, более гибким, более послушным, такие трюки проделывать научилось, я только диву давалась.

Вот и сейчас, сообразив, что сумела предвидеть, где затаится волк, и использовать это к своей пользе, молча себе удивилась. Бывает же! А прежде думалось, никогда не наступит тот момент, чтобы смогла от стаи уйти.

— Эрханчик, Эрханушка, ну прыгни, прыгни повыше. — Волк снова горестно взвыл. Ему, бедному, было меня отсюда не снять, хоть он и старался.

Сперва он на задние лапы поднялся, а передними в ствол уперся, и ощутимо качнулось дерево. Я пискнула и вцепилась в него изо всех сил, но корни намного крепче волчьего веса оказались, устояло мое спасение, а волк начал прыгать вокруг, точно заяц, чем очень меня насмешил.

— Хорошо, что ты не войд, — сказала грустному снежному зверю, — он бы мигом меня спустил, а так я даже подремать на веточке могу, вполне широкая, сгодится вместо постели.

Эрхан зарычал, а после вытянулся во весь свой немалый рост и опустил морду на лапы. Стая последовала его примеру, окружив мое убежище со всех сторон.

— Плохой трюк, — немедленно заявила вожаку, — я тут еще долго продержаться смогу, а

Бренн, если вернется и увидит, что все это время ты мне дал на дереве отдыхать, точно не похвалит.

Волк насторожился, будто действительно понимал мою речь.

— Ага, не хочешь, чтобы от мага попало? Я, признаться, тоже. Давай мир заключим? Я послушно спущусь, а вы больше гонять не будете? Время тренировки уже прошло, сам знаешь.

Эрхан коротко рыкнул, отчего его стая вновь поднялась на лапы, встряхнулась и потрусила в лес. Под деревом остался только вожак.

— Значит, договорились? И отлично. Я ничегошеньки Бренну не скажу, ни полсловечка. Ему сейчас недосуг наблюдать, уж явно делами поважнее занят.

Аккуратно выбирая место, куда поставить ногу, и цепляясь за ветви, я принялась спускаться.

— Эрхан, а ты великанов видел? Говорят, они ужасные, а еще ростом выше трех человеческих. Но маги, пожалуй, справятся. Ведь не впервой?

Волк промолчал, не желая развеивать моих опасений хотя бы презрительным фырканьем, которое в иные моменты у него на диво хорошо выходило. Уж по нему я бы догадалась, что для снежных воинов великаны сущая мелочь. И почему не додумалась раньше подробно узнать, в каких схватках погибали обитатели крепости, как муж соседки Северины. Говорила себе, в этот раз точно бояться нечего, но все сжималось внутри. Хотя с чего? Ну кто я им? Ведь временно здесь, пока силой владеть обучаюсь. Неужели умудрилась привязаться? А иначе с чего всю тренировку мысль не отпускала, как они там? Но привыкнуть к обитателям крепости за совсем короткий срок? Ведь чудилось, минуло немного времени, однако сегодняшний урок показал, что тело немало выучить успело, а такое быстро не дается. Неужто войд со временем поворожил?

— Р-р-р! — Эрхан рыкнул столь грозно, что я, почти уже спустившись, не удержалась и разжала пальцы. Сорвалась прямо в сугроб, вновь набрав себе за пазуху снега, а вожак повернулся мохнатым волчьим задом и сел.

Оскорбленное волчье самолюбие я долго и безуспешно умасливала. Даже предприняла попытку погладить, напоролась на грозное рычание и от греха подальше поскорее отдернула руку. Кроме Бренна, Эрхан никому не позволял себя касаться. В итоге до крепости добиралась на своих двоих, а протиснувшись в ворота, отметила, что после долгого подъема в гору сквозь рыхлый снег (ничья магия ведь меня на нем не держала) ощутимо подрагивали ноги. Пройдя весь двор, присела на крыльцо и решила, что, пока воины не вернутся, с места не сдвинусь.

— Ну что сидишь? К крыльцу еще не примерзла? Там на кухне дел неуворот, вернутся мужчины, все сметут подчистую. Они после таких вылазок уж больно голодными приходят, сил немерено тратят.

Хмурая Белонегя взяла дров из поленницы и вновь направилась в избу. Я скользнула в дверь следом, даже стыдно стало, что прохлаждаюсь, пока они здесь все умаялись от стола к печке порхать. Ноги ведь мои почти не дрожали.

Нега вручила нож и подтолкнула табурет, на котором я и устроилась, принявшись чистить овощи. Стоять при подрагивающих коленях все же непросто.

В крепости, как говорил Сизар, все и всегда были при деле, но я обычно иную работу на себя брала: постирать, заштопать, починить, а на кухню не больно стремилась. Просто здесь за работой многие собирались, а со мной, кроме Неги, не шибко рвались общаться. У них всегда разговоры, да шутки, да смех, а я себя лишней ощущала. Пышнотелая красавица объясняла, что я сама виновата, и если буду дальше чураться, то так и не подружусь ни с кем.

— Они бы и хотели поближе тебя рассмотреть, ты ж сама не даешься.

— Я небольшая мастерица по девичьим посиделкам, — отвечала ей.

— Тоже мне трудность нашла, не все из нас ревниво на тебя смотрят.

— Не все, но многие?

— Замужних из нас половина, чего ради будем к войду ревновать? А на остальных плюнь, им в

диковинку, что он ученицей тебя взял, — про ночь она промолчала, — им невдомек, чего ради с тобой возится. А я с мужем согласна, дар хоронить нельзя, его взрастить следует и научиться правильно применять.

Не раз подобные разговоры она со мной вела, но как-то уговоры уговорами, а мало приятного сидеть под недовольными взглядами. Сегодня же Нега вовсе не церемонилась. Видела я, нервничает наша красавица, то и дело застывает и словно прислушивается, а не вернулись ли маги. Остальные замужние тоже с виду напоминали ниточки, натянутые на ткацком станке, а прочие — магини снежные и просто в крепость по разным причинам принятые — свободней себя вели и болтали веселей.

Нега еще не о каждой мне рассказала — как очутилась в крепости, на какой срок задержаться решила, — руки лишние в таком хозяйстве всегда требовались, но судьбу свою не всякая здесь устроить могла. Я же прежде только о Северине пыталась выведать. Белонега под большим секретом поведала, что у той не осталось родни, а сама она едва не дошла до последней черты, почти решилась собой торговать, но в отчаянии, едва увидев первого своего клиента, отважилась на магический договор. Что Сердце Стужи с нее спросил, Северина никому не рассказывала, а от Бренна и подавно было не вызнать, однако осталась девушка в крепости по собственной воле. Нега еще добавила, что угораздило же красивую и к магии снежной устойчивую деву не в того влюбиться.

— Давно бы была пристроена, — ворчала она, — вот как только ее взгляд от Бренна отлипнет, так и научится других замечать.

Но Северины я меньше смущалась, чем той же Игны. Оставшись в крепости после гибели мужа, снежная чародейка нового себе пока не присмотрела, а кто ей был по нраву, даже Нега сказать не могла. Однако я черноволосой синеглазке не нравилась. Я точно знала, такие вещи просто нюхом чуяла.

Сама Игна на кухне тоже нечасто появлялась, у нее дела были как раз такие, какие магине положены. Работу она для себя колдовскую выбирала, а спрос всегда имелся: где расколоть или, напротив, в лед заковать, где путь очистить, а в ином месте преграду поставить. На всяких снежных созданий она не охотилась, это к иной категории следовало относиться, к той, что так и называли — охотниками.

Меня же больше смущало, когда взгляд магини на себе ощущала, точно тяжелую руку, в спину ли Игна глядела, рядом ли проходила, обернувшись мимоходом. Таких молчаливых, будь моя воля, за версту объезжала бы, потому как непонятно никогда, что у них на уме.

Сегодня синеглазка тоже у плиты толкалась и, признаться, хорошо спорилось дело у нее, я даже разок залюбовалась, как красиво взбивается тесто с помощью магии. Чуть заметное движение воздуха, парочка осевших на мягком боку снежинок, а оно само приминается, переворачивается, снова взбивается. И силу свою Игна хорошо контролировала, поскольку тесто у нее в ледяной ком не смерзлось и даже не твердело. Это ж надо уметь! Я вздохнула самую малость грустно, а в этот миг дверь кухни с таким громким стуком распахнулась, что почти все вздрогнули.

— Вернулись! — влетел мой давешний знакомый. — Одолели великанов!

Все посыпались тут же за порог. Ученик Сизара первым обратно вылетел, за ним Белонега кинулась, ну а я в последних рядах.

Над головами тех, кто не бросился в первую очередь к мужьям, выглядывала я знакомые лица. Вон копна платиновых кудрей, с которых свалился ледяной шлем. Слиплись они, но, слава богам, не от крови. А вон и сизоволосая макушка склонилась точно под тяжестью, а сам Севрен сидел прямо на снегу, упершись локтем в колено. Супруг Неги не сидел, лежал, и вот там, под смятой с одного бока кольчугой кровь запеклась. Белонега, бледная как полотно, бросилась к мужу. Он приподнялся ей навстречу, протянул руку, улыбнуться хотел. Я слышала, она крикнула: «Лежи!» А после к ним уже мальчишки подскочили с носилками, поставили рядом на снег, а двое воинов туда пострадавшего переложили и понесли в иную часть крепости, где у нас завсегда помощь оказать могли.

— Бренн где? — Северина спросила, остановившись рядом с обоими князьями, к которым я тоже рискнула приблизиться.

— Там, — повел плечом Севрен и поморщился, — остался, как он говорит, «прибрать после побоища».

Игна, которая резво протиснулась в самую гущу, обернулась к крыльцу и крикнула:

— Лавки готовьте.

Несколько девушек сразу скрылись в доме, одна я не поняла, для чего готовить. К пиру там столы накрывать, а не лавки. Когда же потянулись героини наши в женскую избу, я тоже следом пошла. В удивлении наблюдала, как на укрытых толстыми покрывалами лавках вытягиваются скинувшие верхние одежды и оставшиеся в одних портах маги, а к каждому подходит девчонка и начинает разминать.

— После сильного колдовства, особенно боевого, — увидев мое лицо, пояснил зашедший в дверь Севрен, — мышцы колом встают, затвердевают, почти как у тебя после первого урока. А когда разомнешь, сразу легче становится.

И он упал на ближнюю лавку, а к нему подскочила Северина. Со знанием дела уперлась коленями в поясницу, положила ладони на плечи и стала мять. Игна Сизаром занялась. И выходило у обеих столь хорошо и споро, точно за долгое время в крепости успели наловчиться. Но самое удивительное, что по телам магов змеились рисунки, такие под утро на окне мороз рисует, белые и ломкие. Они сейчас хрустели и разламывались под кожей мужчин, смятые девичьими ладонями, подобно тому, как смахивается выросший на веточке иней или разрушается под ногой белая корочка, затянувшая мелкую лужицу.

Я сперва поглядела-поглядела, потом неловко стало, вроде как одна без дела стою, а к иному пока и приступить рано. Не умею еще так разминать, тут сноровка нужна. На кухне было все готово, на столы накрывать не просили. Сперва бы воинам нашим в себя прийти, а после уже пировать.

Протиснувшись бочком мимо лавок в широком зале, я по коридору рядом с кухней прошла в свою комнату. Призадумалась, нужна ли помощь Неге, но решила, что лучше не мешаться под ногами. И после заметила аккуратно свернутое на кровати белое платье.

Я же его вернуть хотела да позабыла совсем. Собиралась Белонеге вручить, чтобы она Бренну отнесла, но теперь не с руки было ее отвлекать. Я подхватила сверток и решила сама, пока войда нет, быстренько оставить в его комнате. Даже не знаю, почему Сизару и Севрену спокойно плащ с сапожками вернула, а вот перед Сердцем Стужи смущалась. Зато сейчас момент был самый подходящий.

Быстро добравшись до отдельно стоящего дома, я сперва все же стукнула в дверь, а после ее отворила. Глянула внутрь — пусто. Тогда скоро вошла, стянула сапоги, чтобы не оставить в чистой комнате мокрых следов, и поспешила к сундуку. Аккуратно положила платье на крышку и повернулась обратно к двери идти, когда засиял воздух, и шагнул на середину комнаты маг. Я замерла, где в тот момент стояла, а он выдохнул, рванул рукой с плеча плащ, заметил меня, приостановился на миг, но вроде даже не удивился: «Встречаешь?» — с привычной своей насмешкой спросил, в то время как я придирчиво оглядывала, не смят ли где доспех, не видна ли на белом красная кровь.

— Что? — занятая пристальным осмотром, не смогла с ходу сообразить, о чем спросил и как ответить.

— Испереживалась, чародейка? — хмыкнул.

— И вовсе я не... — да ну его, отнекиваться, — переживала, конечно! За вас, за всех. А сюда зашла платье вернуть, спасибо.

Он даже не ответил, равнодушно пожал плечами и стал стягивать кольчугу. Чего ради я на месте осталась стоять, растерявшись, сама не ведаю, но за кольчугой последовала стеганая куртка, а после... после глазом моргнуть не успела, остался лорд в таких же штанах, что и остальные маги, которые в женском доме по лавкам лежали.

— Ой, — выдохнула, сообразив, что стояла и наблюдала бесстыдно за войдом, пока тот раздевался, а ему до меня дела было не больше, чем до остальных предметов в этой комнате. Выглядел лорд уставшим, однако вдруг возник ниоткуда в руке ледяной меч и со свистом рассек воздух.

Признаться, в первый момент мысль пришла, будто Бренн сейчас на лавку упадет и скажет: «Что без дела стоишь, разминай, чародейка». А он вовсе ничего не сказал и никуда не упал,

вместо того начал с мечом разминаться. Мне бы следовало пойти, конечно, к двери, и я даже пошла. Видно, не до меня ему сейчас. Хорошо еще вспомнила, что не мешало бы прежде снова обуться, а то во дворе без сапог холодно, но, как всегда, в моменты растерянности вопрос неудачный с губ сорвался:

— Что на лавку не падаешь? Не велишь кому тебе после боя плечи размять?

Войд, у которого об усталости лишь тот вздох первый свидетельствовал, да нежелание лишнее слово сказать, тренировку прервал, упер меч в пол, на рукоять облокотился и посмотрел вновь на меня.

— Можно и на лавку. Разницы, как мышцы разминать, особой нет.

И почему в его устах простая речь звучала двояко? В интонации здесь дело или в выражении глаз? Ведь только с ним я краснела ярко и стремилась поскорее от взгляда такого скрыться. Вот и сейчас стала к двери пятиться, пока он насмешливо наблюдал, а в душе выговаривала себе: «Да разве зазорно ему помощь предложить?» Северина с радостью и без лишних разговоров плечи бы размяла, только не знает еще, что вернулся, а он вечно не попросит ни о чем.

Пока таким образом себя же отчитывала, сообразила, что на плечи уставилась, грудь вниманием не обошла, да и все, взору открытое, уже оглядела. Ладно бы мимолетно и украдкой полюбовалась на тугие связки мышц, на то, как пляшет в руках вновь взлетевший в воздух меч, и на все, что в идеально тренированном теле красиво, но я принялась разглядывать со всем вниманием. Позабыв про сапоги, в которые следовало обуться, стала еще и узоры белые изучать. Как проходят они, мерцая, под гладкой кожей, как исчерчивают крепкие мускулы, взбираясь по ним точно в гору, сбегая с другой стороны. А еще дернуло меня сменить направление, ведь почти дошла до двери.

Не возьмусь слов подходящих подобрать, чтобы отругать и себя, и собственную силу, так неудачно выбравшую момент, чтобы взметнуться и вновь завладеть моим разумом, направить заколовшие огнем пальцы к золотистой коже, покрытой белоснежной сетью. Как всегда, кошмарный дар проснулся в присутствии войда, а до того напрочь проигнорировал целый десяток красивых снежных магов с похожими рисунками.

Меня вперед потянуло необоримо. И кто бы встряхнул да напомнил в тот момент, что плохая идея давать выход магии. Вот заяви сторонний наблюдатель, мол: «Разум потеряла, чародейка, очнись!» — и я бы в себя пришла. Но не было никого, кроме меня и войда, а он молчал и зачем-то позволял моим рукам проводить вдоль белых линий. А снежные завитки таяли и трескались безо всяких нажатий и давления, и растопить их хотелось до последней морозной черты.

Сперва я, помнится, вела осторожно кончиком указательного пальца, испытывая в нем покалывание и жар, позволяя огню перебраться под кожу и растворить застывший снежный узор. А затем и вовсе накрыла мужские плечи ладонями, проводя по бугристым мышцам, спускаясь к груди.

О том, что Он стоит и не двигается, и даже не вдохнет лишнего раза, я сообразила к моменту, когда большая часть рисунков истаяла, а руки уже спустились к рельефному и твердому, точно у статуи воина, животу. Вот тут меня наконец встряхнуло, так что я ладони быстро отдернула. Просто когда виска вдруг касается дыхание ледяного лорда, и оно горячее и обжигает не хуже моего чародейского жара, тогда и сообразишь, что не статую гладишь.

Самое время теперь отступить и к двери, к двери, сапоги по дороге захватить да выскочить туда, на снег. Ступни, поди, не отморожу.

Рванулась. Ага. Куда там! Раньше надо было, да не бежать. Это ж как от Эрхана шарахаться, сразу волчий инстинкт просыпается. А тут... наверное, иной инстинкт, тот, который жаром спровоцированный.

На руку я налетела. Прежде на нее тоже падала, но она сразу отпускала, вокруг талии железным обручем не сжималась. И пальцы так крепко в волосах на затылке не запутывались. Первый раз, когда он меня целовал, иначе было. В оплату. Там маг чутко реагировал, тогда, помню, отстранился, когда я лишь покачнулась нечаянно. Остальные два раза тоже считать ли? Сначала огонь забрал, чтобы меня не мучил, второй раз в насмешку поцеловал, быстро и вскользь. А сейчас... сейчас словно гроза надвигалась, а я в ней деревце, неверно цеплявшееся тонкими корешками даже не за скалу, за мягкую рыхлую землю.

Страшно! Страшно и... не знаю, как остальное описать, но мысль в голове — догладилась.

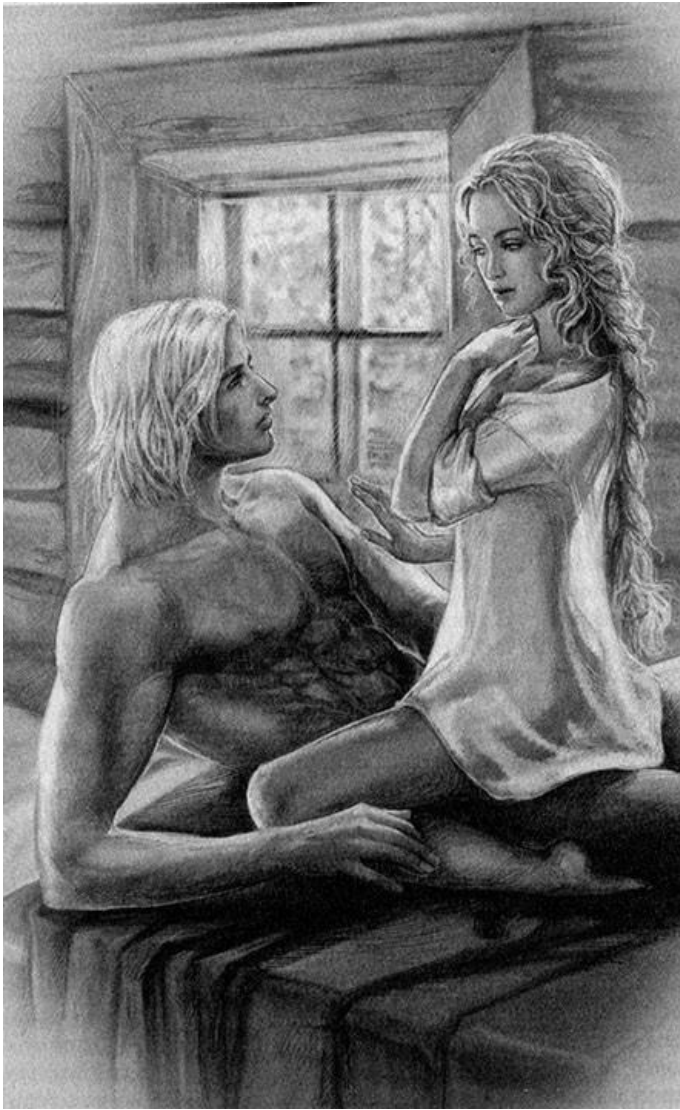
Таких неумех-чародеек не то что обучать, на пушечный выстрел к магам снежным подпускать не следует. Им наш огонь... а впрочем, я про кусок пирога уж говорила.

Налетел. Снес слабое деревце темный снежный вихрь. Смялась под жесткими пальцами ткань тренировочной рубахи, слишком тонкой, намного тоньше плотной безрукавки, тоже оставленной у двери. Босые ноги уже не касались холодного пола ступнями, на кончиках пальцев балансировала, словно в последней попытке удержаться на тверди.

Даже не помню, что пыталась шептать то ли в мольбе, то ли в просьбе какой. Бессмысленной, ненужной. Пока не закрыл мои губы, не запечатал своими, не заставил надолго замолчать. И стыдно, и жарко о таком вспоминать, держать в памяти, перед глазами яркие картинки тех самых губ, то твердых, настойчивых, заглушающих мои бессвязные невнятные слова, то нежных, ласковых, чутких, от которых, как в лихорадке, дрожала, от которых жар то вновь взметался внутри, то утекал из тела. Я сбилась на четвертой, когда пыталась считать расстегнутые его пальцами застёжки тренировочной рубахи. Старалась хоть так удержаться здесь, в светлой комнате, а не нырнуть во влекущую и пугающую тьму.

А как я решилась ответить, вовсе не знаю. Но у меня напрочь пропал из памяти купец и его грубые нежеланные ласки. Я все-таки нырнула туда, куда влекло, куда уволок беспощадный, непосильный для меня снежный вихрь. И в нем смешались прикосновения, поглаживания рук, касания губ. Качала в надежных крепких руках нежная холодная сила, чужая, но оттого притягивающая. Она искушала, манила меня, а моя — жаркая, чувственная — отзывалась охотно.

И когда руки на лавку бережно уложили, а лопатки коснулись твердой постели, я помнила только, что тоже хочу касаться в ответ. Просто потому что... не смогу объяснить. Требовала так она, моя взбунтовавшаяся непокорная сила, помрачившая разум. Она требовала, я подчинялась, и последний морозный завиток растаял уже от моего неровного прерывистого дыхания. И если бы только сумела сейчас взглянуть на себя со стороны, не поверила бы, что могу вот так податливо тянуться вслед за коснувшейся обнаженного живота рукой, могу выгибаться навстречу, открываясь откровенному поцелую, накрывшему, согревшему грудь мужскими жесткими губами. В талии, резко щелкнув, перестал давить широкий пояс. И заохлоло бедра, а после вдруг согрело таким жаром, таким томлением, какого никогда в жизни не ведала.

И помню момент, когда его ладони накрыли мои, завели над головой, прижав крепко к лавке, помню, как покорно приняла тяжесть его тела, не испугавшись даже того, что оно слишком велико для меня, что я целиком укрываюсь под ним, сплетенным из одних жил и мускулов. Не забуду, как согнула колени, скрестив ноги в лодыжках на мужской поясице, и взгляд прозрачных глаз, прямой, смотрящий в самую душу. Он видел мой огонь и видел что-то еще, и чувствовал не только жар, но и плескавшуюся щедро силу. Откуда ему было дано понимать причину, постигать мои истинные мысли и чувства? Почему он все знал и в этот миг почувствовал, что я растеряна, смущена и полностью подвластна взбунтовавшемуся огню? Зачем он это понял и почему подался вдруг назад?

Неужели отпустит?

Краткий момент свободы, и оказалось, что я, полуобнаженная, потому что рубашка расстегнута, но все еще держится на плечах, сижу поверх него, упершись ладонями в мужскую грудь, а он завел свои руки за голову и закрыл глаза. Кожа под пальцами гладкая, без снежных рисунков, но с росчерками давно заживших шрамов, ходит под ладонями неровно, точно так же, как моя, а зубы сжаты столь крепко, что слишком резко очертились скулы.

Он дает мне выбор. Я как-то сразу это уяснила, несмотря на туман в голове и жар в крови. Что-то он увидел в моих глазах, что позволило вдруг замереть и перевернуть меня, устроив сверху, разрешив отдышаться и перевести дух после отнимающих разум поцелуев. Он дал мне выбрать, податься ли сейчас вверх и вперед, придвигаясь вплотную, впуская в себя иную силу, чужую страсть, или отклониться назад.

А я медлила. Смотрела на него, касалась ладонями груди, дышала хрипло и рвано, ловила такой же ритм его дыхания и медлила, потому что... Не знаю! Ничего не знаю и не умею объяснить.

Помню, закрыла пылавшее лицо ладонями и спрятала у него на груди. Если бы еще могла смело заявить себе, что не хотела, тогда достало бы сил вновь посмотреть прямо в глаза, как он это сделал.

Широкая ладонь прошлась по спине, теперь уже ровно, не в ласке, но успокаивая. А я пробормотала все так же бессвязно: «Это все сила, она...»

Замолчала, затихла, затаилась.

— Это не сила, но когда сможешь понять, тогда и приходи растапливать чужой лед, чародейка.

Хоть бы раз Вессой назвал.

А пусть бы лучше и не называл, раз дурнею в его присутствии, раз спокойно даже последствия снежной силы убрать не могу. Готова или нет, хотела или нет, почему он не мог решить, зачем нужно, чтобы сама в этот пугающий снежный вихрь шагнула? Такой страх перед собой преодолеть почти невозможно, а он... Он отпускает, всегда отпускает. Ну и бездна пламени с ним, или как еще Сизар выражался? Пусть проклятый огонь, ледяной и огненный, что сжигает — обоих сжигает! — на тренировки идет. Глядишь, благодаря ему еще быстрее всему научусь.

Он снова меня понял без слов и сел, а я опять увидела нас со стороны. Что мои ноги поверх его бедер упираются коленями в лавку, а на нем и вовсе нет одежды. Потому, наверное, и запахла на груди рубашку, крепко вцепившись пальцами в ворот и глядя, как изгибает красивые желанные губы привычная усмешка.

— Надо замок на дверь повесить.

— Ч-что? — Теперь все вернулось на круги своя, включая и мою непонятливость.

— Ходят сюда, как к себе домой, а мне потом разбирайся.

И вдруг протянул руку, убрал от лица прилипшую кудрявую прядь, то ли смягчая, то ли, напротив, подчеркивая теплым жестом горечь жесткой насмешки. Всей ладонью зацепил и за ухо заправил. А я с трудом удержалась и не наклонила головы, чтобы ощутить, как проводит по щеке сбитыми в бою костяшками пальцев.

— Еще так посидим или в комнату проводить?

— В комнату, — выдавила негромко, почти шепотом.

И ведь другая на моем месте затаилась бы тише мышки, но я не другая, а всегда сама по себе и отдельно от всех. Додумалась же до просьбы:

— Ссадить на пол можешь?

И он бы собой не был, кабы вот так сразу и молча подобную просьбу исполнил.

— Не спустишься? Высоко?

— Зацепиться боюсь.

А еще я глаза опускать боялась. Как только схлынуло немного, так и пришло понимание — где, на ком и как.

— Испытываешь мое терпение, чародейка. Ледяной ведь не железный.

Да разницу я и сама прочувствовала, потому и не смотрела выше подбородка, чтобы не на губы, не в глаза, но и не на грудь или же... Не дай мать-богиня ниже взором скользнуть!

Он подхватывать меня за талию и опускать на пол не стал. Ничего не сказал, а вновь завел руки за голову и откинулся назад, на лавку. Светлые прозрачные глаза закрыло от меня снежной дымкой, и колени вдруг погрузились в зыбкое дерево. Я провалилась всем телом в мягкий туман, а вынырнула уже в ином месте — у себя в комнате и на собственной кровати. На груди по-прежнему рубашку судорожно сжимала, посреди спальни гряда вещей вместе с полушубком, штанами и сапогами лежала. И собственно, все. Никого и ничего больше, чем хозяйкой этой комнаты дозволено.

Вот тогда я разревелась. Просто так, безо всякой причины. Хотя нет, веская причина была, потому что если боги от рождения мозгами обделили, а ты уж в девицу превратилась и особой

разницы не заметила, то наживать этот ум и наживать лет так... до самой старости.

Уткнулась лицом в подушку, реву дурным голосом, корю себя за трусость. Для меня весь снежный мир на ладошке лежал, пусть непонятный и загадочный, но я могла к нему прикоснуться, попасть в центр того, что укрыто за белым бураном, за вьюжными полями, за всем, через что так долго и непросто пробираться. А еще упустила шанс ледяную тайну изведать. Изведать, попробовать, ощутить.

Испугалась.

Урывками и обрывками фраз, искаженными картинками покрасневшего в гневе лица, презрительно и гневно сжатых губ, ошеломленных взглядов родных и незнакомых людей разметались неясными клочьями воспоминания о другом — о купце.

Зачем войд дал мне время? К чему прервал поцелуи, если они не позволяли задуматься, не давали прийти в себя. Сломил меня вовсе не боязнь Бренну отдаться, быть сметенной и смятой снежной грозой, а страх того, что вихрь подхватит, скрутит, а после выбросит... Как тот купец, что меня наутро увидел. Не оправдала ожиданий, не оказалась такой, какая любому мужчине по нраву придется.

Я всегда другой была, сама по себе и отдельно от всех.

Глава 9

О СЛОЖНЫХ ЗАДАНИЯХ

Я бы на шумный и веселый пир не пошла. Да я бы никуда не пошла, но Белонега из комнаты силком вытащила. Благо к тому моменту я уже проревелась и одеться успела. Слышала, завозились снаружи, зашумели, но упорно продолжала на лавке сидеть, пока красавица в спальню не заглянула. Глаза у нее тоже покрасневшими были, но лицо уже не такое бледное, как в момент возвращения воинов.

— Адан в порядке? — подскочила я.

— Да, лучше уже, намного. Порывался на пир идти, но я ему запретила. Куда с повязками-то? Лежать на лавке и не шевелиться лишний раз, тогда быстрее срастется. А ты что здесь до сих пор и почему платье не надела?

— Выдумашь тоже! Мне и наряжаться?

— Это ты, Весса, горазда на выдумки. У всей крепости праздник, а она тут сидит. Живо наряжайся! Где красота та белоснежная, в которой ты на солнечную принцессу похожа?

Я хмыкнула ее шутке.

— Почему на солнечную?

— Не на ледяную же! Ты огонек, потому даже в белом светишься иначе. И ведь красивая девка, а все мыслит себя заморышем каким. Не замечала, как вослед тебе мужи глядят? А Сизар вон и вовсе увивается, в кои-то веки не знает, на какой кобыле к тебе подъехать.

Умела наша красавица разговор поставить. Я уж всю смеялась ее речам, тут же представив Сизара верхом на кобыле. Причем в моих мыслях она оказалась отчего-то пегой и с куцым хвостом.

— Им огонь подавай, — отсмеялась наконец.

— Огонь — не огонь, а платье надевай.

Вот тут я снова растерялась и притихла, невольно опустив глаза в дощатый пол.

— Ты чего это? — мигом среагировала на мое смущение Белонега.

Хорошо, что она не видела, как мои щеки запылали. Глаза небось тоже разгорелись, а по телу снова волна жара прошла.

— Я его войду вернула, — совсем тихо пробормотала, боясь, как бы не выдать чего лишнего собственным смущением.

— Что? Подарок, и обратно отнесла?

— Так я все вернула, — сделала попытку вновь отвлечься на разговор. — И Сизару, и Севрену их вещи тоже отдала. А себе купила замену, не переживай.

Глядя на устилавшие пол доски, я лишь по недовольному хмыканью угадала, что Белонега сейчас качает головой и пожимает плечами.

— Чудачка, вот ты кто. Но показывай, что там купила.

Я поднялась и, радуясь, что смущение больше не сжигает так явно и перестало опалить кожу, прошла к сундуку и откинула крышку.

— Одежду теплую верхнюю, полушубку на замену, сапожки, еще костюм удобный для уроков. — Тут я закашлялась, поскольку оказалось, что он не только для уроков удобный, но и снимается гораздо проще платья, всего-то несколько застежек на рубашке, пара завязок на рукавах да пояс на штанах. У войда с костюмом быстро дело сладилось. — А платье, — немного осипшим голосом попыталась продолжить, — только одно.

Белонега вытащила из сундука синий шерстяной наряд длиной по щиколотку и придиричиво оглядела.

Я принялась рассматривать вместе с ней. Тогда у лоточника именно оно мне приглянулось, хотя хозяин пытался всучить товар подороже. Он хорошо разглядел мое белое платье, точно прикинул стоимость и сразу же начал показывать ткани, которые, по его словам, лишь немногим уступали такой чудесной и редкой материи. Но к чему мне всякие шелка, бархаты и иные изыски? В шерстяном теплее и не слишком жаль его, если вдруг испортишь ненароком.

— Надевай, — встряхнула наряд Белонег, а после помогла натянуть через голову, затянула шнуровку по бокам, подвязала красиво ленточки на рукавах и на вороте. Придирчиво оглядела меня и сказала: «Погоди, сейчас кое-что принесу».

Быстро вернувшись, она показала мне красивый широкий пояс. Он был сплетен из коричневых кожаных полос, а застежка в виде диковинного цветка, покрытого синей эмалью. Живое застегнув его на моей талии, Нега довольно оценила результат.

— Вот, теперь в самый раз, прям по фигуре село.

В зеркале и правда отражалась ладная картинка: мягкая ткань стекала по телу ровно, без складочек, шнуровка утянула, где надо, оттого и грудь, и бедра обрисовались красиво, ну а талию пояс подчеркнул, и казалось, будто она еще тоньше, чем в самом деле.

— Ну и взъерошенная ты, — высказалась Нега, пока я новым нарядом любовалась, — с тренировки так и не прибрала косы свои. А заколка где?

Ледяное чудо обнаружилось на полу. Это я, когда подхватывала одежду, случайно оттолкнула подарок почти в угол комнаты. Но в той растрепанности чувств совершенно не услышала хрустального звона отскочившей заколки. А сейчас, позволяя Неге безжалостно раздирать кудри щеткой, опять покраснела. Вовсе не на тренировке они так смешались, а спутались под пальцами войда. Я тут же закрыла глаза, пытаюсь отогнать видение, как его губы касаются золотистых завитков, но не вышло. В груди становилось тесно, и лиф платья вдруг показался тугим. Боги, как же я выйду в общий зал и как устроюсь за столом, где он во главе будет сидеть?

— Бренн! Ты там? Идем уж! — Севрен, единожды стукнув, толкнул дверь и застал непривычную картину. В бревенчатом доме плавал снежный туман, холодный, кусачий, укрывая все пространство до середины стены — словно в молочной реке бродишь. По бревнам изморозь — до потолка оплела, окна насквозь заледенели, как и остальные предметы в комнате. Только хозяин стоял себе спокойно в центре, обнаженный по пояс, и разминался с ледяным мечом.

— Тьма огненная! Выброс силы, войд? С чего это? — Севрен отступил, не решаясь пересекать порога, на который натекал волнами опасный туман.

— Да так, — Бренн опустил меч и махнул рукой, развеивая плотную пелену и позволяя князю войти, — возвращаюсь после битвы, кровь бурлит, голову пелена яростная застилает, по венам хмель опасности вперемешку с радостью победы прокатывается, а здесь чародеечка встречает. Ласковая, нежная, к магии моей устойчивая. Теплом согрела, все мысли о сражении из головы выветрила, а стоило эту голову потерять, как насмерть перепугалась и начала домой проситься.

— Ха, — хмыкнул Севрен, — шутишь, Бренн, а если по правде? Опять кто-то из князей такое учинил, отчего броня ледяного всплеска не удержала? Или, может, со Стужей что?

— Может, со Стужей, — согласился лорд, после чего растворил наконец свой меч и к сундуку подошел. — Позвала богиня. Настойчиво велела явиться. Обещал прибыть, как разомнусь после схватки.

— Ты явно не сильно торопился, — съехидничал Севрен, прикинув, сколько времени прошло после схватки, — к пиру уже столы накрыли.

Да, любой из избранников, получив наказ богини, стремился явиться пред ее очи незамедлительно, и только возлюбленный фаворит мог позволить себе медлить с визитом. Может, потому она его и любила? За своеобразие? За силу? За то, что, вынужденный подчиняться, он тем не менее ни во что не ставил все эти почести. «Ха! — снова хмыкнул про себя мужчина, — и он еще говорит, будто голову потерять способен. Это так же вероятно, как и желание снять напряжение битвы с чародейкой». Другой и поверил бы, но не те, кто ближе всех к войду стоял. Князя хорошо знали истинное отношение Бренна к огненным. «И как

только он с Вессы ночь потребовать решил, не иначе напугать хотел и от крепости отвадить».

Войд в это время откинул крышку сундука и достал расшитые серебром и синими сверкающими камнями одежды, лазурный, украшенный искусной вышивкой жилет и белоснежную в жемчужных рисунках рубашку. Встряхнул, освобождая из ледяного плена, бросил небрежно все богатое убранство поверх тяжелого мехового плаща, а сверху добавил алмазный венец, так умело сотворенный из множества камней, что казался литым.

— Эх, — не удержался от вздоха Севрен, — праздник, и без войда.

Он поднял венец, поднес к глазам, разглядывая, как ярко сверкают прозрачные, точно слеза, камни.

— Вздумалось же ей так не вовремя, а рано не отпустит, — загрустил он, глядя, как Бренн вдевает в золотые петли сверкающие пуговицы. — Бренн, ты кожу на костяшках содрал.

Войд глянул равнодушно на ссадины, подул, позволяя тем затянуться белой корочкой, и продолжил одеваться.

— Без меня начинайте, смогу, так успею, а не успею, так вы в веселье себе не отказывайте.

— Начнем, — вновь вздохнул князь и протянул лорду венец, наблюдая, как тот еще ярче засветился на мерцающих белоснежных волосах. В этих одеждах войда только те бы признали, кто имел честь видаться с ним каждый день. Менялся он неумовимо в богатом наряде, когда отбрасывал прочь простое свое обхождение вместе с обычной рубашкой и являл иной лик. Черты лица хищные, рельефные еще неумолимей и резче обозначались, а лазурь праздничных одежд оттеняла приглушенное свечение снежной магии в светлых глазах. Сокрытую мощь рослой фигуры подчеркивал белый, точно бескрайние морозные просторы, плащ.

— Ты перстень возьмешь? — не заметив на указательном пальце массивного украшения, спросил Севрен.

— Подарок Стужи? — Войд равнодушно осмотрелся, вспоминая. — Едва не забыл.

— Еще скажи потерял, — усмехнулся князь, представив, на что способны те, кто хоть однажды изведаль поцелуй богини. Они за одну улыбку, за один благосклонный взгляд убить готовы, а если лично от нее подарок получить... Все те, кто не смог освободиться, а потому приходили в крепость взглянуть на единственного мага, сумевшего добиться благосклонности Стужи. Отчаянно завидуя единственному фавориту, они являлись сюда бросить вызов и в поединке с ледяным лордом, пускай и последнем в их жизни, избавиться наконец от снедающей душу тоски. В крепости они потом и оставались помогать, служить. А спустя недолгое время за честь почитали в любом бою заслонить войда собой.

— Не потерял, где-то здесь он был. — Лорд сжал кулак, а тот окутался мерцающим покровом.

— Искать лень, — усмехнулся князь, — силу позвал на поиски.

Бренн раскрыл ладонь, являя взгляду тот самый сапфировый перстень с синим камнем в центре. Всмотрись в его темнеющую глубину, и сердце стынет. Севрен притронуться бы к этому осколку вечных ледников не рискнул, а войд спокойно надел себе кольцо на палец.

— Ты в другой раз, — решился он дать совет, — приходи в женский дом. Девы ученые теперь, больше не передерутся.

— Меньше тоже? — насмешливо глянул лорд.

— Они до нашего прихода жребий тянули, Альвине повезло, а ты вновь не явился.

— А когда я в последний раз приходил?

— Меч сменить на заботливые женские руки разве зазорно? Ведь намного приятнее, чем в одиночку ледышкой махать.

— В женской заботе все приятнее, — хмыкнул войд.

— И ручки, и ножки, и губки, — тут же поддержал иной голос, а в дверь протиснулась голова довольного Сизара. — Бренн, и правда бы уже заглянул. А то вечно нам живым укором выступаешь, словно вместо лишней тренировки так и норовим в женский дом удрать. Будто мало мы теми мечами в бою махали. О, а ты никак к Стуже собрался?

— На кого ему богиню менять, скажешь тоже, Сизар! — Севрен невесело усмехнулся. — Вот Стужа сейчас войду плечи и разомнет.

— И то правда, это нам малым довольствоваться или век единственную разыскивать, а ему дальше ледяного дворца ходить не надо. Что скажешь, Бренн?

— Скажу, что такую женщину искать нужно, которая для тебя лучше богини станет. Только не факт, что она рискнет с тобой связаться.

Не думала я, что затоскую, не найдя ледяного лорда на положенном месте.

— Бренн срочно Стуже понадобился, — на вопрос Белонеге ответил Севрен. — Велел без него начинать.

— Без войда? — огорчилась красавица, усаживаясь по правую руку от меня.

Столы уже были накрыты, а в углу устроились музыканты, которые тихонько наигрывали красивый мотив.

Я удивленно осмотрела и богатые блюда, на которые выложили испеченные на кухне кушанья, и трех наигрывавших на гуслях бородатых мужиков, обряженных в яркие рубахи. Заметив мой взгляд, Сизар, сидевший прямо напротив, пояснил: «Из селения ближайшего привели, чтобы веселее пировал ось».

Все как водится, как полагается для празднования славной победы, но очень не хватало хозяина крепости. И не я одна на пустовавшее место во главе косилась, пряча глаза за высоким кубком с приятным медовым напитком. Но постепенно разговоры, одобренные хорошим хмелем, потекли оживленнее, веселее. Еду в этот раз не сами носили, а суетились вокруг столов мальчишки-ученики. Одна за другой принялись сыпать шуточки, а после начали воины мериться словесным искусством, подначивать друг друга и вспоминать, кто и как в битве отличился. Особенно хорошо удавалось рассказывать одному бородатому крепышу, его Соболеем звали. Он так складно умел говорить, что остальные беседы стихли, а все прислушались к его рассказу.

— Шагнули мы сквозь пространство к самому подножию Великанских гор, а там буран, на расстоянии двух шагов ничего разглядеть невозможно. Войд тотчас завесу поставил, оградил щитом доброе расстояние, и стали заметны вблизи отвесные скалы. Только вот великанов не видно.

Все подались вперед, ожидая продолжения. Даже я не выдержала, отставила кубок и сцепила ладони, ужасно волнуясь. Великаны считались непобедимыми, ведь ни в одной легенде не было такого смельчака, который рискнул бы преодолеть их горы. Говорят, они почти не покидали тех мест, где когда-то давным-давно теплое дыхание Природы коснулось кусочка льда и смогло его оживить. Из него вырос огромный страж, обладавший невероятной силой, он же смог вдохнуть жизнь в еще несколько подобных глыб, в которых хранилась магическая искра. Искры, говорят, были раньше рассеяны по всему свету, так и родились позже маги. К ним тоже попали волшебные частички.

Считается, что великаны очень не любили людей, но не ясно, по какой причине, а потому много веков назад горы были запечатаны непроходимой толщей льда, чтобы эти чудища не сумели выбраться и причинить мирному населению вред. Все бы ничего, но случался иной раз в горах такой обвал, из-за которого великаны могли получить шанс пробраться наружу. Приход их никому не сулил добра.

— И дальше что?

— То-то и оно, что непонятно. Вроде как донесли наши стражи, будто образовался прорыв в ледяной преграде, а люди в близлежащих поселениях подтвердили, что слышали жуткий хруст и грохот, будто куски льда отрывались и выбрасывались далеко, на сотни шагов, только никто не видел ничего. Та снежная вьюга не желала стихать уже сутки, вот и разберись, что за ней. Мы первые смогли заглянуть благодаря заслону. Только, как я говорил, было совсем пусто вокруг, а в одной из стен, прежде укрытой снежными смерчами, оказался разлом. Признаться, я его не сразу углядел, это кто-то самый глазастый из наших магов приметил. И скажу я вам, то еще чувство. Стоишь вот так, запрокинув голову, а разлом тянется туда, в самую высь, и проходит сквозь толстенный ледяной щит. Тут войд и говорит: «Нужно заделать». Нужно-то нужно, но ведь сколько магии требуется такой лед нарастить, однако ж и

без него не оставишь. Может, не зря жители грохот слышали, вдруг взаправду великаны себе выход наружу прокладывали, откалывали по кусочку с той стороны, где брешь истончилась, и образовались поры и трещины. Вот мы и сунулись поближе на свою беду.

Тут он схватился за бокал с медовухой, пригубил, а остальные начали поторапливать, очень хотелось дослушать, даже тем, кто сам там был.

— Складно ты умеешь слагать, Соболей, — улыбнулся Севрен, и я была с ним согласна. Пожалуй, так занимательно и у меня не выходило со сказками.

— Все ж по правде говорю, — отозвался маг и дальше речь повел: — Только подступили, радуясь, что вьюга плещется по бокам, за заслоном, и нам не мешает разобраться, в чем там дело, как войд, который впереди шел, остановился. Я слышал, он произнес вдруг: «Воздух колеблется неровно». Признаться, мне невдомек было, что это значит, но, видимо, так лорд силу древнюю ощущает и ее движение. Догадался, что мы то ли задели, то ли побеспокоили что-то, и крикнул «отступить». Я от окрика этого едва кубарем от разлома не откатился.

Великаны, не будь глупцами, выставили там свою защиту. Смогли же протянуть ее наружу, раскинуть как липкую ленту для мух и еще пургой снежной прикрыли. Ведь их сила хоть с нашей схожа, а все же иная. Больно древние они существа, со времен Природы живут. Их чтобы победить, дар нужно помощнее иметь. Без войда не угадали бы мы ловушки, а отскочить от нее трое не успели, замешкались. Как в магический силовик угодили, который реакцию замедлил, не дал вовремя ногу из петли вытянуть. А может, и правда с реакцией плоховато, новички все же в крепости.

Он снова пригубил из кубка.

— Жутковато, скажу я вам, когда людей в воздух подкидывает и распинаят прямо на ваших глазах. Они трое потому и в крепость не вернулись, у целителей сейчас в снежной столице. Кабы лорд вовремя не среагировал, многим бы так не повезло. Тем же, кто попался, свет белый вновь увидеть точно не грозило. Поди разберись порой, какие заклинания Бренн использует, у него ж, считай, на интуитивном уровне эта магия. Вросла, стало быть. В общем, когда тех вздернуло, войд что-то бросил прямо в ловушку, парней и заморозило. Он им жизнь спас от той гадости, которая поверх льда мгновением позже выросла, ну а мы едва отскочили, как из расщелины полезли ледяные чудища, каждый локтей пятнадцать в высоту, не меньше. Учужали ведь живых в ловушке. Прежде так не рвались наружу, а сейчас и узкое пространство им не стало помехой.

Рассказчик еще пригубил медовухи, щедро подливаемой ему со всех сторон теми, кто рядом устроился. Я тут же прикинула, что столько локтей — это дом в этажа два, не меньше, и перепугалась, представив, как против человека, пусть он и маг, идет такая громада.

— «Цепи! — войд приказал. — И крючья кидайте!» — повел дальше рассказ Соболей. — Приказ понятен, преграду нужно поставить, чтобы в пролом не протиснулись. С цепями-то быстрее сладить, их своей магией выплести да перекинуть с одной стороны на другую, от мага к магу сетку создать. А крючья, что с собой взяли, с канатами нервущимися, лучше сверху бросать с разных стен крест-накрест. Одной стороной ко льду приморозить, а внизу они в твердь войдут, там их в нее и вратят. Однако ж великаны тоже не зря проход для себя расширяли, лезли упорно сквозь эту щель, да кабы еще по одному.

Войд, помню, нас по разные стороны отправил, и мы стали быстро изо льда создавать и перекидывать друг другу цепи, скрещивали звенья, чтобы легко не порвались, но то понизу, а вверх самые ловкие принялись карабкаться. Великаны же, будь они неладны, полезли друг через друга. И ведь нельзя дать им выползти, попробуй потом останови такую громадину, которая одной ногой половину поселения придавит. В общем, кто успел тогда приморозить свой конец цепи ко льду, перекрывая проход, тому больше повезло, было время отскочить, а кто не успел, того и дернуло. Великан, который первым протиснулся к выходу, перехватил сеть посередине и рванул на себя. Где крепления ненадежные, расцепились, а где и магов приложило о стену. Неслабо так приложило. Сверху сломало руку, а Ирту, кажется, бедро. Пришлось отпускать сетку, а крючьев всего ничего перекинуто, и надо еще дать ребятам время.

Лорд мог и туман призвать, но тогда те наши в него окунулись бы, кто рядом с проемом остался. Там за благо, почитай, уцелеть и не промерзнуть насквозь. А сам войд в это время с князьями проход запечатывал, ведь кому еще подобный лед нарастить под силу? Попутно ему экран приходилось держать от насланной великанами вьюги.

В общем, лед пласт за пластом наживляется, а великаны режут, чувствуют, что снова проход

закрывается.

— И дальше что? — спросила тонко Северина, когда рассказчик вновь приложился к кубку и увлекся немного питьем.

— Дальше рванулись они со всей силы вперед сквозь преграду. В остатках сети запутались трое первых, канаты еще двоим, вверху оказавшимся, помешали, а в ту брешь, что порвалась, протиснулся один, а за ним второй и третий. Я видел, несколько наших, из бывалых, сообразили выдернуть ствол древесный и швырнуть туда, к прорехе. Приморозили прям к запутавшимся в цепи великанам, не дали выбраться четвертому. Ненадолго, конечно, но там, главное, хоть сколько-то времени выиграть, поскольку стена все утолщалась.

— Как же те, кто вниз спрыгнул? — вновь спросила кто-то из женщин.

— Кинулись людей ловить, твари такие. Бренн глаза им ослепил, мы только так и сумели от лап их увернуться. Опять же, не всем повезло, вон Адана краем пятерни великан задел, походя смял кольчугу магическую, только ребра хрустнули. Другой принялся топтать что есть мочи, раздавить надеялся. Войд на миг отвлекся от стенки, пустил ему под ноги лед. Я, по чести сказать, до простоты такой и не додумался бы. Как-то не придет в голову полезное в разгар схватки, не сообразишь, что ледяной великан тоже на льду поскользнуться может. А он ведь грохнулся. Шума наделал, когда упал!

И в целом картина такая: наши сверху крючья все еще бросают, создают и создают новую паутину из перекрещенных канатов, она обрастает льдом, он же на стенках внутри наслаивается. Войду и попятиться нельзя, поскольку концентрация требуется и далеко от разлома не отступишь. Лед хоть идет, да не так быстро, как хотелось бы, поскольку должен быть толщины невероятной. А затем я крик князя нашего услышал. Оказалось, когда первый великан упал, Сизар от стенки отвлекся и к нему бросился, взбежал на ледяную гору, точно по земляному холмику, и меч выхватил. Я еще крикнуть успел, чтобы в глаз метал, а не пытался броню пробить. В миг удара лучше оружия не касаться, иначе пройдет магия великана сквозь тело ударившего. Вот так княже и запустил меч прямо в глаз.

Пока Сизар с одним великаном разбирался, наш Альмин, лучший по части копья метать, свое добросил. В прыжке. Прям от выступа скального оттолкнулся и кинул. А парень меткий, на лету птицу в глаз подстрелить может. Тут тоже попал, а убежать от рухнувшего великана едва успел. Одну ногу придавило, раздробило кости. Войд сказал потом, что срастется. В общем, двоих положили.

Пока третьего окружали, там тот, которого бревном задержали, размолотил преграду. Расколел промерзшее дерево и выскочил. А остальные ревели по ту сторону и прямо в лед врастали. Жуткий звук, вам скажу. Они когда сообразили, что навсегда могут в толще остаться, полезли наконец назад, но напоследок все ж выпустили муть.

— Что выпустили? — Я не удержалась от вопроса, поскольку не слышала еще подобного слова.

— Мглу непроглядную. Она с силой нашего войда смешалась, встала не ровной пеленой, а клочками разорванной хмари. В одном месте пальцев руки не увидишь, а на другой участок выскочишь и разглядишь.

Лорду тяжело пришлось. Тут и силу на вековой лед тратить нужно, наращивать толстый панцирь, пока великаны его пробить пытаются с той стороны, заслон от вьюги держать, а попутно отслеживать, с какой стороны хмарь течет, чтобы источник перекрыть. Севрен старался, помогал со льдом, но только сила древняя с трудом нашей поддается, и у князя еще тяжелее шло. Ну дело остальных было с великанами справиться. Я когда в хмарь кинулся, едва на четвертого не напоролся, чудом проскочил мимо растопыренных пальцев, кое-как извернулся и один из них отрубил. Вот же он завыл тогда, а у меня отнялись руки, меч выпал. Так и конец мог прийти, если бы не рассеялась уже частично муть и не показалась лысая ледяная башка. В нее мигом несколько копий прилетело, и двое кинувших не промахнулись.

— А что же третий великан? — спросила Белонегга.

— Он пробрался как-то мимо нас и рванул по склону прямо в сторону деревни.

— И войд не обледенел дорогу снова, чтобы и этот упал? — задала вопрос одна из незамужних девчонок, сидевших по эту сторону. Она тоже умела сопротивляться снежной магии, а в крепости появилась чуть раньше меня.

— Тогда бы эта громадина скатилась по пригорочку, аккурат как катится снежный вал, и

подавила бы половину домов, прежде чем затормозить. Войд про кристаллы крикнул, и мы швырнули их целой горстью со всех сторон. Силой подхватили и переместили на расстояние большее, чем этот великан пробежал. Дара массу влили, чтобы проросли за несколько минут, как раз когда чудище это по ним побежало. Так и застрял он в зарослях, а пока ломал и крушил, подоспели маги с копьями. Успели добить. К тому моменту лед уже настолько naros, что великанам разве только руку и выходило сквозь проем протянуть. Они по ту сторону ревели, а по эту воздух от силы трещал. Вот так и совладали и по большей части невредимыми вернулись.

Слушатели даже дух перевели, хотя и знали уже, кто в схватке победил. Умел талантливый рассказчик рисовать перед глазами красочные картинки.

Ледяной дворец отозвался гулким эхом в такт его шагов. Мелодичный звон неслышно вибрировал, отражаясь от прозрачных голубых стен. Эту тихую музыку Бренн слышал всегда, так пели кристаллы, жар чужого сердца, пойманный и скованный вечным льдом. Льдом, который невозможно растопить и расколоть никому, кроме хозяйки кристаллов.

Твердые шаги отпечатывались в плитах гладкого пола, покрытых ледяным узором, похожим на тот, какой рисуется на замерзшем оконном стекле поутру или выпцвetaет на телах снежных магов, когда им приходится участвовать в новом сражении. Вся его жизнь состояла из таких вот схваток и из новых неповторяющихся узоров, застывающих на превращающихся в камень мышцах.

Тихое эхо и звон, негромкая нестройная музыка.

Светлый зал пуст, как всегда. Стужа слишком любит эффектные появления, чтобы поджидать его на ледяном троне. Кристаллы звенят на своем пьедестале, окутанные голубоватой дымкой, в которую вплетается лиловый отсвет. А по центру навечно застыл самый крупный из них, тот, что всегда отзывался музыкой боли, невыносимой боли, сломившей когда-то.

Красиво в ледяном зале, красиво и пусто. А взгляд вновь и вновь скользит по стенам, но неизменно возвращается к алым всполохам.

— Бренн. — Тихий шепот и ласковое прикосновение рук к плечам. Нежные поглаживания тонких изящных пальчиков, скрестившихся на его груди. Стужа явилась неслышно, обняла, прижавшись белокурой головкой к его лопаткам, замерла так на миг. Он словно видел их отражение сейчас, хоть и стоял спиной. Совершенная в своей красоте богиня, льнущая к нему, словно доверчивая хрупкая девушка. Она по росту едва ли была выше чародейки... Маг хмыкнул — сравнил.

— Я скучала. — Еще один тихий шепот, и снова ласковое касание тонкой белой руки, прошедшейся по плечу, шее и щеке. Стужа оказалась вдруг перед ним, заглянула в глаза и улыбнулась. Очень красивой нежной улыбкой, от которой немели все мужчины и застывали перед хрупкой девушкой неподвижными изваяниями. — А ты?

— Нет. — Он ответил равнодушно и также без единой эмоции пронаблюдал за вспыхнувшей в прекрасных глазах яростью, недовольством, искривившим уголки рта, которое сменилось жесткой усмешкой.

— Ах, всегда ты так! — Она махнула рукой и рассмеялась. Будто серебряные колокольчики прозвучали мелодично, заглушив музыку кристаллов. — И ведь не придешь, пока тебя не позвать, не заглянешь на огонек. Что тебе в той крепости? Мог бы построить дворец. У князей и то есть, у каждого, а мой ледяной лорд живет в какой-то деревянной избе. Просто смех. Ходишь в рубашке, точно селянин, упражняешься с простыми магами на мечах, как будто они тебе ровня!

— В своем доме я живу по собственным правилам, Стужа. Я не навожу порядков в твоём дворце.

— А ты бы осмелился? — Она хитро взглянула на него из-за плеча, прочитала ответ в глазах и хмыкнула. — Не отвечай, сама вижу, что тебе нет дела до моего дворца и его порядков. И когда ты стал таким равнодушным, мой лорд? Я ведь еще помню минуты наслаждения, которое дарили мне твои руки и губы, и ни с одним из последующих избранников не довелось испытать подобного.

— Лукавишь, богиня. Тогда я был под твоими чарами и так же послушен твоей божественной

воле, как ручной пес. Не побори я наваждения, ты забыла бы меня быстрее, чем забывают выброшенную за ненужностью вещь.

— Хочешь напомнить, что сам все прекратил? Смеешь говорить богине о том, как оставил ее, заявив, что отныне будешь только служить и не больше?

Белоснежные косы заискрили, воздух заколола сила, но едва ли можно было понять наверняка, злится она на самом деле или вновь играет одну из бесконечных ролей. Она любила примерять их на себя, как и прекрасные наряды, делавшие ее невозможно красивой. Настолько, что нельзя отвести глаз.

— Хорошо, если так хочешь служить, служи.

— Что прикажешь, богиня?

Он встал на одно колено, опустив голову, чувствуя, как она снова приближается и ласково проходится ладонью по его волосам, перебирая белоснежные искрящиеся пряди почти того же оттенка, что у нее.

— Я узнала, — она прижалась к его волосам щекой и зашептала на ухо, — про удивительные камушки. Говорят, в них такая сила... — Стужа замолчала на миг. — А впрочем, к чему рассказывать мужчине о свойствах самоцветов, это же наши женские побрякушки, вам неинтересно. Принеси мне ожерелье, Бренн.

Ожерелье? Он нахмурился. Из самоцветов? Когда-то давным-давно он сложил к ее крошечным ножкам столько сокровищ, что сам сбился со счета. В чем же подвох, богиня? Откуда должно достать эти, как ты сказала, удивительные камушки? Что за новая сила привлекла тебя в якобы простых самоцветах?

— Откуда? — только и спросил.

— Ох, это совсем близко. Буквально на самой границе, там, где русло Зимней изгибается, есть одна небольшая деревушка. Они открыли совсем недавно залежи невиданного минерала. Мне нужно все до последнего камня.

— Небольшая деревушка? — Он изогнул брови. — Где русло изгибается? Ты говоришь о территории чародеев, Стужа?

— Ну да, хотя это спорно. Только за счет изгиба реки деревня оказалась у них, а могла быть нашей.

— Это нападение, богиня, с нашей стороны, со стороны снежных магов.

— Скажешь тоже. Кому какое дело? Мы просто заглянем в гости, вы же не планируете никого убивать. Или заморозишь парочку?

Она с удовольствием понаблюдала, как сжимаются его губы, губы, которые ужасно хотелось поцеловать. Упрямец! Ну ничего, он еще вернется и будет снова умолять ее о ласках.

— Стоит ли церемониться, Бренн, будто сам не знаешь, сколько огненных магов убил за свою жизнь.

— Не считал.

— Правда? А я думала, ты помнишь их всех вплоть до имен, ты же каждого нашел тогда. Ну же, Бренн! Ведь ненавидишь чародеев, так к чему сдерживать себя?

— Ты желаешь войны с огненными, богиня?

Он спросил равнодушно, а она притворно нахмурилась, словно размышляя.

— Пожалуй, нет. Мы с Яром пока не ссорились, к чему губить его любимых магов, пускай живут. Ну и эти, в деревне.

— Конфликт все равно возникнет, мы нарушим границу.

— Ах, Бренн. Ты ведь управляешь землями от моего имени, реши как-нибудь этот вопрос. Можешь, в конце концов, русло изменить, я разрешаю. Заберем деревушку себе, а Яр как-нибудь перебесится. Мы даже вернем этих жителей на обратную сторону, построят себе новые

дома. Что скажешь?

Он не ответил.

— Что же, мой лорд, ты молчишь? Неужто возражаешь? А как же, я приказываю... — Она выразительно поглядела на него.

— Я исполняю, — завершил он, наблюдая, как довольно изгибаются идеальные губы. Взгляд не отрывался от точеных черт, вновь и вновь любясь совершенством.

— Именно. — Она снова оказалась близко, провела ладонью по щеке, подняла его лицо и приблизила свое, ожидая поцелуя. Он не подался навстречу, даже не шелохнулся. Яростные искры вновь зажглись в холодных глазах, а сквозь губы прорвался досадный вздох.

— Ну иди, больше не держу, — она легко отклонилась, — принесешь, и будет тебе награда, уж от нее-то не сможешь отказаться.

И засмеялась нежно, переливчато, и этот смех еще звучал в его голове, когда он шагнул сквозь пространство.

Глава 10

О НЕЖЕЛАННЫХ ПОДАРКАХ

— Что скажешь?

Войд сидел на скованном льдом берегу, лениво наблюдая за мелкими волнами, плещущими на зеленую травку. Луна ярко освещала мирный летний пейзаж по ту сторону магической границы. Тепло и холод сталкивались над темными в ночном мраке водами, но не смешивались, четко разделяясь по ледяной неровной кромке.

Зверь глухо заворчал в ответ и вытянулся, положив морду на лапы.

— Их шахта в этой горе, а выход как раз обращен к реке. Интересно все ж рассмотреть эти камни.

Волк встрепнулся и поднял голову.

— Нет, стоит мне туда шагнуть, и чародеи тотчас почуют снежную магию. Я так на них взгляну.

Ледяной лорд прищурился, позволяя пространству стянуться, а снежинкам взметнуться повыше, сложившись в утолщенную призму, и пропустить взгляд вглубь темной пещеры. Внутри на стенах крепились чадающие факелы, а у пустой вагонетки спал на стуле сторож, обнимая руками крючковатую палку. По стенам в неровных бликах огня то здесь, то там мерцали и вспыхивали желтые камни.

— Вот как? — Бренн задумчиво откинул голову. — Да, Эрхан, обычные самоцветы, ничего не скажешь. Знаешь, что это?

Белые уши дернулись, будто волк желал произнести, что хоть и очень умен, но нельзя знать о том, чего не видел.

Войд положил ладонь на белую голову и мягко погладил.

— Эти камни называют солнечными.

Он откинулся назад и оперся на вытянутые руки.

— Теперь понятно, почему Стужа пожелала их именно сейчас. Рудокопы раздробили породу, и остается лишь вынуть камни, а после сложить вон в ту вагонетку. Видимо, еще магов поджидают, нельзя такое богатство без охраны переправлять. Как-никак самоцветы божественной силой обладают. А на самой пещере наверняка неплохая защита стоит.

Эрхан повернул морду к магу.

— Капризная девчонка наша Стужа, друг. Такие самоцветы пожелала, к которым Яр ее на сотню шагов не подпустил бы. Светлой памяти ради.

Волк недовольно заворчал.

— Не понимаешь?

Бренн потрепал зверя за ушами и стал рассказывать.

— Яр у нас заядлый скиталец. Любит по свету бродить, когда надоедает бесконечно вершить дела божественные. Не просто так, конечно, бродит, а пользы ради. Разыскивает диковинки разные, случайно или нарочно созданные и раскиданные по всему свету богиней-матерью.

И вот случилась давным-давно одна история, которая уже в легенду превратилась. Тогда Яр в очередной раз сошел на землю и отправился путешествовать. Самым большим чудом на свете в те времена оказался вовсе не удивительный артефакт и даже не магический источник, а обычная девушка. Хотя не совсем обычная, красоты она родилась удивительной, настолько, что цветы при виде ее вяли, и рыбы, заметив отражение, тонули в пруду.

Волк фыркнул, будто смеялся, а Бренн продолжил с улыбкой:

— Суть ты понял. В общем, захотелось и Яру взглянуть. Отыскал, посмотрел и влюбился. Для бога очень даже пылко. И в лучших божественных традициях начал ее соблазнять. Слишком

неравнодушная к собственной красоте, девушка была чересчур холодна ко всему остальному. Покорить ее сердце оказалось непросто. И тогда, надеясь его растопить, Яр магический венок ей преподнес, тот самый, что от матери достался. Хотя, на мой взгляд, совершенно бесполезный был шаг. Что фыркаешь? Считаешь, магическая вещь может вызвать настоящую любовь?

Волк накрыл морду лапой, а Бренн усмехнулся.

— Неспособна была та красавица никого полюбить. Раз уж красота настолько уникальна, то и изъян для равновесия должен быть уникальный. Она лишь себя любила, и неважными казались ей чувства других. Венок, конечно, приняла, кто же от подобного дара откажется? Природа оделила своих детей поровну, сыну — венец творения, дочери — ожерелье созидания, но теперь вообрази, как Стужа мечтала дар матери себе забрать. Заодно вспомни, что она привыкла получать желаемое и явно ждала лишь подходящего момента. Теперь сможешь представить ее реакцию, когда брат подарил это чудо простой девушке, человеку.

Эрхан что-то коротко прорычал.

— Не просто в ярости. Думаю, в те времена хуже всех пришлось именно Яру, ведь дар не растопил сердце его возлюбленной. И вот тогда бог огня пошел на крайние меры. Похитил деву, перенес в далекие пещеры на границе земель и сотворил для нее подземный дворец. Заточил в нем, пообещав отпустить возлюбленную, когда она примет его любовь. Сильные методы убеждения выбрал, не находишь?

Ворчание волка рассказало войду все, что зверь думал о таких методах. Да, снежные волки всегда мыслили иначе или, проще говоря, знали истину — невозможно навязать волчице любовь, свободное сердце выбирает единственного, но всегда определяет само.

— Нет, он не отступился. Пылоч и молод был в те времена, а еще так же упрям, как Стужа. Существует поверье, что он собирал слезы девушки, а после обращал их в солнечные камни, из которых создал самое удивительное магическое ожерелье.

— Р-р-р, — высказался Эрхан.

— Она швырнула новый дар ему в лицо, а он пришел в ярость и порвал ожерелье. Раскидал камни по всей пещере, и они вросли в стены. Бог после этого плюнул на уговоры.

— Р-р-р, — проворчал волк.

— Именно. Навел чары на ее разум, приманил красавицу в свои объятия, а наутро раскаивался, как любой влюбленный дуралей. А волшебство к тому моменту рассеялось. Яр ведь не хотел, чтобы она навсегда такой осталась и жила в этом дурмане, заодно убедился, что, кроме мозгов, там зачаровывать было нечего. Маловато сердце для широких чувств. Что? Осталась ли она с ним? Нет. Сбежала. Обманула и пыталась скрыться, надеясь перебраться через реку.

Глухое рычание снова прозвучало удивленным вопросом.

— Не перебралась. Сам шаг недальновидный был — какой смысл убегать от одного божества во владения другого? Неужто решила, будто Стужа поможет? Хотя, говорят, утонула она все же случайно, плавать толком не умела. На этом все.

Бренн хмыкнул, наблюдая, как волк вновь качнул мордой.

— Что же непонятного? Камни обладают божественной силой до сих пор и созданы из слез самой прекрасной из красавиц. У богини на подобные вещи память хорошая, тем более венец Природы ей так и не достался.

— Р-р-р, — проворчал волк.

— Хочет ожерелье, получит.

Бренн закинул руки за голову и вытянулся на снегу, обманчиво расслабленно разглядывая темное небо. Эрхан понаблюдая за его задумчивым лицом и поднялся на лапы. Принялся прикидываться, а после потрусил к краю берега и ступил лапой на лед.

— Нет, мой друг, — войд приподнялся на локте, — ты не сможешь перейти барьер. Снежная магия твоя суть. Чародеи услышат, явятся сюда, и тогда схватки не избежать.

Эрхан вернулся и сел, глядя на лорда, а тот покачал головой.

— Не хватало мне своих людей из-за женских капризов терять. Русло менять и подавно не собираюсь. Не всегда стоит слушать богиню, особенно если ей абсолютно все равно, как я достану камни.

Эрхан коротко рыкнул.

— Не все равно? — Бренн рассмеялся. — Уверен, что ей хочется от меня красивых жестов и подвигов во славу? Русло изменить, дюжину людей угробить... Я сделаю все проще.

И махнул рукой, позволяя полупрозрачной пелене сорваться с кончиков пальцев и полететь ввысь, растворяясь, расползаясь по холодному воздуху. Пройтись по лесу, задевая ветви деревьев, вплетаясь в дыхание живых существ, мирно спящих в своих гнездах.

Ночная тишина вдруг наполнилась стрекотанием и шорохом крыльев, а потом над деревьями взмыли птицы с сине-белым оперением. Они собрались стаяй и, сделав круг, устремились через реку, легко преодолев магическую защиту. Против птиц не ставят барьеры, а крылья им дарованы, чтобы летать везде, будь то Северные или Южные земли.

— Сороки любят все блестящее, — хмыкнул войд, наблюдая, как одна за другой быстрые тени скрываются в пещере и вновь вылетают наружу. Он повел ладонью над снегом, сотворив из него хрустальный ларец.

Стук. Один камушек упал на дно, выскользнув из крепко сжавшейся лапы, а сорока, возмущенно застрекотав, полетела обратно в свое гнездо. Стук — еще один светящийся мягким теплым сиянием самоцвет улегся к другому. Стук, стук, стук — словно горох посыпался в жестяную банку.

— Тридцать три, столько Стужа насчитала, — проговорил войд, — все, как она и хотела.

И захлопнул ларец, собираясь взять его в руки.

Стук!

Последняя тень мелькнула в воздухе и, застрекотав, улетела, а от крышки отскочил черный камень.

Маг поднял его и стал поворачивать, внимательно рассматривая угольные бока. Лишь с одной стороны чернота оказалась сколота, а внутри светилась желтым сиянием гладкая поверхность.

— Все так все, — повторил Бренн, сжав руку, и улыбнулся довольно скалящемуся волку, — этот она не заметила. Выходит, что лишний.

Он легко поднялся на ноги и тут же обернулся к реке, быстро проводя перед собой ладонью. Невидимая преграда замерцала, скрывая обоих, а Эрхан тоже посмотрел на ту сторону.

Потрясая палкой, наружу выскочил пробудившийся сторож.

— Эй! — разнесся над рекой далекий голос. — Эй! Что за шутки? Кто тут есть? Эй! Люди! Люди! Кто слышит? — Палка в его руке вдруг засветилась, обратившись огненным чародейским копьем, а голос усилился во сто крат и долетел до дремлющей деревушки. — Просыпайтесь! Просыпайтесь! Камней нет! Камни пропали!

Бренн тихо рассмеялся и, потрепав волка по холке, шагнул обратно, неслышно растворившись в тени деревьев.

Утро началось с привычной спешки, которая не оставляла внутренней дрожи времени: умыться, одеться, заколоть волосы, надеть сапожки, меховую безрукавку, шапку и выскочить на крыльцо. Правда, в этот раз у двери притормозила, не рванула ее, а открыла и вышла, стараясь ни об кого не споткнуться.

Снаружи было пусто, ворота открыты, и там по пригорку вниз шагали санями с учениками, направляясь в поле. Представлять, каково воинам после вчерашней медовухи, даже не хотелось, лишь мысль об этом вызывала головокружение, хоть я с этим сладким напитком меру знала. Не зря любили наши охотники в деревне приложиться к тягучему, душистому, пахнувшему медом питью.

Наверное, по этой причине сегодня все наставники предпочли в поле с магией играть, чем разминаться друг с дружкой и наглядно втолковывать ученикам, как от того или иного удара уклоняться следует.

Я присела на ступеньку, подперла подбородок ладонью, глядя, как солнышко раздумывает искристый снег, и сумрачный лес светлеет, из таинственного превращаясь в сказочно белый, будто разрисованный умелой рукой богини Природы. Говорят, она все красивое очень любила, такие шедевры на любимой земле создавала, какие ни одному магу, ни одному художнику не доводилось сотворить. Но это все случилось, когда еще она была молода и до того, как родила обоих своих деток, брата и сестру, подарив им имена Яр и Стужа. Сама же, оставив подросшим детям наказ беречь и заботиться о земле и творениях своих, исчезла. Ушла ли куда по свету, взяв себе земной облик, или просто уснула, желая отдохнуть от нелегких трудов, а вероятно, и правду легенды вещали, будто полюбила бога иного мира. Мол, от него детей родила, но поскольку на земле им было вместе не жить, отправилась за любимым следом.

Природу по-разному среди людей называли, а одно из имен ее было Весна, и означало оно начало новой жизни. В честь богини-матери выбрала матушка мое непривычное для Северных земель имя.

Словом, сидела я и думала о легендах, притчи вспоминала, старательно направляя мысли в одно русло, чтобы не рассуждать, а появится ли маг? Он же к богине ушел, вдруг в ледяном дворце и остался. Что ему на урок с чародейкой спешить? Пока глаза раскроешь, оторвешь голову от снежной перины, выпустишь из рук гибкий стан той, которая одним взглядом способна навсегда мужское сердце пленить, куда-то спешить уже поздно будет. Заслужил ведь. Недаром после битвы все маги так и норовили урвать тепла женского и ласки, согреться хоть немного. Легко победы не даются. Я не приголубила, так другая тут же позвала.

Задумавшись, пропустила момент, когда снег зашелестел, соткав рядом с крыльцом мужскую и волчью фигуры. А ведь все это время я боялась в душе, как же смогу с войдом встретиться, не признавалась себе, что страшусь и одновременно жду этой встречи. Жду затем, чтобы в глаза взглянуть... А что я, собственно, хотела в них увидеть? Не изменилось ли чего? Что там могло измениться?

Равнодушие и холод плескались в мерцающей глубине. Как два колодца со студеной ключевой водой. Заглянешь, увидишь в прозрачной синеве свое отражение, а всмотришься глубже и застынешь, испугавшись того, что сейчас утянет в опасный, заманчивый мрак, и отшатнешься. Я вот на ноги подскочила, прижалась лопатками к резному столбу и замерла на выступе, на который тот столб опирался. Не вровень, но уже и не так низко по сравнению с войдом. Голову не пришлось далеко запрокидывать. Ох и зря я в глаза его посмотрела.

Оказалось, ему все произошедшее сердце не сжимало, душу яркими картинками не бредило, потому как привычно и чуть насмешливо ответил на мое скомканное приветствие: «И ты будь здорова, чародейка». Поди ж угадай, что, кроме безразличия, скрывалось за прямым взглядом, что пряталось в мыслях, закрытых не только от меня, от любого в крепости. Уж про сердце ледяное молчу, оно точно не тукало так сильно в груди, как мое, не ныло, не тянулось к чужому, не умевшему ответить.

Я схватилась ладонями за холодное дерево, коснулась затылком столба, а войд положил руку выше моей головы и согнул в локте, приблизив лицо. Потешался, наверное, над моей растерянностью и тем, что застыла перепуганным зайцем, прилипнув затылком к дереву.

— Огня на тренировку хватит? — спросил мимоходом, без явного намека, не приближаясь больше, чем на расстояние согнутого локтя, но и не отдаваясь. Память моя услужливая мигом подсказала, что вчера я немало огня отдала, потому, видимо, сегодня могло и не хватить. Но это я так рассудила, он же мог иное иметь в виду. Однако в тот момент смятение в груди только подстегнуло не смолчать, а наговорить чего-нибудь в ответ.

— С чего бы его не хватило?

— Хотя бы с того, что щедро делишься, — а вот тут уже он колючку вернул и усмехнулся. Ох, и злила меня эта усмешка! Из себя выводила. А особенно потому, что ему досадовать следовало и злиться. Любого мужчину отказ в самый ответственный момент из себя вывести может, а этому хоть бы что. Сизар, когда поцелуев от меня во время визита в княжество не дождался, и то хмурился потом, наутро смурнее тучи бродил, пока к великанам не отправили, а тут... Нарочно ведь дразнит!

— Взяв тот огонь, пока давала, не спрашивал бы сейчас, хватит его или нет. Почувствовал бы разницу.

Устроит ответ такой, а, войд? Недополучил ты пламени чародейского, и в том сам виноват. И сцепила руки покрепче на столбе, и подбородок вздернула, хотя следовало опустить. Не пришлось бы тогда сильнее вдавливать затылком, когда маг склонился почти вплотную и совсем иначе, чем до этого говорил, приглушенным тоном, от которого гладкое дерево вместе с моим телом задрожало, произнес:

— Мне огонь без огня не нужен.

Смутил, нечего сказать. Настолько, что мысль, как же он так голосом владеет, чтобы им одним в дрожь вгонять, улетела.

— Это как?

— Всю тебя хочу, целиком.

Тягучая потрескивающая тишина повисла и растеклась позолоченной утренней дымкой, а я не нашла что ответить.

Пальцы войда мазнули заалевший воздух, зацепили краешком ногтей щеку, полыхавшую ярче разгоревшейся на небе утренней зари, а потом... Хотелось бы сказать, что коснулся вмиг онемевших губ, стирая с них ноющее ощущение, но он не для того склонил голову. Он лишь взглядом вниз провел до моей ладони, а после вложил в нее щетку, обычную, широкую, с жесткими щетинками.

— Выпускай огонь, чародейка, пока разгорелся. Сегодня со мной практиковаться не будешь, на Эрхане потренируешься.

Я очень постаралась, чтобы рука с щеткой ходуном не ходила, а дыхание не прерывалось и грудь бурно не вздымало. Огонь ведь не на шутку взметнулся, больно умело его разжигали. Вместо того чтобы продолжать алый рассвет на щеках демонстрировать, перевела взгляд с войда на волка. Правда, вопрос пока задать не выходило, голос бы хрипел и ломался, но маг сам сжалился и пояснил:

— Умеешь ты свою магию призывать и отдавать постепенно, твоя сила к чувствам привязана, а потому научись сперва успокаивать и направлять. Тело уже готово, оно дар через себя пропустит и не воспротивится, достаточно только вспомнить, как ты узоры растапливала.

Лучше я прямо сейчас об узорах вспоминать не стану.

— Попробуй с Эрханом.

Гордый волчок, оценив, как я подступаю ближе с зажатой в руке щеткой, крутанулся и вновь продемонстрировал пушистый зад, приземлив тот на утоптаный снег. Спорить с решением Бренна вожак, конечно, не стал, но и мне свое отношение показал. Вот оно, уязвленное мужское самолюбие, не то что у некоторых ледяных истуканов.

Густая шерсть с тонкими кристаллическими иглами на концах заискрила, едва я приблизилась к руке. По пальцам, отвечая на всплеск снежной магии, прокатилось теплое покалывание. Осторожно поднеся щетку к белому боку, я попробовала провести по звенящей льдистой шерсти. То ли из-за присутствия рядом огня, то ли по иной причине, но каждый волосок, застывший в кристаллике льда, приподнялся и, слегка покачиваясь, сталкиваясь с другими волосками и звеня, ждал моего прикосновения. После вчерашнего для меня самой удивительного всплеска магии, когда я действительно ломала и крошила снежные узоры лишь с помощью собственного тепла, оказалось проще направить его в руку, нагреть щетку и провести по шерсти, стайвая прозрачные кристаллы.

Эрхан вдруг заворчал, но войд положил на белую морду ладонь, явно не боясь, что обнажившиеся острые зубы могут схватить и переломить кость длинных пальцев. Думаю, волку и самому подобное в голову не пришло. Он сразу перестал ворчать и затих. Я же снова провела щеткой, и еще раз, и еще, затем осмелела и принялась водить от головы до хвоста, разделяя застывшую шерсть на ровные ряды и позволяя белым волосинкам стечь по бокам шелковистой волной. Эрхан уже не выглядел напряженным и даже как будто жмурился от удовольствия.

Когда же я остановила руку, любуясь красивой и густой шерстью, мягко блестящей на солнышке, вожак подскочил. Ткнулся мордой мне в колени и клацнул зубами, отчего я покачнулась и приземлилась прямиком на крыльцо, а Эрхан уже оказался рядом и вновь тряхнул головой. Под волчьей кожей прошла мелкая дрожь, словно рябь на воде, мышцы

напряглись и расслабились, и вся шерсть на голове встала дыбом, вновь закачавшись иглами кристаллов. Пока я беззвучно открывала рот и удивлялась, волк уложил голову мне на колени и закрыл глаза, даже не намекая, а требуя нового расчесывания. Пришлось перехватить поудобнее щетку и вновь чесать и растапливать. Эрхан неслышно вздохнул и словно бы растянул пасть в блаженной улыбке. Мне казалось, выходило у него очень по-человечески.

— Умилостивила ты его, чародейка, — прозвучал над головой мужской голос. Войд наблюдал за нами и улыбался. — Теперь разминка веселее пойдет.

Я не верила в себя, никогда не верила и не думала, будто правда смогу. Тогда была лишь на что-то годна, когда просыпалось в груди волшебное, мощное, сильнее меня и моих затравленных, испуганных мыслей. Может, оттого прежде ни разу не сладилось, даже на краю смерти не получилось дать выхода дару?

Разминка в лесу теперь была иной. Я бежала, едва касаясь ногами земли, летела вровень с мордой ледяного волка, а тело, наполненное магией и огнем, казалось намного сильнее, намного гибче обычного человеческого. Как же я не могла ощутить подобного раньше? Это всегда было внутри, но сейчас рухнул заслон, державший мой огонь в невидимой тюрьме. И я летела со смехом, а потом, когда счастливая и довольная остановилась перед войдом, он лишь качнул головой.

— Это называется эйфорией, чародейка, учись искать золотую середину, — и бросил мне в руки щетку.

Я оглянулась на довольно заурчавшего Эрхана, такого красивого сегодня, с шелковистой белой шерстью, а вожак отступил, открывая взгляду шагнущую из-за деревьев стаю.

Думала, рука отвалится. Прочесать столько игольчатых шкур оказалось делом нелегким, войд же все время рядом сидел, на пенечке из снега, и молча наблюдал. Следил, чтобы я ровно силу вела, — чуть нахмурится, и даже слов не нужно, мигом понимаю и стараюсь либо притушить тепло, либо прибавить. Под таким взглядом не расслабишься, не позволишь себе отдохнуть, только и будешь из руки в руку щетку перебрасывать и крошить, растапливать лед.

Пока чесала, слова Северины на ум пришли: «А никто с ней не справится, потому что огненная». Ведь удивительно, но войд нашел способ. Сумел подметить, как чувства и сила друг с дружкой крепко сплелись, домыслил меня подтолкнуть, чтобы не бездумно, не хаотично огонь призывала. И то верно, иной бы меня научить не смог.

— Справилась, положи, — кивнул Бренн на щетку, когда последний волк, тряхнув волнистой шерстью, отпрыгнул в сторону. Эрхан замер рядом, на его голове вновь топорщились ледяные иглы. Маг на волка указал. — Теперь рукой проведи между ушами, не касаясь шерсти. Здесь шкура нежная, опалить нельзя, нужно силу тепла почувствовать, поскольку сейчас жар с помощью щетки не пригасишь. Контролируй сама, в ином случае Эрхан спасибо не скажет.

Боясь причинить вред снежному зверю, я очень старалась делать, как велено. Пальцы подрагивали от напряжения, и дыхание затаилось. Все казалось, ничего не получается. Однако волк не завыл, и шерсть стала гладкой, прекратив топорщиться.

Коротко рыкнув, вожак быстро отступил. Белые звери затерялись в снежном лесу, оставив нас с ледяным лордом вдвоем.

— Дай мне руку, — велел Сердце Стужи.

Я протянула вперед нывшую кисть, положила свою ладонь на его раскрытую, а он повернул так, чтобы обе руки соприкасались — ладонь к ладони — и не стал обхватывать, зато приказал, как в первый раз:

— Теперь согревай.

Снова холод подбирался к моему теплу, вновь оттеснял от кончиков пальцев, покалывал, затягивал онемением и отбирал прикосновения рук. Но попытки отстраниться я не сделала, подалась чуть вперед, прикрыла глаза, вообразила, как хочу чувствовать не холод, а тепло его кожи, шершавой, жесткой, грубее моей. Хоть и красовались на розовой ладошке натруженные за всю жизнь мозоли, но не была она ладонью воина. Я представила, и холод начал отступать медленно, очень медленно. Он поддался, перестал кусаться и пить мою силу, а словно призадумался, глянул с интересом: «Покажи, на что способна», — и тепло повлеклось ему

навстречу. Так сталкиваются в Зимнелетке острые края намерзших ледяных торосов с покатыми боками гладких теплых волн.

Я не сразу заметила, что войд отстранил ладонь, просто ощутила его движение и раскрыла глаза, — наши руки не соприкасались, они застыли напротив, а между ними воздух колыхался, и смешивались краски. Так я вновь увидела два цвета магии: лазурь холодного льда и кармин жаркого пламени. Огонь полыхал, растекаясь красным золотом от моей ладони.

— Придай ему форму, — велел войд, и его магия вдруг превратилась в вытянутый диск с острыми краями.

Я удивилась настолько, что непременно упустила бы тепло, дав ему рассеяться, не служи магия лорда приманкой, не будь она такой манящей, не ощущайся напротив плотной устойчивой массой в форме овального диска. Моей силе захотелось пройти по кромке лезвия, скруглить и сточить резкий контур.

Придать форму? У меня вышло сдавить рыхлую массу собственной магии с краев и превратить ее в... кляксу.

Войд усмехнулся: «Снова».

— Молодец, — похвалил Севрен.

Сегодня именно он встретил меня у ворот, едва войд отпустил. А вырваться от ледяного лорда вышло тогда, когда сила согласилась скрутиться в неровный шар. «Засчитаю», — кивнул безжалостный мой наставник, не заметив, как вырвался сквозь стиснутые зубы вздох облегчения.

— Хорошо! Начала силу чувствовать, управлять выходит.

Правда, что ли, молодец? Как-то не удавалось мне замечать собственные успехи, пока другой на них не указывал. А ведь сегодня сама дошла от ворот до дома князя, где он учил меня нужным вещам, но тоже внимания не обратила. Упустила из вида, что иду, не несут.

— Покажешь мне?

Я смогла продемонстрировать получившийся шарик, только совсем небольшой.

— Неплохо, — заметил князь, — сказать по правде, я боялся, что дар без войда так и будет засыпать.

— Засыпать? — Я вскинула отяжелевшую голову, норовившую склониться на лежавшие на столе руки.

— Сильнейший ее пробудил, вытащил наружу, но без его присутствия ты не умела к ней обратиться, теперь можешь. Ты молодец, Весса.

— Сильнейший из ледяных магов? Потому я или, вернее, сила так странно на него реагировала?

— Скорее вы обе, — поправил Севрен. — Суть силы такова, что она может всю жизнь проспать в тебе. Не проявится толком, будучи спрятанной слишком глубоко. Она будет греть, отзываться на простые команды или эмоции, поскольку ты ее хозяйка и обучаешь свой дар, пока он подобен малому дитю. Он растет вместе с тобой. По этой причине мы создаем школы, где обучаются с детства. И по этой причине твоя сила не могла прежде служить оружием и защитой. В присутствии лорда, чья мощь даже в нас проникает, твой огонь всколыхнулся. Можно сказать, это как удар наотмашь, когда от боли срабатывают инстинкты. Без его присутствия ты вновь похоронила бы дар глубоко внутри, не поверив, что сумеешь воспользоваться.

— Ты сказал, мы обе?

— Бренн пояснял, твои эмоции и силу не разорвать, слишком крепко сплелись.

— А вы верили, что он сможет научить?

Я вдруг вспомнила князей, отшатнувшихся от меня в том доме, и как войд остался стоять на

пути.

— Если кто и мог, то он. Научил вызывать, а вскоре научит, как пользоваться. Только... — Севрен замялся на несколько секунд, — постарайся справиться, Весса. Иногда, чтобы овладеть умениями, необходимо прочь отбросить все эмоции, особенно сострадание. Хороший наставник не жалеет ученика, а хороший ученик не допускает жалости к себе. Ты думала прежде, когда тело узнавало, как быть гибким и податливым для твоего жара, было трудно, но главное начнется сейчас.

— Я запомню, Севрен.

Он кивнул.

— А почему войд за помощь плату берет?

Князь облокотился локтем на стол и задумался. Он не спешил отвечать, пока не подберет нужные слова, что будут понятны и мне.

— Вернуть потраченное, — наконец ответил. — Сила внутри плещется в широком озере, но если вытянуть из него много «воды», образуется воронка. Она будет вертеться все быстрее и быстрее и утянет в себя многое. Заключая магический контракт, по-простому, произнося слова клятвы, призыва или просто обещания, ты запечатываешь воронку на время, пока не будет выплачен долг. Чем выше просьба, тем больше плата. Если просишь жизнь, то и отплатить должна тем, что для тебя сравнимо по ценности с ней.

— Войд мне тогда занозу подарил.

— Это как оплата не в полной сумме, а частями.

— Что?

— Не сталкивалась с ростовщиками, Весса? — Севрен грустно улыбнулся. — Мне в свое время пришлось. Ну да ладно, речь не об этом. Заноза мучительна, она крошит и делит сердечный жар на части. Каждую ночь, что мучаешься тоской, сила отдается в оплату. Порой проще оплатить все разом, чем вот так.

Он задумался, склонив голову.

— А, — я замялась, — ночь?

— Ночь добровольный выбор. Для кого-то это легко, — он искоса взглянул на меня, — для кого-то нет ничего сложнее, чем открыться другому. Вот ты, коли не готова, себя не отпустишь, не отдашь огонь. Просто не сможешь. А закрываясь, не дашь выхода силе.

Так вот что слова войда означали! Я вспомнила жаркую откровенность мужчины и снова покраснела. Мало тело ласкам отдать, самой нужно отдаться целиком. Интересно, если бы тогда получилось, он мог меня после отпустить, не требуя полной ночи? Наверное, мог.

— А если не заплатить? — спросила о последствиях, о которых уже и сама догадывалась.

— Коли обещано такому, как Бренн, его водоворот утянет всех нас за собой. Всплеск будет ярче чародейского огненного взрыва. От него на месте поля обугленная земля останется. Войд ведь взялся тебя учить, а ты не простая ученица, ты иная сторона.

— Иная сторона?

— Знаешь, как люди рисуют солнце и луну вместе?

Он достал из-за ворота затейливый медальон и показал мне. Солнце и луна — два разных лика, но светила сливались, образуя целое.

— Это символ единства противоположностей, Весса. Две стороны человеческой души. Наша магия такова, сила чародеев и магов — всех. Она общий свет и общая тьма. Защита, гармония, положительная энергия. Луна — зимняя сила, солнце — огненная. Они встречаются дважды: на заре и в пору заката. Мы сходимся с чародеями на границе вечной реки, разделяющей нас. Если лед берет огонь в ученики, он нарушает закон равновесия. Бренн каждый раз выбирает время на рассвете и ведет тренировку, пока солнце не взойдет над вершинами, после он отдает тебя нам, но не для обучения магии, а для рассказов, историй, устных занятий. Их нельзя считать проявлениями силы.

— Вы мальчишек тоже утром обучаете.

— Они обычные ученики, здесь время роли не играет, мы и днем им немало заданий находим и даже вечером.

— Почему только со мной утром? Вечером светила тоже встречаются.

— Вечером довлеет луна, наш холодный покровитель. Тьма, мощь и лед. Поверь, это не те помощники, что пригодятся огненной чародейке в обучении. Это время, когда оба лика, — Севрен вдруг развернул две части изображения, и они оказались не единым целым, а всего лишь половинами, смотрящими друг против друга, — глядят в разные стороны, время превращения силы в нечто иное.

— Во что?

— В то, с чем лучше не сталкиваться, особенно если иная сторона сильнее тебя.

Глава 11

ОБ ОГНЕ ЧАРОДЕЙСКОМ

Камни мягко светились сквозь прозрачный лед, пока Бренн нес шкатулку по дворцу богини. Пришлось Стуже дожидаться своей очереди, прежде чем желаемое получить. Конечно, о том, что все утро на ученицу ушло, а после еще на два вызова и визит в одно из княжеств, богине знать не следовало. К ней все спешили, едва задание исполнят, так к чему разочаровывать снежную деву?

Он шагнул в просторный зал, вновь бросил беглый взгляд в сторону кристалла и остался стоять, задумчиво созерцая ледяной круг.

— Бренн... Ай! — Неслышно явившись за его спиной, богиня тут же отпрыгнула от оскалившегося Эрхана. — Ты зверя во дворец притащил? Фу!

— Захотелось вожаку на ледяные палаты полюбоваться.

Стужа скривилась и встала так, чтобы между ней и волком оказался заслон из ледяного лорда.

— Только попробуй, — погрозила она пальцем, — мне еще одно платье порвать.

Эрхан в ответ неуважительно клацнул зубами, но внимание богини уже приковалось к ледяному ларцу.

— Принес! — хлопнула она в ладоши, а войд откинул крышку, позволяя ей оглядеть камни и конечно же быстро сосчитать все до единого.

Как он и подозревал, богиня разглядела в пещере тридцать три самоцвета, а вот глазастая сорока заметила еще один.

— Я ведь просила не просто камни, — притворно нахмурилась Стужа.

Лорд выпустил из ладоней ларец, который тут же рассыпался сверкающими снежинками. Они закружились в хороводе, подхватили золотистые самоцветы, оттеняя магической синевой мягкое тепло и блеск каждого камня. Точно под руками умелого ювелира, плелся тонкий ободок, свивался в сложные детали, формируя крепления для каждого камушка по их величине и форме, складывался в замысловатые узоры для камней поменьше. За мгновения вылепился в воздухе гармоничный рисунок чудесного ожерелья, достойного богини, а само оно обвилось сверкающей гибкой змейкой тонкую шею.

Стужа весело рассмеялась, оценив красивое зрелище. Оглядев себя в ледяном зеркале, она полюбовалась, как зачарованные камни придают ее внешности поистине невыразимую прелесть, и довольно развернулась к Бренну.

— Мой лорд вновь справился с заданием.

И вновь богиня не поинтересовалась, пострадал ли кто во время выполнения этого задания и не случилось ли стычки между магами и чародеями за чудесные камни. Она просто наслаждалась отражением в зеркале и удовлетворенно улыбалась.

— А теперь награда! — хлопнула Стужа в ладоши, и в руки войда упал золотой наборный пояс.

Красивый, как и любой подарок богини, он явно служил не для того, чтобы просто им подпоясаться. Это был воинский пояс. По гладким драгоценным пластинам шла затейливая вязь орнамента — древние письмена, способные поведать о подвигах, заслугах и о том положении, которое занимал одаренный бесценным подарком, лучше всяких слов. Каждая деталь кричала о доблести и отваге. Для не умеющих читать знаки о положении и силе рассказывали золотые бляшки и пряжка из крупных сапфиров, любимого камня богини. Обережный пояс. Такой могла бы подарить возлюбленному мужу верная жена, но только богиня вылепла его из золота, а не из красных нитей. Подарок, говоривший так много, но оттого менее желанный. В центре каждой круглой поверхности были искусно выбиты рисунки, и в этих изображениях войд узнавал деяния былых лет, свершения во славу богини. Стужа сама застегнула подарок, не призывая на помощь магию.

— Щедрый дар, богиня, — склонил он голову, — благодарю.

Вместо ответа она обхватила лорда за плечи и, дотянувшись, поцеловала. Верный друг

выручил, как всегда. Мигом ухватился за подол лазурного платья, иначе пришлось бы войду отталкивать богиню, нанеся тем Стуже смертельное оскорбление.

— Противный волк! — Богиня сама отшатнулась, а глаза ее загорелись таким гневом, что, не дожидаясь кары, которая могла обрушиться на мохнатую голову вожака, Бренн утянул волка в открывшийся снежный переход.

Их вынесло на границу леса. Устало опустившись на снег, войд обнял зверя за шею, а Эрхан вдруг заскулил и попытался ткнуться носом в его грудь.

— Не скули, все в порядке, — жестко велел ледяной маг, а приметив тоску в волчьих глазах, уже мягче, прилагая усилия, чтобы не схватиться за горло, повторил: — Все в порядке, Эрхан.

Устроившись у теплого огня в женском доме, я в очередной раз завела для любопытных мальчишек новую придуманную мной сказку. Предводительствовал над озорниками старый знакомый, который и повадился водить всю эту ватагу в избу каждый вечер. В первый раз подловил момент, когда я села возле камина просушить вымытые волосы. Весело вломился в главный зал и заявил: «Расскажи сказку, чародейка». Уверенным тоном взрослого мага, видевшего перед собой девчонку, которая конечно же не посмеет отказать. Однако стоило лишь изломить брови и глянуть на него, как на Снежку смотрела, когда сестра намеревалась капризничать, он тут же растерял свой уверенный вид и превратился в обычного ребенка с жалостным выражением на открытой мордашке. Этот малец еще только обещал стать невозмутимым ледяным магом, наверное, поэтому сердце и дрогнуло, а я повела свой рассказ.

С тех пор почти традицией стало, сидя у камина и расчесывая непослушные кудри, сочинять для мальчишек новые сказки, ловить блеск доверчиво раскрытых глаз, радостные улыбки или подмечать нахмуренные брови, когда герою в очередной раз грозили всякими бедами, а потом сводить все к счастливому завершению и, закончив плести пушистую косу, проговорить: «Тут и сказке конец». В этих моих выдумках у героев непременно получалось задуманное, а дети, конечно, верили и сами были готовы хоть сейчас отправиться совершать такие же чудесные подвиги. Но поскольку до славного времени требовалось еще дорасти, они по окончании истории начинали хвастать доблестью наставников.

В этот вечер, закончив рассказ, я разогнала их пораньше, отправила в ученическую избу спать и вышла на крыльцо. Вдохнуть хотелось морозного воздуха и еще раз подумать над произнесенными утром словами Севрена.

В крепости было тихо, безлюдный двор освещала луна, белый снег мерцал в этом призрачном свете, даря то самое успокоение, какого не могла найти в четырех стенах собственной комнаты. Обычно хватало добраться до подушки в конце вечера и закрыть глаза, чтобы забыться крепким сном, а сегодня не выходило. Впрочем, после той необъяснимой вспышки в доме войда, когда растопила его рисунки, я вновь стала плохо спать. Уставшее тело не могло вырваться из оков дремы, а душа металась беспокойно, заставляя меня то выныривать на поверхность озера снов, то вновь погружаться в зыбкие воды.

Я склонила голову, поджала к груди колени и вздохнула, а потом что-то заставило насторожиться. Так, не меняя позы, я вскинула вверх глаза, почуяв ледяное дуновение. И мир будто перевернулся. Мгновенно проснувшийся огонь вспыхнул внутри и тяжело заворочался, глухо зарычал, а после зашипел, точно злая кошка, — я увидела войда.

Узнала его во мраке лунной ночи, хоть он не был похож на себя, а еще не ощущался собой. Не могу этого объяснить, но будь я кошкой, шерсть встала бы дыбом на загривке.

Сила сдернула меня с крыльца, повела следом за удаляющейся фигурой, которая перемещалась через двор и уже ступила в тень деревянных изб. Он шел к окраине крепости, туда, где был его собственный бревенчатый дом, шел как обычно, бесшумно скользя по снегу, не оставляя следов... Почти как обычно. Его шаг казался тяжелым и медленным. Войд всегда перемещался стремительно, сейчас же выглядело, словно на его плечи опустили увесистый груз, а тот к земле придавил. И хоть лорд не сгибался, а ступал ровно, но веяло, веяло злым, тревожным, опасным...

Я осознала, что ледяное дуновение, будто запах, ведет меня за ним, и я крадусь, чуть сгорбившись, опустив плечи и стиснув кулаки. Говорят, есть волшебные ароматы, способные сбить путника с дороги, заманить в ловушку, и для меня таким ароматом стал сейчас горький вкус на языке. Он свербел в носу, мне хотелось чихнуть, а в горле зудело.

Сила пробежала по телу, я содрогнулась от огненного тока, но не задержалась на месте, а стала красться быстрее. Я не осознавала себя со стороны, но если бы могла, поняла, что напоминает это ощущение. То самое первое, когда услышала его голос, голос ледяного мага. А еще в момент прохода через зачарованные ворота крепости возникло похожее чувство. Только нынче дар не причинял мне боли, ведь тело стало иным, но он вел меня подобно собачьему нюху, след в след, рыча неслышно в груди.

Я кинулась, выставляя вперед скрюченные пальцы, не рассуждая, не думая, что делаю. Как тогда, когда впервые отметила тело мага огненными ожогами. Бросилась, желая вцепиться в горло, грызть горький лед зубами, рвать когтями, крошить. И налетела грудью на вытянутую руку, ударилась, точно в стену, захрипела и упала на снег, и тут же оказалась вздернута на ноги и отброшена к заиндевевшим бревнам избы, врезавшись в них острыми лопатками.

— Нападаешь, чар-родейка, со спины?

Ладонь упиралась мне в грудь, не позволяя вырваться. А глаза войдя вспыхнули в темноте, полыхнули серебряным холодом, кожу обдало студеным морозом. И «чар-родейка» маг прорычал так жутко, что в голове щелкнуло: «Бежать!» Мигнуло и погасло столь же резко, как затухает под колпачком пламя свечи. Однако я дернулась, желая вывернуться из-под переместившейся на плечо тяжелой руки, сбросить ее, и тотчас ударилась затылком о стену, а плечо хрустнуло под железными пальцами.

— Чего хочешь-шь? — Он шипел в такт шипению моей силы, которая плескалась на раскаленные уголья огненного дара. Заставляла меня вновь и вновь извиваться, несмотря на бесполезные попытки освободиться.

— Чувствуешь, чародейка? Хочешь уничтожить?

Ладонь выпустила плечо и перехватила руки, метнувшиеся к его лицу. Я желала расцарапать мерцающую в темноте кожу, которую будто устлали снегом, как и весь беленый двор.

Он поднял меня на уровень собственных глаз, вот так за руки, подвесив за запястья, точно на цепях. И ужас стал приходить на смену бешенству, сковывать меня, перетекая по воздуху от его горящих глаз, засветившихся белой пургой. Она заволокла даже темный зрачок, а кругом все медленно затягивалось плотным белым туманом.

— Может, снова в сердце огнем ударишь-шь? Попробуй.

И выпустил, развел ладони в стороны, открывая грудь, а я стекла по стене и едва смогла устоять на ногах.

Он был на себя непохож, впрочем, как и я. Его подменили, и сила отреагировала на эту подмену яростью, а позже ужасом. Животным страхом, который заскулил внутри, заставляя меня сжаться. Я затаилась, как может затаиться любое живое существо, ощутив страшную грань. И сила замерла вместе со мной, потому как нарастало что-то там, в его душе. Оно рычало и колотилось в телесную оболочку, пробившись в слове «чар-родейка». Войд говорил похожим тоном однажды. В тот раз я ударила огнем в сердце.

Ужас и ярость качали на бурных волнах, швыряли из стороны в сторону. Всплески силы двигали мной, а не я ими, и не выходило выплыть. Дар ощущал горький лед, синий, мерцающий, морозный. Чем толще казался его слой, тем сильнее разгорался огонь, но придавленный взметавшейся в глазах напротив пургой, вновь опадал и снова пытался воспринять.

— Молчишь-шь? Ударь!

И этот удар станет для тебя последним, наверное, мог бы добавить.

— За что ты меня ненавидишь? — Мой голос вырывался со свистом, отдаленно вторившим яростному шипению огня.

Враг! Это ведь враг передо мной! Как я не замечала раньше, как могла не ощутить холода рвущейся наружу ненависти?

— Я ненавижу огонь, чар-родейка! Твой огонь часть тебя!

Теперь я сама ударилась затылком о стену, отшатнувшись, когда он резко склонился ближе, леденя своим горящим взглядом.

— Куда ты хотела ударить? — повторил медленно и с расстановкой. И я подняла руку и потянулась к его горлу, но не донесла, остановила на полпути. Ужас снова победил мой огонь. Пламя внутри ощущало лед именно там. Он застыл уродливыми кристаллами, не позволяя человеку, если в теле снежного лорда еще оставался человек, дышать. Мерзкий, жестокий и противный мне холод, который теперь заполнил его глаза, отражая в них эти кристаллы.

— Хочешь растопить? Растопи! Если сил хватит.

Он сжал мою шею, резко привлекая вплотную, и, пока в ужасе смотрела на него, хрипло прошептал:

— Поспорь с богиней, чародейка, согрей! — и прижался к губам.

Оттолкнуть, упереться изо всех сил ладонями в его грудь и попробовать хотя бы сдвинуть. Нет. Не ускользнешь. Не уклонишься. Губы встретились, схлестнулись в поцелуе, в котором не могло идти речи о нежности. словно целуешь врага, а враг отвечает тебе.

Глаза закрылись, скрыв за темнотой снежную вьюгу. Ни ласки, ни сострадания в этом напоре. И всегда невозможно разные его поцелуи, меняются, как и сам ледяной лорд. Непредсказуемый, непонятный, пугающий, притягательный. Он приказал растопить, и я исступленно ответила на приказ. Больше не видя того, что повергало в ужас, отдалась своей силе. И ярость щедро плеснула на вновь запыхавшие раскаленные камни. Пусть бы эта злость отравила его через мои губы, пусть бы так же щипала, колола, разъедала едкой горечью кожу. Сила взбунтовалась, потекла по моему горлу, беснуясь огнем во рту, где и так горело от требовательного поцелуя. Думаю, я вспыхнула вся разом, поскольку, не сумев перелиться в него, моя ярость встала между нами барьером и охватила все тело. Теперь я вцепилась в плечи мага не ради желания оттолкнуть, а из стремления придушить, если смогу, в своих объятиях.

Враг, враг, враг! — стучало, кипело в охваченном яростью мозгу, билось в ушах и отчего-то стонало в сердце. — Враг? — уточнило оно, спросив лишь раз, но так, что я растерялась. На миг упустила собственную ярость и злость и поддалась, уступила. Перестав сопротивляться, откинула голову на его ладонь, прекратила напрягать пальцы, которые больше не впивались, а легли на его плечи, и тут же ощутила свою силу иначе. Не огнем, а теплом, которое, перестав быть хищником, обратилось живительным напитком, перетекло наконец через мои губы в его, побежало ключевой водой по его горлу.

Он дернулся, а я приникла ближе, крепко стиснув между пальцами снежные пряди на затылке. Ты хотел тепла? Так заberi! Бери!

Я слышала стон в его груди, я знала, как это больно, когда после мороза тело отходит.

Тебе больно, маг?

Приникнув тесно-тесно, отдавала свое тепло, войд же давно отпустил мой затылок и упер ладони в стену позади. Как будто попал в капкан и оттого не в силах был двинуться. Я разомкнула поцелуй, чувствуя, что лорд не может сейчас помешать, и приникла к его горлу с необъяснимой жадностью. Обхватила шею ладонями, чувствуя тепло от своих губ, от своих рук. В его гортани еще плескался, прокатываясь вниз, мой огонь и встречался с жаром, что просачивался сквозь поры. Я лизнула языком, как кошка, провела по горлу, ощутив, как дернулся кадык, а маг запрокинул голову. Я едва не урчала от удовольствия и млела от ощущения, что тепло сталкивается с уродливыми кристаллами, обтекает их один за другим, безжалостно сламывает и стачивает острые края, смывает колючие грани, подобно воде, освобождая путь воздуху. И вкус на языке становился слаще.

Сила радостно фыркнула от нового всплеска его боли и неслышного стоны, родившегося внутри, которому вновь не дали прорваться крепко сцепленные губы.

Нет, мой враг, я хочу слышать.

Его шея, подбородок, снова губы.

Я разбила, знаю, что пробила лед, он теперь крошился легко, стал рыхлым и податливым. А руки, упиравшиеся в стену позади, вдруг сдавили крепко-крепко, сжались на моих плечах, а после оттолкнули, разорвав поцелуй.

— Огненная кошка! — сказал негромко. — Такова твоя сила, Весна?

И еще тише:

— Знала, что такой можешь быть?

Разве я могла знать, если прежде подобного не творила? Огонь без огня, так это Бренн называл? Теперь я четко уяснила, что он имел в виду. Огонь перекрывал собой все, превращал меня в другую девушку, как и его дар превращал войда в ледяного лорда.

Мое дыхание теперь было тяжелым, но пламя уже не опаляло, а снежная сила, напротив, перестала грозно щериться, став привычно опасной и холодной.

И теперь я увидала лед вокруг. Толстый слой, который покрыл и дорожку, и бревна ближних домов. Мною ощущалось, что лед не просто затащил корочкой поверхность, а прошел сквозь землю и сквозь дерево. Захочешь разбить, не совладаешь. Запоздало тряхнуло жутким осознанием: «Что значат мои всплески силы против его?» Что случилось бы, не выпусти он вьюгу нарочно в тот миг, когда упер ладони в стену позади меня? Тогда бы лед прошел сквозь тело одной чародейки, слишком неумелой, чтобы совладать с собственным даром и приструнить разошедшуюся огненную кошку, не позволить ей дразнить и злить ощерившегося снежного волка. Не было бы меня уже на свете. И здесь не как с ледяным духом, одной минуты хватило бы.

Я дернулась и почувствовала, что отцовский полушубок примерз намертво. Едва удержала вскрик, когда войд схватил, точно котенка, за шкирку и рывком отодрал меня от стены. Полушубок хрустнул и обзавелся такой огромной прорехой на спине, которую уже не починить.

Вьюга в глазах напротив погасла. Они стали почти привычными, как и голос, не злой, не шипящий, а тихий, без эмоций и чувств.

— Научу ведь на свою голову.

И словно вздохнул.

— Зачем же взялся, коли огонь противен?

— Затем, что хороший момент выбрала, чтоб настоять, — ответил и отвернулся. Не прибавил больше ни слова. Спокойно продолжил свой путь, словно по ровной тропинке шел, а не по обледелой дороге.

Я взглядом его проводила, а когда сама шаг сделала, соскользнула вниз и растянулась на земле. Лед оказался ровнее, чем зеркало, пришлось едва ли не ползком обратно добираться.

Искристое морозное утро началось с довольного визга за дверью женской избы. Я поскорее вышла на крыльцо, чтобы увидеть, как от раскрытых ворот вниз по обледелому склону несется целая ватага мальчишек. Их наставники стояли неподалеку и, пряча улыбки, наблюдали за веселившимися учениками. Они их еще погоняют, но не забирать же у детворы радость утреннего катания.

Быстро оглядев двор, я заметила, что ледяная дорожка осталась теперь только там, у ворот, а прочей, в руку толщиной, наледи уже и след простыл.

На заре войд времени не терял, быстро развеял следы собственной силы, оставив только вон ту горку, по которой теперь с визгом неслась вниз детвора. Даже самой захотелось, на них глядя, скатиться разочек к подножию.

— Ну что замерла? — Я повернулась на голос и увидела улыбающегося Сизара. — Тебе войд велел на поле явиться, как проснешься.

Князя тоже забавляла детская возня, и сегодня он обратился ко мне совершенно спокойно, а не как в последнее время задумчиво, чуточку напряженно. Я и видеть его стала реже, все больше Северн разные вещи рассказывал, а Сизар часто отлучался по делам и подключался к моему обучению, когда друга требовалось подменить.

— Там теперь легко не спустишься, — кивнула на раскрытые ворота.

— А ты скатись, — рассмеялся князь.

Предупреждал меня Северн, и не зря. Он знал, что теперь начнется, вот и подсказал, я же тогда не взяла на себя труд задуматься. Нынче на раздумья времени не имела, как и на все

остальное. Из мыслей в голове только одна билась, и хотелось ее не высказать, а провить.

«Пожалей!» — стучало в висках и разливалось в красном мареве, застилавшем глаза. Хотелось подползти к войду, вцепиться в жесткую ткань штанов и завывать в голос, умоляя дать мне передышку.

Но: «Войд у нас совсем жалости не ведает к ученикам», — говорила Белонег, и говорила не просто так. Вечность тренировок спустя я наконец уяснила, что просить бесполезно. Теперь каждый день для меня заканчивался, едва начавшись. После наших учений я уже была ни на что не годна. Войд учил использовать силу.

«Пожалей» — так и не произнесла это слово, рухнув точно подкошенная на колени. Уперлась ладонями в снег, который утром еще хрустел под пальцами здесь, на снежном поле, а в иных местах и даже в лесу на прогалинах подтаивал, открывая взгляду темную землю.

В бок ткнулся носом Эрхан, подбадривая, понукая поскорее встать на ноги. Войд долго ждать не будет, ударит опять, а если не успею закрыться, то буду стонать весь день на лавке, не чая покоя найти, желая, чтобы лекарство Белонег совсем-совсем чувствительность забрало, потому что эту пытку телесную выносить невозможно.

— Поднимайся.

Ровный голос, как первое предупреждение. А второго не будет, потому что сразу последует удар. И я встала. На дрожащие, трясущиеся ноги, но встала. «А прежде ведь не поднималась», — мелькнула и исчезла мысль, когда войд качнул головой: «Нет, опусти руки ниже, следи, куда я направляю удар». Еще бы за мутной красной пеленой я могла уследить за его ладонями, за мерцающими полупрозрачными сгустками — скоплениями снежной силы. Сизар называл их снежками, а Белонег смазывала лиловые синяки по всему телу какой-то особенной мазью.

Я сжала зубы, взгляд немного прояснился.

Взмах, удар.

— Уклоняйся!

Испуганное, измученное тело выгнулось, убегая от очередной порции боли.

— Принимай! — Я выпрямилась быстрее, чем сама успела сообразить, выставила запыхавшие жаром ладони, едва успев ухватить этот сгусток и рассеять до того, как ударит в грудь или в лицо, выбив воздух, лишив возможности дышать.

— Бей!

Почувствовать жар отдельно от ладоней, слепить такой же снежок, только горячий, оттолкнуть и направить не целясь, потому что спешу, потому что боюсь не успеть, иначе его сила ударит и сметет меня.

Он отбил с легкостью, с какой никогда не могла отразить его ударов, и вновь покачал головой.

— Снова.

«Это всего лишь снежки. Скажи спасибо, что мечом или копьями ледяными тебя не гоняет», — говорил, подбадривая, Севрен.

Спасибо, войд, и сжался. Хотя на мгновение, хоть на минуточку позволь разочек вдохнуть полной грудью, разогнуть заоченевшую спину и сведенные в судороге руки.

«Сгустки силы лишь начало, — добавлял Севрен, — с помощью дара научишься формировать что-то мощнее. Как тебе плети или молнии?»

О чем князь говорил, если вызвать шарик требовало от меня невозможных усилий? Хотя раньше, кажется, он не выходил таким ровным и не складывался в ладони за долю мгновения? Не грушу ли напоминал, то и дело норовившую потерять форму, а потому даже не долетавшую до цели? Она лепилась в ладони слишком долго, а затем рассыпалась в воздухе. А сам войд? Он будто больше времени давал прежде на удар. Или нет? Он ждал, пока я сформирую ту грушу, или бил так быстро, как сейчас?

Уклонилась, выгнулась, отпрыгнула. Ведь невозможно терпеть боль до бесконечности, ведь

рано или поздно проснется злость и желание ответить. Если кошку дернуть за хвост, она зашипит и выпустит когти. Я научилась выпускать свой дар от простых попыток растопить магический лед до умения создавать небольшие сгустки силы для нападения и обороны. Прежде казалось, не осилю разбить таким шаром летящий в меня снежок и от его попадания снова парализует невыносимой болью и уронит на снег. Как уследить, куда войд метит, как предупредить удар? Мне требовалось предугадывать будущую муку в начинающемся движении мышц.

— Бей!

Вновь замахнулась и тут же свалилась на снег, скорчившись от боли в животе.

— Умей нанести удар, не открываясь тому, кто намерен тебя убить.

Я загребла ладонью холодный снег, отерла горевшее лицо о колючий покров и принялась подниматься на ноги, уже зная, что услышу: «Снова».

Эрхан до крепости опять возил на спине, а оба наставника-князя, закончив к тому времени гонять собственных учеников, вновь принимали у ворот и несли в дом Севрена. Укладывали на лавку и, чтобы впустую на ней не лежала, принимались ошибкой пояснять. Севрен всякий раз говорил, как следовало правильно уклониться или ударить. Второй князь наглядно показывал с помощью удивительных своих снежных картинок. Белонег поила отваром, после которого тело немело, а боль отступала.

Сизар вновь стал реже отлучаться из крепости и пытался меня развлекать, потому что уныние росло день ото дня. Один раз, когда уйти выпало Севрену, князь сам донес меня до избы, но вместо того, чтобы уложить на лавку, усадил на колени и спросил: «Хочешь, Весса, сказку расскажу про одного войда и двух его учеников, тогда еще не князей?»

«Хочу», — ответила ему и даже вырываться не стала, устроилась удобно и прислушалась. А он начал говорить. Сперва завел речь о молодом снежном маге, у которого была невеста. Девушку маг любил столь крепко, что упорно не замечал всего, о чем давно догадались посторонние. Семьи этот юноша не имел, а чужих привык не слушать, полагаясь во всем на собственное мнение. Но какое мнение может быть у влюбленного? Говорят, прозрел лишь тогда, когда сбежала его нареченная с любовником, обокрав доверчивого юношу до нитки. Пришлось ему заложить все ценное, что в ту пору имел, но от ростовщиков это не спасло. Очутился снежный маг на улице, познал ту сторону жизни, которой лучше вовсе не знать. Из состоятельного и воспитанного юноши обратился он бездомным нищим. Однако злобным колдуном, готовым за плату вершить беззаконие, не стал. Силой своей во вред людям не пользовался, хотя мог. Позволил бы дар ему прокормиться нечестным путем, но маг не рисковал и на обманные дела не соглашался.

— Очернить собственный дар, — рассказывал Сизар, — просто, однако самому при этом остаться человеком едва ли удастся.

— А какая доля таких колдунов ждет?

— Поймают рано или поздно, а доля — смерть.

— И юноша знал?

— О наказании за чернокнижие каждый знает, но все равно находятся смельчаки или озлобившиеся.

— Значит, после всего маг не озлобился?

— Зол он был лишь на тех, кто его обманул. И эта ярость довела его до греха. Всякий талантливый снежный маг получает возможность хоть раз в жизни лицезреть богиню. Она озаряет нас своим благословением, когда дар обретает высшую силу. Стужа предлагает каждому желание и плату за него. Можно воспользоваться, можно отказаться. Севрен воспользовался.

Князь вздохнул, впервые назвав имя друга.

— Наказания попросил? — От волнения сомкнув пальцы на тонкой ткани светлой рубашки, я с нетерпением ждала продолжения.

— Попросил. Она и наказала.

— И он что?

— Богиня позволила ему увидеть последствия наказания. Скажу тебе, Весса, что хотя минуло с той поры много лет, Севрен по сей день забыть не может. Однажды, не помню за каким по счету кубком медовухи, он мне признался: «Не могу простить себе той ошибки. Лучше бы с миром отпустил». Стужа его после, конечно, поцелует одала. Пропал князь, влюбился в богиню, но свою клятву зла не чинить помнит и держит. Может, по этой причине он Бренну приглянулся, когда явился в крепость, чтобы вызвать войду на бой.

— Зачем на бой?

— Во славу богини, а как же иначе? Все мы головы теряем, стоит Стуже поманить. А ее эти поединки и проявления любви забавляют.

— Как же так? — Я даже привстала чуть-чуть у него на коленях. — Разве не должна она быть недовольна, что ее любимца другие убить пытаются?

— А ты попробуй Бренна убей, — хмыкнул князь, а я припомнила сегодняшний урок и осознала глупость вопроса.

— Стуже покоя не дает, что войд единственный, кто смог с себя ее чары сбросить. Как он этого добился, хотелось бы и нам знать. Вот богиня и бесится. Не упускает случая Бренна уколоть побольнее. А то и управлять пытается. Вдохнуть в него побольше собственной злости и ярости за подобное равнодушие. Он в такие дни сам на себя не похож, а мы стараемся под руку не попадаться. До тех пор длится, пока он с ее магией не справится.

Я мигом припомнила колючие кристаллы чужого злого льда в горле у войды, не позволявшие ему дышать, его боль, которая так взметнула и напугала мою силу. Вот что это было — подарок богини. Хорош же дар!

— А про второго расскажи, Сизар. Про второго ученика. Как он к войду попал?

— Ну, тот ученик всегда отличался собственными успехами. Происхождение, конечно, не столь хорошее, как у первого, но все же благодаря дару он нашел себе славного наставника.

Конечно, самолюбивый князь не упустил возможности прихвастнуть, описывая собственные достижения, что вызвало у меня улыбку. Сизар всегда развеселить умел. В отличие от спокойного и серьезного Севрена он любил пошутить. А еще умел найти подходящие слова, чтобы представить мои поражения в ином, радужном свете. Вот и сейчас отвлек от печальных мыслей своей историей. И ведь хорошо отвлек, я позабыла даже против крепких княжеских объятий протестовать.

— И был он дюже умел, настолько, что решил, будто может ледяного лорда на поединок вызвать. А что? Если вызовет и победит, то займет его место.

— А Стужа как же? Разве она не явилась к этому магу, когда его дар стал достаточно силен?

— Явилась. Она на тот поединок и надоумила. Обещала дать столько силы, чтобы лорда победить сумел. Говорила, будто злит ее тот своим неповиновением, но сильнее никого не сыскать.

— И что маг? — Я даже дыхание затаила.

— Уши развесил он, что ж еще. На богиню глаз положил. Ей поцелуй предлагать не пришлось, он сам пытался снежную деву соблазнить.

Сизар хмыкнул и крепче прижал меня к себе. Однако погладить, будто ненароком, по бедру забыл и задумчиво поглядел в окно.

— Умеет богиня подарить памятную ночь, умеет стать незабываемой и превратить в покорного раба даже того, кто всегда больше любил свободу. Я очень быстро отыскал крепость и бросил вызов лорду.

— А он что?

— Будто ты Бренна не знаешь. Я пришел такой гордый выбором богини, переполненный силой, что Стужа в меня вдохнула, и готовый с полным правом примерить алмазный венец

власти.

— И?

— Он посмотрел на меня, на меч в руках, настоящий ледяной, искрящийся силой, как на обычную палку смотрят, и сказал: «Больно гонору много, сперва остынь, а после сразимся. Иначе ведь покалечишься ненароком». И приморозил меня на неделю за воротами.

Сизар расхохотался так весело и заразительно, что я тоже засмеялась.

— Ты разве не обиделся? — спросила удивленно, когда он затих. Ведь норов княжеский мне был известен.

— Я в бешенстве был. Первый день, второй, на третий задумался, как же при всей своей силе, которой богиня наделила, оказался слабее войда. В общем, недели на осознание хватило. Когда Бренн меня разморозил, сказав, что теперь к поединку точно готов, я попросил меня на службу принять.

— А он?

— Он взял и князем сделал, представляешь?

Сизар уткнулся в мои волосы и вздохнул, а я затаилась, вдруг ощутив, что его руки очень крепко держат, и я, пожалуй, напрасно не сделала попытки слезть с княжеских коленей. Маг мое напряжение уловил. Он всегда такое тонко чувствовал. Снова вздохнул и переложил меня на лавку. Поднялся, поглядел пристально.

— Вот доведешь до греха, Веска!

— До какого греха? — Я подтянула колени к груди, обхватила руками.

— Утащу из крепости к себе в княжество и научу, для чего боги деве огненную красоту даровали. И так уже из-за тебя больше дел переделал, чем за полгода до этого.

Я покраснела, осознав, отчего князь стал часто перекладывать обязанности наставника на Севрена, а со мной пытался реже видеться.

— Хоть бы выбрала кого! А то ведь не смотришь на остальных, мне надежду даришь.

— Не на кого смотреть, — опустив ресницы, приглушенно ответила, — после занятий у войда такая пелена перед глазами встает, что ни зги не видно.

Он качнул головой, я знала, и решительно вышел за дверь, не закончив рассказа о том, каково же пришлось ученикам в обучении у войда. Хотя что рассказывать, если оба они, и Севрен и Сизар, заявляли, будто меня Бренн жалеет.

Глава 12

О ПЕРЕХОДАХ И МАГИИ ЛОРДА

Думаю, я бы все равно однажды пала духом, несмотря на поддержку князей. Уж как я училась силой пользоваться, как старалась подчинить внутренний жар, так щедро плещущийся в моменты, когда его особо не просят, и испуганным котенком прячущийся внутри, едва только войд на урок позовет. Как порой из человека клещами слова вытягиваешь, так из меня ледяной лорд тянул на свет чародейскую магию. Заставлял не просто выманивать, но форму ей придавать, а она, упрямая, едва-едва меня слушалась. Хоть и умела уже не только снежком закругляться, но и лентой вытягиваться, однако прятаться ей больше нравилось. Той огненной кошкой, какую войд успел приметить, больше эту силу не ощущала. Кажется, она, как и я, боялась совсем разонравиться сильному снежному волку, так явно чувствуя его превосходство. Не рисковала больше дразнить, единожды ощутив, что в тот раз он мог убить ее одним лишь ударом. А лорд все равно заставлял урок за уроком, мучил и меня, и ее.

В тот день Бренн снова поставил перед собой и опять наставлял давать отпор. Но как ни старалась, не выходило дотянуться. Идея достать его магией привязалась навязчиво, ночью и то мешала. Снились мне наши уроки, и даже во сне я мучилась от бессилия. И вот напряглось что-то в душе, натянулось струной, вот-вот лопнет, то ли слезами прольется, то ли криком. Даже руки задрожали. Издевается он надо мной, что ли? Ведь знает, не ровня ему по силам. Так зачем каждый день жилы из меня тянет? Всхлипнула, кусая дрожащие губы, и на таких вот мыслях ухватила тонкую ленту своей силы, вытянула и хлестнула со всей досады, со всей злости и беспомощности, а он вздрогнул.

Широко раскрытыми, ничего не понимающими глазами смотрела на тонкий разрез посреди широкой груди, неровный, чуть наискосок, рассекший светлую рубашку. Края ее вдруг заледенели, а я увидела длинный ожог на золотистой коже. Не передать словами весь мой ужас в тот момент. Лента мигом истаяла в руке, я прижала ладони к щекам, глядя, как он опускает голову, смотрит на затягивающуюся белой корочкой рану, а уголки губ изгибаются в холодной усмешке.

— Молодец. — Это первая похвала за все наши уроки, которую от него услышала. И махнул рукой Эрхану, подзывая снежного вожака.

— Вези чародейку в крепость, на сегодня закончен урок.

Помню, что, себе не веря, рассказывала князьям об этом нашем занятии. Сбивчиво, глотая слова, пыталась описать, какой замах я сделала и как его рука взметнулась на секунду позже, запоздав перехватить мою ленту.

— Ты выбрала правильную форму. — Севрен похвалил. — Лента — это прообраз плети, она почти так же хлестко и быстро бьет, только она шире.

Сизар покрутил ладонями, оживляя снежную картинку.

— Гляди, — показал, как лента, изогнувшись в воздухе, сверкнула широким огненным боком, а войд замешкался на долю мгновения и секундой позже вскинул в защитном жесте ладони, — свет Бренну в глаза попал, ослепил его, вот лорд и запоздал с ответом. Весса, ты и правда молодец.

Он взъерошил мои волосы и вдруг громко чмокнул в щеку и, наверное, дотянулся бы еще до второй, кабы Севрен не перетянул меня на свою сторону, обняв крепко за плечи и радуясь столь же искренне, как его друг.

— Такого даже нам не удавалось ни разу. Ты, Весса, настоящий талант, которому только веры в себя не доставало. Сама судьба привела в крепость, не дала загубить в себе великую чародейку.

— Сколько я уже здесь? — спросила Белонегу, помогая той месить тесто. Оно складывалось и приминалось послушно, когда я подносила ладони ближе, даже не касаясь мягкого бока. И оно не зажаривалось в моих руках. Получалось почти как у Игны с ее снежной магией (но у той еще более ладно выходило). И когда вышло научиться?

— Посчитать хочешь? — улыбнулась мне красавица. — Сама знаешь, в крепости и в зачарованном лесу пространство обманчиво, как и время. Оно здесь войду послушно.

Помнишь недавнюю ярмарку и молодцев, которые за гостинцами на столб влезали?

— Помню.

— Сизар тогда для тебя все коробки с подарками снял.

Я хмыкнула, потому что князь единственный долез до верхушки смазанного маслом столба, а после клялся, что силой даже не пользовался. Городские молодцы не смогли добраться, съезжая кто с середины, кто почти с самого верха, а он удержался. Хотя с чего было в его силах сомневаться? Ему и без снежной магии их доставало. Вон как девицы краснели смущенно, но не отводили от скинувшего рубашку князя блестящих глаз, от мускулов его, которые крепче стальных казались. Напрягались, удерживая хозяина на скользком столбе.

— Так вот, разве в вашей деревне никогда зиму не провожали?

— Почему же? — Я задумалась, вспомнила о гуляньях и угощениях. Тогда сразу несколько лесных деревень вместе сходились, накрывались общие столы, правда, столбов никто не ставил, подарки на них не вешал.

— Вот и подумай, сколько минуло с той поры, как ты сюда пришла. Уже не месяц и не два в крепости живешь.

Она вздохнула и глянула почему-то в окно.

— Уходит зима... — запечалилась, не договорила.

Поняв, что продолжать Белонегу не желает, не стала мучить расспросами. Сложно дни сосчитать, когда войду подвластно было даже уроки наши во времени растянуть. Вот у кого спрашивать следовало, но к нему разве подступишься? Не захочет ответить, так промолчит. А в этот момент на кухню Игна вошла. В ее присутствии у меня всегда дар речи терялся, зато она ни перед кем не робела, даже рядом с лордом глаз не опускала. Удивительно, что с Севериной и то выходило иногда перекинуться парой слов, а с черноволосой магичкой мы будто в состоянии молчаливой вражды находились. Почему так? Я не могла ответить. Не сама к такому подвела, это Игна меня не принимала.

А ведь муж ее случайно погиб, в этом не было вины чародеев, что я уже начала подозревать. Он ушел за иную грань, когда маги загоняли злобных карликовых снежней в те норы, из которых они вздумали выбраться. Шустрые, верткие, сильные и очень кусачие, эти обитатели горных ущелий вдруг захотели вылезти из укрытий, когда в горе случился разлом. Повлекло их, видимо, на гадости и неприятности для живущих поблизости людей, скатить надумали на человеческую деревню тяжелые камни.

Как и ледяные великаны, снежни были случайными созданиями Природы и редко покидали свои укрытия, но если выходили, без вмешательства магов бывало не обойтись. Больно вредными рождались на свет эти существа. Благодаря тому, что у Бренна оказалось так заведено, и повсюду в Северных землях, даже в самых отдаленных местностях несли службу его воины, вести о любых происшествиях долетали в мгновение ока. Маги обычно успевали предотвратить удар. Однако во все времена повелось, что без трагических случайностей ни одна служба на благо людей не обходится.

Мужа Игны столкнул в расщелину покрытый серой шерстью, ощерившийся сотней мелких острых зубов снежень. Все слишком быстро случилось, и мага не успели спасти. Ну а войд тоже не везде мог поспеть, он ведь один такой, а идеальных копий себя отчего-то до сих пор не слепил. Потому существовали повсюду отряды магов, и были проложены тропы в пространстве во все уголки Северных земель.

А еще открывались переходы, управлять которыми только лорд умел. Они являлись настолько удивительной вещью, что, пожалуй, отделаться парой слов будет невозможно и лучше отложить до лучшей поры описание того случая, когда я нырнула за войдом в один из переходов, а пока уделить время Игне. Именно магиня умудрилась раскрыть мне глаза на собственное небывалое везение.

Зайдя в кухню и увидев, как я балуюсь с тестом, она лишь хмыкнула и отошла к печи, чтобы помочь Белонеге достать из теплушки румяные караваи. Пышные и вкусные, на радость нашим воинам, которым сегодня выпало ни много ни мало отправиться в самый дальний уголок Северных земель. Туда, где кончалась твердь и всегда мерзлую землю лизали волны Вечного океана. По слухам, людям в таком холоде было вовсе не выжить, а потому, кроме магов, в той стороне никто никогда не бывал. Зато водились у края земли совершенно

удивительные магические звери. Подобно человеку устраивали они себе дома, селились стаями или парами. Но если являлся на их земли недруг, животные, которых в деревне, как, положим, в моей, знали из легенд и почитали за священных, защищали себя не хуже одичавших снежных. Тогда приходили к нам волны холода, докатываясь до самой Зимнелетки и стопорясь на границе лишь благодаря теплу чародеев. Впрочем, порой и их чародейским посевам доставалось. Гибли тонкие ростки на корню, не давали урожай. А огненные волшебники, понятно, возмущались. Хотя земля у Вечного океана считалась ничейной, но именно от магов требовали наводить там порядок, умирять волшебных созданий и избавлять их от хищников.

— Что ты хмыкаешь, Игна, — беззлобно начала Нега, — Весса молодец, вон как научилась справляться. А ведь не так давно плакала, что никогда магией не овладеет. Шутка ли, самого войда умудрилась достать.

— Ага, — вновь хмыкнула магиня, — войда достать.

И так она это произнесла, что я насторожилась, невольно отпустила тесто, и оно мягко шмякнулось на столешницу.

Нега бросила взгляд в мою сторону и нахмурилась.

— Тебе лишь бы охаять. Что сейчас не так? Опять не с той ноги поднялась? Или всю ночь сугробы у богатого дома разметала? Умаялась?

— А кого я трогаю? — возмутилась магичка. — Вы же сами покоя не даете. Весса то, Весса это. Что вы с чародейкой носитесь? Ты, князья, сам войд. Вот ему какой прок с огненной? Нет же, лично взялся учить. Можно подумать, он ночи с ней так жаждет, аж не вмоготу! С раскрасавицей этакой. И покрасивее ее зубы на этой стезе обломали.

— Змея ты, Игна, вот как есть. И сила твоя змеиная.

— Будто кто из нас облик силы выбирает, — ничуть не обиделась магиня. — Уж как проявит себя. Чем тебе снежный змей плох, Белонег? Его гибкости и верткости только позавидовать. Не то что у других, неповоротливых, с косыми ударами.

— Тише ты! — шикнула Нега.

— Да хватит уже, право слово! — и не подумала успокоиться черноволосая магиня. Щеки ее покраснелись, глаза сверкали, а черная коса будто и правда змеилась за спиной. — Ты ее за кого принимаешь, за собственное дитя, которого тебе боги не дали?

Я видела, как Нега побледнела. Открыла рот, но и полсловечка не выдавила. И это всегда скорая на ответ и на дело красавица, вот уж за кем никогда не заржавело бы. Однако сейчас стояла, поднеся пышную руку к груди, и молчала, сисясь не кусать губы.

Наверное, все, кто в ту пору на кухне был и этот спор унижительный слышал, удивились, когда пышный бесформенный кусок теста подлетел со столешницы и шлепнул со всей своей мягкой силы в лицо снежной магини. Она и сама поразились дальше некуда. Я видела, как черноволоска сжала кулаки и прищурилась, а тесто, что я любовно месила, собираясь испечь рыбный пирог и угостить им князей, а если повезет, подложить ароматный кусочек на вечно полную тарелку войда, распалось ледяными кусками у ног Игны.

— А ты, значит, не только тех бить умеешь, кто нарочно тебе открывается? Видела я ваши тренировки. Неужто и правда веришь, будто сама ледяного лорда лентой поперек груди вытянула? Ох уж как меня Северина слезами достала, что он, бедный, из-за тебя огонь терпит, а отметин от твоей магии уже больше, чем от всех прочих боев, и заживляться не успевают. Ты бьешь, не умея рассчитать свою силу. Дурында! Он только затем себя коснуться позволяет, чтобы такую идиотку хоть чему-то научить. Чародейка! До крепости дойти умудрилась, догадалась потребовать принять тебя сюда, а он вынужден был плату предложить. Таков закон. А иначе давно перевелись бы ученики, коли наставники выбирали бы только удобных. Но в любом ином случае не видеть тебе этих мест как своих ушей. И не высшие силы в этом помогали, как некоторые шибко умные здесь заявляют, а собственная дурость. На наглость понадеявшись, случайно умудрилась правильно себя повести, дорогу невзначай разыскала, вот и все. Нет в тебе задатков, ничего нет. Пустышка!

Я ее удар по движению пальцев распознала, по взгляду прищуренных глаз. Отшатнулась, закрылась так быстро, что успела избежать ядовитых укусов снежных клыков, но не хлестнула в ответ, не призвала на помощь свою подростковую кошку, которая уже выгнула дугой мою спину

и силилась зашипеть сквозь стиснутые зубы. Войд не любил женских ссор и не выносил, если девки друг другу в косы вцеплялись. Пусть бы и шла такая драка с помощью магии.

— Ничья, — презрительно подвела итог магиня, оценив золотистую линию гибкого заслона, дрожавшую в воздухе напротив моей груди. И, пнув ногой ледяной кусок бывшего теста, резко развернулась и вышла из кухни. А я выдохнула и опустила ладони, глядя на них беспомощно и недоверчиво. Ведь тело среагировало быстрее, чем успела даже подумать.

Хотела я рассказать про переходы, которые только снежный лорд сотворить мог. Хотя, пожалуй, Стужа и Яр тоже с легкостью сквозь пространство шагали. Я прежде размышляла, может ли в такую мерцающую пелену, кроме создателя, кто-то иной войти, а Сизар и Севрен поведали, как в первый раз меня повстречали. В лесу, к дереву привязанной и обледенелой. Они говорили, что в ту пору учеников своих в поле гоняли, а войд присматривался к очередному желающему ему вызов бросить. Хорошие воины ведь потому в крепости не переводились, что Стужа исправно любимому фавориту избранников подбрасывала. А уж он отделить зерна от плевел хорошо умел.

«И вот, — говорил Сизар, — когда этот вновь прибывший уже меч достал и всюю начал им размахивать, Бренн взял и от него отвернулся. У меня даже зубы свело, столь крепко их сжал. Такому выскочке и спину подставлять! А войд вдруг открыл переход». Севрен тут же пояснил, что вызов был явно не из простых, раз Бренн небрежением своим оскорбил очередного избранника. По этой причине и стало им любопытно все разузнать.

Хотя, я думаю, именно Сизар первый в пространственный колодец прыгнул, а мальчишка, не менее любопытный, чем князь, тут же за ним увязался. Севрен точно последним пошел, поскольку этих двоих оставлять без присмотра нельзя.

Про меня говорить, что больно любопытная, никто бы не стал. Любознательность свою я редко проявляла, но не потому, что неинтересно, а из желания не мозолить глаза и не раздражать. Однако же именно в тот день я не выдержала.

Едва-едва закончила разминку с волками и подскакала к ожидавшему на пеньке войду, как он вдруг поднялся. Не посмотрев на меня, махнул рукой и шагнул в замерцавший воздух. Я влетела следом, не успев задуматься, с какой стати несусь, если он за собой даже не звал.

Проход закрыться не успел, пропустил меня, а выпасть довелось на заснеженной горной вершине. Точнее, это была середина горы, потому как пики уходили ввысь, а внизу у подножия виднелись крохотные домики. Небо яркое и морозное висело столь низко, что можно было дотянуться до лазурной выси ладонью, а щеки мигом прихватило колючим холодком. Вид казался до невозможного мирным и красивым. Я даже не поняла, с чего мы вдруг здесь оказались, но тут услышала гул.

Никогда прежде не доводилось наблюдать, как снежная лавина сходит вниз, скатываясь по гладкому горному боку, и, походя, сметает все на своем пути. Страх меня бросил к войду в один миг. Я рванулась к нему, стоявшему лицом к этой ревущей и бурлящей массе, и спряталась за спиной, да еще вцепилась крепко в рубашку, грозясь ее порвать.

Ведь сметет сейчас. Обрушится шквал и раздавит точно мелких букашек. Неужели возможно такое остановить? Разве есть сила, способная противостоять неукротимой природной стихии? Я прижалась всем телом к войду, а он вытянул вперед обе руки.

Маг так мирно стоял, даже не шевелился, что только его спокойствие и не давало мне сорваться в бессмысленный бег вниз по склону. Ведь даже раскаяться не успела, что опрометчиво сунулась за ним в переход, как нас почти накрыло лавиной. Молочная пена маячила, кажется, на расстоянии вытянутой руки, а лица коснулся смертельный снежный туман. Дрожь склона под ногами уронила меня на колени, но я продолжала крепко цепляться за сапоги войды и не могла отвести глаз от бурлящей белоснежной шапки и гребней, взметающихся над волной, так сокрушительно летящей прямо на нас.

А еще внизу были люди. Я успела заметить черные точки, мечущиеся между крохотными домами. Это они призывали ледяного лорда, надеясь на помощь, надеясь на чудо. Ведь в любом случае эти люди уже не успевали уйти.

Раз!

И мощная волна, совершенно невидимая глазу, рванулась навстречу беспощадной лавине.

Два!

И снежная масса оказалась разрублена пополам, подобная куску мягкого масла с вошедшим в него ножом.

Три!

И рычаще ревушая махина с ужасающим грохотом понеслась дальше, разделившись на две половины. Уводимая силой, неожиданно превосшедшей ее мощь, она потекла к тем расщелинам, где вместо домов были деревья да камни. Точно гладкая лента, разрезанная посередине и растянутая в обе стороны. Она промчалась мимо нас, рассыпаясь на части, делясь и крошась и, подобно воде, стекая с боков горы, но обходя своим неумолимым вниманием крохотный городок.

Признаться, я подняться не смогла. Только развернулась всем телом, глядя на поселение и точки, замершие на одном месте. Кажется, они подобно мне упали на колени и смотрели теперь вверх. И вряд ли люди видели нас на припорошенном снежной пылью склоне.

Выплеск ледяной силы закружил разум и погрузил меня в состояние, какое наступает после резкого удара по голове. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Я схватилась за голову, сжимая ноющие виски, а Сердце Стужи повернулось лицом к подножию, посмотрел на застывшие темные точки и протянул руки теперь в их сторону.

Я вспомнила, что сила всегда требует платы. Но вряд ли в людях, которые обитали в том маленьком городке, была хоть какая-то магия. Обычные селяне, такие же, что жили в моей деревне. Что они могли дать в оплату за свое спасение? Им доступно было лишь то, что снежные маги называли жизненной энергией, — сила биения сердец, жар собственного дыхания, радость счастливого избавления и надежда встретить новый день.

— Войд, — я снова потянулась к нему, — не нужно, пожалуйста.

Я прекрасно понимала, таков магический закон. Сила выполнила то, ради чего к ней обратились, отвела беду, но теперь озеро необходимо наполнить. Однако же если там, внизу, были больные? Те, кто совсем слаб здоровьем. Дети и старики, которым их жизненная энергия позволяла преодолеть болезнь. Что станет с ними, когда столь нужные крохи силы вырвутся из рта теплым дыханием и потянутся ввысь, полетят сюда, к протянутым к подножию горы ладоням?

— Не стоит, пожалуйста, возьми мою силу. Позволь расплатиться за тех, кому их энергия нужнее.

Я не думала, что он ответит. Я даже не могла решиться посмотреть в затаенные белой вьюгой светящиеся глаза. Мне было страшно и ужасно холодно. Теплый огонь преданно льнул к рукам, животу, горлу, грел меня, сам опасаясь быть замеченным, схваченным и вытянутым наружу в безжалостный мороз. Но все же я предложила и не ждала, что лорд ответит: «Не ты звала, не тебе платить». Он ответил как страшный незнакомец, который вовсе не человек и никогда не поймет того, что доступно лишь человеку. Мне казалось, лорд не ведал жалости, но, может, ее не ведала его сила?

Когда он снова открыл в воздухе переход и оглянулся на меня, сидящую на снегу, обхватившую колени руками, то коротко велел: «Идем, если не желаешь здесь остаться». А на поле, когда пришлось встать перед ним, ссутулившись и опустив голову, готовясь к тому, что сейчас еще придется выдержать урок, он вдруг подошел ближе и взял меня за плечи. Встряхнул, заставил поднять глаза и не зло, не гневно и даже без раздражения, а как-то устало и тихо сказал: «Никто не умер, чародейка. Приди в себя. А в следующий раз не прыгай туда, куда не приглашали».

Прозвучало не в поучение, не в наказание, а будто пояснением. Не готова увидеть, боишься принять нечто столь мощное и страшное, не суйся вслепую, не играй с судьбой. Мне и не хотелось играть. Мне хотелось ощутить в себе силы, но их не было, а была слабость. Еще потребность встряхнуться и скинуть испытанный страх и горечь, когда со всей ясностью поняла, что он совсем чужой и далекий, что близким никогда не станет, слишком велика пропасть. И выпрямилась, посмотрела в его лицо, приказав себе не бояться, и сказала: «Прости, войд, и спасибо за науку». А в ответ его рука прошла по волосам, ровно так, легко, я едва сдержалась, как и в прошлый раз, чтобы не схватиться за ладонь, не прижаться к ней щекой.

— Тебе спасибо, чародейка, — почему-то ответил.

Я язык проглотила, а иначе бы, конечно, спросила: «За что?»

Но он и по глазам прочитал и усмехнулся.

— Руки и ноги трясутся, но стоишь. Губы дрожат, но о помощи не просишь. В глазах и вовсе ужас застыл. Неужто я такой страшный?

Я сглотнула и с трудом кивнула.

— Даже страшнее.

— И что сделать, чтобы таким страшным не быть?

Улыбнулся. От этой улыбки у меня сердце совсем иначе застучало, будто в обратную сторону.

— Я ведь не знаю. Полегче бы вопрос задал. Про ход солнца, луны и то объяснить проще. Раз уж ты уродился такой и лордом ледяным стал, — заправила дрожащей рукой прядь за ухо, — тебя все боятся. И меня с детства учили, чтобы звать не вздумала. А я вздумала на свою голову.

Он протянул руку, сделал то, на что сама не решилась, — прижал ладонь к моей щеке, погладил большим пальцем. Молча, ничего не говоря, ожидая, наверное, чего еще вздумаю сболтнуть от страха. Я же язык прикусила и шелохнуться не решалась.

— И сейчас страшно?

Кивнула. Ведь сердце в груди уже переворачивалось, с ног на голову крутилось. В горле хрипело, сипело, душило. А он смотрел, смотрел, и я знала, сейчас отпустит. Каждый раз отпускал, когда боялась. И даже готова была отступить.

Шаг сделала, но не туда, куда собиралась. Тело столь же легко повлеклось вперед, как могло качнуться назад, за ладонью, обнявшей затылок. Тихо, без слов притянуло в тепло крепких объятий, закрыло, заслонило меня от моего страха. Сомкнулось вокруг надежной спокойной силой, такой, о которой мечтаешь и грезишь порой по ночам, пробудившись от дурного сна, такой, которую в жизни встретить не чаешь, не ведаешь даже, что есть она. Я ощутила под щекой тонкую рубашку, за которую цеплялась недавно, ладони легли на твердую грудь, мерно ходившую под моими пальцами. Я закрыла глаза, чтобы окунуться в темноту светлого холода, нежного, дурманящего. Пахнувшего морозом, искристым снегом и отчего-то золотистыми искрами солнца.

Меня, случалось, обнимали прежде, но так, кажется, никогда. И ведь ничего сложного нет в сплетении рук, в том, как они касаются, легко погладив, охватывают тебя и скрешиваются на спине, не крепко, не слабо, но такого волшебства ощущений я раньше точно не испытывала. И пригrelась опять в его руках и даже про урок забыла. А еще, как часто рядом с ним бывало, вздохнула и вслух произнесла, о чем думала:

— Снежный, а греешь.

— Сама ведь греешь, чародейка, — ответил, призывая мой заплутавший разум обратно, — огня в тебе столько, что я скоро не устою.

— Почему не устоишь? — Разум совсем неохотно возвращался. — Твердо ведь стоишь, не качаешься.

— Некуда здесь качаться, снег кругом, и лавок не видно.

— Откуда ж в лесу... — начала и сообразила наконец, а потому сразу язык прикусила.

— Хорошо стоим? — хмыкнул негромко войд.

— Не сидим ведь, — чуть охрипнув, ответила. — Даже не лежим.

— Это уже приглашение, чародейка, или вздумала подразнить? — И объятия как-то сразу крепче показались.

Плохо они, эти самые объятия, на меня влияли, ой плохо. Осмелела, раззадорилась. Кого подразнить вздумала и зачем? Потому что про огонь намекнул? А разве, кроме огня, нет во

мне иного, что привлечь может? Хотя и сама хороша, заявила, будто он снежный и страшный, и страшнее даже никого больше нет, а еще без спроса в переход прыгнула. В самый раз за такое приструнить, чтобы больше не повадно было. И способ он выбрал хороший, теперь как ни ответь, а все не в выигрыше останусь.

— Разве ж я на такое решусь, войд? У тебя на каждое слово два найдется. Это я по недомыслию сболтнула, потому как сперва напугал, потом успокоил, вот мысли и спутались. Нас, девок, в лесах выросших и о школе не слышавших, вообще запутать легко.

Порой вернее всего мозгами обделенной притвориться. С родней и то срабатывало, они, напротив, чаще удивлялись, если я эти мозги в себе обнаруживала. А вот с войдом не знаю. Его никогда просчитать не выходило.

— Говорят, — он задумчиво вдаль посмотрел поверх моей головы, — разум неплохо просветляется, если тело хорошо нагрузить.

И вот поди ж догадайся, снова намек или как.

— Отдохнула от лавины, чародейка? — уточнил, выпуская из рук. — Пора и побегать немножко. Только ты быстро беги.

— А то что?

Я отступила на шаг и попутно огляделась. Где же Эрхан, который, видимо, сегодня совсем меня загонять должен.

— А то догоню, — с улыбкой ответил войд.

И хотя совсем без угрозы прозвучало, мягко так, но яснее ясного, что доигралась чародейка. Нарвалась на урок почище всех прежних, который к тому же надолго запомнится. Тут мне сейчас бег с препятствиями и магическими ловушками устроят, с которым волчьи догонялки не сравнятся. И сразу захотелось обратно в объятия вернуться. На таком расстоянии тесном разве что в спину прилететь могло, а в спину лорд никогда не бил.

Однако войд дольше думать не позволил. Сделал небольшой шаг навстречу, а я попятилась. Он прищурился с усмешкой, поднимая ладонь, над которой закружился маленький снежный вихрь, и я рванула прочь так, как еще никогда не бегала.

В целом славно погонял меня Бренн по лесу, заставляя на бегу уворачиваться от снежной магии и попутно пользоваться собственной, чтобы разбить ледяные преграды. Я успела уяснить себе, что лучше от десяти волчьих стай улепетывать, чем от одного ледяного лорда. Когда он в итоге решил догнать и догнал, то получил на руки почти бездыханное тело. Его и взвалил на плечо и понес бодро в крепость, обойдясь в этот раз без помощи Эрхана, который так носил из леса и не показал. Явно чувствовал, что войд и сам с особо осмелевшими справится, помогать не нужно. Донес меня лорд лично до крепости и передал Севрену с напутствием проследить, чтобы в мой ясный разум как можно больше полезного уместилось. Он даже слово такое подобрал, какого я прежде не слышала: «Компенсировать, — сказал, — тяжелое детство в лесу».

Пообвыкла я в крепости, не дичилась больше. Были у меня поддержкой князья, Белонег и, как ни странно, мальчишки, маленькие маги. С Игной я больше не сталкивалась лоб в лоб, а Нега рассказала потом, как та перед ней извинилась.

— Объяснила, что не со зла она. И правда, устала в ту пору, а там Северина ей вовсе настроение испортила. Печалиться стала, что у Бренна новая отметина на груди.

— Как же она заметила? — задала я вопрос, который уж больно меня интересовал.

— Время удачно подгадывает, — хмыкнула Нега, — чтобы в дом к войду заглянуть, когда он упражнениями занят. Каждый день о тренировке с мечом не забывает, а Северина именно тогда норовит прибраться у него. Он не прогоняет, что ему. Думаю, не замечает даже. Я уж беседовала с ней, объясняла ведь, бесполезно себя травить, но толку-то. Девкам, понятно, войд нравится. Женщин сила всегда к себе влечет, но кто поразумнее, давно правильный вывод сделал. Севушка же страдает напрасно. Все наши разговоры ее признанием заканчиваются, что эти чувства сильнее и не выходит их побороть.

Я вспомнила, как самой однажды довелось наблюдать тренировку войды и чем то наблюдение закончилось. Тоже разумом тронулась, узоры пошла растапливать.

— За что же Игна лично меня невзлюбила?

— Этим она со мной не делилась. Пояснила, что не нравишься ты ей, и все, причин не называла.

Я вздохнула и махнула рукой, поскольку больше магиня ко мне не обращалась, да и вовсе проходила мимо, не замечая.

Глава 13

О ПРАЗДНИКЕ И ЖАРКИХ КОСТРАХ

А погода все менялась день ото дня. То подует теплом, то вновь дохнет морозом. Однажды я в лесу отыскала цветок, как раз на проталине. Обрадовалась, хотела дотронуться до первой в этом году хрупкой красоты, как зашумели деревья, и под руками твердь стало затягивать корочкой льда. Мигом я черпанула земли ладонями, поднимая нежные корешки, но подувший холод уже коснулся тонкого стебля и зеленых крошечных листочков. Один корешок замерз прямо на моих глазах, и я тут же призвала тепло, боясь, что сейчас маленькое чудо в моих руках совсем обледенеет.

— Эрхан, — обернулась к караулившему меня волку, — давай к Бренну сходим на минуточку, а после продолжим разминаться. Ну, пожалуйста?

Вожак фыркнул удивленно, после смерил презрительным взглядом слабое растение в моих ладонях и гордо потрусил вперед. Уже возле кромки широкого поля я обогнала его, чтобы подбежать к ожидавшему конца разминки войду и показать находку.

— В лесу отыскала. Он там едва не замерз сейчас.

Лорд с почти эрхановским выражением оглядел нежный цветок, затем посмотрел на меня:

— И что хочешь?

— Я его отогрела, теперь сохранить хочу.

— От волны холода закрыла? — внимательней глянул на меня маг.

Я припомнила, что и правда корочка ледяная, точно волна, напознала на подтаявший клочок земли, и кивнула.

— Покажи, — без лишних рассуждений велел Бренн и протянул к моему цветочку руку.

Над ладонями заохлоло, воздух заволновался, стал кусаться и колотиться, а я от неожиданности едва совладавала с жаркой волной, позволив той плеснуть лишь теплом, мягко обволакивая хрупкую находку. И, чувствуя, как мороз становится сильнее, я также усиливала теплый полог вокруг растения, не имея возможности отвлечься и заявить войду: «Что ты творишь?» Впрочем, он нас с цветком недолго мучил. Руку опустил и сказал то, о чем я бы в недавнем прошлом и мечтать не помыслила.

— Нашла общий язык со своей силой, чародейка? Выучилась призывать и направлять, — улыбнулся, — не нужно мучить тебя больше.

Последнюю фразу с таким выражением произнес, что припомнились сразу все наши уроки: иллюзорные хребты и льды, зачарованный лес, волчья стая. Мой страх и отчаянное желание спасти собственную жизнь, когда не понимала толком, по-настоящему это или навеяно.

Ловко он играл на ощущениях и инстинктах, вытряхивая силу наизнанку, выжимая меня досуха. После даже тела не чувствовала и часто плакала. А затем отношение к тренировкам переменилось. Стало что-то получаться. Бегать наперегонки со стаей в лесу в удовольствие превратилось.

После новый виток, когда Бренн взялся тянуть наружу упрямую мою магию и учить не только владеть ей, но ощущать родной силой, частью себя, которая добровольно на каждый зов отзывалась. Пришли на ум собственные неверие, что когда-то смогу, и робкая надежда на свершение чуда. А еще короткие передышки, когда позволялось отвлечься на иную науку. В ней и забавам места хватало. Они для меня тоже немало нового открыли. Вспомнила это все разом и вдруг осознала: «Научил!» Выполнил войд, о чем просила.

Я прижала цветок к груди и огляделась, словно сейчас здесь появится вместо поля комната с лавкой, а на той уже перина постелена.

Ничего не появилось. Снежный маг не напомнил о плате, он о ней вовсе не говорил. Слово свое держал, но ни разу не произнес, что сила требует обещанного.

Пока я над всем этим думала, войд молча наблюдал и, наверное, потешался над моим растерянным видом.

— Что-то ты не рада, чародейка? — как всегда подметил самую суть.

— Очень рада, — а мне, как всегда, нужно было возразить. — Спасибо тебе, войд.

И протянула ему зачем-то свой цветочек. Явно удивила этим даже больше, чем когда примчалась к нему с этой находкой. Однако цветок он взял. Слабое колебание воздуха вокруг стебелька мигом сменило свой золотистый оттенок на серебряный, а растение вдруг перестало качаться на гибкой ножке и застыло в прозрачном покрове.

Я ахнула, глядя на обледеневший цветок, а после на мага. Он лишь плечами пожал в ответ.

— Чего не умею, так это оживлять собственным теплом, чародейка. Вот сохранить могу.

И мой странный неуместный подарок вдруг растворился в воздухе.

— Все теперь, — как не было мне сложно решиться, но спросить пришлось, — не нужно больше на тренировки бегать?

— А ты уже всему научилась, чему хотела? — Он глянул насмешливо.

— Да разве всему можно научиться?

Многого я еще не умела. Вот силой овладела, но ведь именно о том уговор шел.

— Тогда и не теряй время попусту, — сказал и махнул Эрхану, отпуская, а после повернулся ко мне, — теперь без магии учись отпор давать.

— Как без магии? — Я поразились. — Зачем без магии?

— Коли силу придется сдерживать.

Говорить закончил, уже когда совсем близко был. И руки протянул, собираясь схватить.

Вот и пригодилась тренировка, которую прежде лишь разминкой считала.

— Что скажешь, Севрен? Погода в последнее время больно изменчива.

Сизар толкнул локтем снежного князя, и тот отвлекся от рассеянной задумчивости и обвел взглядом границу у реки, куда они пришли втроем с войдом. Захотелось размяться немного да попутно проверить слухи, будто чародеи замышляют проложить на снежную сторону тайную тропку. Спрятанных путей не обнаружили, а значит, как и прежде, не отыскивали волшебники способа преодолеть защитный барьер лорда. Давно пытались, вроде даже обряд у них такой был при посвящении молодых чародеев, однако незамеченными границу ни разу перейти не смогли.

Можно было и обычных магов отправить на разведку, однако захотелось всем троим отвлечься от забот, которых в любое время хватало, и пройтись по зачарованному лесу.

— Весна наконец-то пришла, — проговорил Севрен, разглядывая темную землю, на которой уже стоял снег, — задержалась немного в этом году.

— Где же задержалась? — с намеком рассмеялся Сизар. — Давно уж пришла.

В крепости снег до сих пор лежал, зато на границе всюду ощущалось дуновение тепла.

— Бренн, а Бренн, — неугомонный снежный маг развернулся к войду, — что с погодой творится? То подтаает, то снова холодом повеет.

Лорд присел на землю, под его телом мгновенно укрывшуюся снежным покровом, подкинул на ладони снежок. Снег захрустел, заискрился и рассыпался, столкнувшись с древесной корой.

— Скоро тепло придет, — помолчав, ответил маг. — Ледяные ветра загостились в северной стороне, пора отпустить их и дать вернуться ко дворцу Стужи.

Он говорил спокойно, невозмутимо, вот только на сердце обоих князей вдруг стало тревожно.

— Ветра приносят зиму, а когда уходят, путь их неизменно пролегает через крепость, — сказал Сизар.

— И после во дворце они нашептывают богине о том, что видели, пока гостили на земле, — добавил Севрен.

Оба замолчали и теперь уже во все глаза уставились на войда.

— Ты им проход не открывал? — спросил первый князь, нервно взлохматив платиновые волосы.

— Не открывал, — кивнул лорд, — но дальше тянуть нельзя, иначе богиня спросит, отчего зима загостилась.

— Бренн, — Сизар взволнованно опустился на снег рядом с войдом, — от ветров ничего не скрыть. Они же тепло почуют.

— Почуют, — спокойно согласился тот.

— А чародейское тепло любое снежное создание распознает, — не смог скрыть тревоги Севрен, — ветра — это магия зимы в чистом виде. Они Вессу учуют, точно собаки. И ведь одно дело, что тогда мы ее спасли, отогрели, пришли на призыв, а другое, как она в крепости оказалась.

— Так и скажем, будто просто спасли, а чародейку спрячем, — тут же заявил Сизар.

— След останется, след не скрыть, — возразил ему князь. — И по нему Стужа ее отыщет. Ты сам знаешь, что едва ветра донесут, как учуяли присутствие чародейки, богиня к нам явится лично.

— Никто в крепости про Вессу ни слова не скажет. Они не глупцы.

— Не скажут, но оно и не надо. Богиня умна. Ты как ей ответишь, когда спросит, почему огонь на ледяной территории ощущается? А если велит правду сказать?

— Со словами как-нибудь совладаем, выкрутимся. Правда, Бренн?

И оба со слабой надеждой посмотрели на войда.

— Продумать, как ответить и не соврать, можно, — произнес он, — но Стужа может и не допытываться. Она проще поступит. Я бы на ее месте приказал вам отыскать и привести к ней чародейку, а если та ей не понравится, на месте убить и где-нибудь прикопать незаметно, чтобы Яр не дознался.

Молчание, наступившее после этих слов, стало настолько тяжелым, что ощущалось князьями как пудовые грузы, которые Бренн когда-то подвязывал к их рукам, заставляя с ними тренироваться.

— Убьете ее, если богиня прикажет? — недобро усмехнулся лорд.

У Севрена дрогнули губы, он не смог ответить.

— Убьем, — взял слово Сизар, кое-как совладав с голосом, — даже с особой жестокостью, если Стужа велит.

— Бренн, спрячь ее! Укрой так, чтобы отыскать никто не смог. Нам не открывай, где она. Ты ведь сможешь придумать выход, — взмолился Севрен.

— Укрою, а дальше? В подземелье ее не посадишь, и что это за жизнь в вечном укрытии? — ответил лорд. — А в ином случае богиня будет выжидать и дождетсЯ, или ты чародейку не знаешь? Стоит той вернуться, и Стужа поймает.

— А если, — с трудом проговорил Сизар, — если навсегда расстаться?

— Весса не уйдет навсегда, — покачал головой Севрен, — она не умеет ценить себя настолько. В этой стороне ее дом, она захочет вернуться.

— Это не дом. Забыл уже про жертву? — возразил князь, раздраженно чиркнув по земле ладонью.

— Не забыл. Но Весса уже и к крепости душой прикипела, а еще у нее сестра есть. Сколько она нам рассказывала? Я даже помню, что Снежинкой зовут. Вернется чародейка рано или поздно. И как ты ей ни объясняй, что опасно, но если совсем затоскует, даже страх помехой не

станет. Не забыл еще, как она в крепость явилась?

— Все помнят, — вместо Сизара ответил войд. Но как ни ждали оба князя продолжения, он так ничего и не добавил к последнему слову.

Марингенские костры недаром славились широко даже по ту сторону границы. В северной стороне, где лето короткое, а земля и деревья зеленым предпочитают белые одежды, и в самую суровую зиму дыхание смерзается на морозе, крошась на землю мелкими льдинками, повелось зажигать раз в году собственное солнце.

Давным-давно на заре мира один юный охотник заплутал в далеких землях и не мог отыскать верный путь. В те времена снежная магия еще никому не подчинялась, а потому была она на редкость капризна и своевольна. Метель кружила дни и ночи напролет, разлучив юношу с его спутниками и не позволяя ему добраться до жилья, не давая разглядеть дорогу. А охотника ждала дома к свадебному пиру невеста.

Жених все не шел и не шел. Уж погасли теплые огоньки лучин, а поленья жертвенного костра вовсю заметал снег. Крепко притомились ожиданием гости, задремала родня, даже собаки и те попрятались в своих конурах, забывшись чутким сном. А юная дева, сидевшая у окошка своей комнаты, все смотрела и смотрела вдаль, пока не упала отяжелевшая голова на белую руку, а ясные глаза не закрылись на время.

Тогда и привиделось девушке, будто зовет ее любимый охотник. Не криком кричит, но шепчет едва слышно, будто прощается. Прощения просит за то, что не сумел отыскать дорогу, за то, что метель вот-вот заберет его жизнь. Подскочила дева, огляделась, а кругом ночь и тишина, ничей голос не раздастся рядом, не долетает из далекой дали.

Бросилась красавица-невеста на улицу, побежала за околицу, где запалила жертвенный костер, а пока он разгорался, бегала, не щадя себя, собирала новые поленья, скидывала в кучи и поджигала. Когда перепуганный народ выскочил за калитку, то подумали многие, будто совсем умом тронулась несчастная. Во широком поле кругом пылали костры, горели так ярко, будто вешнее солнышко, и опаляли жаром безумную деву. Она уже едва ноги переставляла, не замечая, как близкое пламя разъедает кожу, но продолжала собирать дрова для новых костров.

Говорят, с той ночи слегла она в беспамятстве, а костры еще долго пылали, посылая кругом такой жар, будто посреди зимы вдруг лето наступило. Когда же догорели они, во двор невестиного дома заглянул путник. Обмороженный весь, за льдистой корочкой лица не узнать, на одежде такой иней, что под ним фигуры человеческой не видно. Хорошо, что не бросились на него с рогатинами, приняв за вредного духа. Люди бы, может, и хотели, но тут вдруг вылетела во двор утерьявшая разум девчонка, бросилась к этому шатуну лесному и повисла на шее.

Говорят, когда они свадьбу сыграли, охотник своей любимой так и сказал: «Если бы не стала моим солнцем, навсегда бы затерялся в снежной мгле».

Я эту историю очень любила. Собственно, как и каждая девчонка, хоть раз услышавшая ее. Я тоже мечтала стать чьим-то солнцем, только пока с этим не складывалось. Костры, как в Марингене, никогда прежде видеть не доводилось, даже не думала, что возможность получу хоть раз на них посмотреть.

В самом северном и холодном городе наших земель раз в году, в снежную и вьюжную ночь выкладывали в широком поле столько поленьев, сколько бы моей деревне хватило, чтобы всю зиму обогреваться. Устраивали костры в форме круга, как это давным-давно сделало верное и любящее сердце. Верили люди, что благодаря им все заплутавшие вдали от дома люди, даже ушедшие за грань этого мира, имеют возможность согреться теплом дальнего солнца и отыскать утерянную дорогу или же вернуться к своим близким на одну короткую ночь. В иных поселениях тоже возжигали свой костер в память об ушедших, но такого зрелища, как в Марингене, где, говорят, и случилась та давняя история, нигде более не устраивали.

В крепости подобного события пропускать не желали. И каждый собирал с собой угощение или маленький подарок, чтобы кинуть в пламя.

Я для такого случая сделала из соломы украшение — ободок с цветами. Плела я хорошо, наловчилась, когда для сестренки кукол мастерил, корзинки и даже заколки. Только то могла ей дарить, что сама делала, а уж солому у меня никто отбирать не думал, собирай себе

стебельки сколько хочешь. Это вам не серебряные и золотые прутики, с которыми в городах мастера по украшениям работали. Правда, братья порой мои поделки сжигали. Видимо, такое действие им очень забавным казалось.

На сей раз, точно зная, что никто мой дар не утащит и не испортит, я очень старалась. Цветы на ободке раскрасила, и поделкой моей даже Белонеге залюбовалась.

— Для кого подношение? — спросила, поворачивая в ладонях мою работу.

— Для матушки. — Я приняла обратно ободок и сложила в корзинку.

В Маринген пошли, конечно, через лес. Признаться, очень мне нравилось открывать новые тропинки. Идти среди высоких деревьев, а после сворачивать туда, где один бурелом лежал, и вдруг ступать на утопанную ровную дорожку. Шли пешком, по-простому, без коней обойдась. Рядом со мной Белонеге с мужем ступали, а князя с войдом, как водится, впереди. Задача у них всегда такая — за собой вести.

Белонеге рассказывала, что лорд редко когда время отыскивал на праздники навеститься, но я и сама уж заметила, как мало он ходил в походы, где опасность никому не грозила. Однако недаром, видать, всей крепостью у него спрашивали, какой день в Марингене для костров назначат. Войду приглашение каждый год приходило, хоть он давненько огненные увеселения не посещал. Даже я как-то смелости набралась спросить, видны ли те костры сквозь настоящую вьюгу. Бренн усмехнулся и коротко ответил, что не зря ведь марингенцы поленья весь год заготавливают.

Шумно и весело было кругом. Все праздника ждали и радостно переговаривались друг с другом. На одном из поворотов Игна мимо прошла, устремляясь вперед. Широко вышагивала, плечи развернув, спину выпрямив. На узкой тройке так не развернешься, как она шла. Рукой задела, не глядя, и я, покачнувшись, ногой с дороги соспустила, поморщилась, наколовшись на еловую ветку.

— Не одна на тропинке, — недовольно бросила ей в спину, а она, обернувшись на ходу, презрительно скривила рот.

— Не заметила тебя. — И пошла себе дальше. Нега положила мне ладонь на плечо, успокаивая, произнесла:

— Боги с ней, Весса, не порть себе праздник.

Много чести магине, чтобы я из-за нее огорчалась.

К полю мы вышли примерно через час. Напоминало оно неуловимо то самое, что возле нашей крепости раскинулось. Только пригорка не было, а стояли неподалеку городские ворота. Возле них народу собралось великое множество. Выходили из города, входили в него, а рядом со стеной был сооружен помост, на нем представление готовилось. Еще столы стояли с угощением — подходи и бери, кому что нравится. На нашу компанию шумную никто внимания не обратил. Казалось бы, вышли люди из леса гурьбой, стоит приглядеться, кто такие. Однако, обернувшись, я поняла, что к полю дошли по дороге широкой и явно проезжей. На ней, кроме нас, еще путники оказались. Как мы с ними слились, да еще незаметно? Уж явно магия войда свою роль сыграла. Вот и городские в нарядных одеждах смотрели в нашу сторону не больше, чем на остальных гостей праздника.

Веселье кругом плескалось, как вино, которое здесь щедрой рекой текло. Наши уже смешались с яркой и пестрой толпой, иногда то тут, то там мелькали знакомые лица, а чаще наталкивалась взглядом на незнакомые, но такие же радостные и оживленные. На помосте показали красивую притчу о том, как невеста дождалась жениха, и на его обращенных к ней словах я едва слезу не пустила. Видать, вино, которым здесь каждого обносили, уже хорошо разум закружило. Чувствовалась в голове приятная легкость.

А после на помост еще один человек взошел, ряженный в белую роскошную шубу с серебряными узорами и алмазными снежными цветами, с хрустальным мечом в одной руке. Замахал он руками, привлекая внимание, принялся выписывать в воздухе замысловатые знаки. Никак Сердце Стужи изображал?

И точно.

Чуть погода к этому рослому мужику с белыми волосами намного длиннее, чем у нашего войда, выскочили другие ряженные. Все девки. В ноги упали и принялись молить, чтобы

позволил он им костры возжечь, чтобы злая метель не помешала любимым возвратиться домой.

Я заозиралась в поисках ледяного лорда, шедшего на этот праздник среди нас в простом полушубке и штанах, которые любой охотник в лесу носит. Даже плащ свой волшебный не взял. Не увидела Бренна, но вообразила, что точно он забавляется, глядя на это представление. Особенно потому, что метели не было и в помине. Звезды на темном небе ярко сияли, снег белел в поле, и даже дуновения ветра не ощущалось.

Ох, не сложится праздник как положено. Я ведь и правда думала, будто в городе самую व्यюжную ночь выбирали, а у них все поленья заранее приготовлены, никто сквозь пургу бревна не таскает. Подходи и поджигай, метель не мешает. Даже грустно сделалось, что не совпало с легендой. Явно обленились городские маги, традиций ради не потрудились небольшую व्यюгу сотворить.

Девки на помосте уже за руки взялись и принялись танцевать вокруг мужика в шубе, а тот размахивал руками и призывал व्यюгу успокоиться.

Насмешка, да и только. Я даже не знала, чего во мне сейчас больше, досады или желания рассмеяться. Забавно получалось у мужика, который на войда походил, что лапоть на сапог.

— Как хозяин льда, приказываю, возжигайте костры. Как бы ни ревела метель, как бы ни путала следы, а пускай пылает ей вопреки ваше солнце! Пускай станет оно путеводной звездой. Уймись व्यюга и повинуйся мне!

Я поморщилась. Больно напыщенно прозвучало. Войд бы так точно не сказал. Да и руками не стал бы размахивать, словно большая мохнатая птица. Повел ладонью — и готово.

Грустно все же, что не увижу настоящих костров, о которых столько слышала.

Гордый дядька простер ручищи к небу, но тут же их опустил, попытавшись свести распахнувшиеся от порыва ветра полы шубы.

Ойкнув, я схватилась одной рукой за шапку, пытаюсь не дать новому порыву стащить ее с моей головы.

Закружило, заухало, засвистело кругом. Дядьку на сцене уронило на настил белым вихрем, а может, он сам от удивления на мягкую часть себя приземлился. Я бы тоже рот раскрыла, кабы вопреки моим словам настоящая व्यюга кругом поднялась. Бурная, снежная, зимняя.

Кажется, маг в шубе даже пытался утихомирить ветер, из чего я заключила, что в Марингене он не самый слабый волшебник, а настоящий заслуженный маг. Кого бы еще пустили на помост ледяного лорда изображать?

Не справившись с ветром, он поднялся на ноги, встал нетвердо и принялся махать кому-то в толпе и подавать знаки. Прищурившись, хотела разглядеть за व्यюжными порывами, кого он призывал, а после вспомнила науку войда и позволила теплу протянуться прозрачной дорожкой сквозь буран, растапливая налету снежинки и позволяя посмотреть, что же в нескольких шагах происходит.

Приметила высокого мужчину и мигом признала в нем по наряду одного из снежных князей, которого в крепости еще ни разу не видала. Он уже опустил ладони, не совладав с чужой силой, и напряженно озирался по сторонам. Ох, не ждали они войда на праздник, точно не ждали. А князь уж угадал силу ледяного лорда, потому и не пытался помешать метели. Мне сразу интересно стало, как он дальше поступит.

Однако ж войд глупцов на службе не держал. Князь только несколько минут мешкал, а после сообразил лично зажечь первый факел и, ограждая его от кусачих снежных порывов, понес поспешно, низко склонив голову, к первому костру. За ним тут же кинулись марингенские маги. А девки ряженные в стороне сгрудились. Куда им было с таким ветром совладать? Мне же вовсе радостно стало, когда сквозь व्यюгу медленно-медленно начали разгораться огненные солнца.

Сбылась легенда.

Жаром овевало лицо, выступали на глазах горячие слезы. Венок давно сгорел в пламени, а я все стояла рядышком, не отходила. Смотрела на горячие языки и словно видела в них

прозрачный силуэт и светлые кудрявые волосы. Лицо красивое и совсем молодое, а еще улыбку, нежную и немного грустную.

Напрасно, наверное, я протянула руку. Не думала, что яркое пламя, почуяв родную стихию, вдруг качнется навстречу и лизнет ладонь. Перепугавшись насмерть, я отскочила, толкнув кого-то по соседству, но даже не извинилась, а пристально вгляделась в ладонь. По ней побежали яркие всполохи моей собственной силы, впервые отреагировавшей так на близость огня. Они взобрались выше, почти до самой шеи, и вот тут вдруг выстрелило болью в плече.

Я схватилась за него, не понимая, откуда ощущение, будто внутри, продираясь через плоть, ползет нечто тонкое и острое, словно живая игла. Прорубается сквозь кожу и стремится к позвоночнику. Огонь от боли и ярости шипел, плескался, и чем злее был его ответ, тем скорее двигалось это что-то внутри меня. Вот уже проползло от плеча почти до лопатки.

От слез и муки телесной я мало что видела и еще говорить не могла, а ведь самое верное было на помощь позвать. Но я не догадалась. За все это время так и не приучилась ни на кого, кроме себя, рассчитывать. А ведь где-то здесь, у костров, стояли все наши из крепости. Не так давно замечала Белонегу с мужем в толпе, Сизара видела со спины, когда он забавлял рассказом какую-то деву. Сейчас за белым маревом мало разглядеть выходило, разве что близко стоявших, но чем дальше от костров, тем меньше оказывалась видимость.

Мне не нужно было метаться, успокоиться следовало. От метаний только врезалась в людей вокруг, а они отшатывались, как от ненормальной или от хмельного питья перебравшей, но никто с ходу понять не мог, что мне помощь нужна. А я объяснить не пыталась. От неожиданной и напрочь перепугавшей боли сперва сообразить ничего не могла. Если бы не слова войда, укоренившиеся прочно в сознании, так бы и не совладала с собой.

«Силу свою контролируй, — он учил, — она не враг тебе. Помни всегда, что ты ей хозяйка».

— Тише, тише, — зашептала я подростой кошке. Перед мысленным взором предстала дыбом стоявшая шерсть, сверкающие магией злые глаза. Она чувствовала что-то чуждое во мне и дико бесилась. — Тише, — преодолевая нашу с ней боль, словно прогладила мысленно ее ладонью по загривку, — успокойся.

Распушенный хвост, злобно хлещущий по впалым бокам, замедлил свое движение, острые когти, так больно ранившие меня там, в районе плеча, втянулись в мягкие лапы. Я смогла выдохнуть в эту минуту, разум немного прояснился, а огнем горевшая лопатка, к которой с силой прижимала ладонь, надеясь понять, отчего же там так больно, будто охладилась слегка. Полегчало ровно настолько, чтобы смогла сообразить, где нахожусь. А отошла я от костров уже на добрых двести шагов и очутилась вблизи лесной кромки. Здесь метель не бушевала, только касался ветер своим дуновением, приносил пригоршни снежинок.

Я опустила на колени на землю, зачерпнула холодного крошева, стащила полушубок с плеча и приложила к лопатке мерзлого снега. То странное нечто внутри, напугавшее до ярости мою силу, замедлилось, и хотя я по-прежнему чувствовала его движение, но боль там, где оно прошло, притупила остальные чувства. Странная вещь, похожая на иглу, продолжала колотиться и шевелиться. Откуда она взялась в плече? Почему движется тем быстрее, чем сильнее реагирует на нее огонь? Отчего остановить не могу?

Помню, как накатила тошнота, и мир перед глазами стал вращаться. Голова закружилась, а тело будто онемело. Рука соскользнула вниз, а сама я покачнулась, не удержалась на коленях и завалилась на бок.

Удивительно резко и неожиданно тело утратило способность осязать. Боль исчезла, но и пошевелиться не выходило. Снег, круживший рядом, касался меня, укрывал тонким покрывалом, но его холод окутал лишь лицо и шею.

Странное чувство. Слишком неожиданное, оттого и удивительное. Я ведь на праздник шла и совсем недавно испытывала в душе веселье и светлую грусть, радовалась вместе со всеми, пробовала теплое пряное вино и вдруг оказалась одна. Ни с того ни сего очутилась вот здесь, где никто и увидеть не мог, если не надумает вдруг искать. Но ведь на праздник пошли не затем, чтобы раньше утра вернуться. Прежде зари собираться не начнут, а я до утра здесь продержусь? Даже понять не могла, греет меня теперь сила или нет.

Снежинки таяли на щеке, издали доносились звуки праздника, ярко горели костры, слышались завывания метели, так удачно вплетающейся в общее веселье. И было невероятно

странно лежать здесь одной. И хотя совсем недавно подобная мысль не пришла бы в голову, теперь я подумала, а найдет ли меня хоть кто-нибудь? Или совсем снегом заметет?

Кошечка моя вдруг встрепелась. Ей почудился звук тихих шагов на грани слышимости. Будто проходил кто-то совсем рядом, шел вон туда, в лес, чтобы скоро затеряться среди деревьев, не заметив под тонким снежным покрывалом неподвижную фигуру. Жалобно и тоненько закричала моя кошка, зовя того, кто уходил, на помощь. Перед открытыми глазами было темно, и кружил снег, я ничего больше не могла разглядеть, а сила задрожала внутри от отчаяния, потом снова затихла и прислушалась. Тихие звуки именно она улавливала, мне же думалось, будто просто пригрезилось что-то. А может, я вовсе не на празднике даже, а в крепости? Устала после уроков с войдом и заснула.

Как будто негромкий рык прозвучал совсем близко. Неужто волки? Водятся ли в лесу хищники, ведь город рядом совсем? Странно окажется, если меня вдруг затащат под заснеженные кусты и съедят. Как люди потом скажут, вот и сходила на праздник чародейка. Сочинят новую легенду про костры.

Кто-то подошел и опустился рядом. Кошка встрепелась радостно. Она потянулась к кому-то навстречу. Налетевший белым покрывалом снег послушно сполз с тела, я заморгала, чтобы сквозь обледенелые ресницы разглядеть, что за зверь выбрал меня своей жертвой. А сила уже ластилась к чьим-то рукам, поднимавшим меня с промерзлой земли.

— Так бы и ушел, — раздался знакомый голос, и теперь уже радость захлестнула меня. — Чем тебя лес привлек, чародейка, что ты здесь спать собралась? Праздник не понравился? Метель, костры — все как ожидалось.

— Плохо мне. — Голос, оказывается, повиновался еще. А ведь с перепуга почудилось, будто не только двигаться, но и говорить не могу.

Бренн на это не ответил, не стал спрашивать, где плохо и как, зато кошка вновь уловила едва слышное рычание.

Глава 14

О ЗАЩИТЕ И РАСПЛАТЕ

Войд меня понес куда-то. Не в сторону костров, хотя мне казалось, что раз он рядом, то сейчас мигом все решит, а после вернет на праздник. Лорд же иначе рассудил. Для двоих переход нарисовать проще, чем для всей крепости, а потому времени на шагание по лесу мы не тратили. Сразу очутились в войдовском доме. На улице тишина, ведь ни души не было вокруг. Маленьких снежных магов и тех взяли к кострам, определив им двух наставников. Заколебались у изголовья лавки огоньки свечей, разогнали темноту, коснулись моего лица и оголенного плеча.

Войд склонился ниже, внимательно вглядываясь, после чего резко перевернул меня на живот и вытряхнул из мехового полушубка, точно куклу. Разворачивать обратно, чтобы одну за другой расстегнуть все пуговицы теплого платья, он не стал. Я представила, как маг взял за ткань, а она разошлась послушно, открывая правую лопатку. Только треск было слышно.

— Что ощущаешь? — раздался вопрос.

— Ничего. Сейчас ничего, а прежде очень больно было.

— Как больно? — Наверное, он ощупывал кожу в том месте. Казалось, будто прикасался, но самих прикосновений я не чувствовала.

— Будто игла сквозь тело проходила.

— Руками, ногами пошевели.

Я честно попыталась, и вот тут пот прошиб холодный и липкий от испуга. Не вышло.

— Замерзла я, войд... кажется.

— С тропы, пока шли, соступала?

Тут мигом вспомнилось, как покачнулась и одной ногой встала в рыхлый снег, а еще накололось тем самым правым плечом на ветку.

— Соступила немного случайно. А что приключилось, войд?

Тревожно стало настолько, что в горле совсем пересохло. Вопрос вышел сиплым и дрожащим.

— Тебе правду сказать или пожалеть?

— Когда ты меня жалел, лорд? Лучше сразу скажи.

Грубо, наверное, прозвучало, вот только я очень испугалась.

— В зачарованном лесу повсюду ледяная защитная магия, она чужаков и волшебников огня не терпит. Везде кроются ловушки, которые с первого взгляда разглядеть невозможно. Не маги потому в лес идти опасаются, а чародеи и подавно не сунутся. В тело твое сейчас вошла одна из игл.

— Как же, — обидно стало настолько, что я несколько раз повторила, — как же, как же. — А после вырвалось: — Я ведь постоянно в лесу с волками тренировалась! Там опасность кругом, а ты не предупредил.

— Ледяные иглы Эрхана тоже опасность.

Вдобавок к сухости во рту засосало под ложечкой. Я ведь волка чесала, а после всю стаю.

— Не в том дело, чародейка, что не предупредил, — он развернул меня на спину, вгляделся в лицо, — а в том, что толку от предупреждения не было никакого, только страх ненужный. Тебя магия признала, в крепость пустила, это ты понимаешь? Не должна была наказать за вторжение.

— Не должна, но наказала? — Я тоже вглядывалась в его лицо, и мнилось теперь, что именно он во всем виноват. Почему не сказал не соступать с троны, почему не объяснил про магию защитную? Не нужна ему чародейка в крепости, нарочно все придумал и погубить хотел.

Где смысл был здравый в моих рассуждениях? Нигде. Страх, обида и ощущение, что еще не договорил лорд до конца, не объяснил, почему тела не чувствую.

— Сообщил бы сразу, что не нужна тебе чародейка в крепости. А ты с силой договорился, чтобы не нарушить ничего, а сам задумал избавиться. Не кусок льда у тебя в сердце, а гранит целый. Такой сверху упадет и насмерть придавит.

Качнул головой и не ответил. Снова протянул руку, а мне очень хотелось отшатнуться, не дать дотронуться до себя, но одного желания мало оказалось. Лорд даже не заметил моего порыва, а положил ладонь на плечо, прислушался. Молчал и смотрел будто сквозь меня, не замечая ни слез, ни отчаяния на лице, ни того, что кусаю до крови губы, пытаюсь удержать новые обидные слова.

— В позвоночник вошла, — проговорил он. — Начну вытаскивать, хуже сделаю. Раскрошу ли, целой выманю, толка не будет. Пока выйдет, навредит немало.

Вовсе не услышал моих слов, кажется. А у меня сердце стучало бешено, в голове было шумно, и перед глазами комната качалась. Это ведь он о том сейчас, что можно навсегда остаться неподвижной.

Доводилось встречать в жизни такого человека, которому свет был не мил. Он ни ходить, ни сидеть не мог. Тоже разговаривал, но всегда неохотно, через силу.

Войд с лавки поднялся и прошелся по комнате, крепко раздумывая над чем-то. Я следила за ним взглядом и прокручивала в уме, как ждала веселого зрелища и радовалась ему, как плела ободок в подарок, как ощущала жар от костра, вызвавший всплеск моей силы, и первое движение иглы в теле. Хоть немного, но помогли эти воспоминания. Они жалость к себе вызвали, а жалость — это бесполезное занятие. Зубы нужно сцепить, в панику не ударяться, а тоже подумать сейчас над тем, что еще можно сделать.

— Если у вас защита на чародеев рассчитана, значит, им не под силу с ней совладать?

Войд обернулся, снова посмотрел на меня. Понял, наверное, что теперь можно с чародейкой по-человечески разговаривать, или же поймал какую-то мысль.

— Что ты любишь, Весна?

— Что?

— Чародеи любят жар огня, тепло южного ветра, искры ярких костров и сияние палящего солнца в вышине. Что любишь ты?

Вот так с ходу ответить? Призадумалась я.

— Не знаю. Тепло — это славно. Но говорят, будто у чародеев не бывает снега зимой. А как же без снега? Тоскливо, если постоянно жар, а мороз не трескучий, узоров красивых на стекле не рисует.

Я поймала его улыбку не на губах даже, а в прозрачных глазах.

— Ты Северные земли любишь.

— Росла здесь. Отчего мне родную сторону не любить?

Он склонился еще ниже.

— Тогда уговори свою силу поддаться. Ласковой стань, не борись. Не огнем, против которого защита работает, действуй. И не выталкивать иглу пытайся, а растопи так, чтобы она не признала угрозы в тебе. Умеешь ведь подчиняться льду и побеждать.

Не иначе как припомнил поцелуй наши возле промерзшей стены.

«А ты помогать не будешь?» — хотелось спросить. Только ведь недавно обвиняла его во всем, а теперь снова хотела помощи просить. Вот уж чего не заслужила от него. Сама должна справиться, спасибо, что советом помог.

И я попробовала. Прикрыла глаза, собралась и постаралась определить, где сейчас в теле игла. Эх, кабы не осложнялось тем, что я не чувствовала ничего. Тогда и вспомнила, как под снегом не услышала шагов войда. Это кошка узнала его, она позвала. Моя сила умнее порой,

чувствительнее и гораздо внимательней. Нужно только направить ее.

Легким скоком магия прошла вдоль позвоночника, прогладила пушистым хвостом каждый позвонок, мягкой лапкой тронула, лизнула шершавым языком гибкие хрящики, накололась и резко отпрянула. Ей вновь хотелось зашипеть на чужую инородную мерзость, но я представила, будто кладу ладонь на оскаленную морду, как когда-то войд успокаивал Эрхана, заставляя того смириться с чародейкой.

Направила кошку снова. Это не опасный лед, просто иголочка, частичка красивой снежинки, которая легко растает от прикосновения. Вот так, кусочек за кусочком, как тают на окне ледяные узоры, когда прикладываешь к ним теплую ладонь. Сперва заставить сгладиться острое навершие, так хищно глядящее на меня из моего же тела, а дальше дело проще пойдет.

Не бойся, не бойся, что сразу не выходит, попробуй еще раз. Лизни горячим языком иголку, не обращай внимания, как больно колет, как щетинится, заряженная чужой змеиной силой, и не поддается тебе.

Не могу.

Снова на лице горячие слезы. Соленые и горькие, они скатывались по щекам, попадали в уголок рта, стекали на шею. Их я ощущала, а больше ничего.

Впустую все, напрасно. Защитная магия — сильная магия! Испокон веков, что лес стоит, она охраняла его от вторжений. Берегла, наверное, и в ту пору, когда между льдом и огнем случилась жуткая война. Сколько огненных волшебников полегло тогда среди заснеженных, топорщащихся острыми иглами деревьев? Я отлична от них лишь тем, что росла в этих лесах, но моя сила — огонь, а он не терпит холода.

Зачем шла? Зачем училась? И почему хранила на сердце тайную несбыточную мечту? Расплата настигла в момент, когда не ждала, когда отпустила себя и поверила в легенду, но кому теперь нужна такая чародейка?

Я перевела взгляд с белых бревен на лицо ледяного лорда. Невозмутимое, спокойное и равнодушное лицо. Совсем недавно представлялось, будто вижу в его глазах улыбку. А он тоже не умеет чувствовать, совсем не умеет. И мне все только мерещится.

Вот и снова почудилось, будто, заметив слезы, дернулся судорожно, и в прозрачном холоде взора опять что-то мелькнуло. Шагнул к лавке, сел зачем-то рядом со мной. Пожалеть сел? Ведь не умеет. У меня тело не чувствует, у него сердце. Но коли так, то не будет сложностью для него одну мою просьбу исполнить. Чего теперь уж терять? И когда бы еще, в какой иной ситуации набралась я смелости, чтобы спросить: «Поцелуешь меня?»

Он не заколебался даже мгновения, будто того и ждал. Склонился, поцеловал. Раскрыл стиснутые в страхе губы, и закружилось вокруг, как совсем недавно, но по иной причине и совсем иначе.

У Бренна удивительно выходило: требовательно, уверенно, но с нежностью. Когда на кончике языка оседает сладкая горечь, когда соприкасаются невозможные вещи: лед и пламя — связываются друг с другом, сцепляются в магические узоры. Слияние губ в сложной игре прикосновений. И напор, то резкий, довлеющий, то дразнящий, мягкий, вынуждающий меня отвечать.

Я уже позабыла, для чего просила поцеловать. На память собиралась сохранить, а сейчас...

Магия потекла по венам тем самым огнем, который был частью меня, который мог спасти или погубить. Растопить иглу или протолкнуть туда, откуда больше не достать. Но направляла ли я огонь? Нет. Злая сила, добрая сила — ее больше не существовало, она перестала разделяться на лед и пламя.

Я не цедила огонь крохотными каплями, подобно исцеляющему бальзаму на больное место, он сам расходился теплыми волнами от моих губ, раскручиваясь по спирали. Все, что совершалось, было частью меня и моей магии, частью того колдовства, которое дарили поцелуи Бренна и рисунки его прикосновений на моих пылающих и ноющих губах. Я настолько растворилась в ощущениях, что совсем интуитивно направила силу в самый холодный участок, которого еще не коснулся жар.

А затем кроха за крохой тепло отвоевало у змеиной магии живое тело, потому что мне очень хотелось чувствовать ласки и уметь ласкать в ответ. Как не сцепить пальцы на его шее и не

сжать в ладони мягкие снежные волосы? Как не пройти рукой по твердой груди и не прижаться ближе?

Жар пробежался до кончиков пальцев, омыл, растворил холод без следа, а потерявшаяся в чувствах чародейка так и не разжала обвитых вокруг мужской шеи рук. Не отстранилась, не прервала поцелуй, благодаря которому впервые в жизни сумела побороть чужое колдовство.

У страсти нет четких очертаний, только расплывчатые разноцветные мазки чувств. Как с купцом, блеклые, серые и черные тени или, как с Ним, насыщенные, ослепительно-яркие краски, в которых мои волосы горят огненными всполохами, сплетаются с настолько снежными, что их белизна режет глаз, сверкающими прядями, когда я, вцепившись в плечи до побеления золотистой кожи, целую, целую яркие губы, мягкие, по сладости точно лесная душистая ягода.

Хотелось поверить, что ужас слепых и немых ощущений мне только пригрезился. И потому я откликалась жадно и ненасытно, познавая, как чувства проскакивают колючими разрядами на самом пике напряжения, по острию желаний, на вершине умения осязать. Не застенчиво, не робко и не стыдно больше.

Только те полагают, что лишь огонь пылок, кто не познал на себе страсть снежной вьюги, способной закружить, запутать, затерять. Я в искристом вихре утратила разум и сомнения. Холодная страсть, мощная, сгибающая своим напором, когда под сильными мужскими руками продолжает рваться плотное шерстяное платье, когда обнажается, открывается губам кожа и по ней дуновением морозного влечения и жаркого дыхания пробегает огонь.

Бренн оперся на руку, а другой резко прижал меня к себе, опрокинул обратно на лавку. Сила, которую прежде обвиняла в своих необузданных чувствах, мягко сплелась с моими эмоциями, вовсе не затмевая их, а раскрывая в полной мере. Я ошибалась, списывая эту тягу на пламенный дар, и заблуждалась, полагая, будто лишь огню подвластно обжигать. Меня поглотил голубой сверкающий лед, крошащийся на сотни кристаллов, колющий нежную кожу. И я в ответ скользила руками по телу гладкому, жаркому, мягко мерцающему этим снежным светом. Чувствовала подушечками пальцев неровности шрамов, хотела рассмотреть поближе их рисунки, но Бренн потянул за кудри, заставляя запрокинуть голову и открыться его желанию изучить, провести языком, попробовать на вкус.

Прикосновения рук и губ на щеках, подбородке, ключицах, на плечах, локтях и запястьях. Пальцы подрагивают, когда он прижимает ко рту мою руку, а после обхватывает мои руки и заводит их над головой. Предвкушение, ожидание, покорность чужой силе и снова дрожь от прикосновений к груди, животу.

Живу, живу, как никогда раньше, как никогда более полно, потому что могу чувствовать.

И вновь короткая передышка, когда страсть поцелуев сменяет жар тела. Стискиваю пальцы заведенных над головой рук, прогибаюсь в пояснице, когда его свободная ладонь проходит от шеи до бедер и замирает внизу живота, а после он уверенно разводит ноги в стороны. Распахнув глаза, ловлю потемневший взгляд и шепчу хрипло, напряженно и жадно хватая ртом воздух:

— Отпустишь, если попрошу?

И получаю в ответ: «Нет».

Не даст сбежать в этот раз, не позволит ускользнуть. Не захочет, чтобы закрылась и оттолкнула, потому что я и сама этого не хочу. Узкие крепкие бедра между моих и миг, за который он резким рывком стер остатки сомнений.

Как же я страшилась этого мига, когда он все-таки возьмет меня, как сейчас, глубокими толчками проникнет в тело, подавит своей мощью, сокрушит. Даже физически слишком большой и оттого пугающий. Будет боль и разочарование, как с купцом, и необходимость только терпеть. А вышло, что упоительнее момента я прежде не испытывала. Миг проникновения, тянущей наполненности, и от пронзительного ритма, от страстного желания, от горькой нежности, оседающей на губах, как легкие белые снежинки на стенах, зашлось от наслаждения сердце.

Огонь ярким взрывом пробежал по телу, сорвав лихорадочное дыхание. Я крепче скрестила лодыжки на мужской пояснице, сильнее прогнулась, блаженствуя от того, как он двигается быстрее, входит глубже, будто отвечая на бессвязные неоформившиеся мысли, мечущиеся в моей голове очертания образов.

Как невероятно разница в ощущениях между обычным смирением, невозможностью изменить собственный выбор и желанием принадлежать одному. Насколько непохожей бывает отдача, когда вверяешь свое тело мужчине, позволяя ему распоряжаться им и владеть так, что тебе это может понравиться. Безумно понравиться.

Встрепенувшись, рвано дыша, осознала, как он замедлил темп, запротестовала даже против короткой передышки, не поняв, для чего она нужна ему. Не догадавшись, что после он заставит испытать... Такое!

Весь снежный мир зазвенел и рассыпался. Раскрошилось ледяное кружево морозных узоров, опало льдинками на деревянный пол комнаты.

Я дрожала и цеплялась руками за края лавки, сжав их до боли. Зажмурилась, задохнулась. Воздуха не было, не было моего тела и этой комнаты, лишь шепот дыхания, тяжелого, сбившегося, мужского.

Придя в себя, ощутила тяжесть его тела. Бренн приподнялся на локтях, освобождая, а мне хотелось спросить, что же это было такое? Вновь его магия или иное волшебство? Что за чудо он подарил сродни новому, совершенно иному ощущению меня самой?

Повернув голову, спросить, встретила его губы. Он не позволил произнести ни слова.

Принимая его поцелуи, даря в ответ свои, поняла, что наслаждения не может быть слишком много, хотя еще несколько секунд назад казалось, будто от него впору умереть.

Мы не говорили вовсе, он ничего не обещал, ни в чем не уверял, молчал в ответ на мои невысказанные вслух признания, но как яростно, как страстно и откровенно говорили за нас наши тела. Прикосновения. Ласки. А еще взгляды, безмолвные, но умеющие передать так много.

Лишь раз я заметила, что стены комнаты оказались покрыты изморозью, плотной и белой, но тут же позабыла о ней. Даже когда изо рта вырвалось облачко пара, я не поняла, что вокруг царит холод. Мне самой было слишком жарко. Жарко и мало, и хотелось еще. Нового безумного водоворота и тяжелой морозной страсти. Я вновь хотела его и понимала, что, когда он говорил, будто спросит с меня всю ночь, я даже представить не могла, как ее окажется мало.

Хороша чародейка оказалась! Слишком хороша. Столько тепла уж давно не получал. Его хватило сполна, чтобы силу успокоить да озеро наполнить, еще и самому досталось. В первый раз держал себя крепко, опасался ей вред причинить. Все потому, что привык довольствоваться случайными связями, редкими, короткими, такими, чтобы лишь голод слегка утолить. На празднике или во время обхода очередного, если вдруг встречалась на пути та, кого не убил бы своими прикосновениями, которая вдруг привлекла и взаимностью ответила, тогда и выходило пусть мало, но выманить тепла. Забрать себе и перевести немного дух от морозной силы, живущей в груди. Однако каждый раз приходилось жестко дар контролировать. Отпустить значило убить.

И насколько редко такие встречались? Когда в последний раз? Недели, месяцы, годы прошли? А науку крепко запомнил и с чародейкой сдерживался. Однако, окунаясь в огонь, совсем позабыл, что коли тот для холода обратная сторона, то выманить на свет ледяную суть и заставить ответить себе ему будет проще. И в какой-то момент сила все же плеснула, затянула изморозью стены, окно и лавку, заледенила воздух. А чародейка и не заметила.

Светились медовые волосы, под кожей расчертились огненные рисунки, глаза сияли ярче самого яркого пламени. В тихих столах слышалось наслаждение, она принимала его страсть с удовольствием, без страха, без боли.

Пробормотала что-то неразборчиво, прижав к лицу ладони, выдохнула и повернула голову, словно хотела о чем-то спросить и не успела. Осознав, что ледяной дар не причинит ей вреда, впился в ее губы и обхватил разгоряченное податливое тело, подмял под себя, отпустив голод, позволяя себе насытиться, забирая то, чем она столь щедро делилась. Яростно, требовательно погружался в нежный пульсирующий жар, окунаясь в него до хрипло-рычащего стола. Тот завибрировал в воздухе, оттолкнулся от ледяных стен и вернулся, замерев на ее губах, раскрывшихся в мольбе. И лишь секунду спустя понял, что она просила не отпустить, но не останавливаться, впрочем, остановиться он сейчас и не мог.

Приманила, подарила огненное удовольствие, позволила полной грудью вдохнуть. Совсем разум затуманила. Отзывалась так, как ему мечталось, пока дразнила своими поцелуями, взглядами и порывами искренними. Отвечала и сопротивляться не думала. Кошачья натура, страстная и покорная, нежная и требовательная. А сердце искреннее и чистое, и сила внутренняя мерцала зыбким огоньком. Весна напомнила ему, о чем давно успел позабыть. В груди с левой стороны вдруг непривычно заняло, стало томительно-тревожно и кольнуло быстро и больно, а после вновь потянуло холодом, только не обычным ровным, а сбивчивым, прерывистым.

Он перевел дух, поднимаясь над ней. Обнял рукой за талию, перевернул и устроил поверх себя, дав чародейке возможность отдохнуть. Лихорадочное дыхание, жаром касавшееся его груди, потихоньку выравнивалось, пока он, прикрыв глаза, вспоминал.

Вспоминал очень давнее время. Тогда его волосы еще не мерцали на свету, точно снежное серебро, глаза имели иной оттенок. Он посмотрел на девушку, которая, подложив ладонку под голову, слегка касаясь губами его груди, указательным пальцем стала очерчивать тонкие полоски шрамов. Затем приподнялась немного, принялась рассматривать, то слегка хмурясь, то задумчиво склоняясь ниже. Поймав на палец блестящий локон, Бренн оттянул его в сторону и смял в ладони, чувствуя приглушенное тепло, не такое огненное, как от обнаженной кожи, не такое манящее для его холода, а нежное и чувственное.

Чародейка с любопытством подула на снежный завиток, прочертивший узор на его плече, растопила, затем коснулась губами давнего шрама сперва робко, а позже уверенно, входя во вкус с каждым новым прикосновением. Он позволил ей изучать себя какое-то время, прежде чем провести ладонями по гладким бедрам, чутко уловив, как они от этой ласки покрылись мурашками, а после сдавил, крепко сжал и поднял чародейку, усадив на себя. Пронаблюдав, как в первый миг она задохнулась, запрокинула голову и закусил губу, а затем потянул снова вверх и вниз, пока в плечи не уперлись узкие ладони, а острые ногти не вдавились в кожу. О страсти чародейской не впустую болтали и не зря говорили об огне, что так умел отзываться, — сам воздух в пламени сгорал, и для дыхания его почти не оставалось.

В комнате будто светлее становилось, а я ощущала себя совершенно без сил, но такой сытой, такой довольной и расслабленной, что безумно удивлялась новому чувству. За все время, пока он учил меня новой науке, даже смущение не мешало со всей полнотой его прикосновениями наслаждаться. А еще поцелуями, жаркими ласками. Ах, какими они были! Пробирало до нутра этой страстью. Заплутала, заблудилась, утонула в ней. Прежде все проще представлялось, а нынче, упираясь ладонями в лавку, прижимаясь к ним лбом и кусая губы, сквозь помрачившее разум желание и стремление покрепче прижаться к ритмично движущимся бедрам, я успевала удивляться, как много способов существует испытать удовольствие.

Мачеха объясняла перед брачной ночью, будто нужно позволить мужчине взять, что ему хочется, а после он насытится и оставит в покое. Купец быстро силы потратил, чему я сумела порадоваться даже сквозь действие дурманного напитка. А вот Бренн совсем ненасытным был. И касался он совершенно иначе, руки его и губы были как слова песни в общей мелодии этой ночи. Прекрасной, волшебной, никогда прежде не слышанной. Он любил меня и требовательно, и нежно, пока не становилось нестерпимо хорошо, ласками услаждал, пока не начинала жаждать нашего единения, пока не отдавалась снова. И если иногда проскальзывала мысль спросить у него про шрамы или про рисунок странный возле сердца, то вместо слов каждый раз вырывался новый стон, который все чаще и чаще складывался в его имя.

Если наша ночь и растянулась на сотни таких ночей по его желанию, то я не успела пресытиться. Только полное бессилие подсказывало — времени минуло немало. Чуткое тело вернее обманчивого разума объясняло, что эта приятная и необоримая усталость могла наступить намного раньше, будь я обычным человеком. Даже кошка вымоталась до предела, и ее мелодичное мурчание тихо вибрировало в груди, нежно убаюкивало.

Я устала настолько, что, прижавшись щекой к груди Бренна, позволила себе лишь ненадолго прикрыть глаза и тут же уснула.

Он слышал ровное дыхание, видел, как приглушается свечение кожи и пропадают с нее огненные узоры. Пышные медовые волосы укрыли его плечи, рассыпавшись по ним мягкими колечками. Чародейка уснула, кажется, на полувдохе, так доверчиво устроив на его груди свою голову. В эту ночь у него не было цели добиться от нее большего, чем ответа тела, чем реакции силы. Этого достало бы. И он не собирался... Но ведь добился. Знал, что она не умеет

разделять чувства и страсть. Наверное, оттого и отдавалась столь полно, не оставляя ничего для себя. И этого отклика она ему не простит... а ему все равно было мало.

За окном светало, ночь прошла, едва наступив.

В какой-то момент он слишком увлекся и позабыл про самое важное. Приманила чародейка, закружила разум. Рухнул ледяной заслон, ветра получили свободу.

Бренн прикрыл на мгновение глаза, прислушиваясь к пока еще очень далекому гулу.

Изгоняемые теплом с прежних земель, они сейчас стремительно и весело летели ко дворцу Стужи, проходясь по Северным землям. Где-то там, на горизонте, темнело небо и раздавался глухой вой. Бренн чувствовал, как меняется погода, как нарастает в воздухе тревожное ожидание. Они пройдут, в последний раз покрыв землю белым снегом и позволив теплу окончательно воцариться на время в холодной стороне.

В руках ледяного лорда тоже крепко спало сейчас нежное огненное тепло. Обученное, получившее свой шанс увидеть свет. Умевшее теперь свободно подчиняться желанию хозяйки. Натренированное столь хорошо, что и бессознательно защитит ее прежде, чем сама успеет понять, как это сделать.

Лорд выполнил обещание и получил плату. Но прежде чем отпустить Весну, позволив ей уйти насовсем, следовало позаботиться еще об одном — о том, чтобы не захотела вернуться.

Вновь подхватив на ладонь мягкую прядь и пропустив между пальцами гладкие кудри, он размышлял, что точно знает, как и куда ударить. За это время изучил ее хорошо, нашел уязвимое место. Знал, как будет вернее всего. Надежнее и больнее. Знал, но растягивал минуты.

Он мог до бесконечности взвешивать все «за» и «против», размышлять над иными способами, думать над надежным укрытием. Надежным. Он усмехнулся. Над клеткой, похожей на его, убежищем без солнца и смеха, без жизни. Для удовольствия одного, для личного пользования. А потому не было вернее способа, чем не давать ей выбор. Иначе закончится, как в прошлый раз. Свой шанс на новую жизнь она обменяет на нечто более дорогое. Так было с любимой сестрой. Насколько горько и плохо отдавать себя человеку, рядом с которым противно находиться?

Бренн помнил, как Весна выбрала для себя занозу, помнил, что получал плату за спасенную жизнь, и озеро наполнялось постепенно, а еще ощущал по этой связи, как ровно горит чародейский огонь. Лишь дважды он вспыхнул ярче обычного. Один раз, навеяв выдуманную любовь, и второй раз, когда испугался навсегда погаснуть.

Войд открыл глаза и посмотрел на нее еще раз, слыша, как отсчитывает секунды время. Его уже нельзя было менять. Магия холода приближалась неумолимо. Решение он принял, и слабость изменить его, по сути, ничего бы не изменила.

Пусть живет чародейка.

Я проснулась из-за того, что меня сняли с теплой и широкой груди, переместив на жесткую лавку. Заворочалась еще во власти дремы. Реагируя на ощущения, пока не бралась осмысливать их.

Если бы не росло в груди неприятное чувство из-за кажущейся пустоты рядом, пожалуй, не взяла бы на себя труд протереть глаза и поднять голову, ища Бренна.

Он стоял возле окна. Не потрудившись одеться, лениво созерцал освещенный сумрачным светом двор. Погода сегодня не радовала. Виднелось через окошко низко висящее свинцовое небо, готовое разразиться белыми крупными хлопьями. А в комнате было холодно, я теперь это почувствовала и зябко поежилась. Отведя взгляд от мужчины, чья спокойная расслабленная поза и отрешенный взгляд выглядели неправильно после сумасшедшей ночи, отыскивала свое шерстяное порванное платье.

— Это возьми. — Ровный голос и взмах рукой, хотя ко мне Бренн не повернулся, и на лавке появилось то самое красивое белое платье, которое не решилась оставить у себя.

Видя мужчину таким, я даже не взялась спорить. Лишь осознавала растерянность и растущую тревогу, потому натянула на себя богатый наряд и села на лавке, обняв колени.

— Одеваться не будешь? — Это первое, что у него спросила, и добилаь наконец ответного взгляда. Хотя лучше бы не смотрел.

Обернулся, поглядел равнодушно. Внимания не избежали ступни босые, которые я накрыла ладонями, согревая, волосы спутанные, чьи волны ярко выделялись на белом. Еще он лицо изучил, а оно точно не радовало глаз яркостью красок.

«После такой ночи и короткого сна попробуй наутро цвести», — попыталась оправдаться перед собой, видя его безразличие.

Вместо ответа лорд внимание перевел на те штаны и рубаху, в которых вчера на праздник пошел. Одевался не быстро, не медленно, не торопился, но выглядели его движения для меня как-то... неумолимо.

Я сжалась сильнее, заметив, что, пока наблюдала, Бренн полностью оделся и небрежно в сторону отбросил попавшийся под руку пояс. Мой пояс от порванного платья.

Не понимала, что же такое случилось, раз не вижу в нем отклика и намека хоть малого на минувшую ночь. Он и подошел так, как мог подойти ко мне прежде: ровным твердым шагом — и протянул руку. Не сразу заметила, что в ней войд туфли держал белые, изящные и дорогие, под стать платью.

Беззвучно выполняя молчаливые его приказы, поднялась с лавки, обулась, а туфли впору пришлось, будто нарочно подбирал. После скрестила на груди руки, закрываясь от того, что ждало с иной стороны молчаливого нашего общения. Купец так и маячил перед глазами, хоть я отчаянно пыталась этот образ вовсе изгнать. Но крепко он в память врезался.

— Идем. — Широкая ладонь легла на поясницу, привлекла ближе к его телу, хоть мог бы без того обойтись, а я могла бы оттолкнуть, но... Быстро сменяя друг друга, завертелся бессмысленный калейдоскоп событий.

Взметнулся снег, мерцающая дымка, а после столь дикий вой, что я зажала уши. Крики, человеческие и очень возмущенные, затем резкая и неожиданная тишина.

Я огляделась и не поверила своим глазам. Вместо снежных просторов яркая зелень неведомых мне растений и пестрая россыпь всевозможных цветов. Жар в колеблющемся воздухе и фигуры нескольких мужчин, не более семи человек, застывших неподалеку от нас. Все загорелые, поджарые, в форме цвета светлого летнего неба, с высоко поднятыми ладонями, на которых плясали языки пламени.

— Лорд? — От этой группы отделился самый высокий и на вид вроде как главный среди остальных мужчина. Не опуская рук, недоверчиво смотрел на нас, борясь с желанием протереть глаза. — Ледяной лорд! Т-ты вконец обнаглел?

Он даже запнулся на середине фразы, и эта запинка точно не от страха случилась, но от безграничного его возмущения.

— Как так мимо границы сюда? Это вообще как... За какой тьмой ледяной тебя занесло на нашу территорию, зараза ты снежная? Вовсе страх потерял? Мы вот сейчас тебя прикончим и правы будем.

— Жаркая встреча, Зорий, как всегда.

Даже не видя стоявшего за спиной войда, я чувствовала — издевается.

— Так и думал, что приду, а мне здесь рады. Только вот остаться не могу, извини. — И, внимания не обращая на лицо этого Зория, на котором яснее ясного проступило — держи карман шире, что уйдешь, — продолжил: — Я лишь затем заглянул, чтобы вашу потерю вернуть. Видишь, чародейка у меня? Заблудилась в снежных землях. Принимай обратно.

Если я прежде мало что понимала в происходящем, то теперь вовсе растерялась. Едва не принялась искать взглядом ту самую потерявшуюся чародейку.

— Не понял? — Не одна я смутилась.

— Чародейку, говорю, нашел, — хмыкнул войд.

Тут я вывернулась из его рук, расслабленно лежавших на моих плечах, и обернулась. Недоверчиво, непонимающе глядя на него, а он опустил голову. На губах играла все та же

усмешка, глаза пустыми и бездушными казались из-за сверкавшего в них холодного льда. А губы выдохнули одно слово, короткое, но острое-острое, хуже кинжала, который проще было вогнать мне между лопаток, хуже бритвы, которой мог резануть по горлу. Он с усмешкой сказал: «Дарю», — глядя прямо в глаза, и отступил, разводя в стороны ладони, будто сдавался на милость не понимавших ничего чародеев.

А после резко дохнуло холодом, ветер швырнул нам в глаза колючего снега, и войд исчез. Ушел, оставив меня здесь, среди незнакомых и странных магов, посреди окруженной зеленью лужайки, бросив одну и подарив вон тому огненному волшебнику.

Глава 15

О ВОЗМЕЗДИИ

Однажды, стоя у ворот и наблюдая, как я подъезжаю к ним верхом на Эрхане, Сизар насмешливо и в то же время чуть обиженно произнес: «Даже чародейке разрешает кататься, а я уже столько времени прошу подарить мне волка из стаи, а он ни в какую».

— Что? — спросила тогда, спрыгнув на землю и улыбаясь недовольству снежного князя, которое выглядело не злым, не тяжелым, а таким разочарованно-детским, что серьезно к нему отнестись не выходило.

— Заявляет, будто они не вещи, чтобы он их дарил.

Сейчас тот давний разговор в памяти всплыл, пока я стояла неподвижно, глядя на место, откуда Он исчез. Смотрела и смотрела, ждала, кажется, что вернется. Мышцы одеревенели, я не умела двинуться, а дышалось совсем тяжело.

Слова все крутились в голове, отравляли меня безжалостным своим смыслом, потихоньку разливаясь ядом по всему телу, расходясь волнами от все сильнее нывшего сердца. «Дарю», — стучало громче и громче в голове.

Взяв плату, не стал терять время, не позволил даже проститься с теми, кто стал дорог в крепости. За порог вышвырнул, как вещь. Не заслужила от него и человеческой фразы на прощанье...

А позади, врываясь в мою глухоту, больно калеча неподвижность онемевшей души, раздавался чужой голос. Только благодаря его звучанию я понимала, все происходит наяву. Разозленный чародей кричал столь громко, что даже я могла его слышать.

— Остолопы, бестолочи! Как вы дали ему уйти? Что за недоумки вокруг? Сам ледяной лорд явился перед вашим носом, а потом спокойно себе ушел! На кой я вас, идиотов, содержу? Зачем мне на службе такие бездари, если каждая снежная сволочь в любой момент может вломиться сюда, в сосредоточие чародейской силы, притащив с собой, что пожелает, а потом уйти!

В эту минуту, устав орать на собственных подчиненных, стоявших, повинно опустив головы и не смевших возразить и словом, он обернулся ко мне, и в спину прилетело:

— А кого он, кстати, там притащил? Эй ты! Кто такая? Что делала на территории снежных? Отвечай!

Короткий и властный приказ, и я должна отвечать, но кому? Ему? Злому магу, чей голый череп сверкал от ярости ярче, чем могло осветить его встававшее над горизонтом солнце. Чародейский огонь, вызванный смесью эмоций от злости и отчаяния, от безысходности до невыразимой огненной ярости.

Столь понятные мне сейчас чувства.

Я сдерживалась из последних сил, я не могла усмирить пламя. Оно прокатилось по коже ярким свечением. Дар вновь причинял боль, жег мое сердце и внутренности, он срывался с пальцев, сыпался искрами с кончиков волос.

— Немая? Слух потеряла? Отвечай, когда к тебе обращается лорд!

Я обернулась только потому, что было уже невыносимо смотреть в одну точку, а тело обрело подвижность, позволив отреагировать на этот раздражающе высокий голос.

— Лорд! — вдруг сдавленно крикнул кто-то из чародеев, а для меня все вокруг окрасилось в ярко-алые цвета пламени.

На чужой призыв огненный лорд не обратил внимания. Он смотрел на подкинутый подарок озлобленно и презрительно. Злость не трогала, а вот презрение хлестнуло наотмашь, добило и без того острым чувством нового унижения. Наверное, Зорий желал погасить мой огонь, его этот всплеск не пугал ни капли. Он был лордом, а значит, по силе равным владыке Снежных земель. Небрежно махнув ладонью, чародей нарисовал в воздухе знак, направив ко мне волну силы. Она была способна охладить меня, будто ведро ледяной воды, пусть болезненно, зато мгновенно сумела бы стереть всплеск разом, если...

Если бы я не закрылась. Любые чувства могли владеть мной в этот момент, любые ощущения могли затмевать разум, и я даже не думала, что делаю, когда отразила эту волну.

Когда-то тот, кого называла наставником, учил, что, если сила превосходит твою и нет возможности сопротивляться, нужно всего лишь стать зеркалом и отразить то, что заведомо сильнее тебя.

Я не размышляла сейчас, просто действовала. Чистая сила, чистый всплеск и одни инстинкты. Отзеркалила и ударила в ответ.

Они все удивились, когда лорд покачнулся. И взгляд его не описать никакими словами. Возможно, давно уже никто не смел перечить воле лучшего, не решался использовать огонь против сильнейшего, его собственный огонь.

Внезапность моего удара позволила зацепить плечо Зория, но и он не был бы главным среди лучших, не среагировав в последний момент. Удар пришелся не наотмашь. Искривился, зацепил плечо по косой и оставил после себя красную полосу, однако тишина вокруг стала тяжелой.

Маг поднял ладонь, каменея лицом, и тогда по этому сигналу чародеи вскинули руки, направив в мою сторону. Как же не проучить за дерзость, когда столь нагло калечат на глазах у всех. Ледяной лорд мог рассмеяться, вскользя взглянуть на свою рану и даже похвалить, но Зорий был из другого теста. Может, по этой причине ощущалось в отношении к нему не столько уважение, доходящее порой до обожания, сколько раболепие.

Когда-то я плакала от боли, слыша безжалостное «Снова!».

«Уворачивайся! Бей! Поднимайся!» — звучало опять и опять.

«Отражай!»

Сейчас я вновь оказалась словно в снежном поле, один на один с мучителем, который учил реагировать быстрее, чем успевала подумать. Он не позволял выкрасть у времени хоть малую толику, чтобы оценить, продумать варианты, прикинуть свои действия. С первой тренировки, когда мой страх стал путеводной нитью бесконечного бега через заснеженный лес, наставник учил действовать на инстинктах. Они всегда быстрее любой мысли.

Упасть раньше, чем настигнет боль, откатиться от столкнувшихся крест-накрест ударов. Вскинуть ладони, формируя целый ряд эфемерных отражений, как солнечное колеблющееся зеркало. Отразить, направить против тех магов и услышать вскрики, удивленные и болезненные. Они думали, я не повторюсь? Или что не отвечу так быстро? Как же реагировать иначе, когда чувства выгорели и осталось желание выжить? Словно на тренировке, но только в реальной жизни.

Меня научили драться, как дерутся снежные волки. Повиснув на шее убийцы, умирая, в последнем усилии стиснуть зубы, но добить.

Только убивать меня никто не собирался.

Вновь взлетела ладонь огненного лорда, а взгляд, направленный на меня, стал другим.

Я видела по быстрому движению пальцев, как он формирует силовую сеть, и успела осмыслить, что вряд ли огненная сеть окажется менее болезненной, чем снежная. Кошка изогнула спину, припала к земле, рыхлая черная крошка набилась под ногти. Секунда промедления, когда сеть почти настигла, и рывок, чтобы уйти в отверстие под ней, пока оно не уменьшилось до совсем узкой полоски. Метнуться гибким проворным телом, проскочить, но не остановиться, а помчаться дальше. Не размениваясь больше на мелочи, напасть сразу на главного. Вожак, он в любой стае вожак.

Хлестнули по спине плети, обжегши изогнутое в прыжке тело, застлало красной пеленой прозрачный разгоряченный воздух перед глазами. В меня метили с нескольких сторон, и гибкие ленты стегнули, свились на талии и ногах и потянули назад. Оборвались, срезанные острыми лезвиями когтей, а я уже допрыгнула. Руки готовы были сжаться на горле лорда. Успела бы точным ударом переломить хоть один позвонок, кабы не прочный, очень прочный щит. В огненных трещинах моей силы, но не проломленный, о который в кровь разбила лоб.

Дар лорда был мощнее моего, а потому сумел остановить в последний миг. Что-то хрустнуло, запахло металлом и красной липкой жидкостью. Новые огненные плети уронили на землю, протащили по красивой белой дорожке, испачкавшейся бурым, и в общем-то ничто не мешало добить, потому как я выдохлась и мне стало все равно. Думаю, добились бы, не прозвучи над

головой короткое: «Стоять!»

Прохрустели колючие белые камушки, так больно оцарапавшие проехавшуюся по земле щеку, и шаги стихли, а лорд присел на корточки рядом со мной.

— Поглядите-ка только, — он произнес, — из какого древнего рода вы будете, леди?

Я промолчала. Желание убить хоть кого-то тоже развеялось. Откат наступил, а огонь потух. В этот раз после выплеска силы сознания не лишилась, но закрыла глаза, борясь с тошнотой, и даже не взглянула в сторону лорда. Он зачем-то поднял сперва одну, затем другую мою руку и недовольно удивленно хмыкнул: «Метки нет. Быть того не может».

— Неужто безродная? — спросил кто-то.

— Думай, что говоришь, — осадил его лорд, — где ты видел обученных безродных? Или старую технику изучают не только выходцы из лучших родов, а может, бедняки имеют возможность нанять личного наставника? Это тебе не академические штампы, глупец. Все до миллиметра точно, и стой на моем месте кто-то из вас, эта огненная кошка имела все шансы прикончить одного из кнезов.

— А что с ней делать теперь? Ведь напала...

— Да на вас обменять, — рявкнул Зорий. — Против шестерых выстояла и до лорда добралась. — А потом вздохнул, смирив раздражение. — Выяснить следует, откуда такой дар для нас снежный волк приволок.

Затем он лично меня с земли поднял, а приметив, что с трудом стою, толкнул в чьи-то руки, крепко скрестившиеся на талии. Широкая грудь сзади стоявшего подперла спину, и даже голову приподняла мозолистая ладонь. Снежные ли, огненные князья, а ни тех, ни других хилыми не назовешь.

— Леди? — вновь подступил ко мне Зорий. — Откуда будете?

— С северной стороны, — не смогла сдержать ухмылки. Тело болело, щеку саднило, но на снежном платье не оказалось следов грязи, на длинных рукавах, которые совсем недавно обвивали плети, не было даже разрывов, хотя впору щеголять страшными ранами, вот только кровью кругом пахло не моей. Лишь по лицу размазалось нечто липкое. Интересно даже, из какой ткани шьются прощальные подарки ледяного лорда?

— И что вы там делали?

— Жила.

Золотисто-карие глаза заискрили, выдавая гнев хозяина. Чародейка, а призналась, что по ту сторону границы обитала. Что теперь предъявить ледяному лорду за вторжение, коли одну из своих вернул? Выдворил с собственных земель, на которых огненным находиться права нет.

— Хорошо, — медленно протянул Зорий, — подробности выясним позже. А пока проследуйте к нашему врачу.

— Лорд Астин, прошу дозволения напомнить, что ворожей не берет на лечение тех, чей статус невысок.

— Скажете, моя личная просьба. — И главный чародей отвернулся. Я увидела напряженную спину и широко развернутые плечи, вскинутую гордо голову и усилием воли разжатые кулаки. Зорий зашагал прочь по дорожке, и вскоре его фигуру от меня закрыли остальные чародеи.

Богатые покои, белое, золотое, мраморное кругом и запах свежести. Легкие занавески на большом окне, а за ним раскачивается зеленая листва и залетают внутрь теплые порывы ветра, аромат цветов доносится из сада. Напротив, через стол, тот самый врачеватель с седой длинной бородой, редкими волосами и рыжими густыми бровями. Недовольно рассматривает меня, но личная просьба лорда не позволяет открыть рот и выгнать чародейку вон. Он уже разглядел внимательно мои руки, завернув широкие рукава белого платья.

Забавно у них здесь. Коли метки нет, то за человека не считаешься. А если считаешься, то на многое не рассчитывай.

— Любит наш лорд диковинки разные, — выдал врачеватель, после чего поднялся, прошел к большому шкафу и вернулся с мазью. Сам, не позволяя мне коснуться темного флакона, аккуратно отер салфеткой, резко пахнущей чем-то лечебным, мое лицо и принялся накладывать лекарство. Щеку защипало, но я стерпела молча.

Пока сидела в этой богато обставленной комнате и ждала прихода их ворожея, слышала шушуканье за дверью. Приведший меня объяснял, кто такая и откуда взялась. Разговор был негромкий, но до меня все долетало.

— А кнезы ледяного лорда не удержали? Не сладилось у них? Представляю гнев Зория.

— Секундочки не хватило, чтобы закончить оградительный экран и лорда отрезать от перехода, — отвечал тот, кто привел меня. — Замешкался кто-то из своих, не вплел силу вовремя.

— Так, полагаю, все замешкались? — произнес врачеватель.

— Расчет на то делался, что растеряемся. Та еще наглость! В самое сердце нашей стороны явился. Это чтобы Зорию еще неприятней стало оттого, как ледяной лорд ему чародейку лично вручил. Жаль, ушел снежный! Ведь точно подгадал момент, когда уйти.

После этого голоса стихли, а седобородый кудесник вошел в комнату. Теперь он взял из коробочки какую-то кисть, макнул в коричневую жидкость в серебряной плошке и принялся наносить на мой лоб.

— Повезло вам, — вымолвил, оглядывая результат.

— В чем же повезло? — Щека онемела, лоб пощипывало.

— Не убил вас ледяной лорд, а мог бы отговориться, будто попали в какую-нибудь ловушку на их стороне. Пускай сейчас между нами мир, но пересечение границы серьезное нарушение. Теперь Зорий еще долго злиться будет.

По манере врачевателя общаться поняла, что он считает огненного мага едва ли не за родню. Видимо, знает его хорошо, а возможно, давно уже услуги лекарские оказывает. Вот и меня сейчас разговорить пытался, выяснить все подробно, но что я ему нового скажу? Объяснить, как училась у ледяного лорда? Не поверят. Да и не хотелось ничего говорить. Мне лекарство выдали, которое потихоньку последствия выброса огненного снимало, однако онемение тела вновь позволяло пробудиться тем чувствам, что прежде вырвались пламенем и оставили на плече Зорин рану. На нее, как позже узнала, пришлось наложить кровоостанавливающий сцеп, чтобы края в стороны не расходились. Не слаб удар оказался.

— А знаете, у нас от желающих к лорду пробиться и по-настоящему талантливых чародеев отбоя нет, а вы буквально с ходу заинтересовали. Этаким камушек в коллекцию. С виду простой, даже недрагоценный, однако с интересными свойствами.

— В коллекции еще не бывала, интересно, должно быть. — Я пожала плечами, сдерживая новый приступ хохота.

Он взглянул искоса, потом будто вспомнил о чем-то, поднялся и вышел за дверь, бросив напоследок: «Подождите здесь».

Я положила руку на стол, устроила на ней голову, взглянула за окно и вдруг вспомнила, как у Зория от гнева лысина сияла. Не сдержалась, расхохоталась так громко, что по ту сторону колышущейся тонкой занавески вспорхнули с ветки птицы. И смех такой напал, не выходило никак остановиться. Только приложив к лицу ладони, стараясь хоть так сдержать этот дрожащий вибрирующий звук, заметила, что лицо мокрое, а слезы все текут и текут сквозь смех.

В крепости еще было тихо, но совсем скоро обещали вернуться ее обитатели. Бренн прошелся по ровной дорожке мимо домов, остановился рядом со своим. Внутри ничего ценного не осталось, плащ лежал сейчас на его плечах, а обледенелый цветок в кармане. Сундук с подарками от Стужи в подпол столкнул в главной избе. Поглядел на дом, на бревна, которые сам укладывал, обозначая здесь место для новой крепости. Вдохнул жар чародейский, которым от дома веяло так, что и сомневаться не стоило — впитался он в бревна, проник в сердцевину дерева, и теперь его оттуда не выветрить.

Войд не стал терять драгоценное время, наотмашь хлестнул ладонью воздух, и заскрипело, заходило ходуном крепкое жилище. Мороз сжигал податливые древесные волокна, обращал в труху. Рушились сперва те бревна, сердцевина которых пожиралась холодом быстрее, но немного погодя осыпалось и остальное. Землю, где прежде стоял его дом, устлало хрустящим пеплом, взмах другой ладони, и это все вынесло прочь за ворота, развеяло, раскидало по лесу, следов не найти. Вот и исчезло напоминание об огненной ночи. Ушло вслед за чародейкой.

Он вернулся к женской избе, сел на крыльцо. Видел, как совершенно потемнело небо, скрылось за темными тучами солнце, а потом налетели и закружили по двору ветра. Застонали крепкие избы, покрылись ледяной корочкой стены, крыльцо припорошило снегом, как и весь двор. Они промчались быстро, мазнув ледяного лорда по щеке на прощанье, и полетели дальше.

— Скоро и богиня пожалует, — глядя на качнувшиеся вслед ветрам ворота, произнес войд.

Вернулись с праздника маги, довольные, отдохнувшие и усталые. Зашли сквозь широко распахнутые ворота, войда приветствовали, приметив издали. То, как он раньше всех с праздника ушел, не удивляло никого. К крылечку только Белонег с мужем да оба князя устремились.

Красавица, едва подойдя, с ходу выпалила: «Войд, ты Вессу не провожал?»

— Провожал, — ответил он коротко.

Князья переглянулись, Нега взгляд потупила, принялась неловко пояс расшитый теребить. Засмушалась, точно девчонка.

— А где она? Спит еще?

— Ушла. К чародеям возвратилась.

Ответил и поднялся. Игнорируя их вытянувшиеся лица, недоверчиво нахмуренные брови и внимательные взгляды, принявшиеся тотчас оглядывать двор. Будто он мог пошутить. Самым зорким Севрен оказался, растягивая слова, совсем уж недоуменно спросил: «А войдовский дом где?»

— Неужто спалила? — Муж Неги сболтнул и ойкнул, когда жена ущипнула.

Бренн не ответил. Шагнул к воротам, положил руку на пояс, а другую к земле опустил, чтобы тотчас сжать в ней крестовину ледяного меча. Князья тоже мигом обернулись, а через секунду уже опустились на землю, сами того не желая, встали на одно колено. И все, кто во дворе оказался, согнулись в земных поклонах, когда сквозь ворота вплыла внутрь тонкая стройная фигурка в серебряном платье.

— Богиня. — Бренн первым вскинул голову и пошел вперед, встречать Стужу. А кулак, сжимавший меч, побелел. — Какая честь для нас. Давно крепость своим вниманием обходила, а сегодня не одна к нам пожаловала. Со слугами верными.

На последней фразе искривились слова, заскрежетали друг о дружку, а глаза прозрачные ледяным огнем зажглись.

— Мой милый лорд, — она легко шагнула сквозь расстояние, что их разделяло, подняла руку, коснулась его щеки, обращая внимание на себя, отвлекая заледеневший взгляд от качавшихся в распахнутых воротах теней с седыми космами, — ледяные духи мне компанию составили. Совсем одной и без сопровождения богине не след путешествовать. Вот я их и привела.

Слова прозвенели весело, но сказаны были тем особым тоном, что пришлось чуть расслабить сцепленные на черенке пальцы. Ничего, он умеет выжидать момент. Прежде редко рубил сплеча, не стоит и начинать.

— Молвила бы слово, богиня, примчались встретить ко дворцу.

— Ах, какие церемонии! — Она звонко рассмеялась. — Ты ведь терпеть их не можешь. Оставь, Бренн. К чему все усложнять? Да и сюрприз хотелось вам сделать. Соскучились по мне?

Она с улыбкой оглядела двор, полный коленопреклоненных магов. Все они смотрели на Стужу с обожанием, а кто и с откровенной тоской во взоре. Кажется, даже ловили каждое слово.

— Избранники мои, — она проходила мимо, касаясь ладошкой широких плеч, — красавцы какие! — Остановилась и хлопнула радостно в ладоши. — Самые лучшие!

— Сюрприз удался, богиня, а радости нашей предела нет! Прикажи готовить пир в твою честь, — сказал лорд.

— Бренн, — она капризно скривила алые губки, покачала тонким пальчиком, — и снова ты церемонишься. Я ведь заглянула ненадолго совсем, дел столько! Особенно сейчас, в конце зимы, едва везде поспеваю. А вы никак с праздника вернулись? Нарядные, веселые. Ходили куда?

— На костры смотреть.

Он только один ей и отвечал, все остальные застыли в благоговейном молчании и лишь внимали, боясь вмешаться в этот разговор. Всем ясно было, что неспроста явилась Стужа в крепость. Не от скуки решила вдруг заглянуть в оплот снежных магов. По ее мнению, больно скромную резиденцию для себя ледяной лорд устроил. Добротно и тепло и людям удобно, но все же не с блеском, не с размахом. Из льда все кругом сотворить лучше намного, вот бы красиво смотрелось! Те, кто не маги, не замерзли бы, укутались потеплее и согрелись. Зато роскошнее, чем резиденция Зория у огненных, который себе дворец соорудил с огромным парком, а вокруг доверенные кнезы свои поместья поставили. Вот там размах так размах, ну а здесь лишь с точки зрения защиты хорошо, еще и прятать от чужих глаз удобно, опять же лес зачарованный кругом с тайными тропами. Такого у огненного лорда не имелось.

— Костры? — Она вновь рассмеялась. — Ну вы точно чародеи. К огню потянуло. Скоро огненные над вами потешаться начнут. А кстати, об огненных, — она махнула рукой и опустилась изящно в сотканное из снега кресло, — ветра вернулись. И едва явились на порог, как рассказали мне забавную историю. Будто бы у тебя в крепости, Бренн, чародейское тепло почуяли. Откуда ж такое могло среди льда взяться?

Она взглянула пристально на невозмутимого лорда, после обвела взглядом остальных и великодушно махнула ручкой, позволяя перестать кланяться.

— Оттого ветра твои почуяли, что была здесь чародейка.

— Что ты говоришь? — Стужа слегка подалась вперед, а алмазной туфелькой пару раз недовольно стукнула по промерзлой земле.

— В зачарованном лесу заблудилась, а после наши стражи ее напугали. Побежала от волков и к крепости выскочила. Ее саму и людей увидеть смогла. Вот к убежищу и устремилась, а снежная сила впустила.

— И так бывает? — Богиня прищурилась, а легкая улыбка стала совсем морозной.

— Сила наша схожа, истоки разные.

— А куда ты смотрел?

— Наблюдал, богиня. Сработает ли против нее защита сейчас, когда между нашими сторонами мир царит. Ты и сама не велела вражду разжигать.

— Нарочно, значит, запустил? Защиту проверил. Ну а дальше что?

— А дальше чародейка ворота прошла, но не поняла, где оказалась.

— И ты не истолковал?

— Мне важнее выяснить было, как она границу пересекла, но чародейка ответила, что всегда здесь жила. Стало быть, не нарушила ничего.

— Вот как повелось отныне? В нашем оплоте каждый случайно забредший в лес огненный волшебник прогуляться может? Недовольна я, лорд.

— Прикажешь любого обнаруженного на Северных землях чародея казнить, исполню приказ. Пока лишь тому следовал, что ты прежде говорила.

— Зачем сразу казнить? Ко мне приводить. Вот ее точно мог привести, а ты, мой лорд, как поступил?

— Прямоком к Зорию отправил.

— То есть ты к ним туда явился? К главному чародею во владения?

— Почему бы нет, коли его огненные у нас здесь блуждают.

Стужа рассмеялась довольно и весело.

— Какой щелчок по гордому носу избранника Яра! — отсмеялась и вдруг притворно нахмурилась. — Бренн, а Бренн, ты уверен, что более нет поблизости чародеев?

— Уверен, богиня.

— А я вот думаю, лучше перепроверить. На тебе забот немерено, за всем уследить сложно, а потому...

Она махнула рукой, созывая ледяных духов.

— Проверьте все здесь и в округе.

Повинуясь приказу, духи с воем миновали ворота и пронеслись по крепости. Заглядывая в каждый угол, обшаривали дома. Часть из них растворилась в лесу. Каждая веточка и кустик, способные запомнить чужое тепло, были обнюханы ими, точно верными псами. Скройся чародейка хоть в подземной пещере, спрячься хоть в корнях дерева или в древесном стволе, отыскали бы. Но чародейки здесь не было, а след ровного мирного тепла угасал, вытесняемый вечным холодом.

Бренн упер в землю кончик меча, скрестил руки на крестовине и молча наблюдал за мечущимися тенями. Он спокойно ждал, пока верные слуги возвратятся к Стуже один за другим и расскажут о том, что ничего не сумели найти. И в момент, когда богиня досадливо сморщила лоб, собираясь махнуть рукой и выгнать духов из крепости, он шагнул сквозь пространство. Переходы рассыпались как лучи, тянувшиеся из одной точки к разбросанным по крепости целям. Точно и без ошибки. Проскочить один, взмахнуть мечом, переместиться по другому. Бренн не позволял пробиться сквозь ледяную сдержанность ни злости, ни ярости, чтобы не нарушилась точность удара и не пропали драгоценные минуты. Короткое движение, блеск прозрачного лезвия, и сущности, даже не успев испугаться, распадались сизым дымом. Все было совершенно столь быстро, гладко и отлаженно, что дикий вой убитых существ даже не успел огласить окрестности крепости.

Ледяной лорд развеял меч, откинул со лба прилипшую снежную прядь и невозмутимо взглянул в лицо всплеснувшей руками Стужи.

— Бренн! Да что это такое?

— Это, богиня, чтобы ты не говорила, будто я слово не держу.

— Ты богине сказал, будто решил себе ледяной дворец выстроить взамен старой избы. Точно, что ли, возьмешься?

— Возьмусь, — ответил войд.

— И место присмотрел? Далеко ли от крепости?

— Через пространство близко.

— А Весса и правда у огненных? — Севрен опустил голову, принявшись вырисовывать кончиком ледяного кинжала на промерзшей земле.

Войд промолчал, подкинув на ладони свой. Прицелился и метнул в прочный деревянный столб с рядом глубоких отметин от всех прочих ножей. Его еще не успели унести прочь, и князь с лордом надумали поупражняться в меткости.

— Сизар огорчился, что ты вот так, даже попрощаться не дал. Обиделся.

Войд пожал небрежно плечами.

— А как ты... Уговорил как?

— Не уговаривал. — Нож вошел в скрипнувшую древесину. — Я ее подарил.

Севрен уронил свой кинжал, который только надумал метнуть в цель.

— Что? Вессу подарил? Как?

— А вот так.

— Так и сказал, будто даришь? Кому? Зорию?

Бренн молча выбросил руку вперед, столб чуть качнулся и скрипнул, а нож упал на снег. Поземка зашелестела, поползла и потянула оружие вперед, к ногам войда. Он вновь взялся за рукоять и опять прицелился.

— Бренн, — Севрен говорил тихо и не поднимал на лорда головы, — нельзя ведь так. Ты же ночь спросил, а наутро... Объяснил бы все по-человечески. И не говори, будто не человек и сердца нет, как ты это любишь. Даже не умея чувствовать, людей понимаешь прекрасно. Пускай в груди обледенело, но ты всегда по совести поступал. А здесь и вовсе случай особый. Она же привыкла к нам, а тебе доверилась. Может, стоило рассказать про Стужу? Описать, что богиня ревнива без меры? Поведать, как расправляется с теми, от кого угрозу чувствует, кто хоть немного, но обращает на себя твое внимание? Весса сама бы ушла. А этим поступком ты же просто убил ее, Бренн!

— Я надежду в ней убил. — Столб закрипел натужно, словно готов был расколоться, а лезвие вошло в дерево до середины и засело столь крепко, что и магией сразу не извлечь. Войд поднялся, подошел к столбу и дернул кинжал за рукоять. Положил на ладонь и покачал, оценив баланс, а после обернулся к замолчавшему князю и добавил:

— Ты сам говорил, Весна не ушла бы, потому что дом свой здесь видит, ну а коли б ушла, то вернулась, едва страх за собственную жизнь поутихнет. А если думаешь, будто у чародейки шанс был в живых остаться, вспомни, как перед богиней на коленях стоял.

Войд перевел взгляд с понурившегося князя и заметил на крыльце женского дома Игну. Магиня отворила дверь и проскользнула внутрь. Лорд развеял ледяной клинок и последовал за ней.

Дверь не скрипнула, отворившись. В комнате только черноволосая девушка обнаружилась. Доставала из походной сумки свертки какие-то, на полку выкладывала. Бренн прислонился спиной к стене, молча наблюдая за Игной. Та будто почуяла чье-то присутствие и резко обернулась.

— Это ты, лорд! — склонила голову.

В комнате холодало стремительно, и магиня зябко поежилась.

— Случилось что, войд? Поручение ко мне есть?

Она нерешительно шагнула к нему и остановилась в шаге. Смотрела растерянno и тревожно, а Бренн протянул руку и легонько провел по гладкой щеке, приметив, как Игна вздрогнула. На нежной коже остались кристаллики белого инея. Девушка быстро прижала к ней ладонь.

— Позвал бы. Большая честь для простой магички, коли лорд лично приходит.

Ей очень хотелось теперь отступить, шагнуть вглубь комнаты, потому что в прозрачных льдистых глазах мерцал приглушенный свет. Однако Бренн перехватил ее за талию, едва девушка качнулась назад. Положил тяжелые руки на поясницу, притянул ближе.

— Ради такого и самому можно прийти.

Запрокинув голову, она напряженно ждала, а он видел тщательно скрываемый испуг в зеленой холодной глубине. Там крылась змеиная безжалостная сила, ядовитая и юркая, гибкая и изворотливая. Такую силу он почувствовал, когда Весна целовала его, а под жесткими ладонями, сжавшими гибкий стан чародейки, текло ласковое тепло. Он распознал едва слышное шипение от растворяющейся в податливом теле иглы.

Подняв другую руку, положил на черноволосый затылок, провел вниз и аккуратно, не спеша намотал на запястье длинную косу.

— Зачаровала иглу? — прямо спросил, а магиня дернулась в изумлении и зашипела от боли в голове. Даже извернуться не выходило, а морозные глаза горели ярче, приковывая взор.

— О какой игле речь, войд?

— Я защиту с леса снял, не только возле крепости. И на все время, что здесь чародейка находилась.

Глаза Игны недоверчиво расширились, губы побелели и едва слышно произнесли:

— Быть того не может.

— Отчего же?

— Ради нее? Ради чародейки? Защитную магию во всем лесу заблокировать?

— А на что мне мертвая ученица?

— Ты мог ведь только здесь, только рядом с крепостью! А в остальные места ее сопровождали всегда и...

— И на то был расчет? К чему жестокость такая, Игна? Что тебе чародейка сделала?

И он снова почти ласково погладил ее, провел ладонью от поясницы до лопаток, и боль прострелила спину, магиня сжала зубы, чтобы не застонать.

— А она боли не чувствовала, — равнодушно наблюдая за мукой, исказившей красивое лицо, проговорил лорд. — Имея силу, в спину бьешь? Умея даром владеть, во зло направляешь? Не ради защиты, а лишь из мести? Так за что наказать решила?

— Я сюда ради тебя пришла! — Она закричала и вновь сделала попытку рвануться из ледяных объятий. — Ради тебя! Я замуж пошла за Вольтара, чтобы в крепость попасть, с тобой рядом находиться. Ты спас нас тогда, в том походе, вытащил полумертвых, а Вольтар по секрету рассказал, как позвал ты его в крепость. Кому еще такая честь выпадает?

Она говорила, захлебываясь словами. Руки повисли бессильно, не поднимались вытереть горькие слезы, бежавшие по щекам. Войд сам их стер пальцами, продолжая внимательно слушать.

— Мы все тогда с жизнью простились, потеряли половину отряда. — Она снова всхлипнула. — Всех, с кем училась вместе. Наставник, который мне вместо отца был, умирал медленно, мучительно, а потом пришел ты. Я тебя люблю, Бренн, и сюда не за мужем пришла, а ради тебя. Чтобы шанс иметь видеть, чтобы служить, помогать, чем смогу. Я о смерти мужа горевала, но лишь потому, что дорог он мне был, как дороги бывают близкие люди, но сердце в груди от любви не горело. Лишь он любил. Меня раздражало слушать, как Северина тобой восхищается. Ты и ее от судьбы хуже смерти избавил. Устроены женщины так, что рядом защитника видеть желают самого сильного, самого надежного. Мне до поры своей силы вполне хватало, а потом... Чем с ума сводишь? Даром своим, равнодушием или тем, какой ты? Чародейка эта, — она выплюнула слова, точно яд, — твоей ученицей стала. Никаких усилий не прилагая, ближе всех тебе сделалась. Сам лорд улыбался ей, целовал. Я видела! И тренировки наблюдала, как ты ненавистный огонь терпел. Возненавидела эту Вессу. Моей мечтой стало выгнать ее из крепости.

— Так подождала бы немного. — Бренн говорил спокойно, даже толика гнева не проявлялась в его глазах, по-прежнему горевших ровным синим огнем.

— Боялась, оставишь ее. А я видеть вас вместе не могла.

— За тренировками следила? — Он слегка голову склонил. — Так думала поступок свой скрыть? На тренировке, во время очередного удара? Я ведь ей времени не давал, и огонь бы стремительно ответил, а игла мигом дело довершила. Прошла чародейка по лесу, на костры посмотрела и вернулась в крепость, но не заметила, как по дороге игла к ней прицепилась, а дальше уж никто не виноват, что она огнем на удар ответила. Умно придумала, Игна. Красиво все просчитала. Только сила снежная не для того дана, чтобы невинных калечить или убивать.

И войд выпустил магиню затем, чтобы бережно сжать ладонями ее лицо.

— И ты без нее вполне обойдешься.

— Нет! — Она закричала отчаянно, в ужасе глядя на то, как он медленно склоняет голову. — Я не смогу без нее, не смогу. Я не хочу. Лучше сразу убей! Будь милосердным, войд, убей меня. Молю тебя, убей.

Мольба оборвалась, когда его губы прижались к ее. Игна застыла, не в силах шевельнуться и отстраниться. Чувствуя каждым нервом, каждой жилкой, что ее сила, часть ее самой, большая часть начинает рваться на куски. Снежный змей молотил хвостом и извивался, с острых зубов, не способных причинить вреда ледяному лорду, капала ядовитая слюна. Он шипел от боли, сворачивался клубком, изгибался, лишаясь часть за частью своего тела. Магиня стояла неподвижно, и только слезы катились по щекам, боль казалась почти невыносимой, но не смертельной. К ее несчастью, не смертельной.

Лорд раскрошил, размолот ее дар, как жернова неумолимо мелят зерна в муку, белым туманом вырвалась снежная сила, ушла к нему через ее дыхание. Он мог бы забрать ее иначе, мог бы не дарить этот бессердечный поцелуй. Бессердечный потому, что о нем она мечтала, грезила с той поры, как в крепость пришла. Умел войд быть жестоким и наказывать умел тех, кто оступился.

Девушка медленно осела на пол, прижала лоб к коленям и снова вздрогнула, ощутив, как по черным, будто разом утратившим блеск волосам прошлась широкая ладонь.

— Вольтар немало тебе оставил, не пропадешь. Дом есть, вот и ступай туда, а в крепости тебе больше делать нечего.

Дверь хлопнула, комната погрузилась в тишину и во мрак. Ни лучика света не видела девушка в этой непроглядной темноте. Ей казалось сейчас, что жизнь утратила смысл.

Войд шагнул прочь, оставив бывшую магиню на полу, на котором она съежилась, убитая горем. Только войд хорошо знал людей и понимал, что желание выжить для такой, как Игна, всегда окажется сильнее прочих бед. Не зря змей был ее силой.

Глава 16

О РЕЗИДЕНЦИИ ОГНЕННЫХ

— Располагайся! — широким жестом обведя небольшую комнату, сказал мне самый молодой из кнезов. Он отводил меня к врачевателю, он же привел сюда. Деревянный дом на сваях, построенный на окраине обширного сада. По правую сторону от него протекал широкий ручей, в котором сохранились остатки водяного колеса. Для каких целей оно прежде использовалось, мне не пояснили. По словам кнеза, здесь прежде обитал тот, кто присматривал за рекой. Позже она обмелела, заросла по берегам и превратилась в ручей. Русло перестали расчищать, а разросшийся сад запустил свои корешки во влажную рыхлую землю дна. Здесь деревья росли прямо из воды, что казалось мне удивительным.

— Дом не покидай. Когда нужно будет, лорд сам тебя позовет. А вещей совсем никаких нет?

— Снежный лорд обещался позже все принести. Обожду немного. Наверняка к вечеру доставит и платья, и украшения, и снеди разной.

Парень смерил меня взглядом, но ничего обидного в ответ не сказал. Как позже узнала, был он самым простым из кнезов, если судить по происхождению. Богатством большим похвастать не мог, а потому явно вошел в мое положение. Подбросил позже к моему порогу узелок с подушкой, покрывалом и мелочью разной, без которой в повседневной жизни не обойтись.

Когда дверь за ним закрылась, я осмотрела пыльную пустую комнату, в которой давно уже никто не прибирал, и опустилась устало на единственную здесь лавку. Казалось бы, вот тебе новое обиталище, а там внизу ручеек, можно вымыть все, устроиться поудобнее, а я ничего не желала. Даже думать. Поселилась внутри боль, и каждое движение заставляло ее встрепенуться. Я сознавала реальность вокруг, могла даже ровно составить порядок действий своих, но при этом делать ничего не хотелось. Пыль кругом? А ну ее, сегодня протрешь, завтра опять соберется. Есть как будто охота, ну так это такое дело, сейчас поел, через некоторое время опять захочется.

И не знаю, сколько так просидела, закрыв руками лицо, стараясь ни о чем не думать и ничего не вспоминать, когда дверь жилища нового распахнулась, а внутрь влетело нечто, напомнившее огненный вихрь. Это что-то замерло посередине комнаты, всплеснуло руками и протянуло: «Фу-у-у, грязюка какая!» — а после огляделось и вдруг увидало меня.

— Ага! Вот ты где!

Я смотрела недоуменно, потому что на вихре этом форма была голубого оттенка, точь-в-точь как у кнезов, но обтягивала она не широкие плечи и узкие бедра, а нескладную девичью фигуру. Словно у не оформившейся еще девчонки, едва-едва начавшей на женихов заглядываться. Волосы у нее были длинные и забраны не в косу, а в высокий хвост, точно конский. Глаза веселые радостно искрились серебряными звездочками и внимательно оглядывали меня.

— Видишь, какой Зорий противный? — Она обвела рукой комнату, а я проследила за движением, соглашаясь, что, конечно, противный, и даже не важно, из чего заключение сделано.

— У нас девчонок-чародеек по пальцам пересчитать, а он тебя в дальний конец сада сослал. И в чем провинилась?

Я пожала плечами.

— Удар его отразила?

— Ха! Кабы так! Тогда не стал бы кнезов останавливать. А сослал сюда потому, что у тебя метки рода на руке нет, значит, и вступиться некому. Как тебя зовут?

— Весна.

— Как мать-богиню? Весело! А у нас родители тоже отличились. Меня Ярмилой называли, хотя все Яркой кличут, а Зорию тоже одно из имен Яра дали. Это чтобы огненный бог к нам благоволил.

— Лорд тебе брат?

— Двоюродный. А иначе была бы я здесь? Кузен меня на дух не переносит, даже при всей силе мог бы к обители чародеев на тысячу шагов не подпустить. Но родители уговорили. Родня как-никак. Ну а ты? Правда, что ли, сам ледяной лорд сюда принес? Рий злющий ходит, что ему тебя демонстративно подсунули, еще и в обход защиты. Он уверен, что ледяные тебя поймали, когда границу пересекала, теперь пытается выяснить, кто такая. Я как услышала, что у нас чародеев прибыло, сразу решила, что мы подружмся. Люблю тех, кто Зория из себя вывести может. Ему лишний щелбан по высокородному лбу не повредит. Я там, кстати, вещей разных принесла. Пошли покажу.

И чародейка, которую все прозывали Яркой, ухватила меня за руку и потянула на выход. А там, за дверью, оказалось человек пять, нагруженных разными тюками.

— Заносить, госпожа? — спросил самый пожилой из них, чья спина клонилась к земле под тяжестью вещей.

— Сперва приберитесь, там мрак ледяной творится! После по местам все разложите. Часа три вам даю, затем вернемся. Пошли! — обернулась уже ко мне, потащив вперед по тропинке. — Покажу, где сама живу.

— Ох, какое платье у тебя! Красота! — Вокруг меня собрались три чародейки. Они все носили голубую форму и похожие прически, а еще явно считались подружками Ярмилы. Уж не знаю, искренне ли дружбу с сестрой лорда водили или из корысти какой, но восхищались они каждым ее словом.

— Девочки, оно из ледяных земель, — одна из чародеек опустила на ручку моего кресла и принялась перебирать ткань в ладонях, — представьте только, сколько оно стоит!

— Весенняя, а тебе в нем не жарко?

Признаться, так мое имя еще не коверкали. Только я заметила, что обращавшаяся ко мне девушка даже Ярмилу называла Ярмилией, а та и бровью не вела. Может, положено у них?

— Не жарко, — дернула плечом и вытащила из цепких пальцев белоснежный подол.

— Снежная ткань и тепло сохраняет в мороз, и прохладу в жару дарит, ты разве не знала, Ирinya? — Ярка высокомерно задрала нос и тут же пощупала рукав моего наряда, пристроившись с другой стороны. — У нас такой материи не достать, разве только на заказ из Северных земель, но и то как бы к настоящим ледяным нитям не примешали подделки какой. Оно ведь даже не пачкается и не рвется.

— А на ощупь ткань какова! Не то что наша форма.

Все согласно завздыхали и смирли недовольными взглядами собственные одинаковые наряды. Один костюм того же оттенка уже лежал на кресле, принесенный для меня по велению Ярки. А мне оставалось только диву даваться, как им все снежное любо. У всех, оказывается, было несколько ледяных украшений, провезенных купцами по торговому мосту через Зимнелетку. Стоили они безумно дорого, о чем девчонки хвастали.

— Так, девушки, гостя наша устала, давайте в другой раз посиделки устроим, — хлопнула в ладони Ярка, и чародейки тут же со мной простились.

— Весса! — глянула исподлобья сестра Зория. Даже имя назвала, которым я просила ко мне обращаться (слишком часто Он Весной называл). Прежде она убеждала, что Весна лучше, благозвучнее и привычнее звучит, а Весса северянами переименована. — Будем меняться? Ты по росту невысокая, я лишь чуточку выше. Давай тебе за это платье целую кучу нарядов отдам? Точно знаю, девчонки не успокоятся, теперь непременно постараются его у тебя выменять или купить, но им даже надеть некуда, а у меня бал скоро. Продашь его мне?

Я посмотрела удивленно, не умея пока приспособиться к этим странным отношениям между здешними людьми.

— Любую цену назови. Ну пожалуйста! Мне этот бал вот очень-очень важен. Всем завидующим девчонкам по академии нос утру, а то испортили кровь в свое время мегеры.

— Не нужно мне денег, так бери. Подарю.

Она замерла, посмотрела на меня недоверчиво, а после головой покачала:

— Ну, знаешь, я не наши чародейки, чтобы на такую наивность повестись и тебя облапошить.

Настоящие снежные вещи — это редкость, это статус, понимаешь? А у нас статус многое решает, от того, каким делом заниматься будешь, до происхождения будущего мужа. В Северных землях мастериц с даром очень мало, потому и вещей, ими созданных, так просто не сыскать. У крашения и маг создать может, потому здесь выбор побольше, но самые лучшие, конечно, у тех, чья сила выше, они не тают и не трескаются и встречаются реже. А вот ткань из ледяных нитей мужчина прясть не станет.

— Потому вы туфли на поднос водрузили, а платье готовы на кусочки разделить?

— Вот же ты непонятливая! — Ярмила снова всплеснула руками. — Не только поэтому. Ценить снежные вещи стали в первую очередь за качество. Они очень прочные, им сносу нет. Ты эти туфли хоть десять лет носи, а ничего им не сделается, не сносятся, не стопчутся, сиять тише не станут, тем более каблучки у них из чистейшего синего льда. Даже не подломятся не ко времени. Это уже позже стало подделок много появляться, которые изначальными свойствами не обладали, и теперь настоящую вещь днем с огнем не сыщешь. Поняла? А ты смешная тоже — «Подарю!».

Пожала плечами, не собираясь дальше объяснять. Ей ли говорить, как у меня при взгляде на платье сердце сжимается, а в голове холодный голос звучит: «Это надень».

— Вот и правда, откуда взялась такая?

— Какая такая?

— Дикая. Не знаешь ничего. Рий вон уверен, будто ты из Южных земель, но какая чародейка станет таким богатством разбрасываться? В наших кругах редко что за просто так делают.

— Ты же к дому речному вещи принесла и людей ваших заставила прибираться.

— Да это, — она махнула рукой, — от меня никаких жертв не требует. Вещи в тюках мне, во-первых, не нужны, у меня тут всего полно, а во-вторых, я нарочно решила жилище это ветхое облагородить, чтобы Зория позлить. Он тебя чуть ли не в ссылку отправить хотел, мы же дом так обустроим, чтобы лорд локти себе кусал. А по поводу уборки, так то челядины справятся.

— Кто?

— Прислужники, кто. Нет, ну ты и правда не от мира сего. Сложно поверить, но неужели действительно в Северных землях жила. И давно?

— С детства.

— С ума сойти! Вот потому тебя ледяной лорд и не мог поймать и к нам переправить. А как ты ему попалась? И какой он вообще, опиши.

Девчонка явно приказывать привыкла, она и не ждала, что я не отвечу. Думала, так и начну сейчас по одному ее желанию соловьем разливаться и все жите-бытие по ту сторону Зимнелетки описывать. О семье рассказать-то несложно, а вот про наставника бывшего... болело внутри, сильно болело. Не то что вслух говорить, даже думать тяжело было. Вот я и промолчала, чем ужасно удивила Ярмилу.

Она, пожалуй, среди чародеев здешних за особенную числилась, вон другие девчонки ей в рот заглядывали, точно принцессе сказочной. А я, как всегда, сама по себе. Даров не нужно, милости тоже не жду. Понимаю, что за просто так ничего не делается. По отношению ко мне в семье таким образом давно повелось, только в крепости отвыкла думать, чем же за услугу отплатить придется. Одна Белонег, которая заботилась обо мне, словно мать о дитя, чего стоила. Еще и князья добавили, особенно Севрен. Даже мальчишки и те за мои сказки вечно таскали гостинцы отовсюду, что где урвать могли, и под дверь комнаты подбрасывали. Избаловали меня в крепости, ох, избаловали, а теперь вот снова к нормальным людям попала. Ярмила же среди них, может, и не самой плохой была, говорила, по крайней мере, как есть, не выдумывала, не притворялась, про таких сказывают: что в голове, то и на языке.

— Хорошо! Можешь не рассказывать. Видимо, не так ты проста, как с первого взгляда показалось, а Зорий в чем-то прав. Это ему разбираться, а не мне. Ты лучше ответь, что с платьем решила? Раз деньгами не берешь, хотя не понимаю, как без денег жить собралась, то, может, поменяешься? У меня нарядов много, а у тебя нет здесь ничего. Я взамен одного двадцать платьев отдам практически новых и к ним всего остального.

— Ведь сказала уже, бери. Ни к чему торговаться.

Ярмила снова покачала головой и впервые за все время попросила: «Примерить позволишь?»

Я поднялась из кресла и принялась развязывать пояс. Честно, не помнила даже, как его завязала.

— Думала, показалось, — прошептала вдруг Ярка, пристально следя за моими руками, — у тебя же пояс из белого золота целиком! Вон колечки маленькие сцеплены друг с другом... Весса, да на тебе целое богатство надето, и откуда только взялось, если ты такая безродная?

Я посмотрела на полосы из мелких звеньев, сплетенные между собой и сверкающие в моих пальцах так ярко, что и сомнений не оставалось, драгоценный этот пояс. Такой, если продать, точно безбедно проживешь несколько лет.

Мысль мелькнула в голове и испарилась. Помнила, как Он мой простой кожаный пояс в сторону отшвырнул, а этот, стало быть, взамен... Расплатился с чародейкой.

Я расправилась с застежкой и стянула платье через голову, бросив его на подлокотник.

— Знаешь, — задумчиво протянула Ярмила, — про пояс мы девчонкам не скажем, иначе обзавидуются. Они из-за платья и туфель позеленеть готовы были, а оттого, что тебя ледяной лорд лично к Зорию приволок, еще и слюной изошлись. Не будем подливать масла в огонь, а то житья не дадут.

Если все остальное поняла, то про лорда удивило.

— Он не каждый день чародеек через границу таскает? — улыбнулась, но вышло криво.

— Совсем дел с ними не имеет. А в этот раз, видимо, слишком сильно хотел Рию насолить, раз сам явился. Тебя потом девчонки еще вопросами засыплют, поверь на слово. Какой он, как он тебе и все в том же духе. Не думаю, что ты в курсе, но у нас здесь на лорда и его князей принято ставки делать.

Я совсем не уразумела, о каких ставках речь, и, догадавшись об этом по моему лицу, Ярка принялась пояснять, попутно натягивая платье.

— Праздник такой есть, Единения, если ты слышала. Маги и чародеи после войны заключили в этот день мир, вот с тех пор и празднуем. Собираемся возле озера, из которого берет свой исток Зимнелетка, и в этот вечер не разрешено ссориться друг с другом, хотя без драк редко обходится. Что ледяные, что огненные, как вольют в себя достаточно настойки, так и тянет их былое вспомнить. А наши девчонки каждый раз пари заключают на снежных воинов, кого из них соблазнить удастся. Чем выше статус, тем больше приз. Заранее все скидываются, и если затея удастся, потом можно спокойно выигрыш забрать. Больше всего денег на князей ставят. А вот на лорда за столько времени чуть ли не целая казна скопилась. Если с остальными нет-нет да и заберешь выигрыш, то тут бесполезно. Терпеть он огненных не может, вот девчонкам и интересно будет узнать, как он тебя выловил. А мне, кстати, расскажешь?

Как я могла рассказать, если дар речи пропал? Они на спор с магами спят? Соблазняют нарочно? Тут вдруг вспомнился Сизар, и подумалось, что неизвестно еще, кто кого соблазняет под действием настойки. Может, потому и спорят, чтобы потом, если вдруг наутро не в своей постели проснулась, хоть чем-то себя успокоить? И все равно в голове не укладывалось, хоть и не вчера родилась, и девок из корысти постель с мужчинами деливших даже в своей деревне видела.

Поправила рассеянно рукав сползшей сорочки и только сейчас заметила, что Ярка молчит и смотрит на меня, куда-то в район груди. Смотрит, молчит, а еще бледная вся, точно снежное полотно. Потом пошла полосами красными, и они точь-в-точь как рябь на воде по лицу пробегали. Я даже засмотрелась, впервые волнение человеческое в подобном виде наблюдала.

— Это волк там у тебя, да? — просипела чародейка, вытянув вперед руку.

Я глянула вниз, на свою грудь, но там сорочкой все закрыто, я только ведь рукав поправляла. Приспустила опять ткань и увидела линии серебристые, изогнутые такие, где длинная проходит, где короткая. Мерцают они тихонько и складываются в волчью морду. Не настоящий рисунок, а простой совсем, но с иным изображением не спутать. Точно волчара. И откуда он здесь взялся?

— Похоже на то, — ответила, продолжая изучать линии, а потому грохот неожиданно для меня прозвучал. Ярмила мимо кресла промахнулась и очутилась на полу.

— Что не так? — спросила, глядя на потирающую уши бледные места чародейку. Может, они в Южных землях волков никогда не видели, или же иная загадка в рисунке кроется. Ведь до прошлой ночи на груди никаких линий не серебрилось.

— А знаешь, Весса, — с кряхтением поднимаясь на ноги, заговорила Ярка. Удар ее немного в чувства привел, даже полосы красные на лице бледнее стали, — как девчонки, выигравшие пари, доказывают, с кем ночь провели?

— Откуда мне знать, если самой не приходилось доказывать?

— А вот так! — выкрикнула она и указала пальцем мне на грудь. — Рисунок проявляется, изображение чужой силы. На сутки всего, потом исчезает, если раньше сама не сотрешь. Вот так и выигрывают спор. А у тебя там...

Она задохнулась то ли от возмущения, то ли от потрясения и снова засипела:

— У тебя там волк снежный. А это символ ледяного лорда.

— Что же, вы всех по облику их силы по ту сторону Зимнелетки знаете?

— Не всех, — со второго раза она в кресло села, — мелких магов знать ни к чему, а князей и лорда пришлось хорошо изучить. Снежных волков и в природе-то редко встретишь, а в проявлении силы только один такой есть. Как тут спутать? — И посмотрела на меня обиженно, словно я права не имела подобное скрывать. — Значит, он тебя не просто поймал, но еще и наказал?

Я молча положила ладонь, накрыв рисунок, пытаюсь ощутить эти снежные линии, прочувствовать их, заглушить ровное мерцание, а рука вдруг потеплела, и грудь зажгло огнем. Только ахнула, отдернула пальцы, но узор уже исчез.

— Ты что сделала? — закричала Ярка. — Ты как теперь выигрыш забирать будешь? Как доказать, что лорд тебя... ты с лордом... что вы того? Никто же не поверит! Я ж сама себе теперь не верю!

— Никак. — Я опустила руку и отвернулась. Приметила на кресле оставленную для меня форму и принялась натягивать ее вместо платья.

— Что значит никак? Да ты просто не представляешь, сколько там денег скопилось! Их если к деньгам за твои вещи прибавить, так сказочной королевой жить сможешь, даже на Зория плевать.

— Не нужно мне этих денег.

— Как не нужно? За платье не нужно, за пояс тоже, а теперь еще и от выигрыша отказываешься? Да нельзя так!

Она решительно топнула ногой.

— Ты плату за платье отдать и за пояс хочешь? Ну вот тем расплатись, что говорить о метке лорда никому не станешь.

Растерянная Ярмила открыла рот и еще глядела на меня какое-то время. Потом голову опустила, огладила руками мерцающую ткань. И когда ее ладони прошли по сверкающей материи, мне что-то не то примерещилось. Вот идет ее рука по снежному полотну, а у меня перед глазами собственные пальцы, которые скользят легко по коже золотистой, по бугристым мышцам, по полоскам шрамов. И настолько ясно увидела, что в глазах потемнело.

Покачнулась, а Ярмила, как назло, в этот миг мне ответить собралась. Оторвалась от любования снежным нарядом и приметила мою слабость. Спросила тут же: «Что с тобой?»

— От голода, — сипела я не хуже чародейки, когда та увидела изображение волка. И нашлась же, что придумать, пускай в этот миг о еде вовсе не думала.

— Ну, поесть в кантине можно.

— Где?

— Место такое, куда все чародеи, у кого личного повара нет, ходят. Не слышала? Только там тоже оплачивать нужно, а у тебя денег нет.

И уперла руки в бока, глянула на меня с вызовом. Ну что, голод не тетка, теперь, может, иначе запоешь?

Ясное дело, при таком хозяине да в таком месте общих столов не держали. Собственные хозяйства тоже раздельно вели. Слуги у них здесь были и повара личные, а может, еще кто.

— Остальные откуда берут? Не все же снежными диковинками торгуют? — Слава богам, рассеялось мое видение. Ушло наконец и оставило, позволило свободно задыхаться.

— Им за службу платят, а тебя еще не определили никуда. Ну что стоит рассказать? Яр с ней, с меткой. Я подтверждаю — она была. Ну жалко ведь выигрыш! Или так плохо наказал, что и говорить не о чем?

Прямолинейностью своей бесхитростной влезала чародейка в самую душу, доставала со дна то, что еще не улеглось. И пусть без задней мысли она сокровенное выпытывала, но у меня сработало, как всегда: чем больнее кололи, тем сильнее собственные иглы в ответ щерились.

— Лучше некуда наказал, — заявила, — боюсь, ваши чародейки, когда узнают, вместо обычной слюны ядовитой захлебнутся. Как бы мне того яда не перепало.

— Ах, вот о чем думаешь, — протянула Ярмила, — тут ты права. А знаешь, лучше действительно обживись здесь сперва, и после подумаем, как те монеты забрать. И пока денег тебе не дали, возьми часть у меня, после вернешь.

Она быстро промчалась по комнате, задвигала деревянными ящичками комода, а затем извлекла наружу холщовый мешочек и, развернувшись, бросила: «Лови».

Я словила раньше, чем подумала вновь отказаться. Рука метнулась вперед, словно собралась блокировать удар, и перехватила брошенную вещь в полете. Поморщившись досадливо на реакцию тела, сунула мешочек в карман, решив затем посчитать и, когда смогу, вернуть Ярке все до монетки.

На этом наш разговор и прервали. Вежливый-вежливый стук прозвучал, и, когда Ярмила крикнула: «Заходи», — в дверь просунулась голова знакомого чародея.

— Прошу прощения, — обратился он к подбоченившейся Ярке, — лорд Асгин требует чародейку к себе.

— Вовремя, — возмутилась девушка, — как всегда! А мы тут, может, о своем, о девичьем беседуем. Эх, ладно, Весса, кузен упрям жутко и ждать не любит, придется тебе сейчас идти.

Я лишь плечами пожала — сейчас так сейчас.

Пока шли по бесконечным тропинкам яркого южного сада с сочной зеленью и разноцветными мазками пестрых цветов, юноша выговаривал за то, что ушла из отведенного мне дома, когда лорд велел его не покидать.

— Он очень недоволен. Сам явился туда, а тебя нет. Вот пришлось мне искать повсюду, хорошо, что сказали те, кто в доме прибирался, как с Ярмилой ушла. Лорд там, кстати, всех слуг разогнал, не велел более продолжать.

Я махнула рукой. Удивительнее было бы, не отыграйся вконец раздосадованный Зорий на планах сестры. Сейчас, поди, и мне прилетит от высшего гнева. Вот только страха не ощущалось. Совсем. Да хоть бы и выгнал с концами, не все ли равно? Через самое страшное уж прошла, а остальное комариными укусами казалось.

Чародей привел к хоромам, еще роскошнее и величественнее прежде виденных, завел в большую просторную комнату со множеством дверей и мраморной лестницей, занимавшей половину всего пространства, и что-то шепнул ожидавшему нас здесь человеку. Тот склонил голову и быстро ушел, чтобы уже через несколько минут вернуться и сказать: «Пускай ждет. А ты пока можешь идти».

Сколько то ожидание продлилось? За окном уж стемнело. А мне голодно стало настолько, что в глазах закружилось. Целый день ни крошки во рту, да еще и слабость после бессонной ночи накатила. Так и уснула в том кресле, в котором мне ждать велели.

— Что это такое? Не смей! — Меня грубо трясли за плечо, и спросонья, не разобравшись, я

отмахнулась, случайно попав по кому-то. Звук вышел хлестким, точно пощечина. Он сработал лучше побудки со звонким рогом — я мигом пробудилась. Глянула, а надо мной Зорий стоит, руку к щеке прижимает. Глаза покраснели и сузились от досады или ярости, а за его спиной мужчина замер, который прежде велел лорда в кресле ждать, и у того очи округлились, точно от удивления сильного.

Кажется, я правителью Южных земель оплеуху отвесила на глазах у слуги, а слуга, наверное, добудиться меня не смог. Однако вины за собой не ведала. Совсем никакой. С повеления Зория меня весь день в его приемной продержали, ни воды, ни куска хлеба не предложили. Уснула ведь не только от усталости, слабость тоже давала о себе знать. Вот одного из них отдать бы на растерзание ледяного лорда, который ни в снежном учении, ни в иной науке устали не знал, поглядела бы на них поутру.

— Живо в мой кабинет, — рявкнул Зорий и развернулся так стремительно, что каблуки натертых до блеска туфель щелкнули. Быстрым шагом он умчался в глубину дома, скрывшись за одной из дверей.

Пока я протерла глаза и выкарабкалась из кресла, потянулась, разминая затекшие мышцы, отведенное мне «живо» точно прошло. Слуга так и стоял рядом молча и с круглыми глазами, он столь непочтительных чародеек не каждый день здесь встречал.

Побрела к нужному входу, отворила и обнаружила длинный коридор с двумя рядами дверей по сторонам.

— В какую заходить? — обернулась.

— По левую руку, в самом конце, — пришел в себя он.

Отыскала кабинет быстро и вошла я в него живее, чем ранее двигалась. Зашла и снова наткнулась на взбешенный взгляд.

— Стучать не учили?

— Велел поторопиться, значит, меня ожидаешь.

Огненный маг побледнел, а на коже даже приглушенные пламенные узоры проявились.

— Это еще что за «велел» и «ожидаешь», я вас спрашиваю?

Не проснулась я, точно не проснулась еще. Они же все тут по-сложному друг к дружке обращались. Это в крепости ледяной можно было каждого по имени назвать или тепло, по-дружески на «ты», а здесь порядки иными оказались.

— Велели, ожидаете, — исправилась, стараясь приглушить окаянный зевот, так и норовивший смазать речь и раскрыть рот до ушей.

— Именно! — узор с бледной кожи исчез, и лысина блестела уже не так ярко. — И стучите, когда собираетесь войти, даже если входите за мной следом.

Если за ним следом, то как тогда стучать? По спине?

Зорий решил не вдаваться в пояснения, а окинул меня взглядом и кивнул:

— Форму надели, хорошо. А теперь о ваших обязанностях. Работать начнете на границе, первое время будете заступать на смену у Зимнелетки. Пока каждую ночь, а дальше посмотрим. Время делите с напарником. Теперь можете идти.

И отвернулся к огромному столу, который вкупе с камином, не меньше моего роста, занимал треть комнаты. Я полюбовалась вполне себе широкой спиной ровно минуту, до конца уяснила, что ради вот этих нескольких слов меня и заставили весь день в приемной сидеть. Обиделся лорд, не застав пришедшую чародейку в отведенном жилище. Повернулась и уже хотела выйти, как в затылок прилетело: «Стоять! Не слышу ответа по всей форме!»

Притормозила, задумалась о форме, после глянула на Зория из-за плеча, а у того лысина снова сияет. Довожу я его? Как есть довожу. Прямо с первой встречи и до белого каления.

— Буду заступать каждую ночь на смену на границе у Зимнелетки, — повторила его слова.

— Во-первых, развернитесь, во-вторых, склоните голову, а в-третьих, скажите: «Будет

исполнено, лорд».

Развернувшись, мотнула головой вверх-вниз, а до фразы не дошло. Голова закружилась, а попытка форме соответствовать бесславно завершилась разбитой статуэткой с красивого комода. Она была фарфоровой и покрыта позолотой, а еще казалась очень изящной, пока я не схватилась за комод, случайно зацепив ее рукой.

— Вы это нарочно? — зашипел презлющий Зорий, бледнея и покрываясь красными полосками. Ну точь-в-точь его кузина, когда про лорда узнала.

— Только если устать и оголодать нарочно можно, тогда да, — ответила, разглядывая тонкие осколки под ногами. У мачехи была одна статуэтка из фарфора, и она ее пуще глаза берегла.

Южный лорд не нашелся с ответом в первый миг, а после с яростью махнул на меня рукой, и, готова поклясться, с кончиков его пальцев посыпались искры.

— Идите! Свободны!

— А форма? — приспичило уточнить.

— Прочь, я сказал! И чтобы в ближайший час мне на глаза не показывалась!

Маг позабыл выкинуть в конце, но, может, он со мной вскоре и вовсе это обращение забудет, кто его знает?

На улице прохладно стало, а воздух такой, что пить можно. Вот только морозом не пах.

— Ну как? Идем? — раздалось из темноты.

Я сразу спросила:

— Куда? — Хотя сама даже испугаться не успела, что за голос такой, а тела не вижу.

— Провожу до дома. Сад большой, еще заблудишься. Напарники ведь теперь.

Из темноты показался тот самый чародей, что весь день со мной возился.

Напарники, значит?

— Ну, веди.

Парня этого звали Авив. А представился он как-то смущенно. Назвал имя, хмыкнул и пробормотал: «Тезками будем».

Глянула на него искоса, а он пояснил: «Мое имя толкуется, как весна. Глядишь, и поможет это нам вместе работать. Сговоримся?»

— Что не сговориться, — пожала плечами, — ты если расшаркиваться с собой не велишь, так я только рада столкнуться буду.

— Да ну, — махнул он рукой, — я здесь на самом неприметном положении, на посылках вечно. Не свезло родовитым уродиться, уступаю местным кнезам по знатности имени, а вот по силе почти равны. Оттого Зорий и терпит.

И хорошо. Мне же для полного счастья только знатного в напарники не хватало. А южный лорд, может, не так и плох, коли умеет дар в расчет взять, не только по верхам судит.

Так незаметно дошли и до той границы сада, где у мелкой речушки притаился мой домик на сваях.

— До завтра, — попрощался Авив, настоявший, чтобы я его Вивом звала, — к вечеру перенесут нас с тобой к границе, там и службу начнем.

Я кивнула и с тяжелым сердцем взобралась по высоким ступеням деревянной лестницы. Присела на верхней, прижалась лбом к ладоням, переживая вновь накативший приступ горького отчаяния, пытаюсь изо всех сил изгнать из головы снежный образ, не дававший ни минутки покоя изведать. Проросла окаянная заноза так незаметно, так глубоко, что все сердце сейчас обледело от горя. И ведь не дарованная, не заколдованная, а из тех, которые откуда ни возьмись берутся. Вдохнула глубоко несколько раз, заставила себя подняться и толкнула дверь. Переступила порог и остановилась.

Зорий ведь предупредил, что разогнал всех помощников, а в доме тем временем красовались на полу два разноцветных тканых ковра, на окне колыхались легкие красные занавески, кресла стояли по кругу, а на них расшитые подушки целой грудой набросаны. Кровать с ярким малиновым балдахином и сеточкой тонкой закрыта до самого низа, а там еще комоды и шкаф обнаружались, все из лакированного дерева и с красивыми узорами, вручную расписанными. Не жилище, а покои дворца огненного.

Прошла тихонько внутрь и тогда лишь на кровати заметила чародейку. Спала поперек нового ложа Ярмила. Раскинула в стороны руки и сладко посапывала, точно она собственными руками здесь порядок навела.

— Ярка, — позвала ее громко.

— Что? — мигом подскочила чародейка. — Ах, это ты.

Потянулась, зевнула и сползла на пол, откинув сеточку.

— А я ждала, ждала, хотела ужин с тобой разделить, — кивнула на круглый столик по ту сторону кровати у окна — там много всего стояло, закрытого полукруглыми крышками, — а ты не шла и не шла.

— Мне Зорий сказал, что прогнал всех.

— Так он и прогнал, — пожала плечами Ярмила, — а они ушли. Сперва ушли, а после, по моему указанию, снова вернулись. Вон тебе даже лестницу починили, а то я едва не свалилась с нее. Там ступеньки прогнили. Как, кстати, Рий? Кричал? Ногами гопал? Да ты иди к столу, небось голодная как волк.

Прикрыла я на миг глаза, ощутив, что очень устала, а весь этот день оказался невыносимо тяжелым. Не было сил пререкаться или протестовать, делала, что говорили, отвечала, когда велели, точно кукла заведенная. Ведь не все ли равно теперь, как дальше жить? Вот и прошла, и села за тот стол, а Ярка сама принялась бегать кругом, крышки поднимать, расхваливая мне их чародейские кушанья.

— Ну и как он решил? — затормошила меня за плечо. Признаться, в какой-то момент ее болтовни я вовсе перестала понимать, что кругом происходит.

— На границу отправляет службу нести. С завтрашнего дня.

— Ссылает, значит? Следовало ожидать. Работа для неродовитых. На границу никто из здешних не стремится, впрочем, позже и сама поймешь почему. Но ничего, Весса, мы еще придумаем, как тебя обратно вернуть. Уж что-то, а лишиться такой замечательной подруги, которая в первую же встречу Зорию нос утерла, я не готова.

Глава 17

О НОЧНЫХ ДЕЖУРСТВАХ

Темная жаркая бархатная ночь укрыла город, когда Зорий шагнул через переход сюда, на самую окраину одного из богатых кварталов. Всего в десятке шагов наискосок стоял огромный особняк, окруженный роскошным садом, чье благоухание разливалось в воздухе ароматами сотни редких цветов. А вот напротив непонятно каким образом затесался совсем невзрачный дом. Его невозможно было отнести к ухоженному кварталу, в котором тщательно следили, чтобы и лишней соринки не осталось на тротуаре. Прежде белые стены когда-то впечатляющего особняка давно облупились, но никто и не думал вновь белить их, яркая мозаика с красивых разноцветных картинок над окнами и дверными проемами сохранилась лишь частично, а причудливые орнаменты на стенах давно выцвели.

«Взять бы и отрезать этот насквозь прогнивший дом от остальной улицы, — привычно подумал огненный маг, — уж слишком портит общую картину». Однако именно к дверям этого особняка лежал его путь. И в них он громко постучал кулаком, когда не нашел на положенном месте бронзового молоточка.

Долго пришлось ждать ответа, настолько долго, что в любом другом случае маг попросту шагнул бы внутрь, игнорируя возмущение хозяев. Он мог позволить себе поведение, которое считал подходящим к конкретному случаю, однако в это убогое жилище ему хода не было.

Кажется, там, в гулкой внутренней пустоте, слышались шаркающие шаги. Загромыхал засов, зазвенела тонкая цепочка, и двери распахнулись. Не отворились до узкой щели, а открылись на всю ширину, а занявший почти весь дверной проем седовласый мужчина в просаленной рубашке, позевывая и почесывая видневшуюся в вороте волосатую грудь, окинул повелителя Южных земель скептическим взглядом.

— Так и думал, что если кого и может принести на ночь глядя, так это самую надоедливую огненную задницу в землях. Чего надо, Зорий?

Маг проигнорировал недовольный прищур и неподобающие слова. Чего еще ждать от такого, как этот. Недаром и ученица переняла подобную манеру и вела себя столь же вызывающе. Но ему нет дела до некоторых отбросов общества, пока они не вмешиваются в его дела.

Он молча вскинул брови и смотрел на собеседника до тех пор, пока тот не сплюнул смачно на пол, едва не выпачкав огненному магу лакированный ботинок. Зорий с трудом удержался, чтобы не отдернуть ногу, но ведь на то и был расчет, зато после нахального жеста мужчина посторонился и впустил пришельца внутрь.

Уже в насквозь пропахшем винными парами кабинете, похожем на единственное обитаемое помещение во всем этом склепе, Зорий презрительно скинул с потертого бархатного кресла весь хлам и уверенно расположился, только внутренне содрогнувшись от скрипа коротких ножек.

— Какими судьбами? — Облокотился о массивный грязный стол хозяин кошмарной берлоги. — Чего на этот раз принесло? Силушка шалит, переходики сбоятся?

— Шпионку твою мне ледяной лорд намедни вручил. Плохо подготовился, Акила. Зараза снежная девочку отыскал.

— Чего? — уточнил седовласый собеседник, попутно откупоривая початую бутылку вина. Он вытащил пробку прямо зубами, а после приложился сразу к горлышку, игнорируя пустой, но явно давно немытый стакан на столе. — Будешь? — вздумал он проявить гостеприимство и протянул бутылку Зорию.

Тот скривился, но промолчал, отрицательно махнув рукой.

— Так что скажешь, Акила?

— Что скажу про шпионку, которую тебе ледяной лорд подсунул? Я откуда знаю, кого он в шпионках держит?

— Не притворяйся! Не он, а ты! Девчонка чистая чародейка и обучена была так, как в наших школах не учат. Наставник у нее имелся из лучших, по технике сразу заметно. А еще больно знакома мне та техника. Подобной точности в движениях, когда ни одного лишнего мазка, а все выверено до совпадения каждого броска с ритмом дыхания, доводилось видеть лишь у

единиц. Вот только в живых из них осталось слишком мало. Потому и хочу спросить, ты надумал вернуться? Неужто пьяная жизнь опостылела? Только, кажется, позабыл про уговор, про данное слово. Раз я беру на себя бразды правления, ты никогда более не вмешиваешься в ход событий.

— Так-с, интересно. То есть начини я говорить, что это не я, все равно не поверишь? Ты там для себя уже все решил и видишь заговор с целью свержения одного зазнайки?

— Я хочу знать, для чего ты выучил ее и отправил к снежным? Еще мне нужна та информация, которую поставляла для тебя девчонка. Ты ведь нарочно выбрал одну из безродных? У нее вряд ли и семья где-то есть, верно? Сирота для этого дела лучше подойдет. Еще и легенду для нее придумал жизни в Северных землях. Так чего ты хочешь?

— А не катиться ли тебе, мой немилый друг, туда, откуда пришел. Коли я тут заговор затеваю, с какой дурости начну вдруг планы раскрывать?

— Сознался! — воскликнул Зорий.

— А то ж! Прямо на горячем меня подловил.

— Напрасно ты думал, будто я не узнаю. Одного не пойму, ты правда надеялся, что за информацию, которую девчонка достанет, Яр все эти годы бездействия и пьянства простит? Вновь хотел в доверие втереться? А как же слово твое?

— Слово? А что слово? Оно когда было? За дальностью лет уж не помню, что в горячке порол.

— Нечего с тобой, пропойцей, обсуждать! — решительно поднялся на ноги Зорий.

— И я о том же. Только это, чародейку верни. Я ж ее, понимаешь, взрастил, а ты теперь на все готовенькое? Куда хапаешь?

— И как еще умудрился подчистую мастерство в бутылке не утопить? Чародейка у меня на службе, можешь про нее забыть! — отрезал огненный маг, решительно и быстро направляясь к двери. Акила вполне мог начать орать и требовать ученицу назад, а у Зория были на нее иные планы, только сперва норов следовало усмирить.

Огненный маг напряженно размышлял, что же такое задумал ледяной лорд, раз информация столь важна, и как обо всем проведаль этот пьяница, если даже ему, правителю Южных земель, ни о чем не докладывали. Еще интересовал вопрос, удалось ли девчонке что-то вызнать.

«Надо бы понаблюдать за обоими, — решил он, — а пока держать на расстоянии друг от друга».

— Что-то наш главный сдавать начал, — глядя вслед уходящему гостю, покачал головой Акила, — полный непорядок в мозгах образовался.

Ледяные стены тоненько звенели, будто тихонько переговаривались друг с другом, радуясь редкому гостю. Во дворце Стужи их совсем немного бывало, этих самых гостей, люди порога живыми преступить не могли, а уж о том, чтобы по сверкающим палатам бродить, восторгаясь их красотой, и речи не шло. А палатам волшебным было скучно, и они всегда начинали переливаться ярче и красивее, когда их окидывал равнодушным взглядом самый частый гость.

Ледяной лорд шел по прозрачным, горящим синим огнем плитам, размышляя над тем, как не любит богиня, чтобы он открывал переход сразу в тронный зал. Сперва обязательно перенесись к порогу, а после пройдишь, полюбуешься великолепием, повосторгайся. И каждый раз ведь меняла что-то, украшала и радовалась, точно дитя малое, если он замечал. А теперь и вовсе стала советы давать, как ему лучше собственный дворец выстроить, приводя свой в пример.

Он шагнул в высокие двери и в кои-то веки узрел богиню на троне. Правда, сидела она вполоборота, закинув одну руку за высокую спинку и скрестив стройные ножки, открытые длинным разрезом.

— Брени! — обрадовалась Стужа. — Наконец-то зашел! Как там строительство?

— Идет, богиня.

— А я придумала еще слуг тебе отрядить для помощи. У меня есть один толковый, он такие узоры внутри нарисует, красивее не найдешь.

Маг равнодушно пожал плечами. Дался ему тот дворец. Стужа скоро полностью на себя дело перетянет, точно он ради нее постройку затеял. Хотя именно так ведь богиня и считала.

— Я тебя вот по какому делу позвала. Не дает мне покоя случай с чародейкой в нашей стороне. Мне бы хотелось узнать, откуда она и как здесь оказалась. Напрасно ты ее столь быстро Зорию вернул.

— Следующую чародейку я лично к тебе принесу, богиня.

— Да не нужна мне следующая! Эту верни!

Войд неторопливо положил ладонь на пряжку подаренного Стужей пояса и пристально взглянул на богиню.

— И даже не спорь, что это непросто! — проговорила Стужа, собираясь пресечь на корню все его протесты об угрозе со стороны огненных, хотя лорд молчал.

— Что? Не споришь? Тогда ладно. И постарайся побыстрее ее сюда привести. Уж найди способ.

Войд склонил голову.

— Ты приказываешь, богиня, я исполняю.

Почему огненные маги не любят служить на границе, я осознала довольно быстро благодаря разъяснениям нового напарника. Кому же понравится, когда противник по ту сторону не сидит спокойно, а всякий раз упражняется в умении напакостить и мелкие подлянки устроить.

— Вот увидишь, они опять придумают, как защиту всколыхнуть. Придется нам с тобой на всем выделенном участке туда-сюда скакать, на звуки охраны реагируя. Вечно от них покоя нет, а ночные смены самые худшие. Днем-то всякую пакость легче отследить.

— Ледяные, стало быть, всегда хулиганят, а как же огненные? На подначки не отвечают?

— Еще чего! Им можно, а нам нет?

Вот после этих слов я сообразила, что обе стороны хороши, а зависит, кто больше пакостит, не от берега вовсе, а от изобретательности тех, кто вахту несет. Любят друг дружку маги и чародеи, ничего не скажешь, не могут спокойно мимо пройти, хоть и разделены широкой водной лентой.

— Ох, не люблю я этих разборок. Лучше бы Зорий нас в резиденции оставил.

— Не надоело еще зазнайкам прислуживать? — уточнила у напарника. — На побегушках лучше быть, чем со снежными сцепляться?

— А вот сама скоро выводы сделаешь и решишь, что лучше, — заявил Вив, явно обидевшись.

Отошел от меня, одернул голубой китель и уселся прямо на травку, устроив оружие под боком.

Может, и напрасно я язык не удержала? Откуда мне знать, как тут служится, если даже Ярка отметила, что огненные, из Зоревых отборных чародеев, сюда не стремятся.

Прошла туда же, присела рядом и посмотрела на темные воды, неспешно текущие вдоль бережка, на котором мы устроились, и на поблескивавший в лунном свете лед. У снежных магов на берегу снег потаял, виднелась черная земля, а вот вид речки не поменялся. Вскоре уж на нашей стороне пожелтеют листья, а у них всю распустились, однако Зимнелетка наряда не сменит. Зачарованная речка не колосась на холодные льдины по весне и не застывала неровной прочной коркой во время чародейской зимы. Хотя зима здесь была такова, что, по слухам, больше дождей шло, чем снега.

Вот так и сидели мы с Вивом, молчали, пока уставшие глаза не перестали различать деталей на той стороне, а те не слились в общее темное пятно. Я бы даже не заметила, как моя собственная голова склонилась на грудь, не прозвучи в этой ночной тишине резкий звук

потревоженной сигналки. Напарник мой вскинулся, подхватился на ноги и выставил вперед длинное древко с острым наконечником, по ребру которого мигом пробежал огонь. А после оружие слегка качнулось в его руках, переместив треугольное навершие из верхнего направления в нижнее. Что говорить о Виве, если от удивления даже я застыла рядом, а ведь была много закаленнее, чем не привыкший к снежным волкам чародей.

Вскидывая над темным речным льдом мощные лапы, Зимнелетку неспешно пересекал снежный вожак. Легко касаясь припорошенной снегом поверхности, он направлялся вперед с явной целью пересечь границу. Не остановило Эрхана даже то, что твердь под ним закончилась, сменившись текучими водами. И чуть позже я поняла, почему не остановило. Там, где лапа касалась воды, та застывала прочной коркой, позволяя зверю легонько трусить дальше, после чего быстро таяла.

— Снежный волчара, — прошептал испуганный Вив, — плохо дело! Говорил же я, сотворят леденюки пакость. Но даже представить не мог, что волка натравят. Ну что замерла, Веска, оружие хватай, можно по шкуре огнем палить. Силы больше в древко влей, ведь специально для чародеев сработано.

И отдав мне этот приказ, быстро упал на одно колено, крепко ухватив свое копье, уперев тупым концом в землю и собираясь бить огнем волка. А довольно скалящийся Эрхан все бежал и бежал вперед, явно направляясь ко мне. В сторону Вива он даже морды не повернул.

Мне понадобилась всего минута, чтобы мысленно представить, как белую шкуру прожигает чародейское пламя, а волк скулит от боли. И я метнулась к напарнику и ухватила за древко, толкнув со всей силы в сторону, чтобы огненная змея прочертила в воздухе изогнутую линию, промчавшуюся в опасной близости от мерцающего белого бока.

— Р-ряв, — заявил Эрхан и прервал свой неспешный бег, как-то мигом сгруппировавшись и рванувшись вперед в таком прыжке, что мы с Вивом лишь крикнуть друг другу успели: «Что творишь?» и «Не убивай его!»

А вожак уже достиг берега. И пока напарник отталкивал меня в сторону и пытался вновь ухватить оружие, волчара допрыгнул до нас, сделав то, отчего мы с чародеем, скрестив на древке наши руки, позабыли рвануть копье каждый в свою сторону. Волк выронил из пасти щетку и уселся на травку, довольно скаля внушительные клыки.

— Это что? — шепотом спросил Вив, опасаясь теперь привлечь внимание так близко и неподвижно сидящего вожака.

— Щетка, — выдохнула я.

— З-зачем?

— Расчесать.

— Не понял? — Бледный чародей, чье пламя от растерянности и потрясения плясало не только на его ладонях, но растекалось по рукам и капало на траву, с величайшей осторожностью взглянул на расческу. Эрхан на близость чужой магии не реагировал вовсе. Он опустил свою огромную голову и носом подтолкнул ко мне щетку.

Противно завывавшая охранка звенела в ушах, и от громких звуков начинало ломить в висках. Перепуганный и пораженный напарник никак не мог усмирить пламя, а довольный жизнью снежный волк терпеливо ждал, пока я его причешу. Мне вдруг почудилось, что это все сон, нереальный и самую малость нездоровый.

За щеткой потянулась, в этом состоянии находясь. Взялась за ручку и провела, как делала раньше, по звенящему льдистыми иглами боку. После происшествия в снежном лесу не помышляла когда-то вновь прикоснуться к этим иглам, но надуманность происходящего дала ощущение безопасности и внутреннего облегчения. Ведь если это сон, тогда я могу проснуться, а рядом будут Белонег и мальчишки, Севрен с Сизаром и даже тот снежный истукан, что сердце льдом обратил, а после разбил на мелкие кусочки. Ведь не зря чудилось все это время, будто в кошмар попала.

— С ума сойти, — выдохнул, разбивая грезы о нереальности, жестокий напарник. Снежная шерсть заструилась волнами под моей рукой, а чародей, упустивший от потрясения копье, изумился совсем уж громко: — И правда причесаться пришел? Никак шутка снежных! Додумались же, сволочи, подучили, натравили.

Я даже руку остановила, силясь понять, сон или явь, а Вив уже зашептал:

— Скорее чеши, Веска, может, уйдет. А то эта охранка никак не умолкнет. И если быстро не разберемся, то нам может влететь.

Устроившись на том берегу, сквозь невидимую преграду Бренн наблюдал, как чародейка отталкивает в сторону мальчишку, попытавшегося ударить огнем Эрхана. Лорд опустил уже поднятую ладонь и принялся смотреть дальше, усмехнувшись, когда волк уронил рядом с рукой Вессы знакомую щетку.

Расчет оказался верным. Зная Зория, войд полагал, что тот непременно оставит огненную диковинку у себя, а вот зная Весну, — обязательно сошлет с глаз долой, чтобы не доводила. Скорее всего, на границу, хотя мог бы и к Огненным горам.

Однако же Зорий обычно выделял тех особенных чародеев, кого принимал к себе на службу, и в заведомо опасные места мог отправить лишь в крайнем случае. Оттого и почетно было носить форму светло-голубого оттенка, оттого и завидовали чародейской элите остальные огненные. Каждый мечтал хоть раз в жизни добраться до главной резиденции и продемонстрировать владыке Южных земель, на что способен. Мало кто, имея дар, желал прозябать среди рядовых магов, а то и скитальцев, бродящих по дорогам и исполняющих просьбы горожан и сельчан за гроши. Всем хотелось славы, почета, уважения, а их давали либо высокое происхождение, либо заслуги, либо удача. Чародейка же вряд ли понимала, как ей повезло, и уж точно не ценила этой чести. Она могла одинаково спокойно отправиться к опасным горам или ходить голодной по бесконечным пыльным дорогам.

Глядя, как довольный Эрхан подставляет жесткой щетке правый бок, Бренн прикинул, что осталось около двух минут, и неслышно свистнул. Этот звук уловило лишь чуткое ухо жожака, который лениво поднялся, а затем ткнулся мордой в колени сидевшей на земле чародейки, уронив на них свое подношение. После чего волк взял в зубы щетку и потрусил назад, спокойно миновав границу и исчезнув за прозрачной пеленой, насланной ледяным лордом ровно в тот момент, когда стихли раскатистые звуки охранки, а на берег к двум чародеям выскочил небольшой отряд огненных.

Я сжала в ладони знакомую ледяную заколку, по всей видимости, унесенную Эрханом из женского дома, борясь с желанием бросить ее в реку. В итоге просто сдавила со всей силы, прислушиваясь, как объясняет долгий вой охранки Вив.

В первое мгновение удивилась, когда он принялся говорить, что снежные придумали очередную каверзу, заставлявшую сигналку долго верещать, но при этом умолчал о волке. Только потом сообразила, как нам могло влететь за бездействие при нахальном нарушении границы. Волк пришел, как к себе домой, расчесался и ушел, никем не замеченный. Мы обязаны были сразу позвать на помощь патруль. Так после объяснил мне напарник. Оказалось, в первый миг он боялся, что зверь перекусит ему шею за лишнее движение, а после настолько поразило поведение снежного, что Вив позабыл вызвать подкрепление.

— Клянусь тебе, это пограничные маги научили его подобному трюку! Вот как бы не нападает и при этом откровенно издевается. Надо же было придумать! Щетку в пасть сунули. А ведь нас могли погнать со службы! Вот увидишь, если они снова задумают такое провернуть, им мало не покажется. Я тебе обещаю.

Бедный Вив, напрасно он взялся что-то обещать в случае с Эрханом.

Жожек владел пеленой, той самой снежной прозрачной пеленой, за которой можно укрыться не только человеку, но и зверю. Мне прежде казалось, это лишь лорду под силу, но когда на другой день вновь сработала охранка, а патруль, опоздавший прошлой ночью и дежуривший неподалеку от нас, явился почти сразу, они ничего не увидели. Никто не увидел.

Разрывается надрывно охранка, а кругом спокойствие и благодать. Чародеи бегают по берегу в поисках нарушителя, а натываются лишь друг на друга.

Устав от верещащего сигнала, из-за которого уже все позажимали ладонями уши, глава патруля заставил охранку умолкнуть.

— Неспроста снежные это затеяли, — отдышавшись, вымолвил он. — Следите в оба, чуть что, сразу мне сигнал посылайте, — передал он Виву медную бляшку.

Напарник кивнул, а я проводила взглядом удалившийся патруль, а после охнула и упала на колени от сильного тычка. Повернула голову и уткнулась лицом в морду снежного волка. Довольный Эрхан уложил возле ладони щетку и сел, а позади сдавленно застонал Вив: «Снова он! Как знаешь, Веска, но я сигнал пошлю».

Прыгнула я на напарника столь быстро, что он не успел выудить из кармана бляшку. Метнулась гибкой рысью и прижала чародея к земле, умоляюще зашептав, что ведь убьют волчика, а он вреда не делает.

— Да это же издевательство! Ты совсем разум потеряла?

— Что плохого он творит? Причесаться приходит, — продолжала убеждать, вцепившись в бляшку пальцами. Вырвать ее из цепкой хватки Вива никак не выходило. Помог убедить Эрхан. Подошел, расставил лапы над головой напарника и широко зевнул, а после так и не закрыл рот. Вив, чья макушка оказалась едва ли не в волчьей пасти, затих, отчего я мигом утащила бляшку и поскорее уложила в собственный карман.

— Вот увидишь, сейчас я его расчесу, и он уйдет.

Подтверждая мои слова, вожак протрусил мимо прикрывшего глаза ладонью чародея и уселся рядом со мной, блаженно жмурясь.

Чесала я быстро и сноровисто, вновь позабыв испугаться игл, а после пушистый волчик уронил мне на колени новое подношение. Пряталась в его шерсти на мощной шее тонкая веревочка, а на ней мешочек висел. Вот его он зубами и сорвал, и мне преподнес. Оболочка истаяла, и на коленках очутился гребень. Тот самый, что я прежде в Северных землях купила. Таскал мне в награду за расчесывание вожак мои же вещи. Видимо, из женской избы уносил.

Вот так и повелось у нас каждую ночь. Сперва охранка срабатывала, а после летел к нам чародейский патруль, затем я волка чесала, а Вив, схватившись за голову, рядом сидел и наблюдал за этим непотребством. Ну и в конце довольный волк мне подарок оставлял и уходил. Уже всю одежду теплую сюда в мешках перенес, кроме платья шерстяного синего. То починять никто не взялся, осталось тряпицей на полу войдовской комнаты лежать, а после лорд его выкинул или снежной трухой обратил.

— Реши уже с ним что-нибудь, — не выдержал к концу недели напарник. — Сил никаких нет. На ином участке границы чародеи от безделья отсыплются, и только к нам каждую ночь патруль ходит. Явно это тебе снежные мстят за нарушение их границы.

— Как я решу?

— Придумай.

— Плот мастерить и на середине реки его вычесывать?

— Хотя бы и так. Это ты его жалеешь, не я. Давно бы уже разобрались.

При этих словах я обняла снежного зверя за шею, представив, как убили бы его чародеи, подарив искрящуюся шкуру довольному Зорию. А потом бы ледяной лорд всех и каждого из них в снежную муку раскрошил. Ведь не говорила я Виву, что это сам вожак к нам ходит.

— Эрханчик, ну не приходи, а? — умоляюще прошептала в дрогнувшее белое ухо. Правда, я этак уже раз двадцать делала, а вожак все являлся.

— Сделай, чтобы он границы не пересекал, — дал трудновыполнимый совет Вив, — а то я слышал, как начальник патруля говорил, что нужно к Зорию обратиться. Вот увидишь, не выдержит он еще пары таких ночей и на возможное недовольство огненного лорда плюнет. А Зорий волка и за пеленой снежной усмотрит, вот на том и закончится наша с тобой служба. Сошлют куда-нибудь в район пустынь и всех привилегий лишат.

На этой части его речи мохнатый мой любитель причесываться как раз поднялся, тряхнул волнистой шерстью и уронил на колени очередной мешочек. Я взяла его скорее с любопытством, чем с ожиданием. Все вещи из моих запасов уж были перенесены, а потому непонятно, чем вожак в этот раз отплатить решил. Растаяв в ладони, снежный покров открыл моему взгляду черный камень. Будто кусочек гранитной породы, а в нем искристые желтые прожилки скрытой внутри драгоценности.

— погоди! — вскочив на ноги, я устремилась к потрусившему к реке волку. — Это не мое. Слышишь?

Вожак на призывы внимания не обратил, уверенно ступив передними лапами на застывшую воду. Успев подскочить к нему сбоку и ухватив за загривок, я вымочила по колено сапоги, но сунула камень в приоткрытую пасть.

— Верни, где взял. И чужих вещей не носи больше.

Зверь глянул на меня с такой укоризной, что даже неловко стало, а после отвернулся и пошел себе через границу, растворившись по ту сторону в снежной дымке.

— Не взяла, — принимая от волка солнечный камень, проговорил Бренн.

Эрхан уселся на землю и покаянно опустил голову.

— Ничего, — потрепал его по ушам лорд, — ничего, мой друг. Придумаем иначе.

Я смотрела на верткую круглобокую лодку, прицениваясь к ней, как если бы на ярмарке покупала.

— Ну что ты разглядываешь? Садись! — велел Вив.

— Я едва руку за борт протяну, как это суденышко перевернется.

— Ничего не перевернется. Пускай твой волчара на лед ляжет, так ты до него дотянешься.

— Границу ведь нарушу, а у снежных охранка сработает.

И закусил губу, не отводя взгляда от лодки. Ведь точно ледяному лорду донесут, кто черту преступил. Вот он посмеется и скажет: «Что за чародейка такая настойчивая, ее выгоняешь, а она обратно рвется». А если вдруг сам поймает? Как посмотрит промозглым своим взглядом, так и остановится чародейское сердце от боли и тоски.

— Ты границу преступать не будешь, только руку на ту сторону протянешь. А это не считается.

— Почему не считается? Вдруг я руку протянула что-то подбросить.

— Ты сама посуди, сколько бы тогда умников нашлось руку или ногу протягивать, чтобы магические патрули позлить. Охранка на полноценное пересечение реагировать должна. А насчет «подбросил» там все продумано. Не перекинешь нечего опасное на иную сторону, воздух сразу стеной встанет. Отскочит подброшенная тобой вещь, да как бы тебе не по лбу. Садись давай!

— Проверял уже, что ли? — пробормотала себе под нос.

Не хотелось мне в лодку забираться, но еще больше не хотелось, чтобы Эрхан снова на берег пришел. Ведь точно позовут Зория.

Вздохнула и с помощью напарника слезла в лодку, уселась прямо на дно и, орудуя веслом, как Вив показал, погребла к снежной границе ждать вожака. Чародей еще и когтем металлическим снабдил, привязав его за веревку к носу моего суденышка. «Воткнешь в лед, чтобы течением не сносило», — напутствовал он.

Я его понимала, конечно. Кому бы понравилось в паре дежурить с той, из-за которой неприятностей не оберешься. Разве виноват он был, что Эрхану граница не помеха.

Река сносила лодку в сторону, но мне повезло догresti до ледяной кромки и воткнуть в лед коготь, не сместившись за пределы выделенного нам с Вивом участка.

Лодка закачалась на небольших волнах, но остановилась. Вдохнув поглубже и приготовившись побыстрее выдергивать крюк и удирать обратно, я протянула руку. Ладонь и пальцы защемило морозцем, дохнуло холодом, повеяло знакомым снежным запахом, а после мой огонь мигом согрел и ладонь, и кожу на пальцах, растопив белесый иней. И не всколыхнулось даже по ту сторону, не захлебнулся тихий воздух пронзительным звуком охранки. Как царила тишина, так не нарушилась она ничем.

Обернулась к берегу, махнула засветившейся ладонью, подав сигнал взволнованному Виву. И села ждать, терпеливо сложив на коленях руки, разглядывая по ту сторону лес. Лодку мерно покачивало, я прикрыла уставшие глаза, слушая тихие шорохи и плеск воды. Дрема незаметно накатила, а проснулась как от прикосновения легкого, прохладного, словно провели по щеке, едва коснувшись. Вздрыгнула, качнулась назад, огляделась, но по-прежнему пусто было кругом. Не оказалось того, кто вдруг почудился совсем близко, шагнув на холодный берег из тревожно-тоскливого моего сновидения. Потерла лицо и обманулась чувством, будто кожа с правой стороны прохладнее.

— Р-ряв, — послышалось из-за деревьев. Заискрилась между высокими стволами снежная шкура, а довольный вожак, приметив меня, уже скакал по льду, направляясь к самой кромке.

— Эрханушка, — улыбнулась ему, моей связующей ниточке с той жизнью, когда я счастливая среди магов была, когда себя в семье ощущала. И ведь отыскал, не позабыл, как остальные. Протянула ладонь, погладила мохнатый загривок. Волку ничего и объяснять не пришлось. Устроил аккуратно щетку на льду, а сам лег на живот и глаза прикрыл.

В ту ночь впервые не сработала охранка.

Богиня стояла у высокого хрустального окна и недовольно постукивала синей туфелькой по ледяному полу.

Ей доложили, что и правда не так давно повезло Зорию обзавестись еще одной чародейкой, только он быстро девчонку подальше услад. Видать, знатно Бренн огненного разозлил. Умел ее лорд тонко насмехаться. Вот уж в чем ему равных не было. Закусило Зория издевательское подношение, а еще хуже способ, которым оно было сделано. Одно беспокоило богиню — откуда девчонка взялась.

Верные слуги Стужи уж летели по северной стороне, разыскивая огненный след. При описании чародейки лишь возраст не совпадал, молода она была слишком. Та, другая, тоже едва переступила черту в четверть века, когда ее судьба круто изменилась, но то и случилось четверть века назад. Ведь не заснула же она волшебным сном, пробудившись теперь? Тот сон, который ждал чародейку, был вовсе беспробудным.

Стужа прошлась вдоль окна, глядя на хмурое небо. Тучи наливались свинцом и грозили разразиться холодным ливнем, возможно, даже градом, отвечая на недовольство богини. Ей требовалось убедиться во всем самой, и девчонка нужна была как можно скорее.

Луна светила ярко, но в укромном уголке у самого берега, окруженном камышами, ее свет рассеивался, попадая в листву низко склонившихся к воде ив. Мой напарник дежурил неподалеку и обещал предупредить, если приметит патруль. Сегодня заканчивалась наша смена на отведенном участке, а дальше мы менялись на определенный срок с чародеями, прежде несшими дневную вахту.

Ночь, как назло, выдалась душной настолько, что воротник формы сдавливал горло и не давал вдохнуть. Вив первый предложил искупаться и показал укромное местечко, где можно было всласть поплескаться.

Аккуратно сложив форму на берег, я вошла в неизменно теплую воду. Подняла руки и заколола повыше волосы ледяной заколкой, чтобы кудри не намокли и после не промочили до талии тонкую ткань рубашки. Теплая вода не столько освежала, сколько утоляла душную усталость.

В этом уголке она доходила до середины икр, а мне хотелось поплавать, чтобы размять затекшие плечи. Оглянувшись по сторонам, позволила себе пройти немного вперед, выбравшись из зарослей камыша на более глубокое место. Здесь вода оказалась ниже бедер, не искупаться, так хоть смыть с тела грязь и липкий пот. С наслаждением принялась тереть кожу руками, когда ветки ивы над головой качнулись под дуновением, подобным протяжному вздоху северного ветра. По телу побежали мурашки, вода показалась вдруг холоднее, чем прежде, а я скрестила на груди руки и вновь огляделась. Чародейский берег закрывали от меня ветки и камыш, а вот освещенный луной противоположный край виднелся отчетливо. Пригляделась, но пусто оказалось на той стороне.

Повернулась спиной и продолжила освежаться, ведь за этим я сюда пришла. Что ж теперь,

вздрагивать всякий раз, как с иной стороны холодом повеет? Чувство глупое незримого присутствия, взгляда чужого и прикосновений неощутимых преследовало меня с той самой ночи с войдом. Он всегда рядом был, во сне или наяву. Понимала, конечно, что вздор, что разум не сумел с ударом справиться, не смирился с новым одиночеством, но уповала все же, что со временем уйдет снежный облик из снов и из дум. Смогу вычеркнуть его и оставить в прошлом, как Он сумел.

Провела ладонями по плечам и груди, стряхивая капли, и пошла на берег, чтобы одеться, а после плыть на лодке к Эрхану. Волк скоро должен был прийти. Придется нам с ним проститься сегодня. Объясню, что днем опасно к границе выходить, пускай следующих ночных дежурств дожидается или, может, вовсе уходит, возвращается к крепости и помогает лорду новых учеников тренировать.

Прохладный ветерок погладил ласково по коже: от бедер до живота и шеи, — словно опять коснулся кто невидимый, обнял за плечи, и я замерла, прикрыв глаза, но мираж тут же рассеялся. Поторопилась тогда скрыться в зарослях, спасаясь от жаркого томления познавшего удовольствие тела, от всколыхнувшейся в душе тоски, гоня прочь желания огненной натуры. Споро оделась и направилась к ожидавшему неподалеку Виву, а напарник уж вытащил из кустов припрятанную там лодку.

— Знаешь, я наших дневных дежурств будто благословения жду. Надоело дергаться каждый раз, когда ты отплываешь. Все боюсь, как бы патруль не нагрянул. Мало того, что тебя у границы увидят, так еще волка приметят с той стороны. А мерзавцы ледяные не угомонятся никак. Не работает больше охранка, зачем волка дальше подсылать? Нет же, понравилось играть на нервах. Если наши явятся, что объяснить им сможем?

Я и сама не представляла, а потому поскорее прыгнула в лодку, и напарник оттолкнул ее от берега.

Эрхан задерживался в этот раз, луна уж миновала центр небосвода и покатилась круглым яблоком дальше, а волк все не шел. И ведь каждый вечер являлся со своей щеткой, а я просила не приходить больше, теперь же тревожилась и вглядывалась в темный лес, надеясь заметить среди стволов искристую шкуру. Случилось, может, что? Или лорд приметил, как вожак каждую ночь по тайной тропке к границе бегаёт? Наказал ему больше не приходить?

Грустно вдруг сделалось, хоть и собиралась сама проститься с волчком сегодня.

— Весса! — донеслось с берега.

Я обернулась. Вив махал рукой, пытаясь о чем-то предупредить. Неужто патруль? Плыть обратно нужно, а Эрхана все нет. Вдруг сейчас как раз и придет? Не увидит меня здесь и потопает через границу, а там его схватят.

Глава 18

О БОЖЕСТВЕННЫХ ЗАТЕЯХ

— Пора, мой друг, — лорд одернул рукав рубашки, закрывая гаснущие на коже одиннадцать кругов, — пришло мое время охотиться за добычей.

Эрхан встал поперек дороги, перегородив тропу и низко опустив голову.

— Ты ей этим не поможешь, — безжалостно сказал войд. Волк заскулил, а потом скакнул назад и снова вперед, топорща на загривке шерсть, и вдруг взвыл, припав на переднюю лапу. В нее врезался острый шип плетущегося по земле иглоголова.

Бренн присел на корточки, вынул длинную иглу из лапы и приморозил ранку.

— Ты можешь проститься, я дам на это время. Ступай первым, а я позже за ней приду.

Привстала на коленях, до боли в глазах вглядываясь в сумрак на той стороне, а после увидела его. Трусил волчик прежней дорогой, лишь слегка прихрамывал.

— Уйди, уйди, — замахала ему, а вожак замедлил бег.

— Назад, Эрхан, назад. Спрячься!

Оглянулась вновь на берег, патруля еще не было видно.

— Р-р-р, — слышалось ворчание, а Эрхан, которому следовало в лес бежать, ступал уже по льду.

— Стой же ты!

Он остановился.

— Туда, туда иди, — махнула в сторону леса, а волк вновь сделал шаг ко мне.

— Ах, упрямый какой! Беги обратно, понял?

Он снова шагнул.

— Поди ты прочь и не являйся сюда больше! Ну?

Волк недоумевающе качнул головой, выронил из пасти щетку и, быстро доскакав до ледяного края, ткнулся мордой в мою ладонь, а я попыталась оттолкнуть, уперев руки в широкий лоб.

— Уйди! Не буду тебя больше причесывать, не являйся сюда.

Толкнула со всей силы, и лодку тут же качнуло. Я охнула, перевалившись через борт, а течение мигом подхватило и поволокло меня под лед. Эрхан успел поймать у самой кромки.

Зверь потянул меня на твердь, удерживая за шкурку, точно котенка, и вытащил на берег. Только это был чужой берег.

В момент, когда я очутилась на ледяном краю, все всколыхнулось кругом. Раскрошилась тишина под тревожной трелью охранки, и я от ужаса дыхание затаила. Повернула голову, видя, как на чародейский берег выбегает патруль. Вив застыл на одном месте и, наверное, схватился сейчас за голову, а надо мной склонилась чья-то тень. Покрылась ледяной корочкой мокрая одежда, озноб пробрал до кончиков пальцев.

— Здравствуй, чародейка. Не сидится на том берегу?

Улыбка на губах знакомая, насмешливая и холодная. Плащ, мерцающий на спине, и руки, крепко взявшие за плечи и вздернувшие меня с мерзлой земли на ноги.

— С-соскуч-чился, л-лорд, — отбивая ритм зубами и тщетно сиюсь добавить хоть чуточку издевки к словам, проговорила в ответ, — л-лично явился?

Огонь потек к губам, лицу и обожженной холодом коже, согревая.

— Сил нет, как соскучился.

Настиг ведь, скрылся за пеленой, а я заметить не успела. А может, и Эрхана он все это время закрывал, позволяя бегать ко мне, а сам наблюдал? Зачем только?

Широкие ладони сжались крепче, а в моей голове пронеслось стремительно, что если смогу оттолкнуть, то успею кувырнуться с края и оказаться на своей стороне.

Я ударила без предупреждения, не поднимая рук. Они не дрогнули даже и не обозначили направление удара, но огонь устремился к широкой груди. Лорд отшатнулся, инстинктивно закрываясь от меня, а я оттолкнулась ногами и упала спиной назад.

Не коснулась воды. Не успела. Пересечь границу не хватило лишь сотой доли секунды.

Поймал за летящую в воздухе руку, рванул на себя.

Он прикрыл на миг глаза, когда шелковистый локон хлестнул по лицу, вдохнул глубоко и крепче перехватил поперек груди забившуюся кошку. Сжал сильнее и на один удар сердца позволил себе замереть вот так, а после резко утянул чародейку в снежный провал.

Она билась и сопротивлялась так отчаянно, словно предчувствовала, куда лежит их путь. Даже на пороге ледяного дворца не перестала изворачиваться, и он вынужден был заломить ей руки за спину и стянуть крепкой веревкой, а еще одну петлю накинуть на тонкую шею. Чародейка оказалась вдруг связана тем хитроумным способом, когда даже головой невозможно качнуть, не то что подскочить и ударить в подбородок лорда, ведущего ее сквозь ледяные палаты. Форма просохла от мечущегося под кожей огня, волосы растрепались, а маг провел ладонью по своей щеке, убирая следы от глубоких царапин. Они покрылись белой корочкой, и Бренн опустил взгляд на кудрявую голову насмерть перепуганной девушки. Весна пыталась смотреть по сторонам, но мешала веревка, и она шла, отступаясь на гладком полу, и не падала лишь благодаря твердой руке ледяного мага.

Я не могла понять, зачем он принес меня сюда. Сперва запаниковала, что лорд надумал сразу наказать за нарушение границы, а хуже наказания от него ничего не могло быть. Вот только перенес он вовсе не в центр крепости, где на виду у всех имел возможность вдосталь посмеяться над чародейкой. Он привел в невероятные по красоте палаты, насквозь ледяные, словно настоящий дворец. Хотя это и был ледяной дворец, кажется, я начала догадываться чей. Попыталась упереться ногами, но войд даже не заметил этих усилий. Просто повлек меня вперед, как если бы оказался дрейфующим по просторам Вечного океана айсбергом, случайно накатившим на маленькую щепку.

— Ой! Бренн! Ну зачем же ты ее связал? — Этот голос заставил меня резко затормозить и налететь спиной на грудь лорда. В нее я и вдавилась, позабыв, что это он меня сюда привел, а на плечо тут же легла широкая ладонь и крепко его сжала. Мне не доводилось еще слышать столь красивых и чарующих голосов, которые при этом хлестали бы по лицу подобно зимним штормам, он и ласковым был ровно настолько, чтобы я до конца не задохнулась в его обволакивающем очаровании. С шеи тут же исчезла петля, хотя я даже не захрипела, а вот руки остались перетянуты веревкой.

Я посмотрела на богиню и поняла, что настолько красивых женщин просто не бывает в этом мире. И все же абсолютное совершенство стояло сейчас передо мной и внимательно разглядывало, а огонь бушевал внутри, вновь причиняя боль, и только от руки на плече шел ровный холод, умиривший и частично приглушавший огненную муку.

— Соппротивлялась? — бросив взгляд на своего верного стража, молвила богиня. — Тогда и не развязывай пока, а то вон пламя в глазах плещется, испортит мне здесь что-нибудь ненароком.

А сама пошла мне навстречу величавой плывущей походкой, обошла по кругу, рассматривая, будто корову на базаре. По правде сказать, я и ощущала себя этаким коровенкой плешиной, еще и притащили сюда на поводу. Зато понятно стало, как Стужа могла забирать сердца мужчин в полное свое владение. Такую, раз увидев, во всю жизнь не позабудешь. А у самой только одно сердце было, преданное и холодное, под стать ее морозной красоте.

— Похожа, но не она, — щелкнув изящными пальчиками, проговорила богиня. — А поведай мне, девочка, свою историю. Как ты оказалась в Северных землях?

Голос ласковый полился сахарной карамелью, а я опять ощутила, что задыхаюсь от приторной

сладости, словно она комом в горле встала.

— Сопротивляется, — усмехнулась богиня, мельком взглянув на моего стража, и тут же махнула ему, — нет, нет, не стоит принуждать, она и так расскажет, правда, милая? Ну, давай поведай нам, разве там есть, что скрывать?

Меня отпустили и боль, и удушье, рука на плече помогла устоять на ногах, когда перед глазами закружили разноцветные звезды, и я стала рассказывать. Если затем сюда привели, то отчего не поведать историю. Если я напоминаю кого-то, но не она, вдруг удастся узнать, откуда родом та, чья внешность по наследству досталась.

Рассказала о найденной в лесу почти замерзшей чародейке, поведала про отца-охотника, обогрешего Найдену и подарившего той дочь, а после о смерти молодой чародейки, то ли обменявшей свою жизнь на мою, то ли посчитавшей, что напрасно она задержалась в этом мире, а не уснула пораньше в снежном лесу. На том и остановилась, не упомянув, как жилось мне в семье, не рассказав о родных. Ведь об этом она не спрашивала.

— Дочка, значит. И что же с тобой делать? — пожала обнаженными плечиками и вновь подняла взгляд на своего лорда, спрашивая уж точно не у меня.

— Твое слово, богиня, — прозвучал ровный, холодный, без малейшей эмоции голос.

— Убей! — взмахнула изящно рукой, отворачиваясь.

Он отошел. Я спиной почувствовала, что позади вдруг стало пусто. Обернулась медленно, видя, как поднимает ладони.

Чародейка стояла не двигаясь. Просто глядела на него. Молча, обреченно. Не просила, не умоляла сохранить жизнь, не спрашивала вовсе, почему надумали ее убить, что плохого она причинила богине и за какой грех должна расплатиться. Только смотрела, понимая, что именно он убьет ее сейчас, и не сопротивлялась. Даже огонь не взметнулся, не отреагировал, когда от его рук потекла вперед снежная Мгла.

Приблизилась, коснулась, тронула кончики форменных сапог, слишком грубых и тяжелых для крошечной ножки. Потекла по ним, оставляя насквозь обледенелыми, и пока лед просачивался сквозь грубую кожу, чтобы коснуться кожи намного нежнее, пока волокна расщеплялись и опадали неровными мерзлыми кусками, мгла кралась выше. Опутала нитями форму цвета теплого летнего неба, пробралась по шее, губам, щекам, не сумев сразу же заковать их в лед. Огонь, не призванный чародейкой, но бывший ее сутью, еще не давал заключить тело в броню, он сопротивлялся, пока чужая сила не сомкнулась над кудрявой растрепанной головой плотным пологом.

Чародейка изогнулась в самом последнем усилии стряхнуть с себя сковывающий, убивающий холод, дар воспротивился гибели, сила отреагировала на другую силу, а она плакала от боли и страха, сдаваясь под превосходящим, слишком мощным напором, и... умирала. Оставалось совсем немного...

Равнодушная мгла, преданно льнувшая к пальцам лорда и заключившая добычу в крепкие объятия, вдруг дрогнула, когда ее разбили всполохи теплого света. Он вспыхнул вокруг обвязанных веревкой запястий, пробившись сквозь снежный кокон. Солнечный золотистый поток вмиг обволок застывшую в ледяных путах чародейку, полыхнул красным пламенем, и ждущую тишину ледяного дворца разбил удивленный голос: «Это что тут происходит? Стужа!»

— Яр! — Возглас богини прозвучал не чарующе, а резко и безмерно удивленно. — Какими судьбами?

— Какими судьбами? Ты здесь чародейку убиваешь? Мою чародейку?

— Твою?

— Все чародеи мои!

— Вовсе не убиваю. С чего ты решил?

— Это потому мгла твоего лорда ее жизнь забирает, что не убиваешь?

Яр махнул рукой, и тепло жаркого солнца пробилось сквозь мерзлый туман острыми лучами.

Рассеяло и разогнало белесую мглу, а чародейка осталась лежать на гладком, покрывшемся трещинами ледяном полу.

— Я многие твои выходы терпел, но это, — Яр указал рукой на неподвижную девушку, — уже за гранью! Кто позволил трогать моего человека?

— Она там что-то нарушила, правда, Бренн?

— Границу пересекла, богиня, — невозмутимо склонил голову лорд.

— Да! А у нас уговор, границу не нарушаем. Эту чародейку и так возвращали однажды твоему Зорию.

— А еще у нас уговор о мире, Стужа, — зло проговорил Яр, — или месть твоего лорда огненным не знает границ? Тогда ты на что, раз не можешь его приструнить?

— Пугали ее просто, чтобы в другой раз неповадно было.

— Пугали? И сюда он девушку поболтать только привел? А для удобства еще и руки ей связал? Кого ты пытаешься обмануть, сестра? Уж обычное заклятие от смертельного я отличить смогу.

— Связали, потому что сопротивлялась. Ох, Бренн, и правда, развяжи ее, а то со стороны не то кажется. Вон Яр не разобрался, обычную мглу за смертельную принял.

Лорд молча подошел к приходящей в себя чародейке, одним движением распустил узел на запястьях и, быстро скрутив веревку, сунул в карман.

Внимательно наблюдавший за действиями лорда Яр быстро осмотрел чародейку, но ни на шее, ни на руках или ушах не наблюдалось у нее украшений из солнечного камня, того самого, чей зов привел его сюда, во дворец Стужи. Когда-то бог сам создал камни из соленых слез и зарядил собственной магией, чтобы они охраняли жизнь той, кого стремился сберечь. Взгляд помимо воли скользнул к алому кругу, и свет услужливо показал своему хозяину целую массу мелких трещин, испещривших центральный кристалл изнутри. В прошлый раз Яр заставил свет преломляться так, чтобы Стуже не видны были любые повреждения, но сейчас обилие трещин поразило его самого.

«Очень интересно», — рассудил он, взглянув на невозмутимого лорда. Сняв веревку, тот отошел в сторону и даже не подумал помочь чародейке подняться.

«Где же камень?» — вновь задался вопросом Яр, посылая по просторному залу свой зов. Слышимый лишь хозяину, он отразился от кармана снежного лорда, в котором только что укрылась свернутая веревка.

«А эта ситуация обещает быть весьма занимательной».

— Ну все, развязан твой человек, теперь ты доволен? — раздраженно спросила Стужа, размышляя о том, как не вовремя порой приносит брата в ледяной дворец. Мог бы чуточку позже ее навестить.

— Вовсе не доволен. — Яр сложил на груди руки.

— И что еще нужно для удовольствия?

— Трепку тебе задать, сестра, совсем от рук отбилась.

— Я отбилась? Ты сам правила придумывал и о границе, и о нарушениях. Или они только моих снежных касались, а твоим можно туда-сюда ходить и ничего им за это не будет?

— Ты клятву после прошлой войны давала мне вреда не чинить. Или последний проигрыш ничему не научил?

— Я и не нарушала! Как и прежде, моя магия в отношении тебя связана словом.

— Губить чародеев без моего ведома то же самое, что идти против меня! И можешь как угодно ситуацию обрисовывать, но в этот раз я словами не ограничусь. — И Яр сделал шаг к сестре, а Стужа, вскрикнув, укрылась за широкой спиной своего лорда.

Сознание выплыло из забытья, меня толкнуло в виски, и запульсировало в голове, проясняя

зрение, слух, возможность снова чувствовать то, что меня окружало. До меня донесся тонкий вскрик: «Бренн!» — и на глазах стала разворачиваться непонятная картина. Снежный лорд шагнул навстречу светловолосому мужчине, которого я не знала, но в котором было нечто смутно знакомое. Веяло с его стороны теплом и солнечным светом. Только лицо выглядело излишне хмуро и напряженно.

Они удивительно смотрелись друг против друга одинаково высокие, только один с волосами, мягко отливающими солнечным золотом, и другой, шире в плечах, мощнее и со снежными мерцающими прядями. В первый момент мне сложно было разобраться, а потом накатило, укрыло воспоминаниями, и последним мазком в угасающей памяти была белая мгла, текущая ко мне от протянутых ладоней.

Бренн меня убивал!

Стужа приказала, и он...

И в этот миг скрутило.

Все пламя, вся сила вдруг хлынули к сердцу, охватили его и принялись жадно пожирать в свирепом огне. Он хотел убить меня по одному ее приказу, просто так, ни за что.

Сейчас я не могла рассуждать, почему все еще жива. Сердце превратилось в живой факел. Мне было больно тогда, когда он вышвырнул из своей жизни, ведь существовал уговор, и лорд ничего не обещал, но вот настоящие ощущения оказались за гранью боли. Невыносимые, потому что сердце горело.

— Не трогай, Яр, — произнес этот смертный, без страха глядя в глаза божества. Даже голос звучал ровно, без надрыва, без колебаний, в которых столь легко угадать напряжение. Этот маг не боялся и ни капельки не дорожил собственной жизнью.

— Прячешься за спиной человека, Стужа? И не жаль будет, когда я его убью? — На руку лег луч света и, преломившись в ладони, обратился полыхающим мечом.

Лорд ответил лишь тем, что опустил свою руку к полу. Прозрачно-голубой клинок с острой кромкой сооткнулся из воздуха, впитав в себя ледяную взвесь. Но поднимать оружие в защитном жесте снежный маг не спешил.

— Он может сразиться с тобой, а я помогу. Мне не направить магию против тебя, брат, а помогать клятва не запрещает, — обняв за талию своего лорда и прижавшись к его спине, ответила богиня.

Яр не сразу поверил ее словам. Невозможно наделить смертного подобной силой, не убив его при этом. Оттого он лишь рассмеялся, прочертив в воздухе огненный круг.

— Забавная шутка, Стужа. Хочешь сказать, будто, не имея шанса противостоять мне, ты влила собственную силу в мага и он до сих пор жив? Очередная ложь, сестренка, в попытке избежать наказания. Это невозможно. Ты сожжешь сердце смертного, попытаешься увеличить его дар.

— Это возможно, если сердце уже сгорело! — выкрикнула Стужа, и Яр остановился. Оружие опустилось к земле, а потом и вовсе исчезло. В ответ на этот жест испарился и ледяной меч.

Невероятно! Исследуя людей, изучая их возможности, Яр каждый раз убеждался в том, что человек слишком слаб и не дотянет по силе даже до полубога. О ледяном лорде ходило немало слухов, но полностью свой дар он не раскрывал никогда, иначе Яр сумел бы оценить его мощь. Но что, если Стужа и правда рискнула и наделила Бренна собственной снежной силой? С навыками воина и помощью богини он имел все шансы противостоять солнечному богу. Ай да Стужа! И как долго сестра дожидалась этого момента, чтобы насладиться его изумленным лицом и собственным триумфом?

Тихий мучительный стон коснулся его слуха и заставил обернуться к чародейке, о которой Яр успел позабыть. Она свернулась на полу, обняв руками колени и спрятав лицо.

— А знаешь, Стужа, — осененный потрясающей идеей, повернулся к сестре Яр, — ты права. К чему нам разбираться между собой, когда для этого существуют наши маги и чародеи.

— Твой Зорий уступает Бренну во всем. Он слишком слаб. У тебя нет воина, способного

противостоять моему лорду.

— Пока нет, — усмехнулся в ответ Яр, — но я такого найду или такую.

Он направился к чародейке и подхватил ее на руки, понимая, что тело девушки окутано удушливым жаром. Обычный человек, прикоснувшись к ней, мигом обжегся бы.

— Ха, да ты убьешь ее, Яр.

— Невелика беда, найду другого, — легкомысленно ответил солнечный бог, при этом внимательно наблюдая за ледяным лордом. Однако тот не дрогнул, даже выражение лица осталось по-прежнему равнодушным, словно склоки божеств его не только не задевали, но и не касались вовсе.

«Умен лорд, — подытожил Яр, — а с достойным противником да не своими руками сражаться намного интереснее».

«Как-то визитеров прибавилось в последнее время, — размышлял Акила, созерцая раскрывающийся посреди кабинета переход, — вон сколько лет жил себе отшельником, никто не заглянул, а сейчас повалили».

Мысль эта была напрочь лишена должного подобострастия перед лицом божества, однако учитывая, что божество могло преодолеть выстроенную бывшим главным чародеем защиту, вслух она не прозвучала. Растаяла вместе с недовольством мага, когда солнечный бог внес и уложил на огромном, но весьма грязном столе кудрявую девушку.

— Акила, — развернулся к нему Яр не столько ради приветствия, сколько в намерении окинуть бывшего любимца грозным взглядом.

Чародей поклонился, но скорее по давней привычке. Он был увлечен попыткой разглядеть, что за ношу сгрузил в его кабинете божество. В первый миг почудилось нечто знакомое.

— Это, — указал на девушку Яр, — твое задание.

И отошел в сторону, открывая сжавшуюся в комок чародейку. Волосы ее пылали, кожа покрылась огненными узорами, только лица было не рассмотреть.

— Она твой шанс. Позаботишься и, если выживет, получишь мое прощение.

Акила тряхнул головой, изгоняя прочь остатки хмеля. Как оказалось, вовремя у него закончились винные запасы, в обычном своем состоянии он бы так четко не уловил мысль Яра.

— Ее я из рук Стужи забрал, ледяной лорд собирался убить девушку.

«И снова ведь чародейка», — подумалось Акиле. Не так давно Зорий приходил с вопросами о какой-то ученице, теперь Яр впервые за столько лет почтил своим присутствием, еще и богиня в этой истории оказалась замешана. То есть появилась некая чародейка, и сразу в жизни Акилы столько событий случилось, сколько за все годы беспробудного пьянства не происходило. Что и говорить, малые неприятности обычно начинались с женщин, а после закономерного перерастали в большие.

— Как же мне о ней позаботиться, мой бог?

— Сердце ее пылает, а потому есть шанс влить в нее мою силу. Твоя задача после держать огонь, чтобы не сжег чародейку дотла. Не справишься, я лично тебя накажу.

И, отвернувшись от того, кого прежде считал самым верным своим воином и в ком жестоко разочаровался, он положил на плечи девушки ладони.

Чародейка разогнулась, как от удара, запрокинула голову, и Акилу тоже будто наотмашь хлестнуло. Она... нет, не она, но... похожа. Было что-то неуловимое, немедленно напомнившее о той, другой, из далекого прошлого.

Огонь завихрился вокруг девушки, смыкаясь в круг, ее тело подняло над столом, а кольцо вращалось быстрее, разделяясь на более тонкие, счетом двенадцать. Со стороны казалось, будто она сознания лишилась, зависнув в центре этих кругов. Они распределились вдоль хрупкой фигурки от макушки до пят. И когда прозвучал неожиданный пронзительный крик,

Акила с трудом удержался, чтобы не зажать уши ладонями. Чародейка все могла чувствовать, но оказалась скована магией. Не раз бывшему лорду приходилось наблюдать за пытками, за чужой болью, и он был закаленным воином... Но в этом зрелище все казалось неправильным, потому что девушка выглядела смутно знакомой, потому что ее хотелось вытянуть из огненных колец и укрыть от мучений.

Не выдержав, он опустил глаза.

— Все. — Кольца медленно растворились, впитавшись в тело чародейки, и оно вновь опустилось на стол. — Я влил силу, дело за тобой. Не смей спать, не смей отвлекаться даже на еду, следи за ее состоянием, а если вздумаешь взяться за бутылку, я сделаю так, что всю оставшуюся короткую жизнь ты и капли жидкости в рот не возьмешь. Любая будет огнем обращаться.

— Я все понял, мой бог, — устало ответил Акила, радуясь, что пронзительные крики уже не нарушают тишины кабинета. — А откуда она? И чем Стуже не угодила?

— Сестра, конечно, пояснила. Отговорилась, будто девчонка границу нарушила, а снежный лорд решил за то наказать.

— В Северных землях нашли?

— Какая разница теперь, где нашли? Или есть разница? — внимательно присмотревшись к Акиле, уточнил Яр.

— Разница-то? Сейчас уже нет, а когда-то была. В то время я жениться собирался, мой бог, если помните еще о моей невесте.

Яр скривился недовольно.

— Помню. Та, что сбежала, а ты затем вовсе меру в вине потерял, спился напрочь, и мне пришлось выбирать из всего, что осталось. Зория на место главного чародея ставить, наделять его даром открывать переходы.

— Девушка эта на нее похожа, а чем, не скажу. Вот как глянул, тот образ в памяти нарисовался, хоть много лет уж минуло.

— Похожа, говоришь? — Яр обернулся и еще раз внимательно оглядел чародейку. Сейчас казалось, будто она спит и худшее миновало, однако огонь в ее теле только набирал силу, пока медленно, но неотвратно рос. — А когда зазноба твоя сбежала, оставила что-нибудь на память?

— Ничего. Не объяснилась даже, — ответил Акила.

— Значит, исчезла, ни слова не сказала, а после на северной стороне вдруг похожая чародейка обнаружилась, которой все неймется. Так и тянет границу нарушить. Интересная картинка складывается.

Акила оторвал взгляд от девушки, чтобы заметить, как глаза божества полыхнули огненной яростью.

— Ну, Стужа! Удружила, сестра! У нее теперь сильнейший воин, а моего она удачно к вечному запою подтолкнула? Ох, и разберусь я с тобой! — Он резко обернулся к чародею, слушавшему яростный монолог с самым мрачным видом. — Все силы положи, чтобы девчонку сохранить, а после заставим Стужу поплатиться. Разберемся, чья правда сильнее.

Как же легко велеть кому-то — сохрани. Повидавший многое Акила, умевший управлять своей силой, как иной управляет послушными пальцами, одной рукой отер пот со лба, а другой крепче взял за плечо неподвижную девушку.

Ему казалось, из него медленно выкачивают саму жизнь. Конечно, Яру просто было дать указание, а затем уйти, переложив ответственность на плечи Акилы. Выравнивать потоки огня так, чтобы не полыхнуло, чтобы не пробилось сквозь хрупкое тело, оставив в нем сквозную смертельную рану, казалось тем сложнее, чем сильнее становился огонь. И пускай сам Яр мало чем мог бы помочь в выравнивании этих потоков, ведь сила либо приживалась внутри,

либо сжигала хозяина дотла, легче от этого понимания не становилось. Яр придумал умножить ее дар, хотя точно знал, преодолев определенную черту, огонь всегда накидывался на сосуд, в который его заключили. Сила пробовала новое вместилище на прочность, и там успокаивать ее выходило тем сложнее, чем хуже новая хозяйка дара справлялась с удержанием его в собственном теле. Обычно люди оказывались слишком слабы...

Вот и сейчас Акиле еще хватало навыков и опыта, но напряжение неумолимо росло. Какая безумная затея пришла в голову Яра! Зачем придумал заполнить обожженный сосуд до краев, когда мог оставить все как есть? И отчего загорелось сердце этой девочки? От панического страха, когда ее поймали на границе? Но ведь у огненных сердца чаще горят от боли, от настоящей, способной испепелить дотла, когда и жить, даже с новым даром, не особо захочешь.

И вновь напряжение возросло, будто среагировало на его мысли. Пот тек градом, застилал глаза. Акила скрипел зубами, пытаясь держать потоки под контролем, но уже чувствовал, чуял нюхом старого опытного медведя, что с подобной силой в таком хрупком сосуде не совладать. Для этого пригодилось бы божественное чудо, но и сами божества не могли заново вылепить сосуд побольше и покрепче, не уничтожив при этом старый.

— Бедная девочка, — прошептал он, — я буду держать, сколько смогу, ты уж прости...

И закрыл глаза, прогоняя видение бледного лица, окруженного ореолом растрепанных вьющихся волос. Этот облик обещал стать одним из тех, что часто приходили к нему во снах. Их не мог навсегда прогнать даже пьяный дурман. И независимо от желания Акилы ее образ сливался с другим, нежным и хрупким, давно затерявшимся в темноте лет.

Среагировать на звон расколовшейся защиты у чародея не было ни сил, ни желания. Кроме досады на очередное явление нетерпеливого божества, Акила ничего более не испытал. В этот раз Яр не просто смял защиту в одном месте, а разбил напрочь. Еще и сумел определить, что девушку перенесли из кабинета в пыльный зал, в котором только и нашлась уцелевшая мягкая кушетка.

Глава 19

О СТАРЫХ НАСТАВНИКАХ

— Наставник, — вдруг долетело из темноты. Знакомый голос нарушил тягостную пыльную тишину. Призрак прошлого явился не ко времени. Еще один, но худший из всех. Минула пора, когда звучание этого голоса вызывало улыбку на губах. Акила был горд и счастлив тогда, а после все изменилось. Он мечтал никогда более не слышать знакомого тона и коротких фраз, в которых чаще сквозила насмешка. От боли невыносимо сдавливало сердце, а от ярости старый чародей рвал и метал: «Убью тебя, щенок, если хоть раз назовешь наставником снова!»

Бред. Чистый бред! И ведь настиг в момент, когда больше всего нужна концентрация.

Чародей оглянулся, только чтоб убедить себя — за спиной пусто, нет никого, а из темноты шагнул призрак. Без страха возник из мрака ушедших лет и осмелился назвать его, как полвека назад.

Акила дернулся, как от пощечины, но мигом вспомнил о главной задаче и крепче сжал плечо чародейки.

— Чтоб ты сдох, мираж, нашел время являться.

— Любят меня на этой стороне, каждый раз добрым словом привечают.

Старый медведь наблюдал, как беловолосый маг подходит ближе и садится на кушетку в ногах девушки.

— Белая горячка, чтоб ее! И ведь ни капли в рот не брал, но примерещится же на трезвую голову. А может, напрасно сижу? Все пригрезилось, а я, как дурак, торчу возле пустой кушетки?

— Ты у миража спрашиваешь, наставник?

— У кого еще спросить, коли учеников давно не осталось.

— Тогда я отвечу — держи чародейку. Едва отпустишь, и весь огонь ее наружу устремится. Ничего кругом не оставит.

— Сам знаю, мерзавец снежный. Чего являешься, когда не звали? Мысли занимаешь. Мне отвлекаться нельзя.

— Не к тебе явился, а к ней.

— К чародейке? Добить?

— Помощь предлагаю.

— Она на тот свет и без твоей помощи отправится, — Акила грустно вздохнул, — это когда ж меня накрыть успело? Видать, прежде чем Яр с чародейкой явились. То-то гляжу, что похожа она...

— Медведь облезлый! — вдруг гаркнул беловолосый маг. — Не спишь и даже не гредишь, наяву все. Не сбивайся, девчонку держи!

— А не пошел бы ты, щенок? Явился в мой дом, еще и указывает! Я тебя звал? А чародейку, чтоб ты знал, ничто не удержит. Уходит время, тикает вон горошинами по полу. Я силы истратил, а даже половины ее запаса не погасил. Так и рвется пламя наружу.

— Не помогает, значит? — тихо спросил маг.

— Не помогает.

— Если огонь огню не подмога, то на лед еще яростней среагировать может. Удастся ли сейчас связать...

— Учил тебя, дурака, учил, а все без толку. Огонь и лед две разные силы, они лишь сталкиваются горазды. Одна на другую реагирует, как два диких зверя на узкой тропе. Надумаешь подавить льдом, сомнешь вместе с оболочкой.

— Не все ты знаешь, наставник. Наши силы сплетаться умеют.

— Сплетаться, — горько усмехнулся Акила, а в глазах уже темнело от напряжения, — когда же они сплетаются?

— Когда друг к другу прикасаемся.

— Недостанет здесь прикосновений. Что ты через простое касание поправить сможешь? У нее настолько пламя выросло, что уже мой огонь поглощает, родственную себе стихию, которую за врага не держит. А ты со своим льдом... Эх!

Хотел отвернуться и прекратить бессмысленный спор с собственным разумом, когда незванный мираж вдруг принялся поспешно раздеваться.

— Вот сейчас я не понял. Больно наглый ты для горячки, совсем как настоящий Бренн. Тот вечная заноза в заднице, умел из себя и святого вывести.

— Тогда я мало изменился, наставник.

— Вот же сволочь! И правда явился!

— Как быстро дошло.

— Ну, знаешь...

— Знаю, а дальше что?

— А дальше я тебе голову откручу.

— Открути, только позже, можешь даже в процессе, все равно занят буду.

— Куда к девочке лапищи потянул? Чем таким заняться собрался?

— Концентрацией!

Лорд резко скинул с обнаженного хрупкого тела, на котором огненные круги не оставили и следов одежды, ветхое покрывало и лег рядом, согнув ноги в коленях, пытаясь уместиться на широкой, но короткой кушетке. Обхватил чародейку одной рукой за плечи и другой поперек живота, прижал к себе крепко-крепко, так чтобы тела тесно прильнули, а горячая, расчерченная огнем кожа соприкасалась с прохладной, покрывшейся морозными узорами. Уткнулся лицом в тонкую шею и закрыл глаза.

— Отпускай ее, — прошептал чародею.

Пальцы дрожали, когда Акила снимал их с хрупкого плеча и сам отстранялся. Другой бы попробовал сбежать, чтобы укрыться от яростного, готового хлынуть на волю огня, но бывший воин лишь сжал голову ладонями, напряженно, чуть покачиваясь, глядя на два прильнувших друг к другу тела. И сила рванулась на волю.

Такого повидавший многое старый наставник не наблюдал никогда. Девушка выгнулась и снова закричала протяжно, на одной высокой ноте, но маг ее удержал и сжал еще крепче. Огнем стремительно наливались рисунки на коже, их границы расширялись подобно краям раны, расходились в стороны, сливаясь с соседними огненными росчерками, а пламя полыхало яростнее, и тут на него словно водой хлынуло прохладное кружево холодного сияния. Закружила в воздухе мерцающая синева чуждой чародею силы, накатила штормовым валом на ярко-красное полыхающее марево.

«Убьет. Одна сила убьет другую», — обреченно подумал Акила и вдруг увидел, как силы стали сплетаться. Лившийся сквозь узоры на коже свет тянулся друг к другу, а прильнув, не щерился уродливыми кристаллами и острыми языками пламени, а оплавлялся, перетекая один в другой. Цвета смешивались: охра, карминовый, песочный, солнечно-золотистый и светлая синева высокого неба, серебристый оттенок льда, аквамарин и лазурная зелень. Невероятно красиво, безумно опасно. Эту опасность старый медведь чуял нутром. Вмешайся в сплетение красок, ворвись в яркую палитру соприкасающейся магии, и не только от дома, от всего квартала не останется камня на камне.

Он не дышал, смотрел и боялся шелохнуться, даже когда магические переливы, как чудесное пазори в темной синеве, стали заполнять всю комнату. Это был лишь свет, лишь отражение того, что заключало в себе человеческое тело. Много силы, очень много, но одна нашла

другую и теперь не пыталась разорвать оболочку, потому что потоки выровнялись сами в гармоничные вьющиеся линии, из них чертились образы, чуткие к чужому вмешательству волшебные узоры. Чародей не двигался и боялся обозначить свое присутствие. Магия подобно настороженному зверю веселилась сейчас в темном пространстве, но чутко прислушивалась и приноживалась к нему. И вот она перестала скрываться, очертилась обликом грациозной кошки: пушистые кисточки на ушах, короткий хвост, мягкие лапы со спрятанными коготками, поджарое и гибкое тело степной огненной рыси.

Она скакнула игриво в сторону, но не ушла далеко, тут же вернулась к чему-то, что держало ее. Резвясь прозрачной тенью, принялась обходить по кругу серебристое свечение, из которого проступал силуэт огромного белого волка. Тронула лапой, ударила хвостом и попала, когда неподвижный снежный зверь ухватил за загривок, взяв бережно и подтянув кошку к себе. Подмял, накрыл лапами, уместив морду между гибких лопаток. А рысь, не противясь, покорно затихла, жмурясь, как могут жмуриться от удовольствия кошки.

Свет померк, и Акила ослеп на мгновение, вновь очутившись в темноте просторного зала. Светильник раскололся, не выдержав буйства стихий, а наставник, тревожно и напряженно дыша, подобрался ближе к дивану, затеплил несмело на ладони огонек, но магия уже успокоилась. Она не среагировала на внешнее воздействие, чародейка и маг так и лежали неподвижно, пока наставник не тронул за плечо бывшего ученика. Ему показалось на одно ужасное мгновение, что эти двое не дышат. Однако безмолвие спало, широкая грудь, прижавшаяся к узкой спине, дрогнула и поднялась, и в такт задышала чародейка уже спокойно, без хрипов, без судорожных попыток протолкнуться сквозь сжигающий огонь и прожить еще одну лишнюю секунду.

Брени открыл глаза, приподнялся. Быстрый взгляд на еще не пришедшую в себя девушку, и вот он уже спрыгнул на пол и принялся одеваться.

Его пошатнуло от слабости, и он оперся о кушетку, пытаясь устоять на ногах. Наставник заметил и то, как судорогой свело побелевшие скулы, и что руки, точно шальные, с трудом держали одежду.

— Справился, снежный демон, — вполголоса произнес Акила.

— А ты думал, — усмехнулся бывший ученик. — Я дар на мерзкое пойло не тратил.

— Вот и уноси ноги, пока я про дар не вспомнил, а то ведь убью. Или сам сдохнешь? Больно бледный даже для снежного.

— Чтoб я вас всех так порадовал? Не дождетесь.

— Дерзишь, сволочь. Катись уже. Время ради этой девочки даю. Уж коли спас, так и быть, поживи еще.

— Давно мог убить, если б хотел, сколько шансов имел! — ни на секунду не поверил его словам снежный маг. — Я сам когда-то об этом просил, не помнишь? — Он выпрямился и взглянул Акиле в лицо. — Не пощадило тебя время, старый медведь.

— Тебя тоже, огненный щенок.

— Давно уж не огненный.

— И как ты выжил, променяв огненное нутро на лед? Магу не дано стать иным.

— Сила проходит с нами даже круг перерождения. Ведь так говорят великие мудрецы, наставник?

— Я мало верю в перерождение, но дар не изменить на противоположный. Либо смерть, либо выгорание. Что же ты такой особенный, а, Бренн?

— Стужа позаботилась, чтобы выжил. Она свою силу постепенно вливала, и моя агония не день и не два длилась, — он усмехнулся, — хотя богиня слабо верила, что я душу за грань не отдам. Только упрямая очень, захотела себе цепного волка и получила.

Он затянул пояс и вновь оглянулся на чародейку.

— Проснется, когда уйду. Если ощущения какие вспомнит, будто я рядом был, так и скажи, что добить являлся. А не вышло, ты помешал.

— О как! Она ж после такого имени твоего слышать не захочет.

— Тех, кому мое имя музыкой звучит, богиня в первый черед убивает. Прощай, наставник, надеюсь, не свидимся больше.

— Хотел бы уж навсегда от тебя избавиться, язва ты снежная.

И когда бывший ученик исчез в темноте, пробурчал себе под нос: «Но чую, еще заявишься. Зараза она на то и зараза, что сложно выгравить».

Голову приподняли чьи-то заботливые руки, в рот влили воды, а я принялась жадно глотать, потянувшись за чашкой и пролив ненароком часть на себя.

— Да не торопись, не торопись, не отберу, — услышала мужской голос. Сильный такой, с хрипотцой и совсем незнакомый.

Открыла глаза, взглянула на сидящего рядом человека, мельком оглядела темное пространство вокруг. Как будто меня куда-то под землю снесли. Убил все-таки Сердце Стужи, а после в склеп отволок. Теперь вот с призраком косматым, на медведя похожим, век коротать.

Оглядела еще раз нового знакомого.

— Пыльно у вас тут.

Пыльно и затхло, так и должно быть, наверное. А как бы хотелось вырваться к свету и отыскать того, кто боль невыносимую причинил. Не пережила ее, не справилась, хоть и помнила до сих пор, как она в тело впивалась, ломала его и пожирала сердце. Такую не

позабудешь, и его я век помнить буду. Вот так, пожалуй, рождается на свет неупокоенная нечисть, не желающая уходить за черту, и берется преследовать обидчика. Ах, вырваться бы! Отыскать, вцепиться в снежные пряди, глаза выцарапать, вены прокусить и крови напиться, ни капельки ему не оставив. Являться бесконечно, рядом бродить, чтобы покоя не знал. Он Стужу защищать бросился, своей спиной заслонил, пока я от муки на полу корчилась, а за меня и словом не вступился, по первому приказу, не колеблясь, жизни лишил.

Ох, и поднялась в душе ярость, как рванулась на волю, зашипело и вспыхнуло кругом. Еще и возглас: «Вот снежная бездна!» — на макушку мою прилетел. Хлопнуло, звякнуло, покатилося, я вместо чего-то мягкого на твердом оказалась, а потом вдруг в склеп свет пробился. Сумрачный, точно разгорающийся рассвет.

— Да, пыльно было, а теперь вот пепельно. Ну, кошка! Все мне пожгла. Кушетки единственной и то не осталось. Спать теперь на столе в кабинете будешь?

Все ж призракам земное чуждо, завывать и пугать могут, а вот последними словами ругаться... Этот костерил на чем свет стоит и, кажется, не столько меня. Закончилось все убедительным: «Ты поосторожней будь, сил-то теперь немерено».

Я молча взглянула в ответ, а странный косматый мужик ухватил меня за руку, поднял с пола и потянул за собой.

— Ну, садись, — втолкнул в новую комнату, указал рукой на кресло, — тут приятней болтать. Эх, жаль, выпить нечего.

На мой взгляд, и здесь не слишком приятно было, но в кресло села. Это не склеп, я уже уяснила. Дом. И похоже, что хозяин сейчас передо мной стоял.

— Так, девочка, эмоции сдерживай, тебе пока не то что злиться, простое недовольство проявлять не следует. Не освоилась еще. А в чужом доме, знаешь ли, некрасиво обстановку крушить и шторы жечь. Или Аина хорошим манерам не учила?

— Кто не учил?

Мужчина как-то сразу нахмурился и внимательно посмотрел.

— Неужто ошибся? Показалось? Оно и могло, сколько лет прошло!

Потом он странно рассмеялся.

— А я уж напридумывал себе, знаешь? — провел ладонью по лицу. — Яру высказал. Он на Стужу взъярился. Я тоже решил, что добралась гадюка до сердца, легко меня с пути устранила. Не сама Аина сбежала, помогли ей.

Яра помянул, а мне сразу мужчина вспомнился в ледяном дворце, веяло от него силой знакомой, оттого ласковой. Неужели огненный бог? Так вот против кого лорд выступил, вот от кого богиня за его спиной укрывалась. Против божества пошел и не дрогнул.

Пальцы сжались на подлокотниках, а те вдруг вспыхнули.

— О! — Мои ладони быстро накрыли другие, широкие, крепкие. — Так, девочка, быстро о цветочках думай или о птичках! Что еще девчонки любят? Только не о том, что сейчас на ум пришло.

Притушил пламя, а я быстро убрала руки и на коленях сложила. Странное творится. Где я сейчас? Почему огонь внутри плещет, как если бы до краев тело наполнил, и вот-вот перельется?

— Саму-то как зовут? — отвлек меня косматый, на медведя похожий собеседник.

— Весна. Весса.

— Весна?

— Весса.

Он нервно потер лоб.

— А матушку как же звали?

— Найденной, — пожала плечами.

— Найденной? А имя кто тебе дал?

— Матушка и дала.

— Эх, Весса, — он сел на край большого стола, широкие ручки уперлись в столешницу, голова на грудь свесилась, — красивое у тебя имя, редкое. У меня, знаешь, невеста была когда-то.

Замолчал.

— Весной звали? — спросила, чтобы что-то спросить.

— Аиной, — произнес, словно улыбнулся, — а ей имя богини-матери очень нравилось. Говорила, если дочка родится, так назовет. Детей-то все больше в честь Яра и Стужи именуют, потому как благословение богов для них хотят, а о прародительнице мало уже вспоминают. Твоя матушка тоже, значит, это имя любила?

— Не знаю.

Наверное, этому чародею я показалась странной. Взгляд у него стал больно изумленный. А меня его вопросы удивляли. Почему все выпытывает, а прежде не объяснит, кто сам таков.

— Я помню дворец и как меня убить пытались, — решила не ходить вокруг да около. — Яра успела узнать, пока совсем неумоготу не стало, а дальше что случилось?

Медведь почесал макушку, вздохнул и ответил:

— Дальше спас тебя солнечный бог и принес ко мне, позаботиться велел, а прежде свою силу влил. Захотел, чтобы превратилась ты в чародейку, по дару равную снежному лорду. Мгла ледяная!

Он успел отшатнуться от стола за секунду до того, как вся массивная деревянная столешница раскололась от жаркого сгустка, ударившего в нее пламенным столпом.

— Вот теперь я понял, о ком ты думаешь, — выдохнул хозяин обугленной комнаты. — Весса, силу контролируй, а то ведь и меня прикончишь ненароком. О хорошем вспоминай, да хоть о матушке.

— Я матушку не знала, — проговорила сквозь прижатые к губам ладони, не смея оторвать взгляда от тлеющего стола. — Умерла, когда я родилась. Именем наградила, выбрав самое редкое для Снежных земель, а еще даром чародейским и после ушла за грань или на вашу сторону брошенной душой вернулась, кто ее знает. На севере она жить не слишком любила, все сбежать хотела.

— Отчего не любила, коли мужа себе там присмотрела? — спросил собеседник, то ли правда интересуюсь, то ли отвлекая меня от иных мыслей.

— Не было у нее мужа. Нашел отец ее в лесу и приютил, кров предложил, а большего не сумел, потому что кто она и откуда, сама не ведала.

Думала, сейчас спросит, где тот, кого отцом назвала, а чародей замолчал. Долго молчал, пока я на него не посмотрела. А как посмотрела, заметила, что закрыл ладонями лицо и будто окаменел.

Долго тишина ничем не нарушалась, и мне неловко было дальше говорить. А потом чародей опустил руки и глухо просипел:

— Ничейная, говоришь? — а глаза блестят. Слезы то ли от дыма едкого, то ли от сознания, что жил не тужил, а после Яр ему на голову чародейку безродную сбросил, которая полдома пожгла.

Пожала плечами.

— Своя собственная.

— А хочешь, Весна, мне дочкой стать?

Богиня ступала неслышно, плыла в мерцающей дымке мимо жилья с его запахом дыма, мимо дворов с заливающимися лаем псами, чтобы остановиться на пригорке и с него, невидимой, наблюдать за людьми, суеющимися по ту сторону деревянного забора.

Вот обычная северянка с черной косой, густыми бровями и красными огрубевшими руками, коими сейчас стирала в бадье грязное белье. Вот два крепыша темноволосых, один рубил дрова, другой в поленницу складывал, попутно переругиваясь с первым. Еще один мужик, ширококостный, приземистый, хмурился, укладывая в мешок меховые шкурки.

Семья той чародейки, которую Яр надумал против Бренна поставить?

Богиня сомневалась, что девчонка выживет. Яр не станет дрожать над ней и возиться, как когда-то Стужа ухаживала за умирающим огненным магом, чье опустевшее выжженное сердце медленно обрастало льдом. Подобно многим мужчинам, солнечный бог был нетерпелив, ему желалось всего и сразу, но на случай, если чародейка каким-то образом выкарабкается, богине хотелось отвести от Бренна лишние хлопоты. Никто и никогда не посмеет угрожать ее избраннику, ее лучшему лорду.

Стужа слегка нахмурилась и недовольно скривилась.

— Мало она на них похожа. — Хотела уже отвернуться, когда во двор выскочила девочка. Слетела с крыльца, мелькая босыми пятками, подскочила к собачьей конуре, сунулась туда и принялась вытаскивать наружу недовольно ворчащего пса.

— Пошли, Тява, пошли, — донесся до богини звонкий голос, — пошли Веснушу искать.

— Куда! — прозвучал грозный окрик матери. — Куда босиком по земле холодной? Отец! Снежка опять из дома выскочила.

Хмурый бородач обернулся. Девчонка еще ошейник не выпустила, а он уже ухватил ее поперек живота, на плечо взвалил и понес в дом.

Богиня заинтересованно взглянула и шагнула с пригорка, словно истаяла в пространстве.

Одетая в теплое Снежка присела на пригорке, перебирая в руках тонкие стебельки цветов. Раньше ей сестра плела красивые игрушки, а еще яркие веночки на голову. Снеже захотелось повторить. Веснуша учила ее, как правильно, но так ловко, как в тонких пальчиках сестры, Снежкины стебельки не сплетались.

Подняв голову, девочка поймала строгий взгляд матери, не велевшей ей уходить дальше этого пригорка, и вздохнула.

— Что ты грустишь, малышка? — раздался мелодичный, точно хрустальный колокольчик, голос.

Быстро оглядевшись, Снежка увидела совсем рядом удивительно прекрасную фею. Она парила в воздухе и, улыбаясь, глядела на нее.

Настоящая волшебница! Как из Вессиных сказок.

— Ты пришла мое желание исполнить? — спросила у чарующего видения.

Фея склонила набок голову, улыбаясь ласково и чуть проказливо.

— А каково будет твоё желание? — поинтересовалась она.

— Хочу, чтобы Веснуша вернулась. Мне без нее плохо.

— Обижают тебя? — Волшебница подплыла ближе.

— Никто не обижает, не пускают Вессу искать. И Тяву брать запрещают. Говорят, Веснуша никогда обратно не придет, потому что нас не любит.

— Отчего же не придет, — фея оказалась совсем близко и улыбнулась еще ласковее, — думаю, ради тебя придет.

Она вдруг склонилась и поцеловала девочку в лоб. Совсем легонько коснулась губами, но Снежке стало очень морозно на теплом солнышке. Девочка поежилась, обхватила плечи

ладошками, зубы застучали. Волшебница отстранилась, махнула рукой, и холод ушел. Вглубь ушел и затаился.

— Вернется твоя Веснуша. Ты ее дождись.

И с этими словами фея исчезла.

Лорд был недоволен, ну а если откровенно, в гневе он был. Так жаром пылал, что хоть хворост о лысину поджигай. А еще вся речь вежливая куда-то исчезла, напрочь исчезла, он все пытался на ругательства не сорваться, но выходило лишь: «Ты! Ты... ты!»

Не зря мне думалось, что Зорий со мной быстро выкатать перестанет. Ходил сейчас взад-вперед по домику речному, Ярмилой в жилой вид приведенному, и пытался по-человечески поговорить, потому что прежде от крика голос сорвал. Ярку он, кстати, выгнал. Едва увидел ее довольную, лучащуюся счастьем рожицу, как тут же прочь отправил. Ту хлебом не корми, дай кузена из себя вывести, а если еще и не она расстаралась, и не ей за это влетит, тогда удовольствие в разы ощутимее.

— Ты!

Я это, я.

Глянул так, что едва взглядом не поджег. Ярка в такие моменты смеялась: «Зорий у нас страстный мужчина. Видишь, как хорош, когда пламя пылает?»

Хорош, но непривычно немного, хоть голый череп его нисколько не портил, украшал даже, особенно когда вот так блестел.

— Ты смеешь указывать! — собрал мысли воедино чародей. — Перечить лорду смеешь?!

Пожала плечами. Проходили уже и гнев, и слова, полные ярости, и глаза, молнии мечущие. А я попросила только Вива вернуть. Его после случая на Зимнелетке к Огненным горам сослали, а вины за парнем никакой не водилось. Я виновата была. Я не прогнала Эрхана и истукану ледяному попалась, Вив же, напротив, убеждал правду сказать.

— Разве я перечу? Раскрой меня напарник, и волка бы убили, а он снежному лорду служит. И кому хорошо?

— Да ты издеваешься? Мало того, имеешь наглость говорить, как и кого мне наказывать? Или, может, уже возомнила себя главной? Откуда вообще взялась? Как тебя Акила нашел? И ведь отрицал поначалу, убеждал, что не знает, а теперь, смотри-ка, заявил, будто Яром отмечена. Удочерил безродную девку! А не прикажешь теперь тебя поклонами привечать и ноги целовать? На то, что род у Акилы древний, я плевать хотел. Мне известно, из какой грязи тебя достали. И метки я своими глазами не видел, вы оба лжете.

Я отвернулась от полыхающего яростью чародея, посмотрела в окно, за которым барабанил по листьям дождь. И не подумала обнажить плечо, чтобы показать красивую золотистую метку на внешней стороне. Ну его! Привычно, когда ни за что ни про что оскорбляют. Пускай хоть весь день орет. Место огненного лорда занимать я и не думала. Нужно оно мне! А Вива ему вернуть все равно придется.

— Вот и проверим! — услышала совсем близко, за спиной.

Отвлеклась на свои мысли, да и вреда от огненного не ждала.

Потому, когда он подскочил и развернул к себе, схватившись за рукав голубой формы, у меня на ответный удар несколько секунд ушло.

Отнесло и впечатало Зория в стену. Хрустнуло громко, и огненный лорд на колени упал. Не растянулся на полу лишь оттого, что кое-как закрыться успел. А хрустнул не он, конструкция из тонких палочек, которую Ярка скульптурой называла и лично строила.

Опустила ладони.

Эта сила меня саму невозможно пугала. Благодаря Акиле кое-как научилась спокойно о снежном лорде говорить, не поджигая все кругом, а вот инстинкты, вбитые ледяным и насквозь замороженным, срабатывали, как прежде. Подумать не успевала, а удар уж

обидчика настигал. Одно отличие — был он несравнимо сильнее, чем прежде.

— Гадина! — прошипел Зорий, сам не хуже ядовитой гадины.

На ноги поднялся, пошатнулся слегка. Думала, сейчас в ответ достать попытается, но не стал. Молча пошел в мою сторону, остановился, зло так выплюнул: «Скрываешь?» — и глянул на открытое плечо. И побледнел.

Я тоже за взором проследила, а сквозь тонкую белую рубашку светились круги, ярко так, что их очертания ясно виднелись. Я прежде посчитала, сколько их там — ровно одиннадцать. Наделив силой, Яр точно знал, завершение двенадцатого цикла для чародейки невозможно, потому как смертному не сравниться по силе с богами, это заложено в самую суть поднесенного дара. Они перекрещивались тонкими золотыми линиями, образуя вместе еще один круг. Количество я знала, а вот Зорий для себя открытие сделал и тоже хотел подсчитать, снова рукой потянулся, а я накрыла плечо ладонью.

— Еще сомневаешься? Раздеваться, чтобы тебя убедить, я не намерена. Иди себе, лорд, дел, наверное, хватает. Куда ж там на безродную лгунью тратить? Про Вива только не забудь.

— Стерва!

И подступил совсем близко. Только я в этот раз ладони перед собой держала, попытается навредить, отвечу.

Он не попытался. Ну то есть вредить не стал. По телу стремительно узоры полыхнули, на лысине засветились, в глазах огонь отразился. И выглядело это красиво, я даже на миг залюбовалась. А Зорий вдруг склонился, и... отнесло его снова к стене. Только я провожала новый полет совсем иным взглядом, который любых слов выразительней.

Что за жест сейчас был? Показалось или огненный лорд меня поцеловать пытался?

Зория аккуратно в огненный переход внесло, а меня здесь оставило молча взирая на место, где чародей исчез. А после в дом Ярка ворвалась.

— Ушел? Так и знала! Как вопли стихли, я выждала немного, чтобы уж наверняка. Ох, как здорово ты его доводишь, Весса. Никто еще так не умел.

— Твой кузен меня, кажется, поцеловать хотел.

— А?

— Склонился, еще и ладони протянул, точно за голову обнять собрался.

— С ума сойти! Вот ты его взбесила!

— Не целовать, покусать хотел?

— Да нет же! Совсем разум помрачился, векторы сбились.

— Что?

— Так говорят, не слышала? Сменить вектор. Это если огненная ярость вдруг страстью обращается. Похоже, братца припекло.

— Нет, не слышала.

Я потеряла лицо ладонями, не умея взять в толк, как же так все устроено, и не понимая, почему настолько взбесился Зорий. Яр меня вдруг выбрал сосудом своей силы, но это никоим образом чародея не касалось. Чинить вреда лорду я и не думала. Неожиданнее всего после божественного выбора предложение Акилы прозвучало. Однако в том состоянии я, признаться, на уговоры быстро поддалась. Он очень убедительно сказал: «При твоей силе, но без защиты громкого имени станешь у высокородных, как кость поперек горла. Проблем не оберешься. Лучше уж сразу со всех сторон прикрыться и выбора им не оставить». Так, собственно, и уговорил. И уж не знаю, как остальные, с ними еще не встречалась, но Зорий, когда в дом ворвался, напомнил мне взбесившегося жеребца, у которого из ноздрей огонь вырывается. Мигом налетел бы и затоптал, не дай я ему отпор. Единственное, поцелуй в этот образ совсем не вписывался. Надеюсь, не все чародеи так на меня реагировать станут.

Глава 20

О КАМНЕ ПРАВДЫ

Тонкий стебелек лег поверх второго, попутно вплелся третий и еще один — я сосредоточенно выплетала из соломы хоть что-нибудь, поскольку воплотить в жизнь задумку с определенным украшением не вышло. Уже пять раз не вышло. А впервые полыхнуло, когда чародей заявил, что был ледяной истукан когда-то его учеником.

Я еще долго огонь успокаивала, пока с собой совладала.

— Бренн родился в то время, когда все было иначе устроено, — ходил за моей спиной Акила. Рассказывал он тоном мудрого наставника, четко разделяя слова, чтобы быстрее доходило и звучало понятнее.

Мне было понятно, настолько, что ледяной образ вживую перед глазами предстал и солома опять обуглилась.

— Вспомни, как я учил, Весса: дыши глубоко, приятное вспоминай, нечто, далекое от моей темы.

Если бы я могла вовсе не слушать, отвлечься вышло бы быстрее, но Акила требовал, чтобы вникала и запоминала, а при этом умудрялась мыслить отстраненно. Он постоянно меня так тренировал, чтобы научилась новую силу соизмерять, и каждый раз темой выбирал ледяного лорда, рассказывая сперва о прежних привычках, об увлечениях, теперь вот за жизнь взялся.

— Твоя слабость в том, как ты на него реагируешь, и поверь, уж кто-кто, а Бренн разглядит и воспользуется. Ведь на тебя ставка делается, девочка. У Яра со Стужей совсем разладилось, недаром бог наш солнечный велел готовыми к нападению быть. Стравятся наши стороны вновь, и день тот не за горами. По силам Бренну лишь ты равна. Он научил тебя защищаться и нападать, хорошо научил, но этого мало, если против него же идти.

Я взяла новый пучок соломы, вздохнула и промолчала. Акила помог научиться говорить о ледяном истукане и не плевать при этом огнем. Сначала давал в ладони деревянные бусины на веревочке, которые следовало перебирать и которых я пожгла немереное количество, дышать при этом наказывал глубоко и медленно, а теперь хотел окончательно ярость усыпить, чтобы то, что касалось мага, меня вовсе не задевало.

— Ты мало в этом разбираешься, но извлечь наружу дар, когда он остался в неразвитом младенческом состоянии, практически невозможно. Прежде не раз пробовали наставники, но чаще заканчивалось окончательным угасанием магии. Бренн помог выманить и обучил, за что ему наше большое спасибо. Но ведь не просто так выманил, а подход к тебе нашел, то есть понял, на что надавить, как заставить не только пробудиться, но развиваться и служить хозяйке. А значит, он и тебя изучил, понимаешь? Так в чем же наше преимущество?

Пожала плечами.

— Лорд не знает свойств выросшей кошки. Поняла?

Кивнула. Закусила губу и стала переплетать стебельки.

— Навыки у тебя отличные, сюда добавим мои тренировки и сможем еще лучших результатов добиться. Признаюсь, превзошел меня ученик, отточил мастерство, углубил и развил систему, но я подгоню свое искусство к отдельно взятой чародейке, тогда и посмотрим, кто из вас верх одержит, а пока тебе о лорде больше узнать следует.

Он прошел взад-вперед и продолжил рассказывать.

— В то время считалось, что магов не следует ставить во главе отдельно взятого княжества. Поскольку они сильнее обычных людей, а сила может ударить в голову, потому наделять еще и властью попросту опасно. Вот и правила тогда князья — обычные люди, а маги шли у них в подчинении.

Мы с отцом Бренна были хорошими друзьями. Потому я и согласился, когда он привел мальчишку, обучить того магии. Затем, впрочем, не раз пожалел. Такого изобретательного сорванца еще свет не видывал, он мне всю кровь свернул.

Я вдохнула глубоко, выдохнула и так еще несколько раз и продолжила плести чуточку

почерневшие стебельки.

— Пришлось предельно строгим быть. Доставалось упрямцу, а он свою линию гнул. Когда удалось мне хоть как-то обуздать щенка огненного, тогда и ввел его в круг учеников, стали они вместе тренироваться. Знаешь, Весса, что дружба, подобно нашей магии, с детства зарождается? Настоящая, крепкая, нерушимая, когда готов за друга жизнь положить.

Подросли сорванцы мои, после поступили в академию столичную. Личный наставник уж всему научил, пришла пора узнать больше о других вещах. Пошли они на службу к князю, вошли в состав дружины, магические клятвы принесли. Правители наши в те времена цапались по поводу и без: за власть, за земли, за богатство. Ну и закружило мальчишек. Стычки, сражения, победы, проигрыши, первые заслуги, почести, награды. Бренн ведь из древнего богатого рода происходил, но чтобы не загордился мальчишка, отец всегда был строг к нему — хочешь в богатстве жить, сам себе состояние сколоти. Лишнего медяка не давал. Остальные мои ученики при обмундировании новом вечно потешались над волчонком, ну и тот в ответ скалился, хотя больше шутил, всерьез не обижался. Зато и богатств в первый черед добился, стал лучшим в княжеском войске, настолько, что быстро занял место по правую руку от военачальника.

Возмужали мальчишки. Когда свиделись позже, этих молодых чародеев было не узнать. Ну и жизнь такая, о которой они в те времена мечтали: слава, деньги, внимание красивых женщин.

Сгорели стебельки. Я выдохнула, раздраженно смахнула пепел на пол и взялась за новые.

Акила кашлянул за моей спиной, потом вновь прошелся и продолжил:

— Ту науку, что следовало в академии пройти, они чаще в походах и познавали. География, быт, различия между княжествами. После возвращались, сдавали положенное, на другой курс переходили. И вот уже ближе к окончанию наступило временное перемирие между соседними княжествами. Воины мои вернулись домой уже не на короткий месяц. Тогда и попалась Бренну на глаза девчонка одна. Она в академии училась, на младшем курсе. Семья богатством не отличалась, но происхождение было хорошее. Пусть не совсем ровня древнему роду, но и за оборванку не сочтешь.

«Или за незаконнорожденную», — фыркнула про себя и продолжила слушать.

— Были у девушки той дед да дядька. Позволить личного наставника они не могли, а где тогда после школы дар развить, как не у преподавателей в академии? Потому, наверное, девчонка серьезная оказалась, училась старательно.

Случайно вышло, что налетела она однажды в коридоре на волка нашего, на урок спешила, дороги не разбирала. Еще и не заметила ни знаков отличительных, ни татуировок, о милости князя свидетельствующих, извинилась и мимо проскочила. А была Азария, скажу я тебе, красавицей.

Я продолжала задумчиво плести, уже не особо обращая внимание на стебельки, но сильно увлекшись рассказом Акилы.

— Зацепила она его, настолько, что поспорил.

— Как поспорил?

— Как юнцы на девушек спорят, что его станет. Соблазнит, стало быть, красавицу.

Я молча опустила голову, огонь не спешил опалить стебельки, начавшие сплетаться в диковинный цветок. Всегда, значит, такой был, легко чужими сердцами распоряжался.

— Спор он почти выиграл, когда слухи о нем ушей Азарии достигли. Скажу тебе, что девушку эту я хорошо знал. И в те времена и позже, когда превратилась в красивую женщину. Стальной характер был. Порой я удивлялся, как из такой тростинки ни слезинки не выдавишь, когда и посильнее, покрепче нее рыдали, и не только девчонки. Хоть, может, и плакала, но чтобы никто не видел. Знаю, не могла та новость ее равнодушной оставить, ведь влюбилась, крепко влюбилась. Но даже виду, что ей больно, не подала.

Я Азарию могла понять, да так хорошо, словно на меня поспорили. Роднили нас с ней чувства к одному мужчине, хоть и разделенные годами. У меня сейчас в душе пусто было, гулко, мрак один со снежными вихрями и боль в сердце, непреходящая, ноющая. Всегда жила. Улыбалась я, с другими говорила, отвлекалась на что иное, хотя бы на дар свой, а боль ничем не заглушалась.

— Отношения она порвала резко и безоговорочно. Велела Бренну на пушечный выстрел не приближаться, а после гордо мимо него проходила, как мимо места пустого.

Акила хмыкнул и замолчал.

— Ну а потом что? — не выдержала через несколько минут и обернулась к наставнику. Он внимательно смотрел на мои руки, которые продолжали плести уже сами по себе.

Акила перевел взгляд на лицо, тряхнул головой, словно отгоняя лишние мысли, и продолжил:

— Ну а что потом? Кабы она рыдала, обвиняла его во всех грехах или академию бросила, чтобы подальше оказаться, исход был бы один. Оставил бы маг позади еще одно разбитое сердечко и дальше пошел. А тут ему пришлось вымалывать прощение и долго, — Акила вновь хмыкнул, — очень долго пришлось. А как итог, свадьбой закончилось. Вот накануне нового призыва княжеского они и поженились. Когда Бренн из похода вернулся, Азария первенца ждала. Подарила мужу счастье. Он ради того, чтобы рядом с ней находиться, следующий призыв проигнорировал, зато сыновей на руки принял. Сразу двое родились.

Улыбка Акилы сменилась хмурым росчерком морщин, а глаза почти скрылись за кустистыми бровями.

— Князь недоволен был?

— Есть такое. Состарился правитель к тому времени, мнителен стал, недоверчив. Оно и понятно. Поживи век человеческий во дворце среди интриганов. На второй раз клятву активировал, силой Бренна в поход послал, невзирая на его желание. Волк к тому времени пресытился сражениями. Волчицу свою отыскал, верное любящее сердечко, еще и детки подрастали, самое время учить. Вот и тянуло к семье, а не в ратное поле, но спрашивать никто не стал. Повинуйся, и все.

— Азария тоже волчицей была?

— Что?

— Ее дар.

— А, нет. Это я так сболтнул, для красного словца, потому что волки свою пару на всю жизнь выбирают. А какой ее сила себя проявляла, уже подзабыл. Как бы тоже не из ваших, кошачьих, однако не рысь точно. Помню, что не слабая, но и не мощная. С другой стороны, Бренн ее от всего ограждал, пылинки сдувал, защищал так, что силу использовать не приходилось.

А меня до разрыва сердца тренировками своими доводил. Подавила новый вздох, а то навздыхалась уже, прикусила губу и принялась дальше выплетать.

— Бренн тогда высказался в сердцах, но слушаться пришлось, а как иначе, если сам клятву давал. Зато до князя слова донесли, кое-где переврали. А тому уже заговоры на каждом шагу мерещились.

Азарию с детьми Бренн к родителям отправил, владели они землей и крупным поселением на месте, где ныне озеро, из которого Зимнелетка начало берет. Являлось оно их родовой вотчиной. Там же особняк стоял, отец Бренна еще крепким мужчиной был, сам дела вершил. Позже хотел все сыну передать, но не сложилось.

В этой части истории вспомнились мне сразу все легенды, которые о Сердце Стужи слышала.

— Откуда родились слухи о предательстве главнокомандующего, я не знаю. Говорят, доверенные люди донесли, будто он надумал князя сместить и сам стать во главе. Но слухи слухами, а появилось ведь доказательство. И когда допросили нескольких людей из ближнего круга, выяснилось, словно взаправду командующий и его сподвижники покушение планировали, а после переворот в княжестве. Бренн будто бы в этот круг входил.

— А они соврать не могли?

— С помощью камня правды допрашивали, вот и сама посуди. А закончилось все печально. Князь вовсе ума лишился, отдал приказ уничтожить вотчины заговорщиков подчистую. И как итог, я встретил любимого воспитанника намного позже, когда возненавидел от души. Были у меня прежде ученики, его друзья, которых за собственных детей почитал и которых он своими

руками уничтожил. Всех, кроме одного. Иштван был тем, кто убил Азарию и детей. Говорят, она ждала третьего, возможно, девочку, которую они с мужем хотели. Защититься она не сумела. Сил не достало ли, навыков... Пожалуй, совладай она с чародеем, смогла бы уйти. Приказ был убить, а вот насчет преследования я не знаю. Коли существовала лазейка, чародеи могли ей воспользоваться, могли упустить беглянку, понимаешь? Приказ на клятве не оспоришь, но для Бренна это не стало оправданием. Мы все увидели его уже другим. Снежный лорд с мерцающими белыми волосами, с ледяным мечом в руке. У него прежде пряди такие каштановые были с огненным отливом и глаза серые в солнечных искрах, смешливые. А тут синий лед, равнодушие. Он и правда чувствовать перестал.

— А как он того, последнего, наказал? — Дыхание прерывалось, но огонь отчего-то совсем не бунтовал, не жег вены.

— Зрения и ног лишил, калекой на всю жизнь сделал. Сказал: «Поживи теперь». Тем и закончилось. Всем отомстил и ушел на северную сторону, стал править. А у нас после тех событий тоже перемены произошли. Оказалось, что не магическая сила разум застилает, а безграничная власть. Ну а позже сложилось уж как теперь. Такая история.

— И до сих пор лишь ненависть к лорду осталась?

— Терпеть его не могу, — согласился Акила. — Век бы не видел. — И замолчал. Он в этот миг как раз вспомнил тот бой, когда сошелся с бывшим учеником один на один. Потеряв своих птенцов, которых бережно взрастил, он бросил вызов их убийце. Сцепился яростно со снежным волком, а когда тот поддался, вспомнил вдруг озорного непослушного мальчишку. Так и не смог убить, ушел. Вернулся в пустой темный дом, пить стал, день ото дня все больше, а после встретил отраду свою, солнечную нежную Аину. Жизнь расцвела новыми яркими красками. Заиграла, забила ключом. Выпивки и пьяных погромов все меньше становилось, один только и учинил накануне свадьбы. Перебрал лишнего. А наутро обнаружил, что невеста сбежала. Акила считал тогда, будто испугалась жениха-медведя, способного за секунды разнести все вокруг, а теперь видел перед собой ее дочь. Видел и понимал, что могла бы жизнь повернуться по-другому, не сломайся он тогда и продолжи бороться.

— Не придет она. — Бренн положил руку на голову снежного волка. — Не жди напрасно.

Эрхан клацнул зубами и упрямо сел на землю.

— Ее душа моей отзывается, сила к силе тянется, а разум прочь отворачивается. Так и нужно, Эрхан, так задумано, менять это сейчас я не вправе.

— Р-р-р, — проворчал вожак.

— Коснуться лишь на расстоянии могу ветром северным, дыханием снежным. Вскоре на их землях зима наступит, и если вовсе затоскуешь, заглянем на минутку, полюбуешься издалика.

— Р-ряв? — удивился вожак.

— Защита? — Снежный лорд улыбнулся. — Я отличный способ нашел ее обойти.

В этот миг оба насторожились и почти одновременно оглянулись на темный спящий лес. Зимнелетка тихо плескалась неподалеку, и в журчание волн вплетались едва слышные звуки.

— Снежные волки, — задумчиво проговорил Бренн, — кочевая стая из тех, что выжили во времена истребления.

Эрхан вскочил на ноги, гордо встряхнулся.

— Иди, иди, — улыбнулся ему лорд, — покажи, кто в этой стороне хозяин.

Прохладный северный ветер влетел в окно, коснулся пушистых волос, ласково провел по щеке. Чародейка заворочалась во сне, пробормотала что-то. Улыбка коснулась губ, и ветерок поцеловал неощутимо, подхватил и забрал с собой отпечаток этой улыбки, ее нежный изгиб, согретый мягкие черты спящего личика. А после вспорхнул спугнутой птицей и скрылся в ночной темноте, когда дверь тихо отворилась и в комнату заглянул Акила.

Бесшумно ступая, наставник прошел к изголовью широкой кровати и замер, пристально

вглядываясь в черты лица той, кого ныне называл своей дочерью. Весна заявила, будто у него жить станет, поскольку в доме на сваях совсем уж неумоготу. В первый момент чародей решил, что, несмотря на громкое имя его рода, кто-то посмел над ней насмехаться, а после узнал, как жестоко ошибся, и еще долго хохотал над собственным промахом. Бедной чародейке прохода не стало от женихов, особенно один жеребец огненный старался. На днях еще и заявился повторно в его берлогу, Вессу обратно вернуть потребовал. А как узнал об иных претендентах, мигом умчался душить всех и каждого. Одна лишь проблема для Акилы нарисовалась — пришлось ремонтом дома заняться, основательным таким. Вот с комнаты Вессы он и начал.

Теперь же тихонько присел на корточки и поднял на уровень глаз два цветка: один, сплетенный из драгоценных тонких ниточек серебра, и второй — из обычной соломы. Последний чародейка выплела, слушая историю Бренна, а второй наставник сам отыскал в завалах старой рухляди. Был спрятан там ящичек, а в нем дорогие сердцу памятные вещи, которых не касался долгое время. Среди них хранился цветок, очень похожий на соломенный, ну точно одна рука плела.

Со словами: «Ведь не бывает такого. Разве есть путь из-за черты?» — Акила поднялся. Потянулся пригладить пушистые кудри, но испугался разбудить. Постоял еще немного, неловко крутя в пальцах обе поделки.

— Могла ты так сильно его любить, чтобы вновь отыскать?

Ответа на этот вопрос ему никто не дал. Было лишь два цветка, один, подаренный на память счастливой Азарией, и второй, врученный печальной чародейкой со словами: «Этот не сгорел, дело за малым осталось, лорда при встрече победить».

Разбудили меня громкие крики и ругань, причем ругался Акила. Я привстала, посмотрела в окно, за которым только начинало светать. Быстро накинула на себя рубашку, натянула штаны и поспешила на первый этаж, но уже на середине лестницы остановилась, а после и вовсе запрыгнула на деревянную перекладину, чтобы оказаться повыше, и уселась поудобнее, покачивая ногой и наблюдая за очередным развлечением чародея.

С моим появлением жизнь Акилы наполнилась таким количеством забот, что я могла бы устыдиться, не обнаружив старый медведь огромного удовольствия от этих перемен.

— Паскудник этакий! Я тебя в дом пригласил, я тебе угощение предложил, а ты что? На богатство, на знатность рода позарился! Сволочь последняя! Да чтобы я за тебя свою кровинушку отдал!

Дальше я наблюдала, как к выходу метнулась какая-то тень, а вслед ей полетел букет и прицельно попал по макушке. Громкий стук дверью подтвердил, что очередной кандидат в женихи исчез из длинного списка тех, кто прислал Акиле записки с просьбой о встрече.

— Видала? — подбочившись, спросил медведь и громогласно захохотал.

— Он ловкий. Аккуратно промчался, даже ловушки миновал.

Многие из нерасторопных кандидатов сбивали стулья, спотыкались на ровном полу, врезались в огромные шкафы. Акила накрутил поверх гладких плит солнечных нитей, а заметить и миновать их без вреда только хорошие чародеи и могли. И нисколько не заботило удочерившего меня медведя, что недавно купленная мебель лишается порой важных частей: то дверца отвалится, то ножка отломится.

— Ловкач еще тот. Завтракать пойдем, а после на тренировку.

Я спрыгнула на лестничную площадку, а чародей запрятал в безразмерный карман гладкий хрустальный шарик.

Как только прежде осаждавшие дом на сваях женихи протоптали новую дорожку к дому Акилы, мой нынешний наставник придумал удивительный способ, как даже самых настырных отвадить раз и навсегда. Однажды извлек из кладовой, доверху набитой разной всячиной, деревянную коробку с опилками, а из нее достал этот шар.

— Сфера правды или камень правды, — объяснил он мне. — Редкая штука.

Чародей поведал, что в прежние времена эти вещицы магические имелись в домах,

обладавших немалой властью людей. Князей, например. Добывался редкий камень для сфер на северной стороне в горах Вечного холода, пока все залежи не закончились. А поскольку камень хрупким был, то и обращаться с ним следовало весьма осторожно.

— Раньше при дворе каждого князя имелся, немало заговоров такие сферы предотвратить помогли. — При этих словах наставник помрачнел.

— И камню совсем невозможно соврать? — спросила я тогда, осторожно коснувшись кончиком пальца гладкой поверхности.

— Невозможно, — кивнул чародей, а в ответ сфера полыхнула лазурным сиянием и погасла. — Видишь? Она подтвердила.

Вот так Акила и придумал избавляться от настырных женихов, задавая при личной встрече один вопрос: «Ты дочку мою любишь?» А после, когда сфера полыхала пурпурным, наступал любимый момент чародея — выдворение кандидата из особняка.

Самым верным из числа появившихся с новым статусом избранницы Яра и наследницы Акилы поклонников оставался, как ни странно, Зорий. Тот регулярно являлся к принявшему жилой вид особняку и настаивал на встрече со мной. На признание главного чародея сфера отреагировала слабеньким лазурным туманом с легкими вкраплениями пурпурного. Когда я удивилась странному смещению цветов, Акила пояснил, что чародей, похоже, сам пока не определился с чувствами.

— Ну то, что ты его зацепила, и так понятно, вон как упрямится, шастает сюда, будто дел других нет.

— Так я и зацепила. Плечо ему после первой нашей встречи лечили.

— А я не о прямом попадании речь веду. Ты ведь мало того что отпор дала, так на поцелуй великого сердцееда как отреагировала?

— В переход его закинула.

— Верно, — рассмеялся Акила. — В первый в своей жизни собственноручно открытый переход, еще и искупала Зория в Зимнелетке.

Я тогда смутилась, потому что и правда ведь не рассчитала. Так переволновалась и удивилась попытке чародея меня поцеловать, что пространство прожгла насквозь до места, где прежде служила, и швырнула лорда в теплые воды Летней реки.

— Теперь еще шарахаешься от него. Притом, что Яр тебя силой наделил, ты для Зория завидная невеста, понимаешь? Ну как он из-за тебя положения лишится? Вот и собирается прибрать к рукам, ведь не безродная к тому же. По этим причинам сам разобраться пытается в истинных своих чувствах, взаправду нравишься или нет.

Я вздохнула.

— Все не как у людей. А почему такого нет, кто сразу знать будет, что любит меня?

— Ну любовь часто постепенно приходит, чтобы сразу с головой накрыла, такое редкость. Хотя я именно подобное чувство когда-то испытал.

И он грустно вздохнул и потрепал меня по волосам.

— Акила, я вопрос хотела задать, — выцепив из волос ледяную заколку, протянула ее на ладони чародею, — сила моя теперь силе лорда равна, ты так говорил?

— Вас обоих даром боги наделили.

— Почему тогда не выходит растопить?

Мой новый наставник взял заколку и покрутил в руках.

— Бренн подарил? — хмыкнул медведь.

— Он самый. — Я отчего-то насупилась после его хмыканья, словно чародей надо мной потешался, хоть он и не думал.

— Смотри, девочка, как бывает, — он устроился рядом и покачал заколку на ладони, — есть

настоящие ледяные вещи, созданные с помощью магической силы. Маг вдыхает свой лед, и вещь служит очень долго. Но есть такие, что можно сотворить, завязав на своем даре. Они прочнее в сотни раз, но зато если уходит из жизни сотворивший, тогда и крошится подарок. Обычную вещь ты со своим огнем сейчас без проблем растопишь, а с Бренном силы равны, вот и не топится заколка.

Я приняла от наставника обратно ледяной цветок.

— Вот же обеспокоился лорд никак веселья ради. Сказал ведь тогда: «Коли сама не растопишь», — а у меня и шансов растопить не было.

— Что есть, то есть, — хмыкнул Акила, а сам умолчал о том, что с помощью ледяной вещицы, которой Весса вновь небрежно заколола кудри, ледяной лорд мог отыскать чародейку повсюду. Эта маленькая особенность и спасла девочке жизнь после вмешательства Яра.

Неладное, эх неладное творилось, вот чуяло его сердце.

Очередного жениха Акила прогнал с помощью сферы, а теперь катал шар в ладонях и рассматривал гладкую, без малейшей трещины поверхность. Будь на ней хоть крохотное повреждение, это привело бы к сбоям. А так магия извне влиять на волшебную сердцевину не могла, но почему же ответ был не таким, какой хотелось бы услышать старому наставнику. Он вдохнул поглубже и повторил вопрос:

— Бренн Весну любит? — Полыхнуло пурпурным.

— Эх ты! Может, не так задаю? Ну, нравится хотя бы? — полыхнуло пурпурным. — Так на кой ляд он все это творит? Чародейку принял, обучил, в землях чародейских от Стужи спрятал, после вон жизнь ей спас. Так что ему от девчонки нужно? Использовать желает в своих интересах? — Шар загорелся лазурным, а чародей тоскливо вздохнул.

— Ясно. Следовало ожидать с его-то ледяным сердцем. Тогда другой вопрос: Аина сама от меня сбежала? Испугалась? — полыхнуло лазурным, точно так же, как и много лет назад после исчезновения невесты.

В сердцах выругавшись, чародей поднялся.

— Ладно, попробуем иначе разобраться.

Тишина у Зимнелетки царила напряженная. Здесь, на границе, уже ощущалось настоящее похолодание, причем не в прямом смысле, поскольку осень выдалась мягкой и теплой, а в отношениях со снежными магами. Ситуация все ухудшалась, и Акила мог поклясться, что причина крылась в недовольстве богов. Яр и Стужа крепко повздорили, о том знали их доверенные маги и чародеи, а слухи имели способность разлетаться быстро. Вот и напрягались патрульные, дежурившие по обеим сторонам реки, и ждали лишь момента, когда напряжение выльется в общий приказ — нарушить границу, напасть. С какой же стороны он вперед прозвучит?

Акила шагнул на берег из сотворенного Зорием портала и спокойно уселся на землю, в то время как учуявший всплеск силы патруль уже бежал к реке. Чародеи резко затормозили, увидев своего лорда, и склонились в поклоне.

— Ступайте, — отослал их небрежным взмахом руки Зорий.

Те быстро повиновались, не смея перечить приказу, а главный чародей сложил на груди руки и недовольно посверлил взглядом спину задумчиво глядящего вдаль Акилы.

— И сколько тебе времени нужно было вспомнить? По тем дням поскучать, когда сам здесь служил?

— Да вот подышу свежим ветерком с часок, а после приходи за мной.

Зорий стиснул челюсти, но промолчал. В качестве ездового жеребца его еще никто не смел использовать, а вредный старый медведь каждую ситуацию к своей пользе поворачивал.

— С Вессой дашь увидеться? — сквозь зубы спросил он.

— Как же не дать, конечно, дам.

Лорд выдохнул.

— Если сама пожелает. Принуждать, сам понимаешь, не буду, — добавил Акила.

Сжав от ярости кулаки, Зорий резко развернулся и исчез по другую сторону перехода, а Акила тихо посмеялся. После чего откашлялся и негромко позвал:

— Ну и где ты, снежный щенок? Ведь наверняка неподалеку бродишь? Явись уж, что ли, дело к тебе есть.

По ту сторону темной реки тихонько раскачивались деревья, шуршали листья, колыхалась трава. Чуть более холодные дуновения северного ветра доносили свежесть холодного снега, хоть тот давным-давно растаял и сменился россыпью весенних цветочков на пологом берегу.

Акила всматривался внимательно до боли в глазах, но непонятно как пропустил момент, когда ледяной лорд вышел из-за деревьев и точно так же присел на той стороне. Чародей увидел его уже сидящим и небрежно кидающим камушки на ледяной панцирь реки. Ответ прозвучал тихо, не громче шепота, однако ветерок донес.

— Что не спится тебе в темное время, старый медведь?

Акила усмехнулся, а ветерок услужливо подхватил уже его слова и понес через невидимую преграду.

— Соскучился, не видишь разве? Вот повидаться пришел.

На этой фразе он запустил руку в карман и вытащил наружу гладкий камень.

— Еще и гостинец принес. Лови!

Метнул в воздух хрупкую сферу, отчего-то совсем не опасаясь, что она утонет или, хуже того, стукнется гладким боком о твердый лед и расколется.

Не прогадал.

Сферу подхватило и закружило снежное мерцание и перенесло по ту сторону, плавно опустив в руки ледяного мага.

— Хороший гостинец. Даже помню, для чего служит. И все же одряхлел ты, наставник, такие древности при себе таскаешь. Никто уж не пользуется.

— А то! Как пользоваться, когда камушков почти не осталось?

Бывший ученик подкинул шарик на ладони, а после закрутил на кончике пальца, снова подкинул и поймал у самой земли, когда Акила чуть было не выругался на этого паршивца.

— Давай спрашивай. На что меня проверять явился?

— С простого, что ли, начнем? Вот жену твою Азарией звали, верно?

— Совсем уж просто, Акила. А посложнее придумать?

— Так коли просто, мог бы сразу ответить, а ты темнишь. Неужто имя подзабыл?

Сфера осталась в одной руке, а другой лорд вновь бросил в реку камушек. Он долетел до ледяного края, отскочил от него и прыгнул в воду.

«Так и до меня добросит», — хмыкнул Акила, оценив немаленький размер камушка.

— О жене я все помню, старый медведь. Вплоть до ее клятвы, что во время обряда давала.

Сфера тут же полыхнула лазурным, а Акила мысленно потер руки — сейчас и проверим.

— Неужто слово в слово? Она же тогда, кажется, не ритуальные слова произносила, сама для тебя клятву придумала.

— Хоть сейчас повторю. — Лорд склонил голову, и снежные пряди упали на лицо, скрывая свечение глаз.

— А и повтори. Помнится, тогда меня сильно растрогало. Только подзабыл за давностью лет, было там что-то про жизнь и время.

Лорд заговорил негромко, но до Акилы доносилось каждое слово. И чародей слушал внимательно, пытаясь распознать обман, а слышал, точно наяву, торжественный голос красивой милой девушки, видел счастливые глаза Азарии и тонкие пальцы, что, дрогнув, легли на локоть жениха, которому шептала она слова клятвы:

Коль разлучат, вернусь назад
И встану рядом вновь.
К тебе приду из забвения,
Пока зовет любовь.
С той стороны, где вечный свет,
Шагну сквозь жизни грань.
Путь отыщу в забвенье лет,
Пока ты будешь ждать.

Бренн замолчал надолго, и Акила хранил молчание, разглядывая лазурную сферу.

— Вот как так, да, — выговорил он наконец, — что-то про время и возвращение.

— И куда клонишь, медведище?

— Что это я медведище?

— По чувствам топчешься косолапьем своим.

— Ха! У тебя и чувства? Давно уж сердце льдом обросло.

— Память не обросла.

Сфера вновь полыхнула лазурным.

Красивые переливы. И ведь как четко и правильно реагирует. Тут и подкопаться не к чему.

— И хорошо, что не обросла, ведь я это не просто так веду.

— Ну и?

— А ты Стуже предан?

— Преданнее меня нет никого у богини.

И лазурное сияние не дало соврать.

— Тоже верно. Однако мне какая мысль в голову пришла? Вот камушки правды, они особенные, только на вашей стороне добывались в те далекие годы. Никакая магия их не брала, невозможно было на них повлиять даже сильнейшему чародею или магу. А стало быть, не соврала сфера тогдашнему князю. Ты взаправду о власти возмечтал и покуситься надумал. Сам на свою голову и на родных беду навлек. Так за что мстил потом? Отчего ради мести на верную смерть решился, согласившись огонь на лед променять?

Снежный лорд усмехнулся, хотя этой усмешки Акила, конечно, не видел.

— Долго ты ждал, чтобы этот вопрос мне задать. А тогда, помню, сразу с мечом кинулся, без лишних слов.

— Да вот кинулся, что поделать, слабость у меня такая была — иным способом не привечать воинов, надумавших у любимых учеников жизнь отобрать. Что же теперь, столько лет спустя, правду скажешь? Позарился на силу и власть? Мало стало правой рукой военачальника служить?

— Иначе было, — отрезал Бренн, а сфера засветилась пурпурным.

— Иначе так иначе, — вздохнул Акила. — Теперь значения не имеет. Кто же нынче осудит? Из живых нас трое осталось. А про Азарию я потому речь завел, что коли власть тебе все застила, значит, такой женщины ты не заслужил. Как она тебя любила, никто и никогда не смог бы полюбить.

— Я не заслужил, я и потерял, судьба справедлива, не так ли, наставник? — Он снова подкинул в ладони лазурную сферу и поднялся на ноги. Акила тоже встал. В молчании смирив друг друга взглядами по обе стороны границы. И кто бы объяснил старому медведю, отчего так заныло в груди давно очерствевшее сердце.

— Прощай, снежный щенок. Не думаю, что свидимся снова.

— И тебе долгих лет жизни, Акила. За гостинец спасибо.

— Все же решил прихватить?

— Возьму, вдруг пригодится какой заговор раскрыть.

— Ну-ну, — пробормотал Акила, видя, как ледяной лорд исчезает в пространстве, словно его и не было.

Глава 21

О СРАЖЕНИИ

Непривычно сосредоточенная и серьезная Ярка туго затягивала ремешки доспехов. Мне тоже говорить не особо хотелось. Сперва изучала одежду удивительную, после принялась облачаться. О чем тут шибко болтать, когда к вечеру доведется встретиться со снежной стороной у широкого озера. Пока же все чародеи боеспособные собирались близ резиденции огненного лорда.

— Шнуровку под лифом туже затяни, — бросив взгляд на меня, посоветовала Ярмила.

— Зачем здесь такой лиф? Всю верхнюю часть груди оголяет. Не доспехи, а нечто такое, к чему и слов не подобрать.

— Вот именно, — не стала спорить чародейка, — не доспехи, оружие. Сперва грудью противника отвлечешь, а после добьешь его копьем огненным.

— Не отвлеку, а привлеку. Как раз сюда снежочком жалящим запустить ничто не мешает.

— Кажется только. Ты еще воротник не надела.

Ярка указала на прозрачную пластину, и правда воротник напомнившую.

— Вот этим шея и грудь защищаются, а обзору не мешает. Огненный хрусталь называется и добывается в Огненных горах. К пламени и снежной магии устойчив. Доспехи наши, Весса, из такого материала изготавливаются, что запросто снежные их не пробьют. Зато и у ледяных жароустойчивый лед на пластинах. Они тоже неплохо на битву снаряжаются.

— Пластины, не кольчуги?

— С чародеями сражаются в специальных доспехах, а про кольчуги не знаю, может, они для иного случая.

«Для великанов, например», — дополнила я про себя и принялась рассматривать наряд в зеркале. Убойные доспехи, явно на магов-мужчин рассчитаны. Тут иных отвлекающих маневров не нужно. Летящая юбка с разрезами до пояса поверх узких штанов. А те заправлялись аккуратно в высокие сапоги выше колена. Кожа замысловатая из плотно пригнанных друг к дружке чешуек. Верх же и вовсе сказка, кафтан — не кафтан, а до середины бедра доходил, приталенный, аккуратненько по фигурке сидел и тоже будто из чешуи целиком состоял, а нарукавники — те из цельного блестящего металла, натягивались по самый локоть. Высокий воротник на груди и прикрывал, и глазу радоваться позволял, природной красоты не скрывая и защищая попутно шею. То ли любуйся, то ли убивай, самому решать. Чародейки-то все у Зория словно на подбор, стройные да тренированные. А кто потуже шнуровку затянул, у тех грудь еще убийнее смотрелась.

— Зорий доспехи придумывал?

Приметила уже, что больно огненный лорд все красивое любил.

— Не он, чародейка одна. Давно дело было, в пору последней войны. Прежде доспехи тяжелые изготавливались, женщинам в бою еще хуже приходилось, чем мужчинам. Вот она и сообразила новый наряд для нас, пластины на чешую заменила, а фигура, говорят, у нее на загляденье была, вот и вздумала подчеркнуть. В первый бой как надела, так и деморализовала врага.

— Что сделала?

— Отвлекла, из строя вывела, чем и воспользовалась. Билась она неплохо. Правда, легенда существует, не знаю, насколько правдивая, будто, когда война закончилась, тот снежный воин, что на уловку попался и которого чародейка едва не прикончила, отыскал деву в Южных землях, а после похитил.

Я хмыкнула. Легенды они такие, в них приврать и приукрасить любят.

Оглядела себя в зеркале, отметила, что каждая деталь продумана, все друг друга дополняет, движениям не мешает, носится легко. Удобно и красиво.

— Как добираться будем?

— На верранах поедem, — сказала Ярка. — Ты их прежде не видела, они в Южной пустоши в загонах обитают. Это на юго-западе отсюда, через линию барханов. Загонщики уж скоро должны их пригнать.

— Кто такие верраны?

— Ящерицы большие. Им от природы огненная магия дана, только слабовыраженная, потому чародеев они хорошо слушаются и к снежной силе устойчивы. Еще у них на спинах седла такие приторочены, точно на лошадях.

— А на лошадях не лучше?

— Были случаи, когда маги скакунов зачаровывали, чтобы те седоков сбросили. Ну как, ты готова? Думаю, скоро отправимся.

На восходе и закате встречаются солнце с луной, в эту пору магия снежных и огненных по силам равна. А еще есть место у озера, где берет исток Зимнелетка. Здесь когда-то поселение стояло, а после все жители погибли, вот и сформировалась от выброса силы мощная воронка и потом водой заполнилась, но сам воздух пропитался огненной магией, да так и застыл. Нам, чародеям, что днем, что ночью здесь одинаково легко колдовать было. Потому снежные и предложили на закате сойтись, после их время силы наступало, но нам оттого никакой разницы.

Я наземь соскочила и обернулась к проворной ящерице, которая тут же развернулась, махнула длинным хвостом, а мне пришлось подпрыгнуть, избегая этого замаха, и потрусила обратно к загонщикам. Зорий отдавал приказы, выстраивая нас в линии, лицом к той стороне. Места лучше озера для встречи было не придумать. По левую руку от него такие скалы высились, что даже птица не пролетит, а по правую — колючие непролазные заросли, в которых поблескивала тонкая лента реки, постепенно набравшей свою полноводную силу. Говорят, до появления озера исток выше находился, в самих горах.

Рядом со мной Акила стоял. Стоял и хмурился, глядя на гладкую спокойную воду. Он с момента отъезда все время так хмурился, потому что Зорий от самого Яра наказ получил — утереть снежным нос. Чтобы знала Стужа, наша сторона сильнее, и продолжала сидеть тише мышки, как прежде, после проигрыша своих магов в Великую войну.

— Акила, — окликнув мрачного медведя, я получила в ответ хмурый взгляд, — ты рядом будешь?

— Постараюсь весь бой поблизости удержаться. Тебя прикрыть следует. Яр заявил, что воин у нас Зорий, а ты его сила. Подстрахуй в случае чего, магию направь, а Бренну на глаза не попадайся.

— Не попадаться? — Я даже зубами заскрипела от злости. Такой шанс снежного волчару по морде хлестнуть, и то не пускают.

— Желательно, — хмыкнул Акила, без труда угадав мой настрой. — Силы у тебя много, умения неплохие, но с матерым лордом тягаться...

Он замолчал, предлагая самой домыслить.

Хорошо, наставнику виднее. Я отвернулась к озеру, успокаивая себя. Кровь бурлила от волнения, руки подрагивали. И не то чтобы предвкушала битву, но у всех сейчас было состояние, словно ходишь по острию и ждешь, как в любой момент сорвешься и вниз полетишь.

— Солнце село, — негромко произнес Акила, — задерживаются маги, хоть условились мы о времени.

Удивительно, но нападать без предупреждения у обеих сторон было не принято. Договаривались о встрече так, словно не в бою сходились, а на беседу за чашкой травяного сбора собрались. От этих мыслей, впрочем, быстро отвлек меня громкий треск, а озеро начало затягиваться корочкой льда. Вода затвердевала на глазах, превращаясь в гладкое синее поле.

— Что это? — выдохнул наставник, и я побледнела, увидев, как бегут по ровной глади

вооруженные короткими ледяными мечами маленькие маги, мальчишки. Подбадривая себя криками, несутся на всех парах, точно затеяли игру в настоящих воинов.

Я шаг назад сделала не раздумывая, так же как и вся наша шеренга слаженно отступила.

— Он детей вперед бросил! — прижав к щекам руки и чувствуя боль от вдавившихся ногтей, крикнула. — Да не мог он, не мог!

Мальчишки совсем уже близко были, когда мы, растерянные, растерявшие боевой ныл, беспомощно поглядели на взбешенного огненного лорда.

— Отразить удар! — рявкнул он, и копы по этой команде взлетели. Только я своего не подняла, у меня рука дрожала, потому что видела там, среди бегущих, давнего знакомого и остальных, так увлеченно слушавших зимними ночами мои сказки. «Не мог он, не мог!» — повторяла про себя. И хоть я его, оказывается, совсем плохо изучила и сама обожглась, когда верила, без веской причины руки убить не поднимет, но здесь ведь не чародейка ненужная, здесь дети, будущие снежные маги, которых всей крепостью воспитывали. Не мог он! Не мог!

Без приказа, без разрешения от нашего лорда я взметнула ладони, и рванулась вперед стена жара, промчалась меж спинами впереди стоявших, хлынула волной прибоя на бегущих магов — не убить, растопить иллюзию.

Угадала! Остальные вздрогнули и выдохнули, не веря, что может быть сила, способная создать на поле сотни копий настоящих мальчишек. А я словно наяву услышала тихий смех и довольное: «Разгадала». Даже отшатнулась невольно и врезалась в грудь Акилы, а он ободряюще сжал плечо.

— Молодец, Весна, раскрыла замысел. Отвлечь, сбить с настроя хотел снежный щенок.

Я закусил губу, сосредоточилась до боли в висках и из самого своего сердца вызвала к жизни новый огненный вал, длиннее и шире предыдущего, потому что если одни отвлекают, то должны быть и другие, готовые напасть.

От жара заколыхался воздух, и трещинами пошла снежная пелена, а после осыпалась, открывая нашим глазам почти преодолевших озеро магов.

Вновь вскинулись щиты и копы, зажглись кругом огни, закапало с острых кончиков пламя на землю, и стало светло, точно днем.

И довелось при этом свете оценить доспехи ледяных воинов. Отличались они от кольчуг, призванных держать удар великанов. Здесь были латы из плотно пригнанных ледяных пластин, таких, чтобы не пропустили ни огня, ни жара, тесно прилегали они друг к другу, но движениям не мешали. Шлемы головы укрывали, на наши похожие, но не из закаленной стали, чтобы лед не брал, а, опять же, ледяные. Водились на северной стороне мастера-оружейники, способные такую прочную красоту создать. Хоть доводилось слышать мне от Белонег, что ни войд, ни князя не гнушались сами доспехи рядить, ведь с их силой ни один другой маг не умел сравниться. А опыта хватало, особенно у ледяного истукана.

И вот его-то, направляющего, командующего, призванного посылать людей в сражение, я нигде не видела. Если Зорий на укрепленном возвышении стоял, и его голос мы все слышали, то где находился ледяной лорд?

Стало мне не по себе, но времени искать среди стольких лиц одно знакомое уже не оказалось. Раздался новый громкий треск, и лед замороженного озера вдруг подался вверх и ощерился ледяными стрелами, полетевшими в наши шеренги, а маги перепрыгивали с поднявшегося края, чтобы вклиниться в ряды противника сверху. Я не стояла впереди, но видела, тяжело пришлось чародеям. Щитами прикрываться от стрел, самим защищаться от атак рванувшихся на них снежных. Зато отступали слаженно, не допуская паники и смешения рядов. Те маги, коим удалось прорваться, уже вступили в ближний бой и рубились на мечах. Их противники, оставив копы, тоже хватались за короткие широкие клинки. Огненные искры, снежное крошево рассыпались от этих ударов. А магов в наших рядах становилось все больше.

Я лишь в первый миг растерялась, а после подросла помочь Зорию, растапливавшему ледяную кромку. Она продолжала сыпать колючими стрелами.

Магия ощущалась мной, точно дыхание игривой кошки, вотдохнула в сторону озера, и пронеслось тепло, минуя ряды сражающихся, и все стрелы обратились водяными каплями, а огненный лорд отер пот со лба. Я справилась, ему было сложнее. Моих сил оказалось больше.

Акила сжал на плечах ладони и потянул отступить еще на шаг. Он тоже беспрестанно оглядывался. Уже пахло кровью, сталью, лед сделался красным. А потом стало совсем непонятное твориться. То здесь, то там на моих глазах появлялись новые воины, возникали по трое, по четверо, кидались на чародеев. Вот впереди сцепились двое, один в нашем доспехе, другой ледяной. Чародей бодро махал мечом, теснил противника, когда облик того вдруг рябью подернулся, и стало вместо одного целых пять снежных магов.

— Зеркала, Весса, топи их!

И я бросилась помогать чародеям, раскалывавшим снежные обманки. Огонь ввинчивался меж человеческих тел, сталкивался с ледяными вихрями. А люди вдруг стали пропадать. Я не сразу заметила, наставник тоже. Он замычал что-то, толкнул меня к себе за спину, тоже выхватил меч и скрестил с каким-то магом. Этого я не знала, да и среди тысячи снежных не замечала пока знакомых лиц. Князей лорд и вовсе, кажется, напоследок приберегал. И вот еще бился передо мной старый медведь, а вдруг сделал шаг в сторону и исчез.

— Акила! — хотела выхватить меч, но сработала выучка, и я кинулась на землю, а над головой просвистел чужой клинок. Почудилось, в бок метил. Ударила в ответ нападавшего, но не сталью, а магией, и противника отнесло так далеко, что я его больше не видела. По дороге зацепило остальных. Те, кому повезло рядом стоять, разом исчезли.

— Ловушки! — закричал, предупреждая, Зорий. — Точечные переходы. Не сходить с места.

Что значили точечные переходы? И как было оставаться на месте, когда на тебя нападают? Отражать удары и не двигаться?

Со спины ощутила чье-то приближение и увернулась, а Акила, пытавшийся снова взять за плечо, промахнулся.

— Стой, девочка, это я. Ты его переходы сбиваешь, Весса, направляй силу, сминай как можно больше ловушек, чтобы наших далеко не утягивало. У Зория на это тьма сил уйдет.

Я не знала, куда именно направлять, и дыхание кошки разрасталось, расходясь от меня кругами, а пары сражающихся то исчезали вдруг, то вновь возникали в ином месте, точно мы с ледяным лордом людьми в прятки играли. Он их перемещал, я возвращала, но людям каково? Сбивались от этой игры, проваливались в иное место на середине замаха, завершали его ударом в пустоту. В рядах такое смешение наступало, что вовсе терялись, где свои, где чужие, с кем сражение вести, кому отвечать.

«Нравится война, чародейка?» — и вновь этот голос в голове моей прозвучал, от которого подпрыгнула на месте и стала судорожно озираться.

— Не нравится! — крикнула туда, в пустоту, не видя его, не чувствуя присутствия рядом, но зная, что наблюдает. Укрывается за своей пеленой мерзавец. Шагает невидимым среди сцепившихся, хрипящих от ярости противников.

— Так за кого ты сражаешься? За богов?

— Что?

Руки дрогнули, и если бы не Акила, я бы совсем растерялась.

— Бренн? — прохрипел мой медведь. И на кивок крепче стиснул плечо. — Не поддавайся ему. В обман ввести попытается. Он еще...

Не договорил, исчез вдруг, замахнувшись на рванувшего к нам мага. Провалился с ним вместе в очередной переход. И я выбросила ладони, поймать и вернуть, но увидела наставника уже дальше, на расстоянии в десять шагов. Новая волна тепла, и тот удалился снова, пока не затерялся среди других.

Маги исчезали, множились, оказывались обманками. Бой с тенями, с зеркалами, а настоящие люди в этих рядах терялись среди ненастоящих. Я видела, Зорий сам схватился за меч и сорвался с возвышения, бросившись вниз, в центр кипящего сражения. А меня накрывала ярость, чистая, пронзительная, бесконечная. Он смеется над нами, смеется над криками тех, кто бросается на миражи, готовя меч для удара, обманывает, издевается.

Ненавижу!

Ярость полыхнула огненной зарницей, раскололись зеркала, сбились переходы, волной жара

всех, кто оказался близко, снесло прочь, раскидав в стороны. Кажется, я и сама отправила немало людей в иные места, закинув кого-то на другую сторону Зимнелетки. Акила учил контролировать дар, данный самим Яром, он предупреждал держать кошку в узде. «Сама не знаешь, на что способна, Весса». А еще они слишком рано допустили меня к сражению, и наставник должен был быть рядом, чтобы направлять и помогать, но он исчез. Только искаженные гневом лица оказались вокруг, глаза, налитые кровью смертельной битвы, пропитавшийся запахом металла горячий воздух и хлесткие ледяные порывы чужой магии. Крики, шум, удары, сливавшиеся в лязгающий гул, и обезумевшая кошка рванулась со своего поводка. Я не могла ее удержать, даже если бы очень хотела.

Тех, кто оказался рядом, сминало волной, отбрасывая в сторону, а меня переполняла ярость. Своя и чужая, отравлявшая воздух, проникавший в мои легкие. Я глубоко, жадно дышала, а огонь крушил все кругом, пока вдруг меня не развернуло назад. Шею сдавила широкая ладонь, и под ней хрустнул надежный, закаленный против ледяной магии воротник, осыпавшийся прозрачными стеклышками.

— Перебьешь своих и чужих, чародейка. — Мою силу окружила ледяная сеть, заключая в ловушку, стягивая обратно к нам двоим.

Самый ненавистный из всех живущих ныне магов. Ледяной лорд! Передо мной! В ледяном доспехе, но уже без шлема. И щека рассечена, а кровь капает на синий лед. Глаза волчьим яростным светом светятся, и волосы, точно иглы ледяные. Когти прозрачные медленно обратно в пальцы втягиваются. Вот она, боевая ипостась ледяных магов — вдохнешь и выдохнуть забудешь.

Только я не испугалась, не успела. Быстро принял привычный облик. И ничто не мешало направить силу против него, расколоть доспех и сжечь дотла ледяное сердце. Потому что он стоял, так глупо открывшись. Собирался сдерживать меня, но не подумал защитить себя. От моей силы доспех не спасет. И потому ничто не мешало убить, кроме... Кошка ощерилась, припала на передние лапы, выпустив острые когти, но не нападала. Моя сила, ставшая бесконечно опасной для любого, отказалась наброситься первой. Угрожала, в бешенстве хлеща хвостом по бокам, отзываясь на мой призыв уничтожить лишь жутким оскалом, на который отвечал таким же оскалом громадный снежный волк.

Повинуйся! Повинуйся мне! Нападай!

И она послушалась, рванулась вперед, но не к волку, а к силам тех, кто бился вокруг, чтобы растоптать и порвать в клочья их, не заслуживших моей ненависти и ярости, и я не смогла удержать. И сама обратилась чистейшим огнем, выжигавшим мои вены, когда земля дрогнула и провалилась под ногами.

Вынырнула, точно из воды, из чужого перехода, рванувшись сквозь мглу и успев освободиться до того, как лорд меня перенес, куда ему было угодно, да хоть снова ко дворцу Стужи.

Вывалилась посреди ровного поля, где давно, целый век назад, училась владеть той силой, что сейчас сорвалась с поводка. Измененное пространство не погасило, а лишь перенаправило удар. И пока я, опираясь на руки, смотрела на пригорок с деревянной крепостью, сила крошила толстые стены, стирала, пожирала и расшвыривала по бревнышку оплот снежных магов. А я с ней едина была в этот миг, ощущала все, словно под моими пальцами измельчалось в пыль тлеющее от невозможного жара дерево, и уже видела чуткая кошка, что внутри пусто, ни единого живого существа там и во всей близлежащей округе.

И вновь меня втокнуло в переход, протаскивая сперва по земле. Чешуя заскрипела по каменистой почве, а после дух вышибло промерзлой воронкой чужой магии, но я снова оттолкнула мужские руки, изворачиваясь гибким кошачьим телом, опаляя яростным пламенем протянувшиеся ко мне пальцы.

Коленями ударила о толстый лед, а волна огня пронеслась по огромной комнате и прошла сквозь стены, пол ходуном заходил, в ушах затрещало. Стало на голову осыпаться, когда вновь исчезла опора под ногами. Ох, и тянули же переходы силу, и притом я свой создать никак не успевала, лишь чужие сбивала, вырываясь из ледяной сетки.

Да что же я — добыча, чтобы меня ловили?!

Сила бесконтрольная, да еще моей яростью питаемая, с бурной радостью прогрызала себе путь на свободу из новой круглой, на башню похожей комнаты, только меньше и уже предыдущей. Снова затрещало кругом, однако лед вдруг засветился синим, и трещины стали затягиваться, сцепляя плиты обратно.

Ко мне в таком состоянии только безумный посмел бы приблизиться или лорд ледяной. Воздух от жара плавился, а врага удержать на месте огонь не мог. Обтекал его фигуру красноватым мерцанием, скатывался каплями по прозрачно-холодному искрящемуся заслону.

Не ожидая, пока он сам нападет, прыгнула вперед, заноса в полете ладонь с зажатым в ней клинком. Острым, коротким, способным нанести пусть не смертельный, но ощутимый удар. Отвлечь и пробить путь на свободу — такова была моя цель. Однако увернулся лорд, ушел от замаха, ухватил за запястье и вывернул руку, выбив из ладони закаленную сталь. Выпустил из захвата быстрее, чем сместились или сломались от его хватки хрупкие кости, и я пролетела к стене, разворачиваясь на ходу, и врезалась в нее уже спиной. Новый удар вполне успела бы отразить, не обмани лорд своей пленой. Исчез с моих глаз, а в следующий миг оказался вплотную, и за секунду, что я осознала новую угрозу, склонился и прижался ко рту холодными губами.

Смертоносный огненный вихрь, хаотичными всплесками разрушающий комнату, вдруг завращался по кругу, стянулся в центр и пробил лед насквозь, ярким столпом возносясь к небу. Короткий миг невероятной слабости, и весь этот огонь словно втянулся обратно в меня. Я и заподозрить не могла, что расчетливый и жестокий ледяной лорд сумеет обратить огненную ненависть в сравнимую с ней по силе страсть. Не зря Акила говорил, что по опыту мне с магом не тягаться. Упреждал держаться подальше, но не сложилось. Даже в той обстановке, когда успокоить всплески магии я и сама не могла, войд нашел способ. Худший для меня способ. Тогда на себе ощутила, что означала для огненной сути смена вектора магии.

«Векторы сбились» — так описывала Ярка, а я бы, имея счастье сейчас рассуждать, обрисовала резкий поворот иначе: «Спятила Веска».

Я в лорда вцепилась, словно иных мужчин в жизни повстречать не доведется, и другого спасения от поглотившего тело огня во всем мире не сыскать. Он мои доспехи ломал, сминал, рассекая скрепляющие ремешки то ли кинжалом ледяным, то ли вовсе пальцами разрывая, а от жара моих ладоней все ледяные пластины трескались, распадались на куски. С одеждой, которая под доспехи шла, мы вовсе незаметно расправились. Моя, вероятнее всего, раскрошилась, заледенев, а его прахом обратилась, сгорев дотла.

Спина обнаженная тесно к промерзлой стене прижалась, за бедра крепко мужские руки обхватили. Его на земле последним человеком считала, которому могла вновь на страсть ответить, но... В бешенстве, что так целует, как я хочу, чтобы меня целовали, царапала широкую спину и плечи. Ненавидела его, потому что не имел права прикасаться, раз прежде надумал убить, только было от тех поцелуев не просто горько, но сладко до дрожи. И я держалась, не отвечала и оттолкнуть не могла. Зажмуривалась до тех пор, пока не осознала, что крепко держусь одной рукой за его шею, а второй вцепилась в упругие ягодицы, глубоко вогнав ногти в кожу, подталкиваю, не отпускаю и сама двигаюсь быстро, напряженно, неистово, а стоны едва сдерживаю и губу закусилась, чтобы звука не издать. Однако наступил момент, когда сорвалась на ожесточенное признание. Сильнее притянув его за шею, уткнувшись лбом в плечо, выдохнула: «Ненавижу!»

Ответа не ждала, но он вдруг ответил. Сдавленно и хрипло промолвил: «Ненавидь. Только живой будь».

Ледяная комната, стены и пол из синих плит, скругленные края, гладкие и ровные поверхности. Где бы она ни была, но лорд хотел забросить меня сюда, потому что небольшая башня держала удар. Ее затянуло молочным опасным туманом, а в нем всполохами проскакивали огненные всплески и создавались причудливые фигуры. Силы двигались в нашем ритме, смешивались, бурлили подобно волновому накату, сталкивались и играли, отпущенные на свободу. Нам было не до контроля, нам было не до чего в целом мире. Векторы сбились настолько, что, когда страсть сделалась невыносимой и затылок за холодила ледяная стена, а колючий, пахнувший морозом воздух пробрался в легкие, он смешался со стоном и плеснул паром горячего дыхания. Огонь моего тела рванулся оранжево-красным течением и ударился со всей силы в холодный лед, расколов окончательно.

Я задрожала, и башня вместе со мной. Крепко ухватившись за шею державшего меня мужчины, чье имя каким-то чудом до сих пор не сорвалось с языка, увидела, как мгновенно расширились трещины в плитах, и вот тогда громыхнуло.

Башня не выдержала удара, или лорд, подобно мне, не сумел сохранить контроль, ведь его тело отозвалось такой же дрожью, но ледяная комната рухнула вместе с нами. Кошка отреагировала быстрее хозяйки. Магия, как животный инстинкт, выручала тогда, когда разум не успевал отдать приказ или вовсе не хотел даже сделать попытки.

Я упала в собственный переход, создав его интуитивно. Настолько быстро, что сама не осознала и не успела утянуть следом упавшего вместе со мной мужчину. Пальцы скользнули по отпустившим меня рукам и схватили уже пустоту. А дальше мрак и тишина, в которой отголоском эха прозвучало ненавистное и дорогое имя: «Бренн!»

Все-таки позвала.

Он улыбнулся, прикрыв глаза, чувствуя боль обожженной, исцарапанной кожи. Все тело ныло, в нем целой кости не осталось после удара о ледяные обломки прежде прекрасного дворца. Он строил его лишь с целью отвлечь богиню, но ледяная роскошь оказалась лучшим местом, чтобы на короткое время поймать и сдержать силу кошки.

Такой всплеск магического дара мог либо разнести все в округе, либо быть поглощенным, но в этом случае энергии хватило бы даже завершить цикл. Двенадцать одинаковых мерцающих кругов на его предплечье, последний из которых стремительно вспыхнул, замыкаясь.

Сила могла помочь и срастить раздробленные кости, но следовало быстро направить ее для завершающего штриха этой бессмысленной, никому не нужной битвы. Открыть один огромный переход как можно быстрее, пока разум не помутился от нечеловеческой боли.

— Севрен, пора! — Мужчина в ледяных доспехах, мрачно взиравший на хаос, прежде называвшийся сражением огненных и ледяных воинов, положил кровоточащую руку на плечо

друга. — Вот он, сигнал.

По ледяному озеру прошли огромные трещины, а мужчина с сизыми и местами бурыми от крови волосами поднес к губам узорный рог, протрубив сигнал к атаке. И как только измотанные чародеи вновь вскинулись, с трудом собрав бывшие на исходе силы, готовясь обороняться, все миражи и зеркала вдруг рассеялись, оставляя вместо себя пустоту, а снежные маги воспользовались новой растерянностью, чтобы быстро и слаженно отступить к озеру. Они ушли под лед одновременно, пока их не успели настигнуть преследователи, и исчезли в высоких волнах.

Вспышка синего холода, яркая, ослепительная, и бурлящая поверхность постепенно успокоилась.

— Да к снежной бездне! — выругался пораженный огненный лорд, опуская руку с клинком. Остальные стояли молча. — Чтоб тебя Стужа побрала, Бренн! — погрозил кулаком в пустоту Зорий.

— Лорд, — замерший рядом чародей медленно отер ладонью грязный окровавленный лоб, — это значит, мы победили?

Зорий огляделся, осматривая измученных воинов. Часть их потерялась где-то, заблудившись в хитроумных ловушках переходов. Остальные стояли, опершись на погаснувшие копья, другие устало присели на траву, кто-то бездумно чертил мечом по земле, половину битвы прогонявшись за иллюзией. Лорд видел множество раненых, но пока не замечал убитых. Этот снежный мерзавец все сражение лишь издевался и насмешничал, а теперь противник и вовсе ушел.

Взявшись руками за голову, чародей глубоко вдохнул. Вот же тварь ледяная, сколько сил у него! Больше, чем можно себе представить. Каковы были шансы чародеев на выигрыш, задумай лорд действительно сразиться, а не напускать с помощью своих магов глупых иллюзий? Для чего им это понадобилось? Чародеи растерялись — это факт. С самого начала битвы настрой оказался сбит, а после была уже игра в войну, ведь маги даже не пытались убить. Ранить, отвлечь, запутать. Бред какой! Сейчас бы явление Яра перед измученными воинами оказалось как нельзя кстати, но боги не имели права сражаться и даже просто наблюдать за битвой. Они клялись друг перед другом оставаться в стороне и не вмешиваться. Однако толку от этой божественной клятвы, если ледяной, огонь его пожри, лорд по силам едва ли не равен богу!

— Уходим, — устало махнул рукой Зорий, — возвращаемся. Пригоните повозки для раненых. Пошлите на поиски пропавших людей.

— А как же граница?

— Не думаю, что чародеям помешают вернуться. — И пробормотал уже себе под нос: — Он им даже приказа убивать не дал, зараза!

Улыбка медленно угасала, разум помутился, на смену бесчувственности приходили знакомые ощущения агонии трансформировавшегося тела. Когда-то он думал, что эту боль невозможно пережить, а еще свято верил, будто сердце проморозилось насквозь, ведь в груди давно не билось, и бывший жар сменился ледяной пустотой. Разве была иная причина тому, чтобы сила увеличивалась постепенно, год за годом, пересекая предел, возможный для мага. Без куса льда в груди он бы попросту не выдержал этих трансформаций. Сначала дар достиг силы полубога, а после вновь пересек некую грань и продолжил расти. Каждые четыре с лишним года на коже появлялись новые кольца. И если верен расчет, то с двенадцатым кругом ему суждено было обрести шанс противостоять богине.

Все кругом верили в сказку про ледяное сердце, но разве жизнь возможна без крохотной искры огня. Пусть едва тлеющей, совсем неощутимой, но сохранившейся в середине застывшего сердца, иначе ведь все тело могло заледенеть. Стал бы тогда не лорд, а ледяная статуя. Мог красоваться в центре тронного зала, но не этого хотела Стужа. Ей нужен был не слуга, а идеальный воин, победитель, способный не только защитить свою богиню, но и одержать для нее верх в новой войне. Тогда Стужа могла взять реванш и диктовать свои условия Яру.

Богиня никогда бы его не отпустила, Бренн это хорошо понимал, но когда-то было все равно. Он дал слово, дал согласие, получил взамен дар и возможность отринуть все чувства. По сути,

ложь и обман, ведь он все-таки чувствовал. Он постоянно ощущал холод и пустоту. А лед было не расколоть, кристалл было не уничтожить. Снаружи.

А затем произошли та встреча и удар от не умеющей владеть магией чародейки, которого он не ждал. Сила от маленьких узких ладоней рванулась к сердцу, тепло обволокло магический лед, не сумев разбить или растопить, но сквозь микроскопические поры, нужные крохотной искре, чтобы «дышать» и не погаснуть окончательно, оно коснулось сердцевины. Человеческое сердце не может без тепла, потому, наверное, и поглотило жар неловкого удара. От искры затеплился огонек, а во льду пошли трещины. Прежде плата людей и магов за помощь была лишь краткой передышкой от бесконечного давления льда, а теперь лорд впервые испытал тепло всем своим нутром. И ему захотелось получить больше. Жар, которым охотно делилась чародейка при каждом прикосновении и поцелуе, просачивался сквозь трещины. Трещины, начавшиеся изнутри.

Глаза закрылись, перед измученным внутренним взором предстал облик, который на мгновение вернул в чувства. Нежный, милый облик. Нужно снова совладать и снова выжить, чтобы после сделать последний шаг. Вытерпеть новую, так хорошо знакомую боль и не сдохнуть от нее. Она мучила его месяц, не меньше, пока богиня влиwała свой дар, искренне желая, чтобы избранник не погиб. Невозможный эксперимент, сумасшедшая задумка — разве есть шанс превратить огонь в лед? Он не верил, что выйдет, он лишь хотел перестать чувствовать. И перестал, а дар начал расти так же постепенно, как его вливали.

А сейчас оставалось лежать в развалинах ледяного дворца, так удачно разрушенных и потому неспособных вновь рухнуть от выплеска уже его силы. Сейчас следовало держаться подальше от людей, а еще остаться в живых, но не ради мести, а ради встреченной среди пустоты чародейки.

— Весна, — прошептал, как молитву, и крепко стиснул зубы.

Глава 22

О ТОМ, КАК ТАЙНОЕ ЯВНЫМ СТАНОВИТСЯ

Это даже не слабость была, а полное бессилие. Будто вместе с воздухом выкачали из меня всю кровь и жизнь вместе с ней. Жуть какая, лежать и не уметь пошевелиться. Дрожащая кошечка свернулась в клубок где-то в животе, оттуда шло легкое тепло, а мне не удавалось сообразить, куда занес переход. Перед глазами еще стояло зрелище разрушающейся башни и проклятый маг, рухнувший вместе с ледяными плитами вниз. Но он выживет, ведь он из тех, кто выкарабкается всегда. Главным было найти сейчас в волосах заколку, убедиться, что она не треснула. Я носила ее при себе с тех пор, как узнала о связи подарка с силой войда, с той целью, чтобы раз за разом пытаться растопить, но мощи дара еще не хватало.

Дотянуться, преодолевая слабость, нащупать в кудрях ледяной цветок, провести пальцами по гладкому боку и выдохнуть — цела. После уже закрыть глаза, позволяя себе окунуться в тишину и неподвижность, когда быстрее всего восстанавливались силы. Потому что нужно вернуться, поспешить обратно, недаром ведь лорд увел меня от озера.

— Большинство отыскали? — требовательно спросил восседавший на верране огненный лорд. — Кто еще не добрался, пускай после своим ходом за нами идут.

— Вессу найти не могу, — хмуро пробормотал Акила.

Зорий, собиравшийся отпустить повод и направить веррана во главу отряда, мигом спрыгнул на землю и с яростью воззрился на понурого медведя.

— Как найти не можешь? Разве не ты за ней смотрел?

— Смотреть-то смотрел, пока переходами не уволокло меня лед знает куда. Едва мальчишку мага без сознания уложил, сразу на эту сторону Зимнелетки рванул. Гляжу, стягиваются наши чародеи, верранов заново седлают, а девочки нигде нет.

— Ни на что ты не годен, Акила!

— Понятное дело. Стар стал и все такое, а иначе провел бы весь бой по-другому, но ты у нас главный, нет? Вот и объясни, почему наш могучий огненный чародей во всем мелкой девчонке уступает? Сколько сил она одна потратила? Как о миражах догадалась, как пелену уничтожила? Скольких магов прочь отшвырнула и какое число ловушек-переходов сбила? Единственная, чей дар Бренну с его задумками помешал. Почему же ты предугадать действия лорда не смог?

— А я с ним дрался?

— Стычек хватало.

— На границе считать ли? За долгие годы это первое сражение, и каков лорд в бою, лишь сейчас ясно стало. А если она с ним схватилась? — сжал кулаки Зорий.

— Спятил?

— Тогда где она? Где?! — Огненный чародей схватил Акилу за грудки, наплевав на все достоинство, не позволявшее опускаться до тех, кого считал ниже себя.

— Здесь я, — раздался тихий голос, и чародей развернулся мигом и успел подхватить, а после бережно на руки взял бледную, растрепанную Вессу. Без доспеха, в рубашке и штанах, в каких только на тренировку бегать. Прижал покрепче и впереди себя устроил на верране, крепко взявшись за повод. Напугала девчонка. Прежде никогда так не боялся. Даже кузина безалаберная и то меньше тревоги вызывала, хоть и успел уже убедиться, что Ярка цела и невредима. Зато теперь с полным правом наслаждался ощущением прижатого к груди девичьего тела гибкого, теплого под тонкой тканью тренировочного костюма. Что же она выдумала его под доспех надеть и как Акила не уследил? Старый пьяница, никакого толка от него. Он слегка прикрыл глаза, когда щеки коснулся порыв ветра, подхвативший мягкий локон, и порадовался тому, что она вовсе выбилась из сил и не желает сейчас сопротивляться.

Наставник, вскочивший на своего зверя, приблизился и какое-то время молча ехал рядом, задумчиво рассматривая измученную чародейку.

— Весса, ты как? Что случилось?

— Что? — Она с трудом открыла глаза, кажется, пытается вспомнить, где сейчас находится. Нахмурила брови и вздохнула. — С лордом по переходам до крепости сперва добралась, после до сооружения какого-то.

Замолчала.

— Утащил все-таки, увел! То-то пакость последняя так славно ему удалась!

— Что удалось? — Она слабо качнула головой, повернув лицо к Акиле.

— Напугали сигналом о нападении, а когда мы к нему приготoвились, взяли и отступили. Ушли все одним переходом. А ты как выбралась?

— Крепость разрушила, комнату ледяную и башню, потом все рухнуло...

— Погоди-ка! — Наставник одновременно с лордом натянули поводья. — Дворец ледяной и крепость?

Зорий выругался под нос, сказав нечто невнятное, но явно из тех крепких словечек, которые редко употреблял с момента, как стал во главе всех чародеев.

— Ну, видел? — захохотал Акила. — Ты видел? Кошечка наша что сотворила! Разрушила Бренну дворец и от крепости ничего не оставила.

— Там не было людей, — негромко проговорила Весса.

— Понятное дело, что не было! — подбоченился Акила. — В первую очередь из резиденций народ уводят, магов в сражение, а жен с детьми подальше, в укрытия.

— Прекрасно, — отчетливо произнес Зорий, — можно считать, что в этой схватке наша взяла.

— Ха! — высказался Акила, но ничего больше не добавил, многозначительно поглядев на главного чародея. А затем перевел взгляд на замолчавшую Вессу, уставшую и измотанную. В ее облике наставника смущал только один момент — откуда на чародейке этот костюм, когда ее одежду для сражения он лично готовил?

Мало было в этом мире того, что могло остановить богиню. Однако сейчас Стужа смотрела с досадой на плотный белый полог перед собой и раздраженно постукивала ногой. От синей туфельки при прикосновении к земле разбегались хрустящие ледяные дорожки, а вся трава на поляне покрылась серебристым инеем. По ту сторону этой завесы находилось озеро, и шло сражение, но стоило сделать шаг вперед или попытаться взглянуть вдаль, как возникала пелена.

— Ух! — гневно взмахнула ладонью богиня, отворачиваясь. Поджала губы, скрестила на груди руки. Какая дурацкая вещь эти божественные клятвы. Одно радовало, Яр тоже ничего увидеть не мог.

Вернуться ли в ледяной дворец или еще здесь подождать? Бренн ведь наверняка измотан будет после великой победы, еще и не сразу придет доложить о ней. Стужа уже готовилась отпраздновать самое долгожданное событие, поскольку с момента, как дала Бренну приказ схватиться с огненными, в победе ничуть не сомневалась. Не зря ведь именно его она выбрала своим лордом еще в ту пору, когда случайно заметила во время стычки снежных и огненных красивого юношу, огненного мага. Брат тогда удачно отправился в скитания, и у Стужи было время понаблюдать, как из юноши формируется одаренный силой и талантливый воин. Но что значил огонь в сравнении с величием льда и с той мощью, которой богиня могла наделить? Стуже нравились в Бренне упорство, его ум и желание добиться большего. Эти качества были так созвучны ей самой.

А потом, к ее досаде, он соблазнился какой-то девчонкой. Никчемной чародейкой, поскольку сил у нее было, что у мелкой домашней кошки. Что Бренн тогда в ней нашел? Пылинки сдувал, оберегал, как величайшую драгоценность берегут. И эта сперва не воспринятая всерьез влюбленность начала по-настоящему угрожать планам богини. Пришлось придумать способ, принять меры и сделать так, чтобы никто ни о чем не догадался.

Зато все усилия были вознаграждены. Она получила Бренна целиком. Это было прекрасное

время. Он восхищался и боготворил ее иначе, чем другие, потерявшие голову маги. Не стелясь у ног, сохраняя достоинство и при этом исполняя все, о чем она просила. Каким бы сложным ни было задание, он придумывал способы достать для нее желаемое. А после приносил и складывал у ног своей богини. Стуже оставалось только благосклонно улыбаться, перебирая пальчиками снежные пряди склоненной перед ней головы, наслаждаться поцелуями и ощущать себя лучшей из женщин и величайшей из богинь. Ей было интересно с ним, его любовь не успела наскучить к тому моменту, когда Бренн вдруг стал равнодушен.

Богиня недовольно поморщилась. И ведь по-прежнему исполнял все повеления, но восхищение в глазах погасло. Стужа долго искала ту, кто сумела растопить его сердце, чтобы уничтожить, раздавить, извести, но не нашла. Бренн разбил колдовство сам.

Все избранники богини попадали под ее чары, сделав добровольный выбор. Так вернее всего было сохранять над ними контроль. Они не только исполняли то, чего Стужа желала, не умея нарушить приказ, но и подкрепляли служение настоящим стремлением угодить, чтобы порадовать свой идеал. В отличие от Яра Стужа не давала избранникам возможности поступать как им заблагорассудится. Добровольно они могли лишь согласиться на ее условия в самом начале.

Бренн же продолжал служить, но равнодушно, точно и в самом деле окончательно заледенел. Ее мучил вопрос — не слишком ли много льда она ему отдала, раз тот глубоко пророс в сердце, отчего любимый лорд перестал чувствовать. И это вызывало злость и досаду, потому что по сравнению с прошлым одного служения было мало.

— Как все-таки долго! — раздраженно топнула ногой богиня. Что-что, а ждать она никогда не любила.

Громко хлопнув в ладоши, Стужа ласково улыбнулась возникшему рядом ледяному духу.

— Оставайся здесь, а после обо всем мне доложишь! — И, не оборачиваясь больше к границе, шагнула в переход до ледяного дворца.

Здесь было также скучно, но зато более комфортно. Вышагивая по тронному залу, богиня рассматривала богатое убранство и размышляла, чем еще украсить свой, а заодно и дворец Бренна, в котором намеревалась стать частой гостьей, когда мимолетный взгляд в сторону кристаллов заставил ее резко замереть на месте.

— Что? — изумленно спросила у пустоты Стужа. — Быть такого не может!

Центрального кристалла не оказалось на месте, вместо него лежали лишь прозрачные осколки. Даже малиновый жар, прежде заключенный в сердцевине, уже развеялся.

Как? Как?! Кто посмел?!

В бессильной ярости и злобе Стужа протянула ладони к осколкам кристалла, но они обратились пылью. Кто освободил ее лорда? Как сумел преодолеть магию самой богини?

— И как тебе тут? — ухмылялся Акила, рассматривая меня, лежащую на горе подушек с небольшим столиком в ногах. Его устали таким количеством яств, что на них лишь посмотреть было достаточно, чтобы сытой себя почувствовать.

— Как у лорда во дворце.

Наставник расхохотался и уселся на кровать так, что чашки на столике звякнули.

— Дорвался наш Зорий, потискал от души, пока вез, еще и нашел повод от себя не отпустить.

— Да... — Я обреченно махнула рукой, не завершив фразы. Столько внимания впервые в жизни перепало, потому и рада была здесь находиться. Зорий сюда никого не впускал, даже Ярку, хотя многие рвались. Как сказал Акила, меня собирались назвать героиней, уничтожившей нерушимую и тщательно охраняемую цитадель снежных. А ледяной замок приятным дополнением пошел, все же лорд его лично строил, а половина чародеев хоть чем-то насмешливому ледяному магу нос утереть хотела. Проще говоря, допек он многих со своим характером. Про себя и вовсе молчу.

— Расскажешь? — Акила, оказывается, рассуждал о чем-то, пока я лорда вспоминала.

— Что расскажу?

— Как разрушить смогла? Куда доспехи подевались?

Бывают же вопросы, на которые ответить сложнее некуда. И ведь явно заметил не отсутствие доспехов, потому как они от моего же выброса силы развалиться могли, но что костюм под ними оказался совершенно иной. А я, перенесшись в дом Акилы, мало рассуждала. Сил не хватало, но и не вернуться не могла. Разве приляжешь отдохнуть, когда чародеи на озере остались? Едва оклемалась, тут же схватила что под руку попало, плохо видя из-за темных точек перед глазами, натянула, чтобы не голой идти, и рванула на битву, потратив те крохи сил, которые восстановиться успели.

В общем, открыла рот расписать Акиле, как сцепились, как переходы открывались и сила неподконтрольная крушила все кругом, а произнесла следующее:

— Он векторы сбил, так и разрушила, заодно сама вырвалась.

Лицо Акилы в этот миг видеть надо было. И впервые на моей памяти наставник вместо насмешливой фразы или мудрого замечания выдал лишь короткое: «А?»

— Ненависть страстью обратил, — пояснила.

— А... ага.

— Вот. — Я вниз потянула ворот, демонстрируя на груди изображение волчьей морды. Без этого, казалось, чародей моих слов осознать не мог.

— Бездна огня! — коротко и по-прежнему ошарашенно отреагировал Акила. А я быстренько стерла изображение. Больше никому его показывать не собиралась.

— Как поддалась, не знаю, но сила из-под контроля еще на поле вырвалась.

— Бесса, хм, а ты осознаешь, что сила — это ты и есть? Ты сама. У каждого из нас она имеет некий облик, в нашем восприятии близкий к определенному животному. Каждому приходится раскрывать дар и учиться призывать, направлять, но это не отдельная часть, которая сама по себе. С тобой ведь как вышло, девочка. Рановато для тебя наступило это сражение, ну не готова ты была к войне, совсем, потому вразнос пошла, круша направо и налево. Для тебя на озере своих и чужих не оказалось, не кошка, а ты сама не разделяешь обе стороны. Тебе едины и маги, и чародеи.

— Я кошку на Бренна натравливала, а она рванула мимо.

— Потому что не хочешь ему вреда, — отрезал Акила, поднявшись с кровати, а после повернулся ко мне и мягче сказал: — Злишься, обижена, видеть и слышать не желаешь, но вот убить... Векторы, Бесса, поменять только там можно, где есть на что менять. Нельзя, будучи равнодушной, вспылать страстью, нельзя ненавидеть столь сильно того, до кого дела нет. У всего основа должна быть. И понимаю, тебе сейчас сложнее всего, а Бренн тебя просчитал, как я и предупреждал. Нашел слабость, воспользовался, еще, пожалуй, сил заполучил немало.

Я молча уткнулась лицом в ладони, даже не сумев ответить.

— Да ну! Не плачь! Что ты, право слово. — Он вновь плюхнулся рядом, обнял за плечи и чуть смущенно кашлянул. — Что с него взять, коли сволочь ледяная. А с тебя тем более спроса нет. Ну опытный он, засранец, и явно понимал, ты единственная на том озере, кого ему просчитать невозможно. Вот, собственно, обезвредил как мог. А то что при этом крепости лишился, так ему и надо.

— Чего ж не убил? Не проще сразу угрозу устранить? — Я отерла лицо рукавом рубашки, не смея поднять глаз.

— А он никого убивать не собирался. Сама посуди, боевой настрой в сражении главное — это раз, он его сразу сбил, когда детей вперед бросил. Мы в первый миг растерялись, а пока снова с силами собрались, его воины не крушить противника пошли, а отвлекать — это два. Тьму сил потратили на зеркала, на обманки, а для чего? Чтобы измотать. И бились они как? Ты заметила? В защиту уходили, не нападали. Зорий это посчитал издевательством чистой воды, а я так скажу: ледяному лорду разборки богов поперек горла, но приказ исполнить нужно, вот и разыграл видимость битвы.

— Знаешь, Акила, — у меня дыхание совсем сбилось, кровь то прилиwała к лицу, то к кончикам

пальцев отбегала, — драться он и не хотел, а меня напрасно иначе настраивали? Я впустую порталы сбивала, зря зеркала топила? А потом он меня еще и у стены...

Чуть не до крови прикусила язык, пойдя красными пятнами.

— Ты понял, но предупредить не смог? Опытный воин, успел подметить все и просчитать его намерения, но отчего-то позабыл мне сказать!

— Весса, я предостерегал держаться от Бренна подальше, это единственное, о чем мог предупредить. А вот насчет намерений не знал до последнего, может, он изматывал с целью в конце всю мощь обрушить и добить. Бренн полвека чародеев ненавидит, чего было от него ожидать? А он взял и увел всех магов разом. Что тут сказать? Ты наш фактор неожиданности, Бренн сам по себе фактор. А на войне, сама знаешь, все средства хороши. Мы малой кровью отделались, тому радоваться стоит.

— Ну, знаете! Тогда сами под лорда ложитесь в следующий раз, чтобы малой кровью... Пускай вашу силу берет! А я на такие битвы больше ни ногой!

— Я не смогу. Мне вектора не изменить. Насчет Зория утверждать не берусь, но Бренн кошек больше любит, чем коней всяких.

То, что Акила опытным воином был, стало очевидно, когда он от удара одной из таких кошек уклониться успел, а после и вовсе сбежал из комнаты, оставив красивые шелковые обои на стенах тлеть и наполнять роскошную спальню запахом гари.

— Все лучше, чем реветь, — донеслось до меня из коридора, а тяжелые шаги прогромыхали по мраморным плитам и затихли вдали.

Я легла на подушки, переживая новый приступ слабости. Ощутила себя котенком, который только мяукать может, а не когти выпускать. Даже выплеск вышел слабым. Тело ломило, как во время высокого жара, о лоб можно было хворост поджигать, глаза выдавливали из глазниц. Кошмарное состояние. Настолько тяжелое, что отвлекло меня от нового стука в дверь, за которым последовало явление. Явился в комнату на этот раз сам Зорий. И пока я лежала, прикрыв глаза ладонью, он дошел до кровати, но не уселся, как Акила, на край, а с достоинством опустился на стоявшим рядом стул, чуть опаленный и жалобно скрипнувший под весом чародея.

— Как ты себя чувствуешь, Весса? — ровным тоном спросил лорд, проигнорировав гари и совсем уже некрасивые обои.

Как после свидания с лордом ледяным у стенок.

— Плохо, — ответила сквозь зубы.

— Чародеям после использования большого количества магии нелегко, но со временем можно привыкнуть, — пояснил огненный лорд.

А мне тут же на ум пришло, как Севрен рассказывал, что магам после сражений всегда непросто, еще узоры на коже вспомнились, потом комната у войды в доме, затем... затем я зашипела рассерженной кошкой и отвернулась от Зория.

Он моего настроения не распознал, а коснулся осторожно спины.

— Я прикажу льда принести и компрессы, так легче станет. Ты впервые столько сил потратила, потому тяжело сейчас.

Льда?!

Память нарисовала услужливо, как я узоры на золотистой коже топила, помогала магу после сражения, а ехидная и колючая натура, которая хуже Акилы меня извести могла, тут же подкинула иной вариант лечения — снежным лордом.

Я со стоном на живот повернулась и голову зарыла в подушки.

Для Зория это послужило сигналом к тому, что льда мне требуется много, как и компрессов.

Медленно, очень медленно привстал, оперся на руки и рухнул обратно. Висок рассекло об

острый край одной из морозных плит. Кровь потекла по щеке, закапала на лед.

Паршиво!

Повезло, несомненно, что на самой высокой точке дворца находился, а иначе бы не поверх обломков сейчас лежал, а под ними. Крыша вниз рухнула, когда башня накренилась, а то ведь тоже могла на голову упасть. Сила помогла, раскидала норовившие погрести его ледяные куски стен и потолка, спасибо ей, верной. Сейчас, правда, она тихонько подвывала в груди, болела, а еще... Сердце стучало!

Вмиг Бренн понял, что вытащило его из ледяного мрака. Стук в груди, ровный, размеренный, тихий. Лорд замер на миг, осознавая, а после попытался выругаться, но не вышло. Раз кристалл рассыпался, Стужа это быстро приметит, а значит, у него и пары часов нет еще тут полежать. Не только подняться необходимо, пробуждая каждым движением неохотно стихающую боль, но и сразу направиться ко дворцу богини. Времени ей давать нельзя ни на осмысление, ни на новый расчетливый план. По-хорошему, ей и успокоиться не нужно позволять. Пока растеряна, зла, разочарована от всех разом рухнувших надежд, у него шанс есть воспользоваться, а после не только шанса не будет, но даже счастливый случай вряд ли поможет.

Значит, подняться нужно. Кости зажили, уже хорошо. И магию позвать, где-то из-под этих обломков хоть рубашку со штанами извлечь, а из тайника еще одну вещь...

Пламя подери эти скользкие плиты!

— Ушли? — Стужа прошипела это слово так яростно, что ледяной дух от страха закачался, задрожал и стал в два раза прозрачнее, чем прежде. — Он посмел ослушаться меня, он не выполнил... Как он мог ослушаться? Не мог! Сила держала его, и тогда кристалл точно был цел! А ну, повтори, что там произошло? В битве сошлись, а дальше? Зеркала, переходы... Зачем? К чему силы тратить на... Ах так, Бренн? Все же повеление исполнил. Приказали с чародеями в схватке сойтись, ты и сошелся, а по-настоящему для меня победу добыть ты изначально не собирался! Как отважился против меня пойти?!

Полный ярости крик еще отскакивал от ледяных стен, множился в гулкой пустоте ледяных покоев, когда в центре комнаты открылся переход и ледяной лорд шагнул сквозь него.

Богиня мигом отметила, что не ко входу явился, как она того требовала, что не в парадные одежды одет, среди которых всегда ярко сверкали ее подарки, а, судя по виду, измотан был сильно, на виске рана медленно белесой корочкой затягивалась, на рубашке кровь виднелась. Ведь правда в битве побывал, истощен, ранен, так о чем же ей дух ледяной рассказывал? Стуже проще было поверить, что любой другой способен предать, но только не Бренн, не ее ледяной лорд, не тот, кто был так дорог. Ведь даже среди людей, слабых и глупых, его звали не иначе как Сердце Стужи. Ее воин, ее сила, ее сердце.

Но не выходило бездумно отринуть все сомнения и кинуться сейчас ему навстречу, ладонями провести по рукам, по груди, рассмотреть ближе, понять, насколько сильно ранен.

— Богиня. — Он голову склонил, как всегда склонял при виде ее. Волосы искрящиеся спутались, пряди липли к вискам. Лоб прочертили морщины, словно движение ему боль причинило.

— Бренн. — Она холодно ответила на приветствие, но не стала сходить со ступеней, оставшись стоять возле своего трона, возвышаясь над лордом. Внизу он казался слишком огромным, а отсюда она всегда могла смотреть свысока. — Донесли слуги верные, будто мы битву не выиграли. Чем объяснишь?

Оглядев неподвижно застывшую богиню, лорд подметил недовольно поджатые губы, прищуренные глаза, гордо откинутую голову и величавую позу.

Знает, но как много? Что в битве не победили, это одно, но какие выводы сделала? Сейчас кристалл разрушен, и пути силы не держали больше, превращая лорда в покорного исполнителя приказов богини, но могла ли она предположить, насколько его сила возросла? Знает ли теперь, что лорд почти равен ей по мощи дара? Почти равен, ведь богом его еще сложно назвать.

Нет. Слишком спокойно, не напряженно держится Стужа. Уверена в себе, опасности не

чувствует.

— Истолкую, богиня, но прежде подарок мой прими. Он многое сумеет прояснить.

И, приблизившись неторопливым шагом, снова склонил голову, протягивая ей милую коробочку, перевязанную бантиком.

Безвредный дар, она это почувствовала. Богиня вскинула брови, намекая на чересчур простую упаковку у подарка, ну точно он был не божественной сущности поднесен, а какой-то девчонке человеческой. Однако любопытство победило, как Бренн и предполагал. Недовольно скривившись, богиня потянула за ленточку, после достала нечто круглое в непрозрачной бумаге, а потом развернула, и изящные пальчики коснулись гладкой поверхности, слабо засветившейся синим.

В миг, когда ее глаза полыхнули яростью, а богиня отшвырнула камень, разлетевшийся на мелкие осколки, Бренн как раз успел уйти от удара, посланного мгновенно преобразившейся Стужей. Волосы развевались за ее плечами, воздух искрился, а ледяной дух заледевел и упал на плиты зала. Ледяной дух! Существо, едва лишь наполовину состоящее из плоти, смогло заледеветь! Зато Бренн ушел от удара, уклонился, не спеша защищаться магией. Ее следовало беречь.

— Ты слово дал мне служить, — яростно прошипела Стужа, готовя новый удар. — В обмен на дар присягнул мне в верности.

— Я верно служил, богиня, — согласился лорд, внимательно следя за ее действиями. Мышцы его напряглись, руки слегка изогнулись, в голове мигом пронеслось — сумеет ли отразить? Едва ли. — Но как с иной моей клятвой быть?

— Какой? — делая шаг вперед, спросила Стужа.

Он молниеносно отпрыгнул, а после упал на спину и перекатился, когда удар, отраженный от ледяной стены, прошел над головой. Вскочил на ноги, отступив ближе к кристаллам. У него может быть только один удар, в который вложена вся его сила, но промахнуться мимо цели нельзя. И придется сперва позволить ей попасть.

— Я поклялся отомстить всем, кто уничтожил мою семью, богиня, а главную интриганку упустил. Ту, кто смогла все придумать и зачаровать неспособный соврать кристалл. Он сейчас как раз отозвался твоим рукам.

— Странно, что ты его нашел.

— У Акилы мог быть только тот кристалл, что когда-то в дар достался от князя. Вещь чересчур ценная, такие на дороге не найдешь.

— Что там было зачаровывать? — Стужа развела в стороны ладони и помедлила, прежде чем заставить силу взметнуться с обеих сторон, а после приказать ей сойтись в центре зала, чтобы заключить в вечный лед любимого лорда. Заморозить его на столь долгое время, которого попавшему в западню волку, способному видеть все из ледяной клетки, хватит осознать собственный дар быть избранником богини. Сперва понять, а после вновь покориться, чтобы никогда больше не делать даже попытки перегрызть надетый на него ошейник. А еще она проучит его новой порцией боли. Раз сердце снова все чувствует, нужно пользоваться. Вначале избавиться от той, кто посмела заставить его полюбить столь сильно, что даже магия нерушимого льда не выдержала жара сердца. Она будет мучить девчонку медленно у него на глазах. Ведь это та самая чародейка. Яр не напрасно явился за ней во дворец. Братец явно что-то заметил, но нарочно скрыл от сестры. Прежде она ее помучает, а после убьет. Сперва ее, затем всех, кому Бренн благоволил в последние годы. Его верных князей, еще мерзкого волка, воспитанников из ледяной крепости.

— Кристальный камень правды еще матушка создала, а он чарам не поддается, — оказала ему последнюю честь своим пояснением, — и испортить невозможно, кроме как разбить, но вот если чуть-чуть вдохнуть иной божественной магии, то можно его перенастроить.

«Как сбить стрелку компаса магнитом», — подумалось лорду. Вот поэтому камень отреагировал на прикосновение богини тусклым свечением, а ведь Бренн просто проверял ее, преподнеся свой подарок. Внешне не нанеся сфере ни малейшего вреда, Стужа добила своего. На вопросы, действительно важные для задающего, камень отвечал противоположным образом, ведь чем сильнее оказывалось воздействие, тем резче сбивался магический заряд, а когда дело касалось простых вещей, сфера отвечала правильно.

Умна Стужа и убивать его явно не хочет, несмотря на ярость, ревность и понимание того, что он ей более не служит.

Сорвавшийся с цепи волк опасен, богиня это знала, но еще держала силу, оставляя себе минуту на то, чтобы увидеть Бренна таким, услышать его голос, заглянуть в прозрачные ледяные глаза. Он был свободен сейчас, более ей не подчинялся, и это одновременно бесило и восхищало. Ее лорд всегда был очень умен, смел, независим, и она давно его полюбила. Решение заковать мага в вечный лед, оставив подобие жизни и статую вместо живого человека, тоже причиняло ей боль, но выбора не было. Слишком хорошо она знала Бренна и понимала, что, дай ему хоть малейшую надежду на шанс, он использует ее полноценно. Не рассуждая, вцепится в горло, потому что за спиной оставлял лишь тех врагов, которые уже не могли причинить вреда.

Ее гордый и сильный снежный волк.

— Прощай, Бренн.

Сила ударила с обеих сторон, снесла все щиты, раздавила защиту. Послышался громкий звон, треск и тихий вздох-стон, а потом во дворце наступила мертвая тишина.

Глава 23

О ТОМ, ЧТО СИЛЬНЕЕ МАГИИ

Акила выставил на подоконник, где я примостилась, корзину, доверху набитую шоколадом.

— Лопай! — заявил наставник, на которого я даже смотреть не хотела. — Настроение поднимет. С самочувствием-то, я вижу, получишь уже.

Раздраженно взглянув на того, кто единственный отлично разгадал задумку Яра приманить на силу чародейки ледяного лорда и с ее помощью не просто отразить его удар, но отвлечь от битвы, я гордо отвернулась и вновь уставилась в окно. Промолчал ведь, не заикнулся ни единым словом. Еще и заявил, будто предупреждал Бренну не попадаться. Да я из двух переходов ледяного лорда выскочила, пока он меня в башню тащил!

— Чего ты на меня-то злишься? А? Я что сделал? Вот женщины! Мозг ломаешь, пока ваши рассуждения поймешь. Все живы-здоровы, тебе Бренн вреда не причинил, потери наименьшие, мы же еще и в выигрыше. Нет, ну могу понять, если он себя, как мужик, не на высоте показал, и ты тем недовольна, но меня там не было ему советы давать, да и вообще парень вроде опытный по этой части, в свое время... хм, хм, в смысле, если что не так, то плюнь да забудь. Отвлечь могли мысли о сражении, не уделил процессу должного внимания. Главное, не принуждал.

Убила бы! Ну что за медведь! И ведь как навалится со своей медвежьей манерой донести дельную мысль во что бы то ни стало, даже если я слушать совсем не желала. А еще искренне полагал, будто отвлекал тем самым от мрачных рассуждений.

— Восхитительно все у лорда с опытом, и хватит об этом! — буркнула, не желая больше про этот самый опыт слушать и говорить.

— Ну, тогда как бы вообще...

Я так глянула, что Акила проглотил окончание фразы и мигом пододвинул корзину с шоколадом еще ближе.

— Я тут у Зория на кухне порылся, гляди, фигурки всякие есть. Ты только посмотри. Угадаешь, каких шоколадных зверей больше всего? Вот! — Акила сунул мне что-то под нос.

Невольно скосила глаза и увидела шоколадную фигурку волка. Сверху он был обсыпан белой сахарной пудрой. Посмотрела на веселого Акилу и не смогла больше злиться. Был он такой довольный, точно ребенок, еще и тянул ко мне эту сладость с видом: «Ну ты смотри, смотри».

Взяла фигурку и демонстративно откусила волку голову, захрустела сладким шоколадом и ойкнула, когда шею что-то кольнуло. Волосы, прежде скрепленные на затылке, вдруг рассыпались по спине и плечам. Я машинально запустила ладонь в кудри, но не нащупала заколки. Быстро огляделась, и шоколад выпал из разжавшейся ладони, когда увидела на полу расколовшийся ледяной цветок.

И я еще смотрела на хрустальные кусочки такой прежде красивой заколки, когда Акила медленно опустился на колени и потянулся к ней руками. Не поняла, что он делает, пока не увидела, как чародей пытается скрепить осколки вместе. Они не скреплялись.

Акила поднял ладони, уткнулся в них лицом и глухо, с такой болью в голосе, что она резала без ножа, простонал: «Последний ушел».

Увидеть медведя на коленях, пытающегося собрать какие-то ледяные кусочки и даже скрепить их огненной магией, стало потрясением для меня. Понять, что как ни кричал о своей ненависти, но все эти годы преданно любил мальчишку, из лучшего ученика, превращенного в отступника и снежного волка, явилось бы откровением, умей я в этот момент думать о чувствах наставника.

Он же не мог умереть.

Потому что не мог!

Он был непобедимым ледяным лордом, самым сильным, самым безжалостным, хуже и лучше всех на свете. Он был обязан жить.

Глупо думать, будто какая-то заколка может о гибели поведать.

— Иначе с силой не расстанутся, — поднял голову наставник. Глазам предстало лицо бледное, старое и такое изможденное, каким его прежде никогда не видела, а еще слезы.

Я сорвалась с подоконника, схватила медведя за плечи и затрясла со всей силы, то ли убеждая, то ли уговаривая:

— Не мог! Не мог! В порядке он был, а битва уже завершилась. Ему не с чего погибать. Пошли к нему, идем, Акила, отыщем, и сам все увидишь!

— Если только против Стужи пойти решился... — пробормотал наставник, а у меня сердце закололо.

— Да он никому пальцем ее коснуться не позволяет, — откуда-то взявшиеся слезы мешали говорить, я зло отерла лицо рукавом, — идем во дворец богини!

Ухватила Акилу за руку и рванула за собой в переход. Построила его, несмотря на то что сила пока восстанавливалась, а наставник предупреждал не использовать ее в это время. Но я должна была доказать, что Бренн в порядке. Жив и здоров. Вот сейчас как встретит нас и за нарушение границы накажет. Пускай Акила сам увидит. Меня даже тот ужас липкий, что не позабылся с момента, когда была во дворце богини в последний раз, не смог остановить.

Переход сбил, точно врезавшись в невидимый барьер. Нас швырнуло на землю возле входа в ледяной дворец. Глаза резало нестерпимое сияние, исходившее от искрившихся стен. Пазори сверкало так ярко, что не выходило смотреть.

Но я все равно вскочила на ноги и побежала по ступеням.

— Полог, Весса! — прокричал вдогонку Акила, когда я толкала ледяные двери. Тепло, окутавшее тело, встретилось с таким холодом, дыхнувшим из открытого прохода, что я ощутила озноб. По ступеням стекла изморозь и повисла на одежде чародея.

— Я не смогу войти, — силясь подняться, сказал наставник, — это сила богини, Весса. Беги к нему. Коли он еще жив, вплетай свое тепло. Спаси, если сможешь, иначе эта мощь его убьет.

Я не понимала, что он хотел сказать, но уже бежала по длинным светлым коридорам, окутанная жаром кошки. Кожа светилась в голубоватом тумане, а я стремилась туда, куда лорд привел меня в прошлый раз. В зал, где богиня отдала приказ убить чародейку. Мне казалось, именно в той стороне холод свирепствует яростней.

Ворвалась внутрь, прохрустев осколками расколовшихся на куски дверей, попавшими под толстые подошвы сапог. Этот лед, которым обращались даже частички воздуха, пожирал одежду, вгрызался в ткань и кожу чародейской обуви. Не надели меня даром сам Яр, и мгновенно замерзла бы. Кошка хранила меня, а вот Акила и правда не смог бы войти.

В огромном зале плавал белесый туман, скрадывал очертания. В нем вспыхивали разноцветные огни — синие, сиреневые, зеленые, голубые, ни отблеска тепла, лишь вечный холод, чье дыхание касалось моего лица. В этом тумане отражались какие-то тени, в нем плавали силуэты людей и зверей. Я застыла, пытаюсь рассмотреть, что же находится внутри, куда мне идти, а видела, как впереди сталкиваются и смешиваются туманные картинки. Вот точно сражение идет, в котором две армии сходятся друг с другом, затем отряд всадников, а за ними бредут связанные люди. Один из них вдруг срывается с поводка и бросается в сторону, укрываясь в лесу. А затем туманные крыши, все белое-белое, как молоко, но видно, что это поселение, где бегают собаки, дети и степенно двигаются фигурки взрослых, а после кругом вспыхивает молочное пламя, заключая поселение в кольцо.

Я шагнула, разрывая картинки из тумана, пошла вперед, вытянув руки. А белое марево точно не желало впускать, оно снова и снова показывало силуэты и очертания. Одинокую фигуру мужчины на склоне. Он смотрел с высоты на огромную впадину, дно которой было устлано обломками разрушенных строений, а сверху непрерывно лил дождь, и вода стекала по холмам, заполняя низину.

Не успел! Не защитил!

Я обернулась, споткнувшись. Голос-стон из далеких чужих воспоминаний звучал не наяву и не касался слуха, но я могла слышать.

Бренн! Взмахнула ладонями, посылая тепло. Туман поддался лишь немного, становясь чуть

прозрачнее.

— Бренн, отзовись!

Назойливые картинки, точно мухи, плясали перед глазами, показывая коленопреклоненного воина у ног величавой изящной женщины, а еще чужие объятия. И снова холод стал сильнее. Ощущения окутывали покрывалом колючего равнодушия, навеянной, ненастоящей, постылой любви. А после я даже застыла на миг, увидев фигуру девушки у ствола огромного дерева из плотного тумана. Ее поднял на руки высокий мужчина.

Проклятый туман! Он мешал мне.

— Бренн!

Я снова споткнулась и тут же упала на колени, вытянув руки, ощупывая тело впереди. Неподвижное, застывшее, но я узнала руки и эту широкую грудь, плечи, лицо. А сияние кругом стало нарастать, всполохи разрезали молочный туман, точно острые кинжалы.

Согреть его, разогнать этот лед!

Туман сопротивлялся, я видела, как неохотно он поддавался теплу, как настойчиво лънул к телу мага, пряча от моих глаз. Упорно рисовал все новые образы, которых я уже не замечала.

Вплести! Так сказал Акила.

И едва я коснулась руки Бренна, сплетая наши пальцы и позволяя силе не бороться с холодом, но просачиваться в него новыми теплыми красками, как яркие вспышки цвета льда заискрились вновь. Они и правда напоминали молнии, и этих разрядов становилось все больше и больше. Если прежде они вспыхивали в тумане, словно терялись в его густоте, то теперь марево бледнело, а вот пазори сияло ярче и чаще. Одна молния, вторая, третья! Руку обожгло, я вздрогнула. Тут же стиснула зубы от боли в плече, затем в спине. Они жалили подобно рою ос, и там, где прикасались, кожа немела. И когда они нажились все разом, тысячами маленьких молний и разрядов, я упала поверх груди мага, крепко обнимая его за плечи, пытаюсь укрыть собой. Потому что каждый удар высасывал капельку тепла и самой жизни, а Бренн уже был неподвижен и безучастен ко всему, не вздрагивал даже под этими, ставшими почти невыносимыми уколами. Они теперь не отличались от ударов кинжалом и нападали, будто разумный яростный зверь. Словно желали оттолкнуть меня, отвлечь на боль, заставить разжать ладони и бросить мага.

Не брошу! Ты слышишь? Не брошу!

Мне доставалось лишь потому, что пыталась заслонить его собой. Там, где я закрыть не могла, молнии впивались и ввинчивались ему под кожу, вспыхивая уже под ней. Они его напивали, как ливень во время дождя питает землю. Туман почти полностью рассеялся, а бесконечные молнии били, и били, и били.

Я вздрогнула от ужаса. С трудом подняв голову, чтобы понять, где же они рождаются, эти проклятые магические удары, увидела богиню. Она стояла, застыв возле своего трона и вытянув руки в стороны. Будто смотрела на меня сверху, но смотрела неподвижно, взглядом ледяной статуи. И именно ее фигуру окружало разноцветное сияние, и от нее оно устремлялось к телу неподвижного мага.

— Не получишь его! — казалось, она не могла слышать, но я все равно закричала. — Не получишь! Он никогда тебе не принадлежал!

И зажмурилась, уткнулась лицом в широкую грудь. Сжалась от приступов боли, от бесконечных и все более и более сильных. Доверилась кошке. Моя магия, стоило отпустить ее, интуитивно выбирала самый верный путь. И зрением гибкой рыси, чутким слухом, идеальным нюхом я распознавала не короткие удары кинжалов: сиреневых, зеленых, алых, а потоки магии, вливавшиеся в тело Бренна. Магия шла и шла, нескончаемая, мощная и бесконечно яростная. Словно она хотела заполнить мага, чтобы затем разорвать на части.

Вплетать.

Ловить мягкими лапами разряды, свивать их друг с другом, сцеплять тонкими длинными шерстинками, примешивая теплые тона своей магии, чтобы смягчить, превратить из резких молний в широкие ленты силы, не дать ткущемуся полотну разойтись. Укрывать им лорда, будто кутать в мягкий плед. Видеть, как сияние не разрывает яростно кожу, не испарывает, а поглощается медленнее и не так бурно.

Плести и плести, до темноты перед глазами, до бесконечной усталости в каждой мышце, до ноющего гула в голове. До звона в ушах и пустоты в груди. Плести, не отпуская даже тогда, когда уже не двигаются руки и пальцы не слушаются. Все сильнее сдавливает грудную клетку, и ребра ломит. Слышно, как хрустят сжимаемые этой силой кости. Дар Яра, столь щедро данный мне богом, истончался, точно утекая в пустоту; полотно ткалось, но казалось, что разноцветные ленты бесконечны.

Все хуже и хуже. Но стоит лишь отпустить, и я смогу вздохнуть и отползти подальше. И оставить его погибать от переизбытка яростной силы.

И я плела, когда уже и сил не осталось, и не видела, становится ли меньше лент, и дышала слабее, тяжелее, и обнимала Бренна, как могла, крепко, больше невыносимой боли, больше смерти, боясь выпустить его из рук.

Мягкий шлепок позади заставил Акилу обернуться. Совсем рядом, так близко, что он отшатнулся, ударившись боком о ступеньки, с ним замер громадный снежный волк. Он мельком взглянул на чародея, втянул носом воздух, а после, широкими скачками преодолевая несколько ступенек зараз, помчался во дворец. Не умея более ждать здесь и приготовившись распрощаться с жизнью, Акила подскочил на ноги и побежал следом за зверем.

Как они достигли огромного тронного зала, чародей бы сейчас не вспомнил. Бежал со всех ног, надсаживая сердце, срывая дыхание. Прежде от силы богини светился весь дворец и веяло невыносимым холодом, а после сияние погасло, и ничто не остановило Акилу на входе. Вот только внутри творилось невероятное: вместо гладких плит пола и стен неровные наросты, колющие кристаллы, сужающиеся коридоры. Они на глазах обрастали все более и более толстым слоем льда, и пространство неотвратно сужалось. Уже врываясь за волком в двери главного зала, чародей обернулся и ужаснулся. Ощущение, будто вокруг все смыкалось.

Представший глазам вид на тронный зал заставил позабыть о том, что было за спиной. От ледяных колонн остались лишь крупные осколки, стены и пол оказались в огромных трещинах и сколах, и ни одной целой плиты не сохранилось. Роскошный трон был разнесен почти до основания, а перед ним застыла фигура изумительно красивой женщины, раскинувшей в стороны руки и словно взиравшей с высоты на своих непрошенных гостей. Она была точно живая, и в первый миг Акила споткнулся от непроизвольного страха, но быстро пришел в себя. Волк же вовсе не обратил внимания на ледяную статую, он сразу подбежал к двум неподвижным фигурам на полу и, ухватив за ногу чародейку, принялся стаскивать девушку, оттягивая подальше от ледяного мага, чью кожу теперь окружало мерцающее сияние. Оно постепенно разрасталось, а теплый свет, окутывавший фигурку девушки, напротив, тускнел, уменьшаясь в размере.

Акила кинулся на помощь, срывая с себя рубашку, чтобы укутать Вессу в нее. На теле девушки не осталось одежды, кончики волос, которых не касалось золотистое свечение, превратились в льдинки.

Но стоило только оттянуть хрупкую фигурку от замершего на полу мужчины, как радужное сияние стало ярче, яростнее. Оно окружало тело Бренна ровным переливающимся свечением, но теперь начало неотвратно нарастать, подобно льду на стенах, и темнеть, превращаясь в темно-синий.

Прижав к груди неподвижную чародейку, старый наставник невольно отступил, и такой же шаг назад сделал белоснежный волк. Казалось, если коснуться этого свечения, то замрешь здесь еще одной неподвижной статуей на веки вечные.

— Бренн, — позвал Акила, сляясь рассмотреть на застывшем лице хоть малейшие признаки жизни. Вокруг тела мага оказались бесчисленные куски кристаллов, тех самых, что прежде стояли на пьедестале. Сейчас ни в одном не горел малиновый жар, и они являли собой лишь груды осколков.

— И богиню обманул, — с трудом владея собой и стараясь сохранить присутствие духа ради спасения той девочки, что держал сейчас на руках, просипел Акила. — Жаром кристаллов закрылся.

Он живую представил, как Стужа ударила, а Бренн отшатнулся к ледяному кругу, позволяя волне холода достичь его с обеих сторон, как вложил всю силу в отражение удара и сумел не промахнуться. Никому не суждено пережить магию вечного льда, отнимающую жизнь и дар,

только и кристаллы не выдержали этой мощи, разбились все разом. Немыслимый жар сотен сердец тех, кого богиня называла своими избранниками, окружил ее лорда. Саму Стужу настигло ее же проклятие. Вечный лед превратил богиню в прекрасную статую, высосав из тела божественную силу. Она вырвалась на свободу и нашла новый сосуд, который едва ли мог вместить в себя столько.

Он не успел додумать мысль, когда мощный удар, подобный воздушной волне, ударил в лицо, грудь, подкосил ноги. Акилу откинуло назад, он выпустил Вессу из рук и услышал громкий вой снежного волка.

Их троих швырнуло со всей силы прямо в истаявшую стену. Переход открылся внезапно и оказался настолько неожиданным, что чародей не поспел среагировать. Незванные гости очутились за пределами ледяного дворца.

Пытаясь подняться после удара на дрожащие ноги и доковылять до Вессы, Акила увидел, как дворец замерцал вновь. Воздух заколыхался, задрожал, и видение ледяных стен и башен принялось расплываться перед глазами. Чародей и слова сказать не успел, когда сказочный дворец богини растаял в воздухе.

Волк заметался, заскакал из стороны в сторону, принялся бегать по кругу, разыскивая испарившуюся ледяную громаду, Акила только горестно искривил рот и протянул руки. Он в первый миг подумал было, что защита скрыла от глаз резиденцию Стужи, но полого не почувствовал. Ощущались лишь отголоски настолько мощной магии, которой оказалось под силу сдвинуть с места незыблемый дворец богини.

Выплеск божественного дара еще прежде нарушил все связи, и, пока Весса выравнивала ледяные потоки, способные прошить тело нового хозяина острыми, рвущими плоть кристаллами, сила этого места не реагировала на чужаков. Однако едва утянули чародейку, разжали сцепленные на покрытых корочкой льда широких плечах пальцы, как восстановившаяся защита мигом сработала. Выкинула явившихся без дозволения прочь. Не впускала тебя хозяйка, не смей входить, пока она не решит, позволить пройти или на месте заморозить. Только Стужа более ничего не решала. А с дворцом и вовсе необъяснимое произошло — исчез. И Бренн остался внутри. Не успели помочь, не вытащили. И оставалось лишь смотреть беспомощно на пустое снежное плато, не зная, что случилось с ледяным лордом.

Солнечный свет блеснул на тонкой корочке льда, потихоньку покрывавшей бледную до синевы кожу чародейки.

— Весса! — Акила кинулся к девушке, принялся скалывать упрямый лед, который крошился под пальцами, точно карамель. После старый наставник вновь укутал чародейку в рубашку, прижал к себе, призывая огонь и грея хрупкое тело.

Снежный волк, опустившись на белый снег, горестно взвыл.

— Послушай, — когда стихли отголоски рвущего сердце воя, просипел Акила, — помоги. Путь покажи до селения людского. Ей к теплу нужно, к огню. Силу взять. Я только снаружи обогреть могу, а ей свою пробудить следует. Выложились она, все Бренну отдала. Замерзнет ведь, и вместо одного обоих потеряем.

Он говорил с волком, потому что больше не было никого вокруг. Дара открывать переходы Яр Акилу давно лишил, когда пришел в ярость и велел бывшему лучшему чародею на глаза не показываться. Вокруг сплошная снежная гладь царила, в эти края теплое лето по велению Стужи никогда не заглядывало. На миля кругом не видно ни одной живой души, только высился лес, из которого примчался сюда белый зверь.

— Ты ведь Бренна снежный волк, его верный друг? Не зря спасать прибежал. Как пройти вашими тропами? К людям, к огню. Я зла не причиню, девочку бы только спасти.

Вздыхнув так горестно, как мог бы вздохнуть только человек, снежный зверь приблизился к Акиле и подставил спину. Чародей аккуратно устроил Вессу и пошел рядом с потрусившим в лес волком, не убирая руки с плеча застывшей в неподвижном морозном сне девушки.

— Кто там стучит? Уж вечер на дворе, кого принесло? Собаки заливаются. Алард, посмотри.

— Да иду уж, — кряхтя, натягивал сапоги охотник. И ведь только собрался поверх лавки

вытянуться, распрямить натруженную за день спину.

Он накинул рубаху и вышел во двор, освещенный растущим, набирающим силу месяцем. За калиткой темнела чья-то фигура.

— Эй, хозяйева! Люди добрые, впустите. Помощи прошу.

— Кто такой будешь? — услышав незнакомый голос, спросил Алард.

— Путник я. Только вот девушка здесь со мной. Замерзла бедная, к огню нужно.

— Уж по ночи шляться по домам в самый раз, самому в лесу огонь развести не с руки?

— Остается только в северном лесу огонь развести, чтобы мигом все ледяные иглы на себе собрать, — в сердцах, но совершенно непонятно высказался ночной путник. — А может, мне разводить нечем? Ты уж решай, хозяин, пускать или нет. Пойду других будить, коли здесь приюта не дадут. Только быстрее решай. — И вздохнул, и пробормотал чуть тише: — Сила плохо справляется. Полдня грел, а Вессу по-прежнему так и норовит льдом затянуть, стоит лишь на минутку отвлечься.

— Вессу?

Хозяин дома мигом распахнул калитку, по другую сторону которой стоял незванный гость. Его громадная фигура в ночном полумраке недаром внушала опасения, а кого на руках держал, и вовсе не понятно. Кабы не имя... Редкое больно для Северных земель, а Алард старшую дочь уже не чаял увидеть.

Не рассуждая более, охотник выскочил со двора, склонился к ноше поближе, отпрянул.

— Весса! Ты что же это, что сделал? В одной рубашке, ледяная вся!

— Я и сказал, что грел ее, или совсем туг на ухо?

— Чародей? — недоверчиво глянул охотник, жалея, что нет сейчас под рукой ружья, а то бы из путника этого мигом всю правду вытряс.

— Он самый. Мне путь к вашему дому указали, и если ты девочку узнаешь, то пусти сперва к огню, а после вопросы задавай. А то лед все норовит ее к себе забрать.

— Алард, кто это? — Женщина в цветастой шали жалась к плечу хмурого мужа и полным опасения взглядом рассматривала сидящего у печки здорового мужика. Он казался пожилым, волосы вовсе седые, но такие мощь и сила ощущались в нем, что не по себе становилось. И ведь сидел на полу, не жалуясь на твердость досок, а на руках держал по-прежнему обнаженную девушку. Только медовые кудри и укрывали тело.

— Что творишь? — дернулся Алард, когда чужак сунул вплотную к огню тоненькие пальчики, позволил пламени лизнуть кожу.

— Не дергайся, она же не человек. Огонь ее сила, — обрубил мужик и протянул к печке хрупкую ступню.

— Одеть бы ее, — зашептала жена охотника, — что ж он так держит? Бесстыдство какое!

— Ну коли не бедствуете, одежды лишней хватает и спалить не жалко, то несите. А как мне дочку держать, это не вам решать.

— Дочку? — Алард побледнел.

— Неужто непохожа? — хмыкнул гость. — Она же вся в меня пошла, вон и дар чародейский по наследству достался.

Женщина даже рот открыла, а охотник покраснел.

— Весна моя дочь, что ты брешешь?

— Твоя? — Акила вскинул голову. — Хе! Ну волчара удружил! К семье, значит, привел. — И он окинул задумчивым взглядом хозяина дома. — Стало быть, ты мою Аину отыскал, ты ей дочку подарил, только вот даже именем своим не назвал.

— Кого отыскал? — выдавила из себя растерянная хозяйка.

— Найдены. Так, кажется, вы ее величали? Невесту мою, память потерявшую. — Акила передернул плечами, и под тонкой рубашкой такие мышцы заходили, что захотелось попятиться, но Алард на месте устоял. — Ладно, на эту тему после побеседуем, охотник. А ты, женщина, чего за просто так стоишь? Неси питья теплого и меда побольше добавь, она скоро в себя приходиться начнет. Напоить следует. Прогреть.

— А ну отдай Вессу, — сжимая кулаки, шагнул вперед хозяин дома, — ручищи от нее подальше уברי.

— Я если их от нее уберу, то сразу к тебе приложу. Не дергался бы, охотник. Девочка мне удочеренная по всем законам. Теперь имя у нее есть, род не последний в Южных землях. А к вам мы мимоходом заглянули погреться у огонька. Так что либо молча постой, либо делом займись. Шкуру вон притащи, чтоб сиделось удобней.

Тут их разговор оборвался.

— Ах! — выдохнула громко Весса и выгнулась, а после забарахталась в руках Акилы, пытаясь вывернуться, оттолкнуть сжавшие ее широкие мозолистые ладони.

— Ну куда ж ты, рыска царапучая, собралась. Терпи, девочка, терпи. Я не Бренн, нежно холодом не отопрею, одеялком морозным не укутаю, вот так разом огонь в тебе пробудил, но что делать? Зато он проснулся. Крепись, Весна, столько прошла, всех победила. Осталось к жизни вернуться, тогда заживем! Теперь даже богиня не страшна.

Не слыша его слов, чародейка продолжала биться и вырываться с закрытыми глазами, не приходя в сознание, но неосознанно желая отстраниться подальше от огня. Только из рук, привыкших держать мертвой хваткой, было не выскользнуть, и постепенно девушка затихла и задышала ровнее. А хозяйка уж несла спешно сваренное горячее питье, и хозяин стелил у печки шкуру и покрывало.

— Ты погляди, как хорошо чародейкой быть. Простой человек уж обморозился бы напрочь, а у тебя все пальчики двигаются. И следов льда не осталось.

Акила с улыбкой покрутил перед лицом Вессы ее же ладонью. Она не ответила, смотрела на него и молчала. Ждала.

— Да не гляди так, — он отпустил девичье запястье и сгорбился на стуле у лавки, — не знаю, что с ним. Исчез дворец, вытащить Бренна мы не успели. Возможно, ты сумела потоки стабилизировать, а может, и довершила магия свое дело. Ведь столько силы да в одного человека с трудом уместится, это тогда богом обратиться нужно.

Она отвернулась и долго молчала.

— Значит, напрасно все? — прохрипела наконец. Голос было не узнать, словно все связки обледенели, а теперь время требовалось, чтобы восстановиться.

— Я много за жизнь повидал, девочка, но есть вещи, которых и мне знать не дано. Ты, в общем, вспомни лучше, что истукан ледяной, и как там еще называла? Подумай, сколько мук причинил и как проще без этой заразы станет. Злиться лучше, чем горевать.

А сам голову склонил, пряча глаза, и голос дрогнул.

— Тебе проще станет, Акила?

— Я что? Старый плешивый медведь, у меня привычки укоренились. Захоти даже, от них невозможно избавиться. А к этому мерзопакостнику с детства привык. Ты другое дело. Посмотри, какой стала. К нам скоро помимо всей южной и северная сторона свататься поедет. Выберем тебе лучшего мужа, достанет и мне радости, когда деток понянчу.

— А есть на свете лучше него?

— Так то ж... — Он смутился на миг. И ведь задала вопрос. — Найдем такого, которому по сердцу придется. Кто на силу не позарится, векторы менять и страстью чародейской пользоваться не станет. Да мало ли перечислять можно. Сколько там Бренн еще натворил? Тебе лучше знать. Честного возьмем. Этот если скажет, сразу понятно, именно так думает, и

нет в голове у него, помимо озвученного, до сотни других мыслей и затей.

— А кого ты сейчас видишь, Акила, когда на меня смотришь? Ведь знаешь, такой не только по воле Яра стала, но и благодаря Ему. Об этом тоже помню, Акила. Во зло ли все делал? Мне больно оттого, что сердце ледяное не дрогнуло и дела ему не было до меня. Равнодушием на разгоревшийся огонь ответил. Но ведь и не обещал ничего. А обидно, что предал, не заступившись перед Стужей. Я его самым справедливым считала, он же слова поперек не сказал. Но я хочу, чтобы жил. Пусть далеко, на той стороне Зимнелетки. Нам ведь теперь делить нечего, и причин нынче нет меня жизни лишать. Раз даже в битве не убил, лишь силу взял. Мне бы просто знать... — Сама прервалась, не сумела договорить.

А Акила, обреченно вздохнув, сжал крепче подрагивающее плечо. Хотел добавить: «Ты уж потерпи, пройдет боль, забудешь», — но промолчал, а после прислушался к громкому шуму, донесшемуся из глубины дома.

— Принесла нелегкая! Ведь отследили! — вскочил на ноги в тот самый миг, когда дверь комнаты распахнулась и внутрь влетел снежный маг с зажатым в руке ледяным клинком.

— А совесть не потеряли, чародеи, коли без приглашения явились да загостились к тому же? — прогремел ворвавшийся, подкрепив свое красноречие тем, что перекинул меч из левой руки в правую.

Едва услышав этот голос, Весса мигом вскинулась:

— Сизар!

— Тьма огня! Весса?

Снежный маг так быстро метнулся через всю комнату, дабы сграбастать в объятия девушку, что ему поперек дороги никто бы встать не успел. Кроме Акилы.

Налетел отвлекшийся князь, замечавший только чародейку, на громадный кулак и не увернулся.

— Полегче там. Куда лапищи растопырил? Чуть к девке в кровать не запрыгнул. Весса, кто еще такой прыткий? Гляжу, ты на этой стороне каждого знаешь.

— Князь снежный, — глядя на потирающего ушибленный глаз Сизара, промолвила девушка. Маг же внимательно пригляделся к Акиле.

— Вон как. Ну, прости, малец. Ты там это, эх, льда приложи к синяку. У вас, снежных, такого добра хватает. Ха-ха. Знакомы будем. Меня Акилой люди зовут, а Вессу ныне моей дочкой величают.

— Как-то так и подумал, — убирая ладонь от лилового синяка, который постепенно бледнел, промолвил Сизар. — Больно привычный способ знакомства. Часто с отцами похоже встречаюсь.

— Догадливый, значит. Хорошо. С умным-то договориться проще.

— А о чем договариваться? — Сизар подошел, устроился на стуле возле Вессы. Глядя только на нее и не поворачивая головы к Акиле, продолжил: — Указ у нас: чародеев, кто по эту сторону оказался, на ту провожать и вреда не чинить. Мы всех уже выпроводили, а сигналка снова сработала. Я здесь ближе оказался, вот и пошел выяснить. Не ожидал тебя встретить. Сколько времени не виделся!

— Так, стало быть, сопровождать нас до границы должен? — снова привлек внимание Акила, усевшись на лавку и потеснив тем самым девушку. — А наказ Бренн вам дал?

— Вернулся он? — тут же подалась к магу Весса, а Сизар разом посмурнел.

— Знаешь, что пропал?

— Наказ он им до начала битвы дал, девочка, — успокаивающе погладил мягкие кудри Акила. — А вы леса прочесываете в его поисках? Не просто так сами князя вдоль зачарованных тропинок рыскают?

Сизар, по-прежнему хмурясь, поднялся, положил ладонь на рукоять меча, который успел вернуть в ножны.

— Знаешь что, так сразу скажи. Потому как с ног сбились, ни силы Бренна, ни силы богини не чувствуем. Или вы к тому отношение имеете?

Спросил и глянул с тоской в сторону чародейки, с такой мольбой во взоре, которую утаить сложно. Только бы не Весса причастной к исчезновению войда оказалась.

— Во дворце богини видела, — с трудом произнося слова, ответила ему девушка, — там вместо Стужи ледяная статуя стояла, а самого Бренна сила на части рвала. Я помочь хотела... — закусила губу, пытаясь сдержаться и договорить, — но дворец исчез вместе с ним и со Стужей.

Как Сизар побледнел, и слепой бы заметить мог.

— Против богини пошел, — словно себе не веря, произнес. — А мы заметили, что давление силы ушло, тяжесть в груди отпустила...

Наверное, еще что-то хотел сказать князь, когда их прервали. Дверь снова распахнулась, а в комнату влетела босоногая девчонка в одной ночной рубашке.

— Веснуша! — промчалась от порога, чтобы повиснуть на шее сестры.

Но как только обняла и прижалась, ощутив греющее хозяйку чародейское тепло, так сразу охнула негромко, а после обвисла поникшим тонким стебельком. Весса едва удержать успела.

— Снежа, Снежинка!

Пытаясь растормошить вдруг потерявшую сознание сестренку, не заметила чародейка, как отшатнулись от лавки Акила с Сизаром, точно шерсть медведя и соколиные перья дыбом встали от повеявшего на них ледяного колдовства.

— Снежинка, что с тобой? Что такое, хорошая моя?

— На лавку положи и подальше отойди, Весна, — прохрипел Акила, хватаясь за горло. Сизару лучше было, его лед богини до костей не пробирал, но дышалось все же с трудом.

— Что это? — послушалась чародейка и отступила. И едва шаг сделала, как сестренка вновь задышала, правда, глаз не открыла и не шевельнулась.

— Не чувствуешь? Силы чужой не ощущаешь?

— Точно в грудь укололо. Но что с ней?

— Сильна девочка. Подарок богиня оставила для тебя и так все рассчитала, чтобы ты ее магию пробудила.

— Какой еще подарок, Акила?

— Верно говорит, — подал голос Сизар, — это точно магия Стужи, я чувствую. Чары на забвение похожие, когда человек засыпает и долго так спит, а сердце все медленнее стучит, пока вовсе не перестанет.

— Зачем? — задрожала Весса и побелела точно снег. — Что Снежка ей сделала? Она ведь Бренна забрала, неужто ей мало?! Почему ей всегда мало!

И голос снова сорвался, захрипел, а чародейка подскочила к хмурому князю, вцепилась в его плечи:

— Сизар, пробудить можно? Объясни, пожалуйста, как.

— Это сила богини, Весса, с ней лишь сама Стужа совладать могла.

— А Яр, — не желая верить словам, вновь спросила она, — Яр может помочь?

На этот вопрос уже Акила ответил. Покачал головой и пояснил:

— Разные поля силы, Весса, разная направленность у них. Один не умеет отменять колдовства другого, иначе только и разбирались бы друг с другом. Не зря мать-богиня силой поровну наделила.

Глава 24

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

Дворец сестры был ее гордостью, невозможно прекрасный до самой последней детали. Она, как мать, обожала красивые вещи, а потому настоящим ударом стало видеть вместо гладких башенок, скульптур в ледяных нишах, узорных карнизов, колонн и главной лестницы нечто, более всего напоминавшее гору. Гору, оплавленную снаружи, с которой лед сходил прямо кусками, чтобы после снова застыть. Не было входа, не было окон, одна бесформенная глыба.

Яр желал перенестись внутрь, но что-то не пускало. Ощущение, будто там нет пространства, в которое можно беспрепятственно проникнуть. Разве только пробить для себя ход.

От огненного удара пошатнулась сама гора, а Яр выругался, стабилизируя потоки. Проникнув внутрь, они вызвали дрожь земли, на которой нынче стоял дворец. Впрочем, ее землей нельзя было назвать. Твердь из тысячелетнего прессованного льда. Остров в центре Вечного океана, в закрытой части мира, между границами которого только боги и могли перемещаться. Лед не таял столетиями, и его темно-зеленая «почва» теперь приняла на себя вес бывшего дворца богини. Именно из аккуратно вырезанных в толще застывшей морской воды кубов, заряженных древней силой, и был дворец построен, сюда же, к месту своего «рождения», вернулся.

Огненный бог шагнул внутрь. Там испытал он сильнейшее давление магии, пойманной и запертой в ловушку старых чар. И только очутившись в тронном зале, Яр осознал, что его прежде не пускало. Здесь практически не было места, свободного ото льда. Сверху и снизу выросли из бывших потолка и пола огромные кристаллы, перекрещиваясь между собой наподобие прутьев клетки. Толстые наросты гладкого льда покрывали стены, сузив помещение до пространства, раз в десять уступавшего прежним размерам. И сейчас Яр очутился на свободном пятачке, а по сути, в пробитой среди льда пещере. И она в точности повторяла фигуру божества, а лед обтекал тело Яра по контуру, очерчивая линию плеч и опущенных рук, сжатых в кулаки. Даже выпрямить пальцы не выходило, они бы уперлись в лед, оплавленный его ударом.

— Стужа! — позвал он сестру, вглядываясь вперед, призывая послушный свет, позволявший сделать эти кристаллы настолько прозрачными, чтобы обвести взглядом весь зал. Обвести, увидеть и замереть на несколько долгих секунд. Сестра стояла в коконе изо льда, раскинув в стороны руки, застывшая и прекрасная, словно высеченная неизвестным мастером статуя, до боли напоминавшая живого человека.

— Стужа! — Он рванулся к ней, невзирая на то, что гору вновь сотрясло до самого основания, разбивая огнем кристаллы, формируя божественным даром узкий тоннель, сквозь который можно было вытянуть руку и коснуться плеча неподвижной статуи. — Что с тобой, сестра?

В ответ лишь тишина, в которой слышался звук, более похожий на хриплый вздох. Слабый, но услужливо отраженный ледяным пространством, он отскочил от каждого кристалла и достиг слуха Яра. Огненный бог медленно повернул голову и увидел снежного волка, распростертого на полу, буквально примерзшего к ледяным плитам, обнаженное тело окружат и наросты не прозрачного, из которого состояли кристаллы, а настоящего, вечного льда глубокого синего цвета. Они держали бывшего лорда прочнее всех прочих оков. Глаза Бренна были закрыты, губы не шевелились.

От нового удара часть прутьев-кристаллов рассыпалась в снежную труху, а Яр прошел и присел на корточки рядом с магом.

— Что ты сотворил? — не скрывая тяжелой угрозы в голосе, спросил он.

Заиндевшие ресницы дрогнули, глаза открылись. Синие-синие, цвета окружившего Бренна льда.

— Яр? — узнал он и слабо усмехнулся. — Добьешь?

— Еще как добью, — кивнул огненный бог, — только сперва расскажешь мне, что случилось. Что ты сделал, волк? Перегрыз свой ошейник. — И, кивнув на ледяные оковы, добавил: — Но попутно в капкан угодил?

— Отразил удар богини, — хрипло промолвил снежный маг.

Мало доводилось Яру удивляться, но лорд сумел поразить. Огненный бог внимательно оглядел

ледяные оковы. Прокатывались по ним красивые переливы, будто пазоры внутри светилось. Стужи работа. Он снова обернулся к сестре. Фигура богини целиком теперь состояла из синего-пресинего льда, и чем глубже бог вглядывался, тем лед казался темнее.

Яр осознал со всей ясностью, что его сестра, своенравная и своевольная владычица Северных земель, чья магия по силе могла сравниться лишь с его собственной, очутилась в ловушке. Пойманная в плен самых древних и нерушимых чар, отраженных ее верным, как она полагала, воином, превратилась в беспомощную статую, из которой вытянули всю магию. Но хуже оказалось то, что Яр не мог ей помочь. Сделай он попытку, попросту расколол бы ледяную статую, как разбил до этого кристаллы.

— Значит, ты ее силу впитал, да еще и выжить умудрился? Снова. А понимаешь, волк, что смерти заслуживаешь? Сними чары с сестры, и, возможно, я тебя пощажу.

Колючий смех стал ему ответом.

— Освободить Стужу не стану, даже если бы мог.

— Можешь ты все! Когда удар отражал, твоя магия в него вплелась, тебе же и заклятие разрушать.

— Нет.

— И ведь сам выбраться не сможешь, — зловеще проговорил огненный бог. — Сестра заледенела, приняв твой удар, и, кроме тебя, теперь некому отменить, но и ты ее льда не расколешь. Это древняя магия, матушки моей наука. Она прежде так все создавала, чтобы стояло веками, чтобы никто чужой разрушить не сумел.

— Так и созидала сразу на века? — прищурился Бренн.

— Матушка и огнем, и льдом одинаково владела. Коли недовольна бывала творением своим, то лишь ей под силу было изменить. Ну а коли вовсе не нравилось, так иной стороной дара могла подчистую уничтожить. В оковах твоих сейчас магия Стужи, только сестре под силу развеять, сделать как было.

— Так и дар богини во мне.

— Бога, а не богини! Ее дар в тебе уже иным стал, форму и суть другую принял. Обычное ее колдовство мог бы отменить, а вот скрепленное древними чарами — не выйдет.

— Тогда придется здесь еще отдохнуть.

— Ну, отдыхай! — Огненный бог поднялся и тяжело взглянул на мага. — Сестра всем тебя одарила, и вот благодарность?

Синий лед в ответном взгляде стал подобен сотне кристальных наверший, но ответил плененный маг тихо и без гнева:

— Стуже я вдоволь послужил, слово сдержал, но и отплатил за все сполна. А ты подумай, Яр, так ли надо ее освобождать? Или лучше, чтобы усвоила урок?

Замолчал, не прибавил больше ничего, но огненный бог задумался. Ведь и правда слишком своенравна стала сестра, ни с чьими желаниями не считалась, о себе и собственном удовольствии думала. Такой ли должна быть богиня, в чьих руках судьба половины земли? Этого ли хотела мать, наставляя своих детей править мудро? И что же послужит лучшим уроком для Стужи, как не осознание самой большой потери? Тот, кого любила и кому доверилась, но кого держала рядом на цепи, освободился от нее. Предпочел совершенству и холодной красоте тепло чужой улыбки и нежность в глазах другой. Сколь многим желала Стужа одарить своего воина, а ему это было не нужно.

Может, пробыв здесь пару веков, сестра пройдет через боль, ярость и непонимание, а в итоге осознает и сумеет смириться? И ведь Яр предупреждал отпустить волка. Уж он лучше многих понимал, что человека, подобного Бренну, не удержать рядом ни силой, ни бесценными дарами. Самый великий из чародеев тоже когда-то пытался купить любовь. Пришло время Стужи понять суть управления миром — человеку свободная воля дана не для того, чтобы жить в плену.

— Пожалуй, есть что-то в твоих словах, — обернулся Яр к застывшей богине. Он знал, сестра могла слышать и видеть, даже пребывая в неподвижном сне. — Да и по заслугам получила,

что говорить.

Яр вновь окинул взглядом плененного мага. Коробило чувство, что и подозрений об истинной силе ледяного лорда не возникало. Кто мог догадаться, что если перекроить чародея, то влитый дар не просто наполнит тело, а продолжит расти. Успешно Бренн скрывал способности, ни в чем не проявил их выше дарованного предела. Защиту земель не повысил, любимую крепость не укрепил больше прежнего. Наделив силой Весну, Яр точно знал, завершение двенадцатого цикла для чародейки невозможно, потому как смертному не сравниться по силе с богами, это заложено в саму суть поднесенного дара. Вот и Стужа не выстраивала для лорда искусственного барьера, а для бывшего чародея не оказалось границ. Всем рискнул ради своей рыси и скинул ярмо. А ведь предположи богиня хоть на миг, что Бренн способен отразить удар, и могло быть иначе. Не лежал бы сейчас перед Яром беспомощный новорожденный бог северного мира.

Интересно взглянуть, как Бренн стал бы править. Уж капризов от него вряд ли дождешься. Сейчас убить его легко, но в чем смысл? Хотя и отпускать не следует. Раз против родной сестры Яра пошел, то заслужил быть закованным здесь. Коли найдет способ вырваться, пускай путь обратно сам отыщет. Яр во дворец переход открыл лишь благодаря последнему зову сестры, а назад его должна была искра привести, та, которую нарочно на высокой Солнечной горе зажег. Она маяком и служила. Бренн же мог бесплотно скитаться в снежной пустыне веками. Здесь не было дорог и направлений, здесь вся магия, кроме точно наведенных переходов, сбивалась древними чарами.

— Что ж, снежный волк, славно поговорили. Отдам должное твоему уму и тому, что сумел обмануть коварную богиню, а удар умудрился отразить, не заledenев насквозь. Но не наказывать за сестру не могу, извини.

Он развел руки в стороны, лицезря усмешку плененного мага.

— Разбивать твой лед своим огнем не стану.

— Неужто мог бы?

— Мы отменять чары друг друга не умеем, вспять обращать, иначе бы не стал просить за сестру, зато расколотить, до основания уничтожить — это запросто. Но я не стану. Сам выбирайся как знаешь. Если справишься, заглядывай в гости. Договоримся, как мир делить будем. Прощай, Бренн.

И огненный бог, бросив последний взгляд на Стужу, исчез.

За дни, проведенные в прежде родном доме у постели Снежки, когда если и засыпала на минутку от усталости, то тут же снова вскидывалась, чтобы услышать дыхание и ровный стук сердца, здесь все побывали: Сизар, Севрен, Нега, муж ее, и даже мальчишки заглянули с наставниками своими.

В один из дней Белонег тихонько ступила на порог, хотя я не помнила времени, когда бы она робела или смущалась.

— Узнать, как ты, пришла, — произнесла.

— Зачем?

— Переживаю.

Она прошла в комнату и села рядом, посмотрела печально на спящую Снежку.

— А прежде не переживала? — не смогла я промолчать.

Кинула взгляд через плечо и заметила мелькнувший за приоткрытой дверью край рукава. Мачеха вновь проследила, кого на этот раз принесло.

У них гостей за последнее время прибавилось, а в деревне пересудов. Только и было разговоров о вернувшейся блудной чародейке и шастающих туда-сюда незнакомцах. И кто такие, откуда, ведь не признавались.

Ни отец, ни мачеха толком не понимали, что происходит, а про Снежку я пока молчала, не умея объяснить. Они, правда, не лезли особо. Когда один из братьев вздумал подшутить,

сказал что-то о более всех зачастившем Сизаре, я совершенно случайно жаркую волну создала. Просто рукой махнула в сердцах, а брата о бревна приложило, с тех пор и не приставали с разговорами. Еще Акилы чурались, который умудрился отца на беседу в лес позвать. Там, на могиле матери, и поговорили. Долго обсуждали дела минувших дней, и обратно охотника чародей сам на спине приволок. Тот временно передвигаться без помощи не мог. Теперь вот восстанавливался потихоньку, и явно мечтали домашние, чтобы гостей стало поменьше, а желательно, убрались все с блудной чародейкой во главе восвояси. В мою комнату только мачеха и заглядывала, но не бесед ради, а посмотреть на спящую дочку и вновь попытаться узнать, когда же очнется.

— Как не переживала? — ответила Нега. — Да будто ты знаешь!

— Трудно догадаться? Я среди чародеев вдруг оказалась, ни одного лица знакомого, все волками глядят, а от вас даже весточки не пришло. Эрхан ко мне с вещами ходил, но и записки среди них не нашлось.

Белонегу помедлила, чуть-чуть колеблясь, а потом ответила:

— Войд велел нам забыть о чародейке. «Не было ее, — сказал, — и не будет».

— Так и сказал? — Я сильно губу прикусила, чтоб не зареветь. Много навалилось, не чаяла уже справиться. Может, потому и зачастили друзья северные и одну меня на минутку не оставляли, всегда кто-то рядом сидел.

— Не нам с лордом спорить, — печально шепнула Нега. Ей тоже было тревожно, всем им, потому как не возвращался войд. И все сильнее крепло чувство, будто может совсем не вернуться, хоть и верилось пока с трудом.

— Что же я такого сделала, что напрочь вычеркнуть решил, не просто из жизни, из мыслей даже?

Я про лорда спросила, не став упоминать богиню, которая и вовсе требовала убить, но Нега только плечами пожала.

— Отдохни, — сказала она, — я с сестренкой твоей посижу.

— Боюсь, — почти неслышно шепнула ей, — боюсь уснуть, а проснувшись, не услышать, что сердце...

Я не договорила, она и сама поняла.

— Бессмысленно все, но я от мысли не могу отделаться, будто должна хоть что-то сделать. Акила говорил, сила Яра Снежку сразу убьет, как и моя, потому опасаюсь к ней даже притронуться.

— Некому ее пробудить, вон и князьям не под силу оказалось, — опустила голову Нега.

Севрен намеренно собрал в нашем доме двенадцать магов, привел ночью, пока все спали, призвал силу объединить. Я стояла в углу комнаты, крепко держа на поводке огненную рысь, не позволяя той сорваться и среагировать на снежную магию, и смотрела, как пытались они совладать с «даром» богини. Не вышло.

— Стужа сильна была, невозможно поспорить, — вздохнула Нега. — Мне муж объяснял, говорил, что в отличие от вас, чародеев, кому Яр право дает выбирать, богиня всегда привязывала силой к себе. Наделяла мощью невиданной, но и свободы лишала. Потому и плата за помощь всегда бралась. Силой ли, теплом ли расплачивались просившие, но неизменно это было. Запечатывала дар таким образом, чтобы стал подобен круглому озеру. А чародеи силу извне берут, от огня, солнца, света, не закрыта она от них, от благоволения Яра не зависит. У кого сильнее от природы, у кого слабее. Разве только додумается бог выделить особо, ну как тебя.

— В наших краях всегда иное божество почитали, — я крепко сцепила руки вокруг коленей, — только предупреждали, что не стоит его звать. И ведь не напрасно предупреждали, даром что предания мудрость поколений хранят. Ради себя я бы никогда не позвала его боле, а вот ради Снежки...

За дверью громко охнули, потом вдруг стукнуло, словно лбом от души приложились, отчего она распахнулась. Мы с Негой устались на потирающего шишку крепкого мужика. Оказывается, вовсе не мачеха следила, а братец мой, что летами чуток помладше был.

— Совсем умом тронулась? — поняв, что попался, тут же рывкнул брат.

Этого еще о бревна не прикладывала, но он и ждать не стал. Развернулся и был таков, голоса на ходу:

— Веска беду накликают хочет, в наш дом Сердце Стужи зазвать.

А дальше не разобрать слов.

— Что это он? — подскочила Белонег. — Что надумал?

— Меня прогнать из деревни. — Я медленно поднялась, пристально глядя на дверь.

— Как же быть? — схватилась за мое плечо Нега. — Акила твой ушел с князьями, как назло, только к вечеру обещались вернуться.

— Я и сама справлюсь, — вздохнула, понимая, что после такой демонстрации силы меня в деревне точно не потерпят, потому как насмерть перепугаются. Не зря же князья молча в гости заходили, кто они, не признавались. Народ здесь простой, сложностей, особенно тех, что опасность несли, не терпел. Кому, как не мне, знать.

— Справишься, но коли навредишь ненароком? — Бледная Нега развернула лицом к себе. — Разозлишься, словно тогда на поле, сама ведь рассказывала.

Я помнила, а на улице уже загомонили. Мне слышалось тяжелое топанье ног, шаги по дому, а после дверь снова отворилась без стука. Впереди прихрамывал отец, позади головы соседских мужиков, тех, что покрепче, виднелись. Они Аларда перед собой и втолкнули.

— Весса, — он откашлялся, замолчал, а прятаясь за плечом мачеха тут же дернула за рукав, — мы тебя приютили, когда нужда была. А теперь и ты нам добром отплати. Много стало здесь пришлых, не знаем мы их, они нас, как бы ты беду не накликала на всю деревню.

— Что со Снежкой случилось, тоже молчишь, — тут же поддержала мачеха.

— Еще Сердце Стужи призвать собралась, — поддакнул братец, которого не видно было из-за широких плеч. Он поддакнул, а остальные загомонили.

— Весса, — заискивающе начал вставший по другую сторону деревенский староста, — просим уважить нас. Мы не гоним, конечно, ведь помним добро, и как по зиме всю деревню от напасти избавила, духа ледяного изничтожила, но ведь и мы всей деревней тебя растили, не прогнали брошенное матерью дитя прочь.

А сам искоса на отца глянул и кашлянул в густую бороду. Отец же будто побледнел немного, но промолчал.

— И правда, не стоит напоминать, как всей деревней растили. — Я усмехнулась и, видимо, недобро совсем, поскольку лица стоявших в дверях разом посмурились. Да ушла бы вновь, и с огромным удовольствием, кабы не Снежка. Ее бросить ни за какие посулы не могла.

— Помочь собраться-то, пока светло? — вмешалась мачеха, по-прежнему глядя из-за плеча мужа. — Пойти есть куда, вон отец твой новый не из простых, сам говорил.

Еще и хмыкнула при этом, и губы скривила презрительно. Акила мачехе на душу не лег, потому как отцу от чародея неслабо досталось.

— Я уйду, но Снежку с собой заберу, — отвернулась от них и склонилась над кроватью, пробормотав уже под нос: — Может, найдем способ.

— Дочку не отдам!

Мачеха позабыла и про плечо отца, и про остальных, защищавших ее от немилой падчерицы. Ринулась к кровати, оттолкнула меня и загородила сестренку собой.

— Куда ты ее утащить собралась, боги лишь ведают. И что с ней сотворить успела, так и не открыла никому.

Я сотворила? Слова мачехи больно ударили, а все потому, что было в них здоровое зерно. Моими руками Стужа свое проклятие сотворила, но избавить от него чародейских сил не хватало.

— Сон на ней наколдованный! — сорвалась я, хотя Белонегу схватила за плечо, пытаюсь успокоить. — И никому не под силу снять! Его сама богиня наслала. А тебе что важнее, меня со двора прогнать, боясь того, как Сердце Стужи призову, или дочку спасти?

Теперь мачеха побледнела, руки прижала к груди и на кровать села.

Я в себя пришла, замолчала, оглянулась на отца. У него тоже на лице, что на белом холсте, только красками рисовать. А вот остальных не прорвало. Только еще большую угрозу ощутили.

— Ты, стало быть, на семью недовольство богини накликала? — без прежней любезности спросил староста. — А теперь на всю деревню призвать хочешь?

— Да это Сердце Стужи вас от духа избавил, не я. Он мне жизнь спас, когда у дерева едва не замерзла. И не вам за призыв расплачиваться, коли ответит.

Хватка пальцев Неги на плече такой стала, что охнуть хотелось. Не сдержалась я. Сама понимала, но как же злилась нынче на них. За свою шкуру испугались, а о Снежке не заботились. И хоть звать пропавшего ледяного мага смысла не было, а я лишь впустую рассуждала, но реакция этих мужиков здоровых, за себя испугавшихся, заставляла кулаки сжимать и сдерживаться, чтобы не рвануться к ним шипящей, выпустившей когти рысью.

А они загомонили все разом. Разочарование и злость все сильнее слышались в громких голосах, только отец с мачехой молчали. Она на Снежку глядела, он на меня, а в глазах отчего-то тоска проступала. Остальные же свои выводы делали. Решили для себя, будто не такая я сильная чародейка, а в обман всех нарочно ввела. И всегда я непутевой считалась, и зря в свое время не вывезли в лес. Вот выросла и отплатила за добро, всю деревню угрозе подвергла. Вместо того чтобы смиренно пожертвовать собой ради родных, едва ли не большее зло на них накликала. Самого Сердце Стужи позвала, а за это теперь семья расплачивалась. И ведь точно врала, потому как не богиня Снежку заколдовала, а я жизнью сестры за помощь рассчиталась.

Как ни держала меня Белонегу, как ни шептала что-то на ухо, стремясь успокоить, но лопнуло терпение. Напрочь отказало. И в комнате тишина повисла, хоть ножом режь. А все потому, что услышали, как я произношу:

Стынь, трава, стынь, земля, Лес под ветром склонись, Сердце Стужи, на зов мой явись.

Знала ведь, не придет. Застыл в ледяном дворце, где большая часть моего сердца навеки осталась. Его горячий осколок нынче медленно затухал в маленьких ладошках. И чего больше было в призыве: беспомощных слез, тоски, желания, чтобы пришел? Бессмысленный жест, такие только из отчаяния и совершаются.

Первым ко мне рванулся кто-то из мужиков, чье лицо разглядеть не успела, зато блеск стали в руках заметила. Ну а за ним ринулись остальные. В моей голове только одна мысль промелькнуть успела — Снежка здесь, нельзя магию призывать. Значит, только и оставалось, как войд учи, не в лоб идти, а чужую силу в этой схватке использовать.

Поднырнула под руку первого, ухватив и вывернув ее, а ногой в зад толкнула так, чтобы еще больше ускорился. Он нож выронил и на полном ходу со стеной встретился, а я между двумя другими, которые следом летели, так проскользнула удачно, попутно дернув их за грудки, что они друг с дружкой лбами стукнулись, искры из глаз посыпались. Столкнув тех, приземлилась мягко на пол и покатила под ноги к четвертому. Комната из-за горе-воля узковата стала, и этот даже отпрыгнуть не успел, так и рухнул, точно подкошенный, на дружков своих. Из четверых он самым крупным был, почти как мой медведь, и дружкам точно мало не показалось.

Устроила из самых бойких куча-малу и к окошку юркнула. Замерла между лавкой и стеной, хотя легко могла через подоконник махнуть. Увести бы их за собой на улицу, но тут еще Нега оставалась, а ну как додумаются чужачку схватить?

— Совсем ума лишились? — вдруг гаркнул отец. — В моем доме и с ножом кидаются?

Он стоял теперь, перекрывая двери, не впуская остальных, рядом только староста остался. Четверо в комнате охали, а в коридоре еще гости толклись.

— А ну, прочь выметайтесь!

Староста кашлянул, глянул на поднимающихся на ноги мужиков. И ведь не остановил их прежде, а сейчас еще и меня смерил тяжелым взглядом. Никак задумал что-то?

— Уйдем, уйдем, — повернул он голову к отцу, — но не обессудь, Алард, что придется чужачек с собой прихватить.

Как и думала, повинуясь его взгляду, двое мужиков метнулись к Белонеге, схватили ее за руки, а двое других замерли, глядя на меня.

— Весса не чужачка здесь, — хмуро отмолвил отец.

— Но и не с нами она, — отрезал староста и с угрозой в голосе уже ко мне обратился: — По хорошему пойдем, Весса.

— Пойдем, — не стала спорить.

А голова прищурился, почесал бороду и тому из деревенских кивнул, кто первый на меня с ножом прыгнул.

— Пригляди тут.

И я едва зубами не закрипела, когда тот поднял свой нож и, потеснив мачеху, уселся на кровать. Еще и хмыкнул довольно.

— Пригляжу.

Вот как? Белонеге угрожают, Снежке угрожают. Ребенка да слабую женщину обидеть готовы, лишь бы угрозу подальше спровадить? Огонь, так старательно сдерживаемый, выхода не получавший, взметнулся внутри. Отразился в глазах, до кончиков волос пробежался.

И только жаром моим повеяло, как в комнате мигом похолодало. Над Снежей словно облачко белесое возникло, а я огнем собственным поперхнулась от страха.

Глава 25

О ЗИМНЕЙ СКАЗКЕ И ЕЕ ЗАВЕРШЕНИИ

Хорошее наказание Яр выбрал, оно и понятно. Порой убить даже милосерднее, чем жить оставлять. Однако лежать тут века, придумывая, как освободиться, Бренна не слишком-то привлекало. Отдохнуть не помешает, конечно, но уж лучше место да компанию самому выбирать. Опять же, если замешкаться, то рыська огненная может вовсе не дожидаться. Долгая жизнь у наделенных божественной силой, но не дольше богов ведь живут. Значит, поскорее выбраться следует. Жаль, лед, сковавший руки и ноги, совсем не поддавался, как Яр и предупреждал. Постаралась Стужа, древнее заклятие призвала, дабы лорд ее наверняка вырваться не сумел.

Успел солнечный бог напоследок порадоваться, что только его огнем древние чары разбить можно, а Бренна сразу занятая идея посетила. Огненной силой не владел, конечно, но вот в камушке одном, когда-то самим Яром сотворенном, именно она и заключалась.

И ведь не раз пригодился. Сперва вплести в веревку, которой Вессу связал, чтобы Яра призвать, после границу пересечь, охраны не побеспокоив, и прямо в дом Акилы шагнуть. А теперь пришел черед послужить в последний раз. Жаль, всего ожерелья нынче не сыскать было. Укрыла его Стужа в дворцовых тайниках, а сам дворец непроходимым стал. Не отзовутся солнечные самоцветы, поскольку один лед кругом. Даже тот камень, что Бренн при себе носил, теперь не отзывался.

Одежду магия искрошила, а самоцвет на шнурке на груди висел. Еще во время удара тот шнурок лопнул, и его, вероятнее, в сторону отнесло. А раз магического огня сейчас во всем пространстве не чувствовалось, мог он вмерзнуть в один из кристаллов. Вот только головы было не повернуть, а пальцы едва шевелились. Ничего не оставалось Бренну, кроме как на ощупь искать.

Отпустил силу, и зазвенел ближайший кристалл, раскрошился, Бренн прислушался внимательно к ощущениям, но тот оказался пустым. И так один за другим, большие и маленькие, весь ближний ряд по кругу. Пропустить нельзя, вдруг именно там и застыл камушек.

Раскрошить, прислушаться — есть ли пламя, и дальше продолжить. Муторная работа, долгая, потому как не видишь, а лишь чуют можешь, да и сами кристаллы силой ищешь. Их же во всем зале бесчисленное количество выросло.

Так и разбивал, отдыха себе не давая, и штук пятьсот насчитал, от крошечных до гигантских, когда вдруг кольнуло среди холода искоркой тепла.

Отыскал! Осталось приманить на ладонь, заставить снежную крошку, в которую кристаллы обратились, поползти по полу и принести к его руке черный, точно уголек, камень. Сжать не выйдет, но не беда. Силой тоже расколоть можно, точно молотком, если со всех сторон сдавить...

Новый дар еще пытался сопротивляться контролю и срастался с сущностью волка медленно, неохотно. И все же отозвался, строптивец, покорившись более сильной воле и ее давлению, откликнулся и расколол красивый кристалл, выпуская солнечный свет наружу, освобождая заключенную в нем магию Яра.

Ладонь обожгло текучее пламя. Камень разбился, засияло вокруг пленника на одно короткое мгновение, но и этого хватило, чтобы треснул вечный лед и выпустил на свободу. Теперь бы поспешить, ведь время во дворце Стужи совсем иначе течет.

Бренн присел на ледяной остов, застывший подобием стула. Послушный снег, соткавшийся из замерших частичек, превратился в белоснежные одежды, укрывшие тело своего божества. Все раны на коже, от которой отдирал искрошившийся лед вместе с ней самой, медленно затягивались инеем, исцеляясь обретшей новую сущность магией. А войд бросил взгляд на богиню.

— Только надумаешь поспешить, как приходится задержаться. Против моей компании не возражаешь, Стужа? — Усмешка искривила уголок рта, четче обозначив белесый шрам на скуле. Там тоже прилип синий ледяной кусочек, и на всем теле, где такие пришлось отдирать,

остались полосочки шрамов. — Хотя, если и возражаешь, деваться все равно некуда. Одна пустыня снаружи, любой зов сбивается.

Все место вокруг бывшего дворца такой пустыней ощущалось. Бренну только и удалось шагнуть за пределы, чтобы сразу уловить чуждые потоки и понять — вздумай он искать сейчас выход, непременно заплутает в белоснежной глуши. Перенестись перенесется, но не туда, куда стремился, скорее выбросит где-то посреди бесконечного, укрытого снегом и льдом поля.

А хуже всего, что стоило лишь ступить за порог, как потоки заволновались, снег закружил, завьюжил, желая запутать, запорошить глаза.

— Не иначе как на распутье стоим, а поблизости переходы в иные миры, так, Стужа? Умеешь ведь, богиня, и в неподвижном состоянии навредить. Не могло твой дворец в нашем мире куда-нибудь занести?

Он прикрыл глаза, прислушиваясь, но не ощущалось дорог. Надежно скрывались все связи.

— Слабый зов не долетит, а кому под силу такой призыв послать, чтобы не просто услышан был, но путеводной нитью обратился? Я хорошо постарался в свое время все нити оборвать.

И как бы отвечая ему и злорадству побежденной богини, застывший воздух вдруг заколебался, а Бренн прислушался и закрыл глаза, подставляя лицо едва заметному теплему ветерку. Губы согрела улыбка, смягчившая резкие черты, осветившая их вовсе не божественным светом, но обычным человеческим счастьем.

— Весна, — шепнул с тем особым выражением, что, имея богиня возможность шагнуть со своего пьедестала, рванулась бы всадить ледяной кинжал в это, не дрогнувшее перед ней сердце.

Бывший лорд даже не обернулся на прощанье, он просто сделал шаг в открытый переход, оставив за собой ледяную пустоту.

Испугалась, как же сильно я испугалась! И хотя магию не выпустила, но боялась двигаться, а туман над Снежкой заколыхался, потек, и тогда я заметила, что он по всей комнате стелется: по полу, на стены взбирается — и холодно. Дыхание изо рта теплым парком вырывается.

— Что творишь? — Это староста дернулся, привлек мое внимание. У меня глаза округлились, когда заметила, что ноги его по бедро в лед закованы, и у всех так, кроме Белонег и меня, кто на полу стоял. Перепугался староста насмерть, мозги совсем отказали, даже позабыл, что я чародейка и ко льду мало отношения имею.

— Отпусти! А то я ей... — Это тот из мужиков заорал, кто Белонегу держал. Не договорил, замер с открытым ртом, только глазами хлопал.

Мой жар взметнулся и притих, погашенный порывом ветра. Холодного, северного, ледяного. Прошелся по комнате, легонько погладил по щеке, не заморозив. У остальных зубы застучали, у меня язык отнялся. Стены, пол и потолок затянуло хрупкой снежной корочкой, туман качнулся, взметнулся вверх и обернулся высокой фигурой.

Он обвел взглядом нас всех, и все не могли шелохнуться. Мы с Негой от изумления, остальные от страха.

Я смотрела, смотрела, но боялась признать. Волосы, прежде мерцавшие, теперь искрились нестерпимо ярко, глаза, напоминавшие раньше прозрачный родник, сияли синим льдом, фигуру, ставшую будто еще мощнее и больше, окутывали белоснежные одежды.

Он ответил мне таким же долгим взглядом, а в комнате кто-то тихонько подвывать начал, но я не видела кто. Не выходило глаз отвести.

— В-войд? — узнала я голос Неги, тоже не смевшей признать в этом новом облике прежнего Бренна.

— Н-накликала, н-накликала! — Староста заикаться начал.

— Звала, чародейка? — не обращая внимания ни на что и ни на кого, спросил меня снежный маг. Или не маг вовсе? Он так мало сейчас походил на привычного снежного лорда...

Хотела ответить, но воздух вышел со свистом, отказавшись сложиться в слово, потому пришлось только кивнуть. И рукой махнула беспомощно на Снежку мою, а еще, припомнив туман, быстро опустила на нее взгляд, но сестренка все так же спала, как и раньше, грудь мерно вздымалась. Мужик с ножом на полу обнаружился, примерзнув задом к доскам, и тоже глазами хлопал, мачеха, прежде на кровати сидевшая, теперь лежала поперек нее без сознания.

Бренн подошел, остановился по ту сторону напротив меня, скользнул по лицу взглядом и после посмотрел на Снежку. Склонился над сестренкой, положил ладонь ей на лоб.

Замерцало кругом, засияло холодными переливами от темно-синего до лазурного, глаза заслезились, и я зажмурилась, смаргивая набежавшие слезы. А потому прежде, чем успела увидеть, услышала голос звонкий, детский:

— Ты кто?

Она улыбалась ему, моя Снежка, глядела без страха, с любопытством. Здоровая, живая! А он улыбнулся в ответ.

Я поднесла ладони к губам, прижала, заглушая готовый вырваться всхлип. Не верилось, пока не верилось еще, что наяву. Неужто выжил, неужто пришел и взаправду ли спас?

— Пощади, пощади нас, снежный бог! — заголосили от двери.

Бренн обернулся, посмотрел равнодушно на закованных в лед. Староста умоляюще сложил на груди руки, голос дрожал. Тем, в коридоре, кажется, тоже досталось.

— Это не ко мне, — усмехнулось божество. — В лед заковать могу, а вот растопить... Пускай чародейка освобождает, если уговорите ее.

И снова взглянул на меня. Усмешка смягчилась, в ледяных глазах иное выражение мелькнуло, хотя оно тут же исчезло, стояло мне только рот раскрыть.

— Что спросишь в оплату?

Первые слова, произнесенные мной для него после того призыва. В голове сумятица сплошная, среди которой молоточком стучало — живой! — в душе боги знают, что творилось, сердце будто безумное стучало, а с языка вот это сорвалось. Он, наверное, не то ожидал услышать, я и сама не ждала, что именно так и скажу. Бренн ответил недолгим молчанием, а после произнес:

— Подари то, что для тебя сложнее всего подарить, Весна.

Губы сложились вопросительно, в сердце кольнуло нехорошо, но готова была в этот раз все отдать, что попросит. Ради жизни сестры я бы и любовью ее расплатилась.

— Прощение свое, — вымолвил он.

А после исчез.

Тихо-тихо стало для меня в комнате, полной народа, а затем обрушился разом гул голосов. Умоляющих, просящих, стонущих. Некоторых страдальцев в не самой удачной позе приморозило, вот и голосили. Из коридора тоже доносилось. Там, кажется, братья толклись. Ну а я что, я так и ответила, как прежде вынуждали:

— Хотели ведь, чтобы ушла, вот и пойду.

Взяла Снежку за руку, собираясь по пути одежду захватить, Белонегу поманила за собой. А ничего, сперва в гости к себе свожу, покажу, где теперь обитаю, к князьям заглянем, Акилу с собой позовем, а эти пока постоят. Всяко на пользу пойдет.

— И что? — хитро взглянул на меня старый медведь.

— Что?

— Прощать его будешь?

Я повела плечами и прошлась до нового массивного стола в центре кабинета. Провела

ладошкой по поверхности, прислушиваясь к шуму на улице. Сквозь настежь распахнутое окно долетал веселый смех. Снежка веселилась в саду, вылавливая в пруду лягушек, а Белонегу возила вместе с сестренкой и тоже хохотала от души.

— Он радость мою вернул, сестру любимую... — опустила голову, проводя ладонью по красивым резным узорам, вздохнула, решив, что уж Акиле можно правду сказать. Ценил медведь искренность, а лишние фразы и пустые выражения, напротив, терпеть не мог. — Давно уж простила.

— Так что ему об этом не скажешь? — спросил с улыбкой старый наставник, пробормотав тихонько: Знает ведь, что попросить, шельмец.

— Страшно мне, — созналась.

— Ха, — оценил признание чародей, — он там ждет, а она здесь трясется, точно заяц.

— Правда, что ли, ждет? — взглянула недоверчиво, но с затаенной надеждой.

— Ну если такой способ оплаты выбрал, то уж наверняка. Хотя зачем гадать, коли сама сходить можешь да спросить. Чего на самом деле боишься?

Того, что каждый раз более всего ранило, — равнодушия.

— Иди, девочка, иди. Сдается мне, ответ не такой будет, какого страшишься.

— А какой? — Я крепко-крепко сжала ладони, ожидая продолжения.

— А это вы вдвоем разберитесь, и будет всем счастье, — хмыкнул Акила. — Давай собери храбрость в кулачок и ступай, Весна. Открывай переход.

И стоило чародейке исчезнуть, как улыбнулся радостно.

— Ради тебя сколько всего совершил, берег, защищал как мог и навсегда отпустить решился. Теперь пускай сам признается, как любит.

Лес шумел на ветру зелеными листочками, деревья пели свою песню, радуясь теплоте дня. Им вторили птицы, свившие в высоких ветвях свои гнезда. Щебетали всюду, восславляя радость жизни.

Снежный бог запрокинул голову, прикрыл глаза, вслушиваясь в эти звуки. Журчал неподалеку родник, тихонько звенели, чувствуя рядом ледяную силу, иголки, спрятанные среди пушистой хвои. Они сейчас не представляли опасности для любого чародея. Бренн убрал защиту, потому что ждал.

В шепот леса вплелись мягкие шаги. Широкие лапы ступали бесшумно, так что веточка не хрустнет, но слух мага уловил то, чего бы не расслышало человеческое ухо.

— Здравствуй, старый друг, — улыбнулся он снежному волку. Тот скакнул, преодолев разделявшие их несколько шагов, и уткнулся мордой в протянутые навстречу ладони.

— Жив я, жив, — успокаивал верного волка Бренн, поглаживая прижатые к голове уши, — и дорогу назад отыскал. — Вздохнул негромко. — Она позвала.

— Р-р-р, — мигом оглянулся Эрхан.

— Ее здесь нет, не пришла.

Волк устроился на земле, махнул пушистым хвостом, пристально поглядел.

— Веришь, что душа к душе путь отыщет через любые преграды и расстояния? — спросил неожиданно маг. — Может она любить так сильно, чтобы новую жизнь обрести? Вот как ты обрел, мой друг.

— Р-р-р, — задумчиво выдал Эрхан.

— Помню, что помог, — улыбнулся Бренн.

Как бы он смог забыть. До сих пор легко возникали перед глазами картинки далекого

прошлого, стоило лишь позвать: мальчик на руках, так похожий на одного из его сыновей-двойняшек. И ярость, беспомощность, и как рванулся в лес, считая про себя убегающие секунды. Как искал поблизости любое магическое существо, а им оказался погибающий снежный волчонок. Прежде их истребляли целыми стаями, страшась волшебных и сильных существ. Волчонок выдохнул в последний раз, а Бренн отпустил заточенную в кристалл душу. Ее он вырвал из глотки прожорливого ледяного духа, разрубив того пополам, не позволив ему успеть поглотить.

Маг сидел и смотрел и ждал на самом деле недолго, а казалось, будто целую вечность. Звереныш вздрогнул, задышал и открыл глаза, цвет которых из янтарного стал голубым. И взгляд совсем иной, не звериный, а осмысленный, будто у человека.

Эрхан положил морду на колени Бренна. Тот самый взгляд. Умный и понимающий все, о чем говорил лучший друг, давно ставший для него равным божеству.

— Как ты сам? — провел ладонью по снежной макушке Бренн. — Твоя волчица не покидает логова, ее стая стала частью твоей? Я не ошибусь, предположив, что скоро снежных волков станет больше на несколько пушистых волчат?

Эрхан коротко довольно рявкнул.

— Будь счастлив, мой друг. Я все понимаю. Твоя волчица чурается людей, а потому будем встречаться, когда сам найдешь возможность прийти. Ты заслужил шанс прожить новую жизнь, Эрхан.

— Р-р-р, — ответил волк, и прозвучало это как: «Ты тоже».

Шумно и людно было вокруг. Суетились маги вперемишку с жителями бывшей крепости. То здесь, то там мелькали князья, выполняя наряду со всеми свою часть работы. В лесу стучали молотки, работали пилы. Каждый оказался при деле, сооружая новый оплот снежных магов.

Я прошла немного вперед и остановилась как раз у подножия холма, выглядывая среди знакомых и чужих лиц Бренна, но не находила его. Зато меня быстро заметили. Тащивший на одном плече бревно здоровенный мужик вдруг притормозил и скинул свою ношу на землю.

— Ты гляди! Чародейка!

Шедший позади него, которому едва бревно на ногу не свалилось (в последний момент отпрыгнул), даже возмутиться не успел. Как и первый, остановился и присвистнул, оглядывая меня.

А немало прибавилось новых лиц.

— Вот это люди! — Голос был мне знаком, но с его обладателем мы не так чтобы много общались в прошлом. Один из наставников, тренировавших мальчишек. — Никак новую крепость явилась разрушить?

И вроде без злости совсем, скорее с насмешкой, но незнакомые мне люди заволновались.

— Это она, она? — доносилось вокруг.

— Кто же еще, — вперед, растолкав собравшуюся толпу, выступил Сизар, — какая еще чародейка хаживает сюда, будто к себе домой? Ну, привет, Весса.

Князь сверкнул белоснежными зубами, явно радуясь встрече. Однако не спешил раскрывать объятия, впрочем, как и Севрен. Тот бесшумно возник с правой стороны от Сизара и с улыбкой кивнул мне. Будто выжидали.

— Что мне здесь разрушать, — я ответила, — коли ничего еще не построили.

— Ишь ты! — выдал тот первый, уронивший бревно. — А не боишься, что погоним отсюда?

— Тебя бояться? — Я засмеялась. — Неужто самый смелый или же самый дурной?

Кругом загоготали и заговорили. Мужик насупился, но нарочно смерил меня таким взглядом, от которого другая бы в краску вошла, а я лишь шире улыбнулась.

— Смотри! Бойкая какая. Потолковать бы с тобой где удобнее, да хоть на сеновале.

Дальше он, наверное, мне бы путь взялся к сеновалу указывать, но не успел. Расступились окружившие меня, а вперед вышел тот, ради кого я и решилась сюда прийти.

И сердце, до того успевшее успокоиться, не отзывавшееся на чужие подначки, сразу с ума сошло. И дар речи пропал. Глаза, так смело смотревшие на остальных, сами собой к земле опустились.

— Пришла? — спросил тихо, будто только ко мне обращаясь, а остальных попросту не замечая вокруг.

— Сам прощения просил, вот явилась подарить. — Прячась привычно за словесным заслоном, решилась совсем чуть-чуть на него поглядеть. И снова дыхание затаилось в груди — каким он стал! — А тебя еще отыскать нужно. Не ждешь?

— Жду. — И так сказал, что у меня сердце опять подпрыгнуло, в горле застряло и ответ вытолкнуло ну вовсе неправильный.

— Гляжу, нынче в крепость всякий попасть может. После меня совсем перестала защита работать или хороших магов так не хватает? Неужто дураков стал набирать, войд?

Отчаянно стараясь не краснеть и не дышать через раз, снова набираясь храбрости, перевела весь разговор на мужика с бревном.

Бренн даже не посмотрел на него, от меня взгляда не отрывал. Зато ответил:

— А что ты дураков слушаешь?

И то правда. Зачем слушать, да еще отвечать, когда можно вот так поступить.

— Ай! Ай-яй! — Мужик запрыгал и заскакал на месте, а после споткнулся о бревно и растянулся на земле. Штаны, обтягивающие зад, весело тлели. Исподнее в веселый горошек я трогать не стала. И так вид красивый, краше не надо. Зато и наука впредь: к чародейкам не цепляться, на сеновал не зазывать. С чародейками к сухой соломе приближаться вообще последнее дело.

— Как поостынет, — хохотнул Севрен, — дело ему найдем, чтобы впустую языком не молол. А, войд?

Бренн в ответ лишь усмехнулся, но мужик побледнел и подальше отполз, бревнышко между собой и снежным богом заслоном оставил.

— Войд, а войд, — весело подначил Сизар, — осторожнее. Если вы мириться надумали, ты заранее снега потолще намети. Жалко новую крепость, только отстраивать начали.

Я фыркнула. Довольно с меня стен ледяных да лавок жестких, помнится, перину обещали.

А бог снежный, не отвечая никому и даже не слушая, протянул вперед ладонь.

— Дашь мне руку?

Стих гомон людской, и вовсе исчезли люди, скрывшись по ту сторону перехода. А мы вышли на краю леса, впереди был обрыв, и стелилась красивая долина. Посередине широкое озеро, из которого брала свой исток Зимнелетка.

Он присел на поваленное дерево, я устроилась рядом. Подтянула колени к груди, обхватила одной рукой.

Так сидели и молчали, пока я с духом не собралась:

— Сколько всего минуло, но до сих пор не понятно, зачем Стужа тогда меня убить велела. Разве я ей что плохое сделала?

Пальцы, так и не выпустившие мою ладонь, легонько сжались.

— Твоя опасность для богини не в тебе самой заключалась, а в том, чьей ты дочерью была. Ведь мог Яр узнать, как сестра извела его лучшего чародея. Так и случилось в итоге.

— А ты почему, — моя рука дрогнула, но он сжал ее крепче, не отпуская, — почему не заступился?

Зажмурилась, затаила дыхание, ожидая ответа.

— Не мог против богини пойти, — ответил, и я выдохнула. Шумно, громко, выдав и себя, и чувства свои. Боялась, будто неправильно поняла тогда Белонегу, и только князя от воли богини зависимы были, а такой, как Бренн, мог воспротивиться. А он не мог.

— Еще и потому, что иначе она догадалась бы, — добавил.

— О чем догадалась?

Он поднял мою ладонь и прижал к груди. Я немного качнулась навстречу, решив, будто почудилось. А после резко выдернула руку и прильнула щекой, слушая и слыша, как стучит его сердце.

— О том, что ты лед растопила.

И обхватил руками, пока я не успела отстраниться, прижался щекой к волосам, сжал крепко-крепко, так крепко, словно никогда больше не выпустит.

Где-то там, вдалеке, послышался шум. Будто что-то разбилось. И я заворочалась, просыпаясь, и поняла, что снова забралась куда повыше, свернувшись клубочком на широкой обнаженной груди, а мужу и не тяжело вовсе. Пальцы привычно запутались в моих взлохмаченных кудрях, а другая рука устроилась со всем удобством на бедре. И одеяло сползло, ничего не скрывая. А что там скроешь, если даже сорочки на мне не было. Все потому, что никакого смысла в этих сорочках. Ткань их шелковая ни разу встречи с ладонями войдя не пережила. Рвались, точно тонкие батистовые платочки, вот каждую ночь и рвались, пока я не плюнула и не перестала их вовсе надевать. Думала, будто в них прекраснее выгляжу, пока муж с улыбкой не пояснил, что без сорочки во много раз краше.

Потерлась щекой и попыталась сползти с его груди на перину. Кажется, раз от разу их число на широкой кровати все прибавлялось, одна другой толще. Дернуло же однажды заявить, будто обещал, вот и веселился северный бог, что тут скажешь. А я все равно каждую ночь на твердую грудь забиралась и там спала.

Ладонь прошла по знакомым шрамам, изученным так хорошо, что с закрытыми глазами сосчитала бы. Рассказывал муж, то бывшие знаки отличия, с кожи срезанные. Затянулось потом, а следы остались.

Увлеклась я немного, поглаживая белые отметины, уже и губами потянулась коснуться, как новый звон раздался громче прежнего.

— Снова что-то громят, — вздохнула, поймав взгляд синих-синих глаз. Кто-то называл их страшными, темными, способными с ходу насмерть заморозить, а для меня в них всегда только нежность и любовь светились.

— Пускай, — лениво ответил муж и повернулся на бок, прижав меня к себе. — Зря я для них столько всего наморозил?

Вот уж да, богатств в нашем дворце хватало. Ярка каждый раз, в гостях побывав, за сердце хваталась, когда очередной ледяной красоты не досчитывалась. Не всякий маг расколотил бы, а эти громили на раз. Причем у них вечно случайно выходило, даром, что огненные. Двое мальчишек, и оба волчата. Если уж вцепились в добычу, так не отобрать, и всегда именно то нужнее, что у брата в руках.

Вздохнула и закрыла глаза, за окном только светать начинало. Примостилась поудобнее, прижалась щекой к груди... Гроыхнуло так, что с потолка разноцветные льдинки посыпались.

— Дочка проснулась, — хмыкнул Бренн мне в волосы.

Снежная моя кроха, которой я радовалась, надеясь, что вот она — мамина отдушина, милая ласковая кошечка, пусть и с даром отца, росла такой, что братьям до нее было далеко. Вот и теперь явно в потасовку вмешалась. А когда ее сила с силой братьев сталкивалась, уже ничего не оставалось, чтобы крушить.

— Разнесут весь дворец, — пробормотала, прижавшись еще крепче и довольно жмурясь оттого, что ладонь мужа ласково поглаживала по шее, спине, спускаясь к пояснице...

— Матушка их однажды мимоходом крепость и замок ледяной снесла, вот по стопам и пошли.

Я тут же попыталась вывернуться из крепких рук, но лишь впустую весь запал истратила. Они были единственными, от которых убежать не выходило, а по большей части — не очень хотелось, разве только притворства и игры ради. А больше никто одолеть и поймать не мог. Далеко в прошлом остались времена, когда я не могла силой владеть, теперь я с ней настолько свыклась и так легко она отзывалась, что Яр каждый раз при встрече зазывал меня на южную сторону вернуться.

— Нет совести у твоего бога, — говорил он мне, — я собственной силой наделил, а он тебя нагло увел и назад возвращать не думает.

— На что я тебе там? — отвечала в таких случаях. — Мир сейчас, благоденствие кругом, граница лишь для того служит, чтобы через нее чародеи и маги друг к другу в гости ходили. А заберешь меня — и толку?

— Забрать еще умудриться надо, — хмыкал Яр, — а коли преуспею, то на Северных землях точно вечная зима наступит. — И махал рукой напоследок. — Живите, как хотите. Если понадобится, я твой век еще не раз продлю, а то Бренн обещал, что следом уйдет, и тогда дар Стуже вернется. Мне же пока так проще.

А после он снова отправлялся исследовать не только наш, но и новые миры. На Южных землях Зорий от его имени правил, но при нем советник состоял — Акила, и зная наставника, можно было точно сказать, нелегко правителю южной стороны приходилось.

— Вот сорванцы! — долетел звонкий голос.

Снежку мою, когда возмущалась, на далеком расстоянии услышать можно было. Она не в нашем доме, конечно, жила, а в крепости, которая вовсе неподалеку располагалась, если по зачарованной тропинке пройти, но каждое утро исправно заглядывала к нам с племянниками повозиться и мне рассказать, что нового в снежной магии изучила. В тот день, когда Бренн ее от чар Стужи освободил, он моей Снежинке дар преподнес, и счастьем ребенка предела не было. После всего снежный бог еще наставника подобрал, самого подходящего. Ведь и правда, кого лучше Севрена отыскать можно было?

Только в последнее время начала я замечать, что подросшая моя Снежа на наставника иначе глядеть стала, тогда пришлось к ним обоим присмотреться внимательно, и так бы, наверное, еще долгое время приглядывалась, кабы Бренн не поймал однажды.

— Странно рыська моя на ледяного лорда посматривает. Не зря он мне недавно намекнул, что боится, как бы ты его к ужину не зажарила.

Я фыркнула. Как же, стану еще песцов снежных отлавливать и на вертеле жарить, но сомнениями с мужем поделилась. А он ни капли не встревожился, ответил, что чем плохо самому для себя невесту вырастить да воспитать. «Будет у него жена, о которой мечтал», — добавил северный бог.

Вот ведь одарил так одарил мою Снежку, что тут сказать. И не ее одну. Сколько времени Белонег с мужем о ребенке мечтали, божьего благословения только недоставало. Вот и благословил. Теперь их двое с нашими тремя резвились.

— Еще подрастут немного, и к Акиле отправим, пускай воспитывает. Зря, что ли, дедом назвался, — пробормотал Бренн, когда в ответ на возмущение Снежки что-то снова зазвенело и посыпалось.

Я улыбнулась, но промолчала. Отправит он, как же. Будто не знаю, как в детях души не чаёт, ни дня без них провести не может. Скорее лично возьмется будущих чародеев растить. Хотя в таком случае мне сыновей жалко, у самой еще в памяти крепко, как мой дар на свет белый выманивал. Зато сейчас хорошо. Никто спозаранку в поле не гоняет, даже если и заставляет каждый день тренироваться, чтобы не забывалось, все равно с прежней наукой не сравнить.

— Ты бы еще Сизара возвратил с южной стороны. Мне Ярмила жаловалась, что чародейки между собой из-за посла снежного перессорились. Покоя во дворце Зория нет, чародей сам злющий ходит. Ярке в ее положении волноваться нельзя, ей внимание мужа требуется, а у него времени на жену почти не остается, все склоки женские разбирает.

— Что он за правитель, если князя приструнить не может? Пускай учится.

— Ну, пускай. — Я вздохнула, в целом вполне с ним согласная. А Ярка хоть и жаловалась, но вряд ли сильно страдала. Она за кузена вышла, конечно, как обе их семьи изначально желали, но старые привычки остались. Позлить да раззадорить, чтобы веселее жилось. И, думаю, не скучали. К ним в Южные земли уже немало наших перебралось, кто интереса ради, кто насовсем. Северина в их числе была. Ушла из крепости, когда Войд женился. Слышала я, нашла она свое счастье на той стороне.

— Вставать пора, — потянулась, прогнулась в пояснице и ноготками по напрягшимся мышцам мужа прошла. Пощарапала легонько, за ухо куснула и захохотала, когда поймал ладони и завел над головой, щекоча шею. И только этот смех тихим вздохом сменился, как по ту сторону двери слышались топот, возня и громкий шепот:

— Правду говорю, что слышала. Проснулись они!

Эпилог

Мне всегда нравилось наблюдать, когда в крепость приходили учениками проситься. По себе знала, как непросто путь сюда отыскать, а уж чтобы принятым оказаться, это вдвойне тяжелей. Наблюдать с крыльца не мешали даже головы впереди стоящих, потому как я на перекладину забралась и выглядывала там, в центре, еще одного отчаянного. Он уже сквозь ворота прошел и теперь стоял гордо перед ледяным хозяином, ниже того на полголовы, но при том головы не склоняя.

Сперва мне просто интересно было глядеть, а после подобралось все в душе, и я сама вытянулась вперед, приметив наконец рыжие волосы.

Чародей! Да неужто?!

— И что же ты желаешь? — спросил у него над всеми снежными землями хозяин.

— Магии желаю в ледяной крепости обучаться, — заявил лихой этот парень.

Отсюда я Бренна видела плохо, но точно знала, что усмехается сейчас и оценивает наглеца. Божеству и минуты достанет...

А чародей и этой минуты не выдержал.

— Говорят, ты одну неплохо обучил.

— Правду говорят. — Лорд вскинул голову, глаза блеснули насмешливо. Даже сквозь такое расстояние опалил взгляд, поманил и к себе потянул.

Соскочила с крыльца, приземлилась мягко на землю и пошла вперед, а люди проход открыли. С уважением нынче на меня глядели да и расступались по собственной воле, но не из боязни вовсе.

Вышла в центр, голову склонила.

— Видеть хотел, войд?

Он улыбнулся, как обычно мне улыбался. Тихо, светло, льдистый взгляд теплом укутывал. Проносились перед взором объятые рыхлым мягким снегом поля, точно под пушистым одеялом. Грело оно укрытую под ним землю. А мой огонь тек по венам, приливал к голове, в горле сердце билось от каждого такого взгляда. Говорят, людям рядом с нами нелегко приходилось. Божественные сущности как-никак. Снежка даже пояснила однажды, когда я поинтересовалась: «Отчего нелегко?»

— Вот вы просто смотрите друг на друга, но если между вами окажешься, то с одной стороны опалит, с другой холодом окатит, а ты в центре, на перехлестье стихий. И дышать тяжело.

Вот и сейчас... С трудом взгляд отвела, посмотрела на вихрастого этого. Лицо веснушками усыпано, никак солнце чародейское расщедрилось, еще и силой наделило неплохо. Глаза дерзко глядят. Оценивают чародейку, о которой по ту сторону Зимнелетки уже легенды ходили. Взгляд его говорил: «Вот ты какая», — а сморщенный нос и складки насмешливые возле растянувшихся от уха до уха губ добавляли: «А ростом и вовсе не вышла».

— Принимай, Весна, — прозвучал голос северного бога, — ученик к тебе явился.

Я, конечно, давно с ледяным нашим владыкой знакома, однако дар у него такой от рождения — людей и всех прочих волшебников в ступор вгонять. Вот как скажет, как сделает, так и стоишь потом, молчишь. Хорошо, я тому научилась, что не надо широко рот раскрывать и глаза округлять. С Бренном только молча и только с непроницаемым лицом все выслушивать, а иначе начнет народ кругом, как сейчас, подхихикивать, потешаясь над видом чародейским. А парень и правда решил, будто главные испытания прошел? Явно не на ту тропу в зачарованном лесу ступил.

Уши малиновые стали, лицо вытянулось, побледнело, даже веснушки задор потеряли, потухли, ну и рот раскрылся, куда ж без этого.

— Почему к ней? К тебе ведь... — пробормотал, ну а дальше замолк, потому что не придумал еще продолжения.

И я молчу. Жду.

— Ты магии в крепости ледяной обучаться решил?

— Решил. — Тот кивнул, жар малиновый потихоньку с ушей сбегал. Видимо, надежда всколыхнулась.

Зря он так. Сейчас вот целиком покраснеет.

— И сам заявил, будто чародейка здесь имеется, неплохо обученная. Так, значит, к ней в ученики и шел. А иначе что еще тебе здесь делать?

Точно. Покраснел парень. Не дурак все же, намек быстро понял.

Ну а я с первых слов сообразила, что сложно отвертеться теперь, коли этот вихрастый себя пересилит и останется решит. Не зря ведь сюда направился, никак перед всеми дружками похвастал заранее, что к северному богу в ученики напросится. А тут нате, чародейку подсунули. Теперь стоял бедный, мучился: побрести ли обратно или на наставницу согласиться, а народ кругом решения ожидал. И прям вспомнилось ясно, как много лет назад я точно так же мучительно размышляла, согласиться ли, принять ли предложенную плату.

— Пойду я, пожалуй, а то дел неуворот, — повернулась к ледяному владыке, — пока он порешает, уж вечер наступит.

— Ступай, — спокойно разрешил, а в синих глазах смешинки вспыхнули.

И уже когда развернулась, в спину донеслось: «Согласен я».

— Бренн, да как же я учить буду? — скользнула на его колени, обняла руками за шею и принялась на суровую жизнь избранницы божества жаловаться. — Не умею ведь. Куда мне с рыжим таким справиться? Ну что ты придумал?

Обхватил ладонями за талию, приподнял легко и так повернул, чтобы поверх себя устроить. После руки на стол положил, за моей спиной устроил. В общем, словил волчище и теперь разглядывал и раздумывал, поддаться заунывным моим речам или не поддаться.

Я для верности еще и голову ему на плечо склонила, глаза прикрыла, когда принялся мои кудри перебирать, вздохнула пожалобнее.

— Не рискнешь взять?

Снова вздохнула.

— Тогда скажи, чтобы обратно отправлялся, не берут его здесь. Пускай в своей стороне счастья пытается.

Не разжалобила!

Села ровно, ладони в его грудь уперла, отклонилась подальше.

— Он же шел столько, а я теперь прогоню?

— А кому его доверить хочешь? Кто за огненного возьмется?

Ну как кто? Есть же божество северное, у которого и опыт богатый имеется. Точно ведь понял, о чем я тут горько вздыхала.

— Не желаешь, не берись. Заставлять не буду. Считаешь, что не созрела для наставничества, не жалеи, отправляй обратно. Учить ведь тоже строго придется.

Вот как у него выходит? Скажет, и не найдешься с ответом, и не оттого, что сказать нечего, а просто молоть впустую языком глупо, поскольку в его словах правда.

Ну а раз не знаешь, что сказать, то можно и нахмуриться. Взгляд опустить, руки сложить на груди и мрачно рассматривать рубашку, которую сама же для него шила. С вышивкой по рукавам и вороту. Красной, бережной. Смешно, конечно, божеству обереги вышивать, но он не смеялся никогда, носил. А вот тут ниточка распустилась, надо поправить... едва пальцем не потянулась, но тут же вспомнила, что не по-моему вышло, и одернула себя.

Слышала, как хмыкнул.

После крепче ладони в столешницу упер, склонился ближе, а я мигом в сторону поглядела, так он щекой к волосам прижался. Чувствовала, как губы по волнистым прядям скользят. Тепло мигом бушевать начало, кудри искрились и переливались от его прикосновений, как и кожа на запястье до локтя и выше, по которой ладонью провел.

— Сумеешь научить, и сама собой гордиться будешь. Путь пройдешь от ученицы к наставнице. Силу так распределять научишься, чтобы другому знания свои передать. Мы только тогда и живем, Весна, когда есть кому часть себя посвятить, а когда и целиком отдать. И сила наша тем жива. А решать тебе.

Вздохнула. На этот раз не сердито, не тягостно, а печально немного. Глупо ведь обижаться и надеяться, что на себя этот труд возьмет, когда он во многом прав, когда снова для меня старается. И всегда ведь так продумывает, что хоть понимаю, ничего для меня не пожалеет, любое желание исполнит, а все представляется, будто ему виднее. Точно знаешь — вот он, мужчина твой, который тобой надышаться не может, как и ты им, а играть на этих чувствах не выходит. Он словно каждую ситуацию со всех сторон видит. Так и сейчас...

— Возьмусь. Только после головой не качай и не смотри на меня словно на изуверку какую. Я даже начать с чего не знаю. Придется на ученике бедном тренироваться.

— Севрен тоже когда-то заявлял, будто понятия не имеет, как снежных девчонок магии обучать, но ведь справился в итоге.

— Справился он! Сестру мою влюбил в себя, вот она и старалась изо всех сил. А мне как быть?

— А ты уважать заставь, — улыбнулся. И поймал лицо ладонями, погладил ласково. — Начни, а дальше сама поймешь.

Поцеловать я вперед потянулась. Какой смысл с собой бороться, коли сдаваться всегда слаще.

Курам на смех такие тренировки. Я выдохлась уже подбирать для чародея самые подходящие задания. Он хоть и много знал, но как-то иначе. Непривычно было, и я все опасалась навредить, вот и выходило у нас то вкривь, то вкось.

Совсем уж собралась примоститься на поваленное дерево, разглядывая растянувшегося в траве чародея, когда тихий смешок расслышала. Голову вскинула как раз вовремя, чтобы заметить, как копошатся в листве, устроившись на широкой ветке, два сорванца. Толкают друг дружку и пытаются не слишком громко над родной матерью потешаться, чтобы она не заметила ненароком. Да только плохо у них выходило.

Я рот раскрыла высказать все да пригрозить, когда сердце ухнуло в пятки, а эти двое сверзились с дерева. Руки протянула, а их уж в снежный сугроб приземлило. Истаял секунду спустя, ведь какие летом сугробы, но мальчишек падение славно смягчил. Мне оставалось подняться, кулаки в бока упереть да наблюдать, как эти двое улепетывают прочь, пятками сверкая.

— Ну что, наставница, — раздалось ленивое из травы, в которой чародей растянулся, — скоро вся крепость соберется поглядеть, как ты ученика тренируешь? Вот так развлечение для людей, лучше не придумаешь. Напрасно я все ж похвастал, будто такое обучение в Северной стороне приму, какое им всем и не снилось.

Я еще ответить на чародейскую молодецкую обиду не успела, как из-за дерева высунулась кудрявая голова.

— А лучше мамы тебя никто не научит, она у нас ух! Понял, да? Мальчишки вечно у папы ноют, а тебе повезло, не плачешь даже. А дядя Севрен вовсе сказал, что если на маму не так взглянешь, тебя папа в снежный ком закатает.

Тут я руками всплеснула, а дочка мигом прыгнула прочь к братьям вдогонку.

— Ты уж определись, наставница, то ли детей воспитывать, то ли меня учить. А то, может, и времени нет толком стараться? Хлеб испечь нужно, дитяткам зады подтереть?

Поглядите только! Я для него стараюсь, а он еще и зубоскалит? Ну, сам напросился.

— Нечего подтирать, кроме соплей твоих. Распустил вовсю, а еще явился на чужую сторону учиться. Как есть мальчишка.

Хлестнула его словами, да так, что побледнел и мигом сел на земле, зло глядя на меня. Прав, конечно, был Бренн. Не стоит жалеть, не нужно беспокоиться о том, что лучше бы ученику пообвыкнуть сперва, рассуждая, будто все здесь чужое для него и непривычное, а после только нагрузку в полную силу давать. Он не за тем сюда шел. Коли умудряется на детские смешки реагировать, а силы на зубоскальство пустое тратятся, следует вспомнить, как у самой не то что на разговоры, на лишние движения мочи не оставалось.

— Поднимайся, — велела ему, — начну учить так, как сама привыкла. И если до полудня продержишься, то останешься здесь, а нет, так отправишься обратной дорогой, не возьмусь дальше обучать.

— Ха! — Он гордо поднялся и задрал повыше нос. — Легко!

Думал, разминка наша, пока я к его умениям примерялась, — это все, что на уроке ждало? Ошибся чародей, и сам быстро осознал, как ошибся. Только упрямым оказался, выстоял до полудня, а после только свалился.

Отправила ученика переходом в новое его жилище и присела устало на поваленное дерево. Не знаю, заставила ли себя уважать, но худое слово теперь вряд ли скажет. Он напоследок совсем невнятно изъясняться стал. Может, перестаралась с наукой?

Подуло северным ветром, обняло за плечи, и когда прикрыла глаза, по рукам скользнули широкие ладони. Шагнул из снежного мерцания северный бог, устроился со мной рядом.

— Удался урок?

— Ученика моего спроси, — вздохнула.

— Научишь, — спокойно ответил Бренн. — Упрямый мальчишка, из такого выйдет толк.

— Наблюдал? — взглянула искоса.

Улыбнулся.

— Присматривал. Но ты лучше справилась, чем я сумел бы.

Фыркнула недоверчиво.

— Потому что у нас с ним магия едина, а ты все-таки снежный?

— И это тоже.

Обнял за плечо, прижал к себе крепко. Я и голову повернула, навстречу твердым губам потянулась, ждала уже, как поцелует жарко и сладко, а тут из-за кустов выскочили два взъерошенных волчонка и одна снежная кошечка. Прыгнули на нас и едва с бревна не свалили.

Так и знала, что сперва недалеко ушли, а после быстро вернулись.

Бренн подхватил сыновей на руки, поднялся и устроил их на широких плечах, а я малышку в объятиях пригрела, взлохматила кудрявую макушку. И, взявшись за локоть смеющегося мужа, пошла рядом с ним сквозь высокие солнечные колосья, налившиеся, светящиеся ярким теплым солнцем, улыбаясь и слушая, как заливаются смехом дети, пытаюсь поймать кружившие в воздухе снежинки.

Примечания

1

Здесь и далее стихи Марьяны Суриковой.

Войд — предводитель, человек, обладающий авторитетом и влиянием.

Пазори — северное сияние.

Кнез — князь.